

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Litera



AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 02-12-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 02-12-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.



Содержание

Власова Ю.Е., Вавичкина Т.А. Архетип "древа жизни" на примере повести Аль-Язии Халифы "Дерево манго"	1
Мруг К.В. К вопросу определения понятий имиджевого и пиар-текстов в современном медиапространстве	10
Байгазанова Р.Т. Ситуативная модель буллинга в бизнес-коммуникации	17
Анохина Ю.Ю. Лирика А.А. Фета в интерпретации Вл. Соловьева: к вопросу о методологии	32
Расторгуева Н.Е., Панина Я.О., Орехова Е.О. Специфика медийного освещения антиправительственных протестов на Кубе (2021)	46
Ласточкина Е.Г. Лексические омонимы в марийском языке.	55
Дин Л., Лысякова М.В. Русские и китайские фразеологизмы религиозной тематики с компонентами-числительными два и три	62
Беляева Т.Н. Идеальный мир трилогии марийского писателя Н. Лекайна «Кӱртньӧ вий» («Железная воля»), «Кугу сарын тулыштыжо» («В огне великой войны») и «Кугезе мланде» («Земля предков»)	71
Куркина Н.В., Меньщикова М.К. Типология готических новелл Джозефа Шеридана Ле Фаню	82
Павлов Д.Н. Структура и функции сказочного медианарратива социальной сети Instagram (на примере мотивирующего контента)	91
Чай Л. Общие вопросы изучения русской женской прозы в Китае	102
Зарипова Д.А., Лукашевич Н.В. Автоматизированное создание семантически размеченного корпуса словосочетаний	113
Кудрявцева Р.А. «Шеклянурский текст» в романе Йывана Осмина «Между небом и землёй»	126
Сапрыкина О.А., Школьников О.Ю. Жанры старопровансальской поэзии в творчестве итальянских трубадуров: рецепция и интерпретация	146
Земсков М.Д. Роль технологий в современной спортивной журналистике США	154
Машаев М.С., Базанова А.Е. Использование невербального способа передачи информации в жанре видеозессе	161
Винья-Тальянти Я., Сидорова Е.Н. «Видимость» переводчика: Э. Тедза и его перевод «Гробовщика» А. С. Пушкина	174
Бободжанова Л.К., Соснина М.Н. Европейская сказочная литература: диахронический аспект	185
Сидорова Е.Н., Попова Л.Г. Лексикографическая репрезентация понятийного компонента концепта «gardening»	206
Чжан М. Русские фразеологизмы с концептом «Родина» во фразеологических словарях	214
У С. Образ «новой женщины» в романе И. С. Тургенева «Новь» и в рассказе Лу Синя «Скорбь по ушедшей»	221

Алексеева А.С. Сисиниева легенда в Codex Sturdzanus: текст и язык	228
Куликов Е.А. Урбанистические феномены как «места памяти» в романе Теджу Коула «Открытый город»	238
Языкова Ю. Лексико-стилистические особенности выражения возмущения в литературном произведении и его экранизации: сопоставительный анализ	250
Бавула Ю.И. Потенциал глаголов мышления в реализации модального значения желательности, возможности в медиадискурсе	258
Англоязычные метаданные	268

Contents

Vlasova Y.E., Vavichkina T.A. Khalifa Al-Yazia's "The mango tree": tree of life archetype	1
Mrug K.V. On the issue of defining the concepts of image and PR texts in the modern media space	10
Baigazanova R. Situational model of bullying in business communication	17
Anokhina Y.Y. A.A. Fet's Lyrics in the Interpretation of V. Solovyov: on the question of methodology	32
Rastorgueva N., Panina Y., Orekhova E. Specifics of media coverage of anti-government protests in Cuba (2021)	46
Lastochkina E.G. Lexical homonyms in the Mari language.	55
Ding L., Lysyakova M.V. Russian and Chinese phraseology of religious themes with numeric components two and three	62
Belyaeva T.N. The ideological world of the trilogy of the Mari writer N. Lekain «Iron Will», «In the Fire of the Great War», «Land of the Ancestors»	71
Kurkina N.V., Men'shchikova M.K. Typology of Gothic novels by Joseph Sheridan Le Fanu	82
Pavlov D.N. Structure and functions of the fabulous media narrative of the Instagram social network (using motivating content as an example)	91
Chai L. Reflections on Chinese studies of Russian women's prose	102
Zaripova D.A., Lukashevich N.V. Automatic Generation of Semantically Annotated Collocation Corpus	113
Kudryavtseva R.A. "Sheklyanur text" in the novel by Yivan Osmin "Between Heaven and Earth"	126
Saprykina O.A., Shkolnikova O.Y. Genres of Old Provençal poetry in the Works of Italian Troubadours: Reception and Interpretation	146
Zemskov M.D. The role of technology in United States' modern sports journalism	154
Mashaev M.S., Bazanova A.E. Using a non-verbal way of transmitting information in the genre of video essay	161
Vigna-Taglianti J., Sidorova E.N. Translator's "Visibility": E. Teza and His Translation of Pushkin's "The Undertaker"	174
Bobodzhanova L., Sosnina M.N. Diachronic Overview of European Classic Fairy-Tale Evolution	185
Sidorova E.N., Popova L.G. The concept of "gardening": lexicographic representation of its notional component	206
Zhang M. Russian phraseological units with the concept of "Homeland" in phraseological dictionaries	214
Wu X. The image of a "new woman" in the novel "Virgin Soil" by I. S. Turgenev and in the short story "Mourning the Dead" by Lu Xun	221
Alekseeva A. The Sisinnios' Legend in Codex Sturdzanus: the Text and the Language	228
Kulikov E.A. Urban phenomena as "sites of memory" in "Open City" by Teju Cole	238

Jazokova J. Lexico-stylistic features of the expression of indignation in a fiction and its film version: comparative analysis	250
Bavula Y.I. The potential of verbs of thinking in the implementation of the modal meaning of desirability, possibility in media discourse	258
Metadata in english	268

Litera

Правильная ссылка на статью:

Власова Ю.Е., Вавичкина Т.А. — Архетип "древа жизни" на примере повести Аль-Язии Халифы "Дерево манго" // Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.68877 EDN: ALWHCT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68877

Архетип "древа жизни" на примере повести Аль-Язии Халифы "Дерево манго"

Власова Юлия Евгеньевна

ORCID: 0000-0003-4311-3403

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, оф. 502

✉ vlasova-yue@rudn.ru



Вавичкина Татьяна Анатольевна

ORCID: 0000-0003-3474-5820

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, оф. 502

✉ vavichkina-ta@rudn.ru



[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.68877

EDN:

ALWHCT

Дата направления статьи в редакцию:

01-11-2023

Дата публикации:

08-11-2023

Аннотация: Предметом исследования является образ мирового дерева, созданный пером

молодой писательницы из Объединенных Арабских Эмиратов Аль-Язии Халифы «Дерево манго» (2021). Авторы интересуются, как интерпретируется этот символ. На примере арабской семьи художница рисует картину тихой и размеренной жизни арабов в провинции аль-Айн. Глазами маленькой девочки описывается один знойный день, проведенный в доме любимой бабушки, во дворе которого растет великолепное манго. Рисуются быт эмиратской семьи между работой, молитвой и едой. Несколько поколений выросли в этом доме, соблюдая простые мусульманские обычаи и спасаясь от жары в тени вечнозеленого дерева. Играя с друзьями в незатейливые игры, подражая взрослым, кроха учится жить простой жизнью, оставаясь в согласии с окружающими. Используемые методы исторического и системного анализа позволяют доказать, что дерево манго является символом непрерывности цикла жизни. Посаженная в землю косточка становится ростком надежды на светлое будущее и веры в незыблемость традиционного семейного уклада. Стрекошущие на дереве цикады – это воплощение стихии воздуха. Рыбы, которых едят за обедом члены семьи, символизируют воду. А кошки во дворе олицетворяют собой огонь. В игре героиня укрощает четыре природные стихии, побеждая свои страхи. Делается вывод, что благодаря ароматному и сочному «королю фруктов» создается атмосфера комфорта, достатка и гармонии, в которой выросло несколько поколений семьи. Следовательно, маленькая девочка и ее старшие сестры не оторвутся от родных корней и повторят размеренный уклад жизни своих родителей. Представляется важным открытие для читателей имени Аль-Язии Халифы, а вместе с ней патриархальной культуры жителей Ближнего Востока.

Ключевые слова:

Аль-Язия Халифа, арабская литература, литература ОАЭ, детская литература, семейные ценности, символизм, архетип дерева, древо жизни, четыре стихии, дерево манго

Молодая эмиратская писательница аль-Язия Халифа в 2013 году закончила Кингстонский университет в Лондоне по специальности Коммуникации в сфере культуры. С 2015 года Халифа возглавляет Ассоциацию по защите авторских прав ОАЭ. Помимо этого, она автор книг для детей «Когда воздух размышляет» (2016), «Дерево манго» (2017) и «Кит в кондиционере» (2018). Небольшая повесть под названием «شيرة الهمبا», что в дословном переводе обозначает «сироп из манго», была замечена в арабоязычном мире и за его пределами [\[1\]](#). Арабист Вячеслав Елисеев перевел на русский язык книгу, назвав «Дерево манго» [\[2\]](#), таким образом сместив акцент с внутреннего содержания тропического плода на внешние свойства вечнозеленого дерева, расширив символический ряд. В сентябре 2021 года на презентации русского издания повести автор Аль-Язия Халифа сказала, что ее «книга переносит воображение читателя в арабскую деревню двадцатого века, где живет обычная арабская семья: бабушка, мама и дочери» [\[3\]](#).

Биологический словарь дает определение манго (*mangifera*) как вечнозеленого дерева высотой 10–15 метров с цельными листьями. Родина манго Индия, откуда он был распространен в страны Юго-Восточной и Юго-Западной Азии, а также культивируется в тропических регионах Африки и Южной Америки [\[4, с. 339\]](#). Словарь иностранных слов добавляет, что слово «манго» – малайского происхождения. Это дерево семейства сумачовых, чьи ароматные плоды используют в пищу в свежем или соленом виде [\[5, с. 299\]](#). Слово «манго» в переводе с санскрита обозначает «великий фрукт». Об этом

растении сложено много легенд и сказок у разных народов. В индийской мифологии, например, считается, что богиня Кама наделила плод любовью, бог солнца Сурья распространил дерево манго по земле, вселив в него духовность. А бог Шива подарил сочный манго своей возлюбленной. В Индии, Пакистане, Малайзии его называют «королем фруктов» [\[6, с. 354\]](#).

Согласно арабскому преданию, на Аравийский полуостров в десятом веке нашей эры плод манго в качестве подарка жениху султану Фалаху ибн Мухсину ан-Набхани привезла индийская принцесса. Косточку посадили в землю, из нее выросло дерево, которое прижилось и размножилось. Поэтому арабы воспринимают манго как королевский дар, наделяя дерево и его плоды магическими свойствами.

Большие душистые, кисловато-сладкие плоды собирают в тропиках и субтропиках. На Ближнем Востоке манго выращивают в Омане, ОАЭ, Йемене, Саудовской Аравии и в Палестине. В Африке плантации манговых деревьев есть в Египте и Судане. Жители Персидского залива называют манго «анба», «хамба» или «лямба». В конце двадцатого века ботаники обнаружили, что некоторые манговые рощи были поражены грибковым заболеванием, которое уничтожило большую их часть. Это событие потребовало глубокого изучения и поиска решений. В 2006 году покойный султан Омана Кабус бен Саид организовал проект по изучению, сохранению и культивации манговых деревьев. За десять лет были собраны данные о видах и сортах манго, произрастающих не только на Аравийском полуострове, но и в других странах мира. В результате работы интернациональной команды биологов была написана пятитомная «Энциклопедия манговых деревьев», изданная на четырех языках [\[6\]](#). В частности, в первом из пяти томов рассказывается о выращивании манго на юге Аравийского полуострова. Книга содержит историю манго, его географическое распространение, методы выращивания и производства, их экономическое значение, там можно найти описание арабских и других сортов, а также исследование их генетического разнообразия. Этот проект стал одним из успешных примеров международного сотрудничества по сохранению данного растения. Сегодня 900 сортов манго выращивают в 65 странах мира.

На родине писательницы манговые плантации расположены на юге эмирата Абу Даби в провинции Аль-Айн на границе с Оманом, где происходит действие повести. Оазис Аль-Айн (то есть «источник») славится плантациями плодовых деревьев [\[7, с. 80\]](#). В произведении Аль-Язии Халифы вечнозеленое дерево манго растет во дворе скромного дома, где счастливо проживают три поколения семьи. Глава и старейшина рода бабушка присматривает за хозяйством в то время, как ее дочь работает в офисе. Молодое поколение – это четыре внуки: студентка Шейха, школьницы Мира и Майса и малышка, от лица которой ведется повествование. Им помогают по хозяйству филиппинка Суреида, слуга Гулям, работник Абдурахман. Люди живут в мире и согласии. Семья дружит с соседкой Фатимой бинт Султан и дядей Сейфом. Нужно добавить, что повествование ведется от лица маленькой девочки, поэтому ее имя не упоминается. Жители деревни ходят в гости друг к другу и дарят подарки, среди которых конфеты, финики и самые большие и спелые плоды манго.

По мнению Д. Э. Лукашенко, мусульманская семья — это «религиозно одобряемая микросоциальная система, рассматриваемая как одна из лучших форм служения Аллаху, социокультурная миссия которой заключается в рождении потомства, увеличении уммы и воспитании правоверных мусульман» [\[8, с. 306\]](#). Не вызывает сомнения, что жизнь в таком обществе строится на почитании Священного Корана и следовании законам Шариата.

Идиллическую картину жизни арабской провинции дополняют приятные запахи. Родная бабушка пахнет амброй и шафраном. В ее дом пропитан ароматом кофе. Подарок бабушке манго, подобранное у дяди Сейфа, благоухает. Кухня, где стряпает Суреида, аппетитно пахнет готовой едой. Из курительницы, расположенной в гостиной зале, струится тонкий аромат ладана и других благовоний. Особое место в коллекции занимал запах «вкусного часа», долгожданного обеда, состоящего из семи традиционных блюд. Во время обеда в обстановке уважения и доверия семья может не только подкрепиться, но и выслушать друг друга, обсудить общие дела, приняв во внимание мнение каждого. Поэтому совместная трапеза – важная церемония в арабском обществе.

Автор описывает один будний день жизни арабской семьи, увиденный глазами маленькой девочки, чей мир ограничен рамками деревни. Вместе с малышкой и ее друзьями Фаттумой, Хамду, Муззу, Аффари бинт Саид ранним утром читатель лазит по лимонным деревьям, борется с бакланом. А когда солнце начинает сильно припекать, возвращается домой, где катается на трехколесном велосипеде, играет в «лего». Шесть коротких глав повести – это шесть часов, в течение которых героиня не сидит на месте. Она бежит, ползает, постигает тайны нарезки манго, создает новый сценарий игры, воображает себя кошечкой, ищет леденцы, кормит животных и сражается с цикадами. Малышка испытывает разнообразные яркие чувства от страха и ярости до восторга и блаженства. Когда бабушка разделявала, а внучка смаковала королевский подарок: «Я переживала самые чудесные моменты, представляя, что в руках манговое мороженое» [\[2, с. 18\]](#).

Чему учит бабушка внучку? Мудрая женщина показывает ей, как разрезать манго разными способами, как его правильное съесть, чтобы не испачкать лицо, руки и одежду липким соком. Шейха напоминает, когда совершать омовение, как делать поклоны во время молитвы. Наконец, за обедом хозяйка дома спасает девочку, вынимая застрявшую в ее горле рыбную косточку с помощью мякоти финика. Старушка берет косточку съеденного манго, говоря по-доброму: «Посади свое дерево. Когда ты станешь взрослой, будешь сидеть под этим манго, как эта кошечка» [\[2, с. 63\]](#).

В наше время арабские женщины играют роль не только заботливых матерей, они принимают участие в управлении семейными делами, как это делает бабушка героини. Также современные женщины на Ближнем Востоке получили право на образование и работу. Поэтому не вызывает удивления, что мать девочек работает, а старшая сестра учится в университете Аль-Айн. Согласимся с утверждением В. В. Красных, что «глобализация влияет на арабский дискурс семьи, вызывая изменения в традиционных ролях, отношениях и поведении в семье» [\[9, с. 12\]](#).

Что значит дерево для жителей полупустынь и тропиков? Это источник прохлады. Плодородное дерево помимо долгожданной тени дает пищу. Поэтому к плодовым деревьям у людей всегда было особое трепетное отношение. Их почитали, поливали, оберегали.

Чтобы лучше понять смысл произведения, необходимо разглядеть скрытые стороны мирового древа, а для этого актуализировать символические значения архетипа дерева. Родоначальник термина «архетип» Карл Густав Юнг писал, что архетип – древний символ. Подобный знак оказывает глубокое влияние на человеческую натуру. Он скрыт в коллективном бессознательном, общем для людей нашей планеты. Преломляя архетип через стиль жизни и картину мира, народ рождает наиболее свойственные его духу образы и идеалы. «В этнокультурных архетипах представлен исторический и

социокультурный опыт народа и его духовные ориентации» [\[10, с. 36\]](#).

Под архетипами в литературоведении принято понимать универсальные распространенные сюжеты, отраженные в литературе, в частности, представления о «мировом древе» [\[11, с. 39\]](#). Говоря о происхождении литературно-мифологических архетипов, вслед за Е. М. Мелетинским повторим, что человеческая личность контактирует с социальной средой, взаимодействует с различными природными стихиями, «имея задачу практического овладения миром» [\[12, с. 14\]](#).

Что касается интерпретации термина «мировое древо», то под ним подразумевается «универсальный символ, объединяющий все сферы мироздания» [\[13, с. 666\]](#). Его крона – это небеса, ствол – земля, корни – загробный мир. Души предков обитают на мировом древе, также оно олицетворяет собой древо жизни. Вечнозеленое манго – символ вечной жизни рода. По мнению литературоведа В. Н. Варламовой тексты Ветхого Завета обновляют традицию, когда дерево становится «центральным образом-символом модели мира» [\[14, с. 258\]](#). Добавим, что корни мифа о мировом древе лежат еще глубже, а именно в истории цивилизаций Месопотамии, Древней Индии и Древнего Египта.

Заметим, что плод манго похож на человеческое сердце и связан с положительной коннотацией. В сказках народов Востока встречаются сюжеты, где дерево манго помогает путникам, спасая их в своей кроне, оно кормит и дает полезные советы. Можно провести параллель с яблоней из русской народной сказки «Гуси-лебеди».

Требует особого упоминания ритуал поедания манго. Ему посвящено несколько абзацев, что существенно для небольшой повести. Смакуя зрелый плод ароматного манго, героиня испытывает высшее наслаждение: «Нос погрузился в манго. Язык начал пробовать первым. Челюсти мешали откусить кусочек первым. Моим зубам ничего не оставалось, как послушаться – и погрузиться в сок манго, огромными потоками вырывающийся наружу, сбегая по шее и рукам. Я не обращала внимания на это, не желая испортить себе удовольствие!» [\[2, с. 13\]](#). Неслучайно арабский оригинал называется в дословном переводе «сироп манго». Сладкий сок манго, утоляющий жажду в жару, обладает массой положительных свойств. Он повышает иммунитет, улучшает свертываемость крови и дарит хорошее настроение.

Для маленькой героини манго – древо познания. В его ветвях живут цикады, которых девочка боится. Цикада – символ ветра, несущего с собой изменения и превращения. Нельзя убивать цикаду, иначе она налетит на тебя непогоду, бурю или муссон. Поэтому малышка поливает дерево из шланга, отпугивая насекомых и смывая со ствола, веток и листья их чешуйки и крылышки, очищая родовое древо от чужеродных существ.

Играя, она использует дерево в качестве лестницы, чтобы найти спрятанные леденцы. Мировое древо связывает основные пространственно-временные координаты. По мнению филолога В. Н. Топорова, с помощью образа «мирового древа» или «космического древа» и чередующихся с ним в разных исторических традициях «аллообразов» («мировая ось», «трон», «лестница» и проч.) стало возможным соединить различные семантические противопоставления, установив между ними тождества, и таким образом «создать универсальный знаковый комплекс» [\[15, с. 211\]](#).

Тема «мирового древа» встречалась в шумеро-аккадских мифах, достаточно вспомнить миф о боге мудрости Энки и дереве киншкану (тутовнике) или миф о богине Иннанае и дереве хулуппу (иве) [\[16, с. 212\]](#). На примере книги «Дерево манго» можно судить, что эта

тема остается популярной в литературе стран Персидского Залива.

По ходу повести арабская девочка прячется в кроне дерева (символ мирового трона-пристанища), чтобы понаблюдать за сражением между кошкой, кормящей своих детей и котом, который пытается отнять у них куски рыбы. Героиня любит домашних животных и пытается подражать их повадкам. Детское воображение превращает девочку в кошку, которая плавно двигается, шевелит ушами, говорит по-кошачьи. Востоковед И. Сенченко пишет об отношении арабов к кошкам: «Существует легенда, согласно которой Пророк Мухаммед отрезал часть своей одежды, на которой заснул котенок, чтобы не потревожить животное. Кошкам дозволено входить в мечети» [17, с. 84]. Нужно кормить и ласкать кошку, чтобы она была доброй и мирной, иначе она разозлится и разорит дом. Не случайно в мифах народов Востока кошка, которая то дремлет, то стремительно перемещается, является воплощением стихии огня. Образ кошки, а точнее кота, живущего около дерева, несет функцию стража родового древа, охранника душ предков. Он сравним с Котом Баюном на дубе у Лукоморья. «Я побывала в твоём сне, и у тебя очень мягкая лапка» [2, с. 61], - говорит девочка кошке, перевоплощаясь в животное и покоряя и приручая огненную стихию.

С водой героиня сталкивается несколько раз. Сначала она познает очистительную суть воды, когда моет руки перед поеданием манго, а затем она сталкивается с неукротимой силой воды, совершая омовение перед молитвой, неудачно замочив полы длинного платья и панталон. В конце девочка укрощает воду, прыгнув на шланг при поливе манго. Также водную стихию олицетворяют обитатели местных водоемов рыбы бадах и нассер, которых ловят люди, чтобы накормить себя и животных. Когда девочка во время обеда давится косточкой жареной рыбы нассер, а бабушка ее спасает, малышка проходит обряд инициации, постигая тайны управления водной стихией и ее обитателями. Что касается стихии земли, то героиня набирается ума, сажая косточку манго во дворе дома. Одержав победу над воздухом (цикада), огнем (кошка), водой (рыба) и землей (косточка), девочка взрослеет. Изучая мир вокруг, имитируя поведение взрослых людей и животных, маленькая девочка, растет и познает мироустройство.

Следует добавить, что в романе оманской писательницы Джохи Аль-Харти «Небесные тела» молодой человек по имени Ахмед, выбирая невесту, говорил: «Мне нужна понимающая женщина, чтобы я был гуляющим в облаках ветром, а она деревом, пустившим корни глубоко в землю» [18, с. 239]. Это высказывание подтверждает представление об арабской женщине, как хранительнице домашнего очага.

В этом традиционном изображении роли женщины в семье видится связь поколений, привязанность арабов к своим патриархальным традициям. «Мусульманская семья как форма традиционной семьи обладает большой социокультурной устойчивостью», - так утверждают А. Ф. Поломошнов и П. А. Поломошнов [19, с. 51]. Уважение к старшим, совместное исполнение религиозных церемоний, использование при общении специальной титулатуры, а также эмоций и языка жестов делают восточную семью островком стабильности в мире политических конфликтов и экономических кризисов. В этом свете видится важным воспитание молодого поколения в рамках укоренившихся семейных ценностей. Поэтому повесть Аль-Язии Халифы «Дерево манго» является хорошим примером детской литературы.

На основе проведенного анализа можно констатировать, что дерево манго у арабов Южной Аравии представляет собой образ мирового древа или древа жизни, древа познания. Через мировое древо юный герой совершает обряд посвящения, приобщения

к мудрости предков. В культуре арабов растение манго – королевский плод, который стал символом процветания, плодородия, богатства и новой лучшей жизни.

Таким образом, можно сделать вывод, что символическое значение дерева в повести аль-Язии Халифы связано с его архетипом. Дерево манго олицетворяет собой непрерывность цикла жизни, является символом возрождения и веры в светлое будущее. «Самое чудесное чувство, как во дворе бабушки будут расти два манговых дерева, а вокруг них лимонные рощи и пальмы!» [2, с. 62]. Героиня создает своими руками райский сад, повторяя обряды своих предков. Есть надежда, что подрастающие поколения арабов будут иметь крепкие и любящие семьи, жить в «городе-саде», выращивать финики, лимоны и манго для всего мира. Повесть Аль-Язии Халифы «Дерево манго» обогатила сокровищницу арабской литературы, став настольной книгой не только для детей, но и для взрослых. На Востоке есть традиция посылать спелые плоды манго лучшим друзьям и высокопоставленным уважаемым людям. Писательница из ОАЭ подарила российским читателям тропический плод манго и научила наслаждаться его ароматом и вкусом. История жизни патриархальной арабской семьи под сенью мангового дерева открыла возможность читателям больше узнать о культуре и литературе Объединенных Арабских Эмиратов.

Библиография

1. اليازية خليفة. شجرة الهما. الفلك للترجمة والنشر. أبو ظبي، ٢٠١٧. ٦٦ ص.
Дерево манго. Издательство: Аль-Фульк Литтаржама Ваннашр. Абу Даби, 2017. 66 с.).
2. Халифа Аль-Язия. Дерево манго. М.: Эксмо, 2021. 64 с.
3. عرض كتاب "شجرة الهما" للكاتبة الإماراتية الدكتورة اليازية خليفة نشرته أكبر دار نشر روسية URL: <https://russiarab.com/archives/84880/> (дата обращения: 30.10.2023).
4. Биологический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. 864 с.
5. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1989. 624 с.
6. موسوعة أشجار المانجو(الأنبا). شؤون البلاط السلطاني بسلطنة عمان، ٢٠١٦.
деревьев манго (Аль-Анба). Т. 1. Маскат: Издательство Королевского двора Султаната Оман, 2016. 468 с.).
7. Борзенко А., Пиунов М., Осипов Д., Васин И. Арабские Эмираты и Оман. М.: Вокруг света, 2012. 317 с.
8. Лукашенко Д. Э. Лингвокультурные особенности арабского семейного дискурса // Вестник науки. №6 (63), 2023. С. 303–313.
9. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2022. 284 с.
10. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1994. 329 с.
11. Литературный словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 751 с.
12. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 136 с.
13. Мифологический словарь. М: Сов. энциклопедия, 1991. 736 с.
14. Мартыанова Л. М. Легенды и мифы о растениях. Легенды древнего Востока, языческие мифы, античные предания, библейские истории. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. 551 с.
15. Топоров В.Н. Мировое древо. Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 448 с.
16. Чмеленко Ю. Шумерские мифы от всемирного потопа и эпоса о Гильгамеше до бога

- Энки и птицы Анзуд. М.: Манн, Иванов и Фабер, 2023. 208 с.
17. Сенченко И. П. Объединенные Арабские Эмираты. Лицом к лицу с новым чудом света. СПб: Алетейя, 2012. 320 с.
18. Джох аль-Харти. Небесные тела. Перевод В. Зарытовской и Г. Калашникова. М.: Эксмо, 2020. 256 с.
19. Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А. Мусульманская семья в свете кризиса семейно-брачных отношений // Исламоведение. Т.13. №1, 2022. С. 50–62.
20. Варламова В. Н. Архетипический образ дерева в художественном тексте // Вопросы методики преподавания в вузе: ежегодный сборник. №8 (42), 2015. С. 256–260.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Архетип "древа жизни" на примере повести Аль-Язии Халифы "Дерево манго"», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к архетипам в художественной литературе, а также творчеству молодых писателей.

Автор обращается как к содержательной стороне художественного текста, так и корреляциям между рассматриваемым текстом и действительностью.

Работа посвящена исследованию одного из произведений, написанных писательница аль-Язия Халифа из Эмират, а именно, «Дерево манго».

Работа является фундаментальной, полностью отражающей заглавие и поставленные автором задачи.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Автор иллюстрирует теоретические положения языковым материалом (из переводного издания на русском языке). Отметим, что в водной части отсутствует историография изучаемого вопроса. Выводы по итогам статьи требуют усиления.

Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых представлены научные труды на русском и иностранном языках. Считаем, что обращение к большому количеству фундаментальных работ отечественных исследователей, таких как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно, обогатило бы настоящую работу.

Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в

тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов теории литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Архетип "древа жизни" на примере повести Аль-Язии Халифы "Дерево манго"» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Мруг К.В. — К вопросу определения понятий имиджевого и пиар-текстов в современном медиапространстве //

Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.68890 EDN: DMJFON URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68890

К вопросу определения понятий имиджевого и пиар-текстов в современном медиапространстве

Мруг Кристина Владимировна

соискатель, кафедра теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

117192, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, оф. 647

✉ mrug_kristina@internet.ru



[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.68890

EDN:

DMJFON

Дата направления статьи в редакцию:

03-11-2023

Дата публикации:

10-11-2023

Аннотация: Предметом рассмотрения данной статьи является имидж и деловая репутация, которые во многом определяются огромным корпусом разнообразных имиджевых и пиар-текстов, ежедневно создаваемых в рамках многочисленных средств массовой информации. Цель работы – дать дефиниции понятий имиджевого и пиар-текстов в современном медиапространстве, определить их сходства и различия посредством контент- и дискур-анализа материалов научной периодики. Общественно-политические, социальные и экономические медиатексты в российском медиапространстве имеют множество отличительных лингвистических и нелингвистических особенностей, обусловленных национальной спецификой и социальным развитием нашей страны. Репутация зачастую формируется не только имиджевыми медиатекстами, но и рядом других видов текстов, репрезентируемых в

средствах массовой информации, обладающими имиджевым потенциалом. Научная новизна исследования заключается в том, что при существующей проблеме типологизации медиатекстов, вводится гипотеза, что пиар-тексты в широком их понимании представляют собой не что иное, как подгруппу имиджевых медиатекстов, присутствующих на медиаполе основных сфер – журналистике, рекламе и пиар-деятельности. Автор приходит к выводу, что нестабильность и динамизм терминологического аппарата дает определенную «свободу» действий при подборке исследовательского материала. Значительно усложнились способы работы специалистов по имиджу и жанровая природа самих имиджевых медиатекстов. Имиджевые медиатексты можно рассматривать как журналистский текст, текст рекламы, пиар-текст.

Ключевые слова:

имидж, образ, медиатекст, пиар-текст, медиапространство, общественное мнение, типология текста, жанры, медиапотребитель, СМИ

При рассмотрении имиджа в качестве отражения того или иного реального понятия либо реального объекта можно утверждать, что к имиджевому медиатексту в его глубоком онтологическом смысле может быть отнесен любой медиатекст, поскольку в своем воспроизведении он, модифицируя реальность, наделяет это воспроизведение конкретными характеристиками, заданными целью и адресатом медиатекста.

Здесь важно понимание того, что восприятие современного медиапотребителя предрасположено признавать наиболее достоверным не конкретный прообраз, а его медиарепрезентацию, что объясняется скоростью информационных потоков, их бурным технологическим развитием.

Действительно, нет подтверждения тому, произошел ли очередной мощный выброс солнечной энергии, как пишут в СМИ, – аудитория может убеждаться в этом только из сообщений, транслируемых в медиапространстве.

Согласно утверждению исследователя Г. Г. Почепцова существуют четыре ситуации, когда мы реагируем не на реальность, а на имидж [\[1, с.43\]](#):

1. Выбирая оптимальную для себя потребительскую услугу, например, банка, авиакомпании или туристического агентства, мы опираемся на **репутационный имидж**. Как правило, мы не можем оценить поставщика услуг на основании аудиторских проверок или годовых отчетов, поэтому полагаемся на то, что читаем о нем в средствах массовой информации.
2. **Политический имидж**. Поскольку большинство избирателей не знают лично политиков, которых они выбирают, они вынуждены полагаться на тот образ, который создают его имиджмейкеры.
3. **Коммодификационный имидж** (имидж определенного товара). Потребители, которым приходится выбирать между похожими марками и названиями, исходят из чисто символической разницы между субститутами (например, напитки «Кока-Кола» и «Пепси-Кола»), которая была преднамеренно создана специалистами в области рекламы и медиа.
4. Как часть нематериальных активов компании целенаправленно формируется **имидж**

предприятия (компании). В случае продажи имидж и/или репутация компании трансформируется в стоимость, вектор которой может быть направлен как на увеличение, так и снижение.

К этому перечню могут быть отнесены и другие имиджи, такие как имидж социальной группы, нации, государства и даже имидж идеи, потому что современная медиасфера обладает огромным потенциалом, позволяющим регулярно расширять диапазон имиджей.

Все вышеупомянутое в общей сложности демонстрирует, что феномен имиджа раскрывается только в контексте функциональности потребителей информации, идей, услуг, товаров.

С учетом специфики современного общества вовлеченные в информационные потоки индивиды, находящиеся под воздействием общественного мнения, как правило, в приоритет ставят контроль своей деятельности с точки зрения ее медиарепрезентации над реальным результатом. При наличии жесткой конкуренции за общественное внимание, заключающейся в апперцепции медиатекстов, этот факт нельзя не учитывать.

Широкое признание аудиторией того или иного лица/факта/явления, усиленное рейтингами, социальными социологическими опросами, массированным тиражированием СМИ, превращается в публичный капитал с вытекающим отсюда финансово-экономическим преимуществом.

Имидж – центральное понятие имагологии, изучающей формирование, сохранение и изменение образов. Этимологически это понятие восходит к латинскому слову «*imago*» – «существую, являюсь» [\[2, с.72\]](#). Практика создания и использования образов в глазах других людей возникла очень давно. Например, Г. Г. Почепцов приводит пример того, как войска Чингисхана, прежде чем начать действовать, распускали слухи о своей жестокости, что помогало им завоевывать города.

Исследователи, изучающие имидж, также приводят в пример поведение итальянского философа Никколо Макиавелли, действующего на основании реакции людей на его слова и поступки, и корректировал свое дальнейшее поведение в необходимую ему сторону.

Понятие имиджа активно начало изучаться с начала XX столетия ведущими учеными из числа социологов, политологов, психологов. Здесь необходимо упомянуть имена А. Адлера, М. Вебера, Дж. Келли, Г. Лебона, Дж. Г. Мида, Г. Олпорта, Т. Парсонса, З. Фрейда, Э. Фромма, Р. Энтони, К. Юнга.

Английское слово «*image*» имеет как минимум пять значений [\[3, с.73\]](#): «икона», «идол (статуя)», «метафора», «образ», «подобие». Однако наиболее частотным в употреблении является «*image*» как «образ». Отечественные исследователи используют это понятие в качестве прямой кальки. Однако следует понимать, что семантика слова «имидж» отличается от семантического наполнения слова «образ». Понятие «образ» лишено прикладной функции, оно более широкое. Имидж, напротив, прицельно формируется определенной группой лиц для воздействия на другие определенные группы с целью вызвать запрограммированную реакцию. Следовательно – в отличие от образа имидж искусственно создается, детально программируется с позиции формы и распространения в медиасреде.

В художественной литературе образы формируются также синтетически, но от медиаимиджа их отличают художественно-эстетические качества, выразительность,

цельность, самостоятельность, эмоциональность и неременное наличие противоречий. Перед создателем художественного образа стоит задача не в том, чтобы «понравиться» читателю-слушателю-зрителю, а в том, чтобы у аудитории сформированный образ вызывал неизменный эмоциональный отклик.

К задаче формирующих имидж пиар-специалистов и журналистов относится представление истинного архетипа образа в его положительном аспекте и получение позитивной реакции для выгодного «сбыта» имиджа в медиапространстве.

Исследователь Д. М. Мажоров под имиджем подразумевает сознательно сконструированный образ объекта – организации, профессиональной группы, человека, товара и т. д. – который состоит из структурно связанных смыслами и эмоциями различных элементов. Этот намеренно созданный образ посредством эмоционально-психологического воздействия должен положительно восприниматься аудиторией [\[4, с.16\]](#).

Сложная структура имиджа включает в себя ряд компонентов или специфичных определений, которые дают ответы на вопросы об объекте и вызывают надлежащие ассоциации. Это так называемые имиджевые характеристики, которые с объектом имиджа должны находиться в тесной связи и нести в качестве структурных элементов конкретные значения, эмоции.

Собственно, имиджевые характеристики и становятся так называемым конструкционным материалом для имиджевых текстов, формирующих в итоге в медийном пространстве необходимый образ объекта [\[5, с.37\]](#).

Следует признать, что имиджевый (имиджеобразующий) медиатекст по ряду признаков подобен пиар-тексту, поскольку пиар-сфера подразумевает продвижение базисного субъекта – компании, мероприятия, персоны – посредством его популяризации, позиционирования и формирования общественного мнения сугубо в положительном контексте. Здесь разработка, сопровождение и поддержание имиджа осуществляется через выбранные медиаканалы [\[6, с.374\]](#).

«Под пиар-текстом мы понимаем простой или комбинированный текст, содержащий пиар-информацию, инициированный базисным субъектом пиара, функционирующий в пространстве публичных коммуникаций, служащий целям формирования или приращения публичного капитала данного базисного пиар-субъекта, адресованный определенному сегменту общественности, обладающий скрытым (или значительно реже прямым) авторством, распространяемый путем прямой рассылки, посредством личной доставки или опосредованный через СМИ» [\[7, с.52\]](#).

Исходя из базисного субъекта, подвергающегося пиару, мы определяем три признака, присущие большинству текстов связей с общественностью. Это инициированность от самого базисного субъекта, оптимизированность и избирательность.

Оптимизированность в данном ключе подразумевает использование имеющихся ресурсов с целью создания позитивного коммуникационного фона вокруг пиар-субъекта; избирательность – поиск и селекцию факторов, максимально выигрышных для последующего медиапродвижения.

К основным задачам текстов пиар-направленности относятся:

1) информирование аудитории о функционировании/активности базисного субъекта;

2) формирование максимально лояльного коммуникационного фона для деятельности базисного субъекта пиара, дающей наибольший эффект;

3) конструирование имиджа и приращение публичного капитала [\[8\]](#).

Исходя из этого, полагаем, что задачи и признаки текстов пиар-направленности могут быть отнесены также к имиджевому медиатексту.

Однако следует отметить ряд существенных отличий:

- имиджевые медиатексты не всегда способствуют созданию позитивного коммуникационного фона вокруг пиар-субъекта;
- как правило, тексты пиар-направленности представляют собой коммерческое соглашение между заказчиком текста и его автором; они характеризуются целостностью композиции, тематической и стилистической согласованностью.
- пиар-текстам несвойственны риторические вопросы, рассмотрение противоположных точек зрения, выраженная авторская позиция, открытый финал, а имиджевый медиатекст этими характеристиками обладать вполне может [\[5, с. 38\]](#).

Таким образом, полагаем, что пиар-тексты в широком их понимании представляют собой не что иное, как подгруппу имиджевых медиатекстов, присутствующих на медиополе основных сфер – журналистике, рекламе и пиар-деятельности.

Однако ряд исследователей, специализирующийся на журналистских, рекламных и пиар-текстах, в качестве жанрового определения имиджевые медиатексты рассматривает, наоборот, как подгруппу пиар-текстов. В работе Н. А. Кузьминой при классификации пиар-текстов используется именно эта точка зрения [\[6, с. 378\]](#). В свою очередь, имиджевые тексты к подгруппе пиар-текстов относит также исследователь С. С. Шляхова, аргументируя это характером подачи информации [\[9, с. 7\]](#).

Проблема типологизации сегодня актуальна не только для медиатекстов, она продолжает оставаться открытой в целом для всей лингвистики. Устоявшиеся термины трудно найти даже областях, отличающихся своей консервативностью и стабильностью [\[5, с. 38\]](#). На смысл используемых понятий влияет множество факторов – прогресс, конъюнктура, время и т. д. Более того, практика и теория не всегда совпадают: в то время как ученые предлагают и впоследствии фиксируют те или иные строгие дефиниции, то в профессиональной деятельности общение ведется на своем, отличном от нормативного языке [\[10, с. 23\]](#).

Нестабильность и динамизм терминологического аппарата дают нам некоторую свободу действий при подборке исследовательского материала. Имиджевые медиатексты можно рассматривать в узком и широком толковании: как журналистский текст, как текст рекламы и пиар-текст, в которых содержатся имиджевые атрибуты того или иного события, явления, действия. Исходя из этого, согласимся с Д. М. Мажоровым, который выделяет имиджевые тексты и несобственно-имиджевые тексты [\[11, с. 305\]](#).

В первую группу входят тексты имиджевой и социальной рекламы, а также пиар-тексты, т. е. тексты, направленные на формирование и корректировку имиджа описываемого лица, события, мероприятия. Ко второй группе относятся тексты журналистского и рекламного характера, потенциально могущие повлиять на тот или иной имидж.

Определяя имиджевые медиатексты исследователи нередко подчеркивают сложность создания положительного общественного мнения об отображаемом лице/предмете/явлении, а также то, что имиджевые медиатексты не касаются проблемных и/или кризисных ситуаций [\[12, с. 582\]](#).

Создаваемый и складывающийся в медиапространстве имидж без чьих-либо усилий не существует. Здесь интересно отметить, что при действиях большого числа имиджмейкеров нередко достигаются прямо противоположные результаты. Самый известный пример – президентские выборы в США последних лет, когда победу одерживал не фаворит президентской гонки. Аналогичные ситуации стали возникать и на выборах в других странах, как будто по единому пиар-сценарию. Часто повторяющаяся в СМИ позитивная информация о чем-либо или о ком-либо вызывает сомнения у аудитории в ее достоверности. Это можно объяснить информационным перенасыщением аудитории, однообразием используемого пиар-инструментария и, что более важно, – потерей доверия к СМИ в целом.

В этих условиях значительно усложнились способы работы специалистов по имиджу и жанровая природа имиджевых медиатекстов.

Библиография

1. Имиджелогия / Г. Почепцов. – 6-е изд., стер. – М. СмартБук, 2009. – 575 с.
2. Иванова А. Д. О понятийном аппарате современной имагологии // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 11. С. 74-78.
3. Корминина Г. М. Имидж в системе социального взаимодействия // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 2. С. 73-77.
4. Мажоров Д. А. Профессиональные PR-сообщества: формирование имиджа средствами массовой информации: автореф... дис. кан. наук. СПб., 2008. – 26 с.
5. Кудрина А. В., Базанова А. Е. Имиджевый медиатекст и пиар-текст: сходства и отличия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9-2 (75). С. 37-40.
6. Современный медиатекст: учебное пособие / отв. ред. Н.А. Кузьмина. – Омск: Полиграфический центр «Татьяна», 2011. – 414 с.
7. Кривоносов А. Д. *PR-текст* в системе публичных коммуникаций. – 2-е изд., доп. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2002. – 288 с.
8. Балахонская Л. В. *PR-текст: структура, содержание, оформление* / Л. В. Балахонская. – СПб.: Свое издательство, 2015. – 198 с.
9. Шляхова С. С. *Русский PR-текст: 100%-ное достижение результата*. Ростов н/Д: Феникс, 2009. – 416 с.
10. Иншакова Н. Г. *Рекламный и пиар-текст: основы редактирования: учебное пособие для студентов вузов*. М.: Аспект Пресс, 2014. – 256 с.
11. Мажоров Д. М. Формирование имиджа в СМИ: имиджеобразующие тексты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып. 2. Ч. II. С. 302-309.
12. Варфоломеева Ю. Н., Хантаев С. Н. Семантика имиджевого текста в медиадискурсе // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 6. С. 580-589.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «К вопросу определения понятий имиджевого и пиар-текстов в современном медиапространстве», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду важности рассмотрения особенностей медиатекстов. Как известно, в условиях развития информационного общества возможности средств массовой информации значительно увеличиваются – это не только канал информирования, но и инструмент воздействия на массовую аудиторию. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной журналистике. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основными методами явились контент-анализ, логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Неясен практический материал исследования, а именно на чем зиждется исследование, каков языковой корпус, отобранный для проведения работы? Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит сведения из истории изучения вопроса, автор не приводит основных концепций и научных направлений, что не позволяет выделить приращение научного знания, сделанное автором. Выводы по статье не в полной мере отражают проведенное исследование и требуют уточнения.

Библиография статьи насчитывает 12 источников исключительно на русском языке. Считаем, что работы зарубежных ученых обогатили бы настоящую работу. Больше количество ссылок на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно. В статье нарушен общепринятый порядок алфавитного выстраивания источников согласно ГОСТа. Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по лингвистике, медиадискурсу, а также в практической подготовке будущих журналистов. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «К вопросу определения понятий имиджевого и пиар-текстов в современном медиапространстве» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Байгазанова Р.Т. — Ситуативная модель буллинга в бизнес-коммуникации // Litera. – 2023. – № 11. – С. 17 - 31.
DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.68944 EDN: EFVQWB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68944

Ситуативная модель буллинга в бизнес-коммуникации

Байгазанова Роза Токтаркановна

ORCID: 0009-0001-2321-3362

соискатель, кафедра медиалингвистики, Институт "Высшая школа массовых коммуникаций и
медиажурналистики", Санкт-Петербургский государственный университет

199004, Россия, г. Санкт-Петербург, линия 1-Я в.о., 27

✉ roza.baygazanova@gmail.com

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.68944

EDN:

EFVQWB

Дата направления статьи в редакцию:

06-11-2023

Дата публикации:

13-11-2023

Аннотация: Предмет исследования составляют речевая деятельность, воздействующая на участников буллинг-ситуаций в контексте бизнес-коммуникаций; языковые средства реализации стратегий и тактик бизнес-буллинга при создании негативного медиаобраза компаний и персон в условиях информационных атак; медиалингвистические характеристики текстов, связанных с явлениями буллинга в деловой коммуникации (структура, лексика, стилистика и т. д.); экстралингвистические факторы, влияющие на проявление и восприятие буллинга в деловой среде, включая социокультурные, психологические и экономические аспекты. Объектом исследования стал деструктивный вербальный контент, обладающий признаками бизнес-буллинга и размещенный в открытых каналах коммуникации, включая его медийные и лингвистические проявления. В рамках данной работы акцент делается на специфике медиалингвистического анализа текстов бизнес-коммуникации в контексте буллинга, а также на внешних факторах, которые могут влиять на этот процесс. Особое внимание уделяется структуре субъект-

объектных отношений в практике информационной агрессии, направленной против бизнеса. Методология сложилась под влиянием современной медиалингвистики, когда реализуется деятельностно-процессуальный, праксеологический подход к анализу медиатекста. Тематический дискурс бизнес-буллинга отличается протяженностью по времени, сложными взаимодействиями, многокомпонентной структурой лингвистической архитектуры медиакommunikации, поэтому базовым методом стала праксеологическая трансдисциплинарная и интердисциплинарная интеграция методик, процедур и приемов исследования – лег в основу работы. Актуальность исследования обусловлена сочетанием быстро меняющегося цифрового ландшафта, социальной ответственностью бизнеса и потребностью в эффективных стратегиях для предотвращения или реагирования на случаи буллинга в деловой коммуникации. Научная новизна заключается в выявлении лингвистических признаков бизнес-буллинга и построении коммуникационных моделей бизнес-буллинга. Полученные результаты могут быть использованы как в академических исследованиях, так и в практической деятельности бизнес-сообщества. Автор предлагает выстраивать коммуникационные ситуативные модели буллинга в условиях бизнес-коммуникации на основании субъект-объектных отношений, которые позволяют определять схемы информационной агрессии, анализировать компоненты, конкретизировать роль участников, вычленять манипулятивные практики, выстраивать стратегии бизнес-рисков, формулировать стратегии борьбы и преодоления последствий бизнес-буллинга.

Ключевые слова:

буллинг, кибербуллинг, бизнес-коммуникация, информационная агрессия, коммуникатор, коммуникационная модель, коммуникационная стратегия, медиалингвистический анализ, медиатекст, бизнес-буллинг

История вопроса

Буллинг (или травля) последовательно изучается психологами, социологами, юристами в связи с социально опасными последствиями травли в учебных коллективах, в основном как процесс, развивающийся в любом закрытом сообществе (армейское подразделение, элитный колледж, рабочий коллектив) [\[1-3\]](#). В современных социологических исследованиях подразделения военнослужащих срочной службы определяются как «многоуровневые статусные системы организованного насилия». Насилие выступает консолидирующим фактором (призыв, формирование групп в принудительном порядке) и средством самоорганизации (дедовщина, буллинг), часто негласно поддерживается учителями/офицерами (поддержание дисциплины).

В одном из недавних исследований международная группа ученых провела глубокий анализ травли на рабочем месте среди сотрудников отелей Северного Кипра с точки зрения влияния атмосферы буллинга на эффективность труда, изучили роль эмоционального интеллекта и психологическую устойчивость [\[4\]](#).

Проанализировав ряд работ на тему травли на рабочем месте (моббинг), в учебных коллективах (школьный буллинг) ученые остановились на определении травли как повторного (намеренного или произвольного) причинения вреда лицам с меньшей силой, в основном проявляющегося через физические, психологические, социальные или эмоциональные взрывы [\[5-11\]](#).

Коммуникативный феномен буллинга

Буллинг — это агрессивное деструктивное поведение, преднамеренно направленное на причинение вреда или дискомфорта другому человеку. Он может проявляться физически, вербально или психологически. Автором ранее были выделены основные компоненты дефиниции «буллинг»: «повторяющаяся агрессия со стороны человека или группы людей по отношению к определенному субъекту, строящаяся на принуждении и запугивании, проявляющаяся в физическом насилии, угрозах, вербальной агрессии, унижении, имеющая целью намеренное причинение вреда или дискомфорта человеку, развивающаяся в контексте дисбаланса сил» [\[12, с. 728\]](#).

В качестве материала для исследования использовались медиатексты, имеющие признаки информационной агрессии в отношении бизнес-структур, бизнес-проектов, владельцев бизнеса, сотрудников. Исследование проводится на основе сформированной и постоянно актуализируемой ситуативной базы данных с примерами буллинг-моделей из русскоязычного сегмента нескольких стран постсоветского пространства.

Выборку исследования составили единицы бизнес-дискурса масс-медиа с признаками агрессии, в том числе 1757 медиатекстов на вербальном уровне, 136 визуальных контекстов, 25 677 комментариев в социальных сетях.

Коммуникативный феномен буллинга заключается в специфике обмена информацией, воздействия на психику человека и восприятия этой информации получателем. Следовательно, можно выделить ряд базовых параметров, из которых складывается ситуация буллинга и которые можно разделить на четыре группы:

1. Вербальные параметры:

- 1) Языковые средства агрессии: оскорбления, насмешки, сплетни, распространение ложной информации и т. д.
- 2) Тон и интонация: агрессивный, пренебрежительный или насмешливый тон говорящего может являться инструментом буллинга, даже если слова, в принципе, нейтральные.

2. Невербальные параметры:

- 1) Телодвижения и мимика: презрительные взгляды, угрожающие жесты или умышленное игнорирование могут быть формами буллинга.
- 2) Пространственные стратегии: изоляция жертвы, например, умышленное исключение из групповых активностей или общения.

3. Психологические параметры:

- 1) Цель агрессии: основная цель буллинга — усилить свое доминирование, уничтожить самооценку жертвы, создать у нее чувство беспомощности.
- 2) Эмоциональное воздействие: жертва часто испытывает стресс, тревогу, страх или депрессию из-за действий агрессора.

4. Социокультурные параметры:

- 1) Групповая динамика: буллинг может усиливаться или поддерживаться группой, когда другие люди становятся свидетелями травли, но не вмешиваются или даже присоединяются к агрессору.

2) Социальные нормы: в некоторых культурах или группах агрессивное поведение может рассматриваться как приемлемое или даже желательное.

Таким образом, коммуникативный феномен буллинга имеет много граней и связан не только с языковыми средствами, но и с психологическими, социальными и культурными аспектами взаимодействия. Понимание этого феномена требует комплексного подхода к анализу многих элементов человеческой коммуникации: от философской оценки (постправда, фейк) до лингвистического анализа в лингвоправовой практике и машинного обучения алгоритмов [\[13-20\]](#).

Субъект-объектные отношения в структуре бизнес-коммуникации

Выделение субъекта (лица или группы, совершающих буллинг) и объекта (лица или группы, подвергающихся буллингу) является важным этапом для построения модели буллинга в бизнес-коммуникации. Знание, кто именно находится в роли субъекта и объекта, определяет стратегии и тактику по выявлению, предотвращению и решению подобных ситуаций.

Субъектами буллинга в бизнес-коммуникациях могут выступать: 1) руководители организации в отношении подчиненных сотрудников, например, оказывая давление на них или устраивая моральное насилие; 2) сотрудники и коллеги, атакуя других сотрудников, распространяя слухи или участвуя в моббинге; 3) клиенты, партнеры, конкуренты или сторонние участники бизнес-коммуникаций, проявляя агрессию в отношении представителей компании; 4) СМИ и общественность, атакуя компанию или ее руководство через негативные публикации и комментарии; 5) представители власти могут заявить о неправомерности действий компании в той или иной степени.

Соответственно объектами буллинга в бизнес-коммуникациях становятся: 1) сотрудники компании, которые могут быть объектами буллинга со стороны руководства, коллег, клиентов или сторонних участников бизнес-коммуникации; 2) руководство и высший менеджмент, подвергшись буллингу со стороны сотрудников или сторонних лиц; 3) компания в целом как организация, столкнувшись с травлей со стороны конкурентов, регулирующих органов, общественности или СМИ; 4) отдельные проекты, продукты или услуги.

В зависимости от типа субъект-объектных отношений будет выстраиваться модель коммуникации. Если субъект буллинга (буллер) внутренний, а объект буллинга (жертва, цель, мишень) внутренний или внешний, то можем говорить о следующих моделях коммуникации: 1) модель вертикальной коммуникации: агрессия направлена от вышестоящего сотрудника/руководителя к нижестоящему (оскорбления, угрозы, давление сверху, горизонтальной, разнонаправленной и о модели выброса агрессии во внешний контур), S: вышестоящий сотрудник, O: нижестоящий сотрудник; 2) модель горизонтальной коммуникации: конфликты и агрессивные взаимодействия между коллегами (оскорбления, угрозы, шантаж, слухи, сплетни), S: равный сотрудник, O: равный сотрудник; 3) модель разнонаправленной коммуникации: конфликты и агрессивные взаимодействия между группами сотрудников (оскорбления, угрозы, шантаж, слухи, сплетни, нарушаются бизнес-процессы, создается напряженная атмосфера, саботируются распоряжения), S: группа сотрудников, O: группа сотрудников; 4) модель выброса агрессии во внешний контур: агрессия направляется против партнеров, клиентов, поставщиков, конкурентов, может быть явной и неявной агрессией, S: внутренний, O: внешний.

По отношению к этим моделям целесообразно, на наш взгляд, применять термин «корпоративный буллинг», внутренний по субъекту.

Корпоративный буллинг в контексте бизнеса — это систематическое психологическое давление, которое один или несколько сотрудников оказывают на другого сотрудника с целью его уничтожения или вытеснения из коллектива. И здесь важны следующие аспекты: механизмы буллинга (как проявляются и функционируют механизмы давления в бизнес-среде); причины буллинга (социокультурные, психологические и организационные факторы, которые способствуют возникновению буллинга); последствия буллинга (как буллинг влияет на организационную культуру, производительность, лояльность сотрудников и другие параметры бизнеса); противодействие буллингу (меры и стратегии, которые компании могут использовать для предотвращения или уменьшения буллинга).

В рамках этой темы важно понимать, как медиалингвистические механизмы [\[21-25\]](#) используются или могут быть использованы для проявления или маскировки корпоративного буллинга в бизнес-коммуникации, особенно в современной цифровой среде. Так, определенные речевые паттерны или стереотипы могут служить инструментами давления или дискриминации.

Корпоративный буллинг в бизнес-среде, как и в любой другой области, может иметь множество причин и механизмов, приводящих к его возникновению и развитию.

Причины корпоративного буллинга: зависть и ревность (профессиональные успехи одних сотрудников могут вызывать зависть у других, что может привести к буллингу), конкуренция (в условиях жесткой конкуренции компании или отдельные сотрудники могут использовать буллинг как инструмент давления на конкурентов); корпоративная культура (в некоторых компаниях агрессивное поведение может быть нормой, воспринимаемой как приемлемый метод достижения целей); личные конфликты (отдельные конфликты между сотрудниками или руководством могут вылиться в систематическое преследование или давление); страх перед переменами (сопротивление изменениям или страх перед нововведениями может порождать агрессию к тем, кто эти изменения инициирует); стремление к доминированию (желание занять доминирующее положение может стать причиной буллинга со стороны руководства или коллег).

Механизмы корпоративного буллинга отличаются широкой палитрой и могут быть представлены приемами вербальной и невербальной коммуникации:

- Изменение рабочих условий – графика или места работы – с целью создания неудобства для жертвы.
- Изоляция жертвы: отсутствие поддержки со стороны коллектива или руководства усиливает эффект буллинга, буллер может изолировать жертву, игнорируя ее, исключая из рабочих групп или не приглашая на важные собрания и мероприятия.
- Манипуляции и психологическое давление: использование психологических приемов для манипулирования сознанием с целью контроля поведения жертвы.
- Моральное давление и психологический террор: постоянная критика и угроза увольнения, создание атмосферы страха и тревоги.
- Повышение нагрузки: буллер может навешивать дополнительную работу или высокие ожидания жертве, что приводит к перегрузке и стрессу.

- Подрыв профессиональных отношений жертвы с коллегами, клиентами, партнерами.
- Профессиональное давление: выдача заданий, которые невозможно выполнить, установка необоснованных сроков, недогрузка или перегрузка работы.
- Публичное унижение: буллер может унижать жертву перед коллегами, начальством или подчиненными, создавая ситуации, в которых она чувствует себя беспомощной и униженной.
- Сексуальное домогательство и комментарии, создающие неприемлемую рабочую среду.
- Слухи, сплетни и клевета: распространение ложной информации или искажение фактов с целью подорвать репутацию и статус жертвы в коллективе.
- Соккрытие информации: запрещение доступа к информации или ресурсам, необходимым для работы, либо уничтожение документов и данных, связанных с жертвой.
- Угрозы и шантаж для вынуждения жертвы сделать то, что она не хочет, или для подчинения себе.
- Уничижение и пренебрежение: занижение профессиональных достоинств сотрудника, игнорирование его мнения или предложений.
- Физическое или вербальное давление: агрессивное поведение, угрозы или прямые нападки могут быть использованы для доминирования или уничтожения конкурента, хотя физическое насилие на рабочем месте встречается редко.

Корпоративный буллинг – это форма межличностной агрессии и давления в рабочей среде, которая может привести к негативным последствиям для жертвы (включая физические и психологические проблемы, снижение профессиональной эффективности и снижение качества жизни) и организации в целом. Приведем пять речевых моделей корпоративного буллинга: 1) модель критики и осуждения: *«Ты постоянно делаешь ошибки и тормозишь нашу команду»; «Твоя работа всегда ужасна, и никто не понимает, как ты здесь работаешь»;* 2) модель угроз и шантажа: *«Если ты не сделаешь это до конца дня, я расскажу руководству о твоих недостатках», «Ты лучше сделай, что я прошу, иначе у тебя будут серьезные проблемы»;* 3) модель изоляции и игнорирования: *«Мы не хотим, чтобы ты участвовал в этом проекте, так что оставайся в стороне», «Мы будем принимать решения без твоего участия, так как ты здесь не нужен»;* 4) модель унижения и насмешек: *«Ты выглядишь так глупо, когда говоришь о своих идеях», «Твои предложения всегда бесполезны и смешны»;* 5) модель навязывания непосильной нагрузки: *«Я знаю, что у тебя много дел, но ты обязан выполнить этот проект еще сегодня», «Не важно, сколько времени это займет, ты должен сделать это, иначе будут последствия».*

Эти речевые модели представляют собой примеры того, как корпоративный буллинг может проявляться в коммуникации на рабочем месте.

Буллинг может быть вредным для здоровья и благополучия сотрудников, а также для производительности организации. Чтобы предотвратить и решить ситуации внутреннего буллинга, компании могут применять следующие меры: создать четкую политику, которая запрещает буллинг и устанавливает процедуры расследования и наказания нарушителей; провести обучающие программы по управлению конфликтами, коммуникации, и соблюдению рабочих стандартов; создать условия для открытой и честной коммуникации между сотрудниками и руководством; предоставить доступ к

психологической поддержке и консультированию для сотрудников, испытывающих стресс; организовать регулярный мониторинг ситуации внутри компании и расследование жалоб и инцидентов; внедрить механизмы профилактики и распознавания ситуаций корпоративного буллинга на основе медиалингвистического анализа открытых дискуссионных цифровых площадок компании (форумы, чаты, беседы).

В ситуации, когда Субъект определяется во внешнем контуре по отношению к компании, можем говорить о трех моделях коммуникации: 1) модель вброса агрессии из внешнего контура: агрессия от внешних коммуникаторов (партнеров, клиентов, поставщиков, конкурентов, неизвестных лиц, может принимать имплицитные и эксплицитные формы, S: внешний, O: внутренний; 2) модель сетевых отношений: стихийный буллинг распространяется по всевозможным каналам коммуникаций, S: внешний, O: внутренний; 3) модель управляемой коррумпированной агрессии: массированная атака по бизнесу с привлечением СМИ, блогеров, госуд. структур, силовых ведомств, S: внешний, O: внутренний. И в данном случае, когда внешняя агрессия направлена на бизнес, предлагаем использовать термин «бизнес-буллинг».

Бизнес-буллинг против компании и ее собственника, акционеров может проявляться в различных формах. Перечислим также пять речевых моделей бизнес-буллинга, направленных на компанию и ее руководство: 1) распространение ложной информации о компании: *«Эта компания обманывает своих клиентов и работает на криминальные структуры», «Собственник этой компании замешан в коррупции и махинациях»;* 2) угрозы юридическими действиями: *«Если вы не выплатите мне деньги, я подам в суд на вашу компанию и собственника», «Мы найдем армию адвокатов, чтобы разгромить вас в суде»;* 3) атаки на репутацию собственника: *«Собственник этой компании негодяй и мошенник», «Его прошлое полное скандалов и неудачных бизнес-проектов»;* 4) публичное унижение достижений компании: *«Ваша компания никогда не достигнет ничего значимого, она проваливается во всех начинаниях», «Ваши успехи — это всего лишь случайность»;* 5) инсинуации и сплетни: *«Я слышал, что компания и ее собственник связаны с незаконными операциями», «Люди говорят, что собственник этой компании нарушает законы».*

Бизнес-буллинг может быть направлен не только против компании, в целом, но и против самого главы компании, в частности. Представим пять моделей бизнес-буллинга, которые могут быть использованы против руководителя организации: 1) расследование и публичное обличение: злоумышленники могут инициировать расследование деятельности главы компании, даже без оснований, и затем публично обличать его в мошенничестве, коррупции или иных преступлениях; 2) публичные осуждения и насмешки: глава компании может стать объектом насмешек и публичных осуждений со стороны конкурентов, сотрудников или общественности, что может повлиять на его репутацию и самооценку; 3) шантаж и угрозы: злоумышленники могут угрожать разоблачением компрометирующей информацией о главе компании или его семье, чтобы добиться выполнения своих требований; 4) формирование коалиций против руководителя: люди могут активно формировать группы или коалиции, которые работают совместно для дискредитации главы компании и ослабления его влияния; 5) саботаж и вмешательство в бизнес-процессы: злоумышленники могут активно саботировать бизнес-процессы компании, манипулировать информацией или затруднять реализацию стратегических решений, делая жизнь руководителю более сложной.

Информационная агрессия в бизнес-коммуникациях может разворачиваться по разным схемам, и она может иметь различные этапы и составляющие. Типичная схема развертывания информационной агрессии в этом контексте состоит из следующих

компонентов:

1. Выбор цели: буллер выбирает цель для информационной агрессии (конкретная компания, бренд, продукт, лицо или даже отдельный сотрудник).
2. Сбор информации: буллер собирает информацию о выбранной цели (исследование бизнес-процессов, репутации, активности в социальных сетях, клиентские отзывы и другие данные).
3. Формирование агрессивного сообщения: на основе собранной информации создается агрессивное сообщение (фейковая новость, клевета, негативный обзор, ложная информация о продукте или услуге и так далее).
4. Выбор канала распространения: буллер (или исполнитель) выбирает каналы для распространения агрессивного сообщения (социальные сети, форумы, блоги, публичные выступления, пресс-релизы и другие средства коммуникации).
5. Распространение информации: агрессивное сообщение распространяется среди целевой аудитории, буллер может использовать разные тактики для максимизации его видимости и воздействия.
6. Реакция жертвы/цели/мишени: цель реагирует на информационную агрессию (предпринимает попытки опровержения фейковых утверждений, управление кризисом репутации, правовые действия и противодействие дезинформации).
7. Мониторинг и анализ: важно мониторить динамику агрессии и анализировать ее воздействие на бизнес-процессы и репутацию, что позволяет вырабатывать и адаптировать стратегии противодействия под меняющиеся условия.
8. Противодействие и защита: бизнес-организация принимает меры по противодействию информационной агрессии, включая правовые действия, общественные заявления, мониторинг социальных медиа и усиление кибербезопасности.

Схема может варьироваться в зависимости от конкретной ситуации и методов, использованных злоумышленником. Процессы могут повторяться и прерываться, идти с разной динамикой, плотностью и эффективностью. Как правило, буллер заходит в противостояние уже подготовленным, цель-мишень реагирует с опозданием и у нее нет времени на сбор материалов и анализ ситуации. Зато у буллера может быть несколько целей-мишеней, если организатор буллинга специализируется на этом. В очень редких случаях буллер и цель-мишень могут поменяться ролями.

Анализ кейс-стади #делоБипэка

С мая 2020 года в информационном поле Казахстана и России начала разворачиваться ситуация бизнес-буллинга по отношению к автомобильному холдингу «Бипэк Авто – Азия Авто». Медийная активность совпадает с логикой рейдерского захвата и развивается параллельно с событиями, разворачивающимися, как в правовом поле, так и в социально-экономической жизни региона, страны: в рассматриваемом кейсе одновременно остались без работы 5 000 человек в 16 регионах Казахстана, что безусловно создало ряд точек напряжения для местных властей, арестовано 8 топ-менеджеров, один из сотрудников убит на допросе. Каждый шаг государственных органов, подключившихся к буллингу компании, широко освещается официальными СМИ, подключаются блогеры-эксперты, каждое событие корпоративное (внешнее и внутреннее) становится открытым для обсуждения. Информационная война,

стартовавшая с конструирования образа врага, перерастает в противостояние по всем фронтам, где стратегическая цель – уничтожение. Экономический спор двух субъектов экономических отношений (банка-кредитора и компании) превращается в уголовные преследования. А холдинг, акционеры и сотрудники оказываются в ситуации кибербизнес-буллинга.

Хронологический анализ событий и медийной активности говорит о непрекращающихся атаках на бизнес, с различной степенью интенсивности. Если в мае 2020 года, когда госорганы включились в противостояние, медиамониторинг показывает 58 материалов, посвященных «делу Бипэка», то уже в сентябре 2021 года, когда были арестованы топ-менеджеры компании и предъявлены обвинения в мошенничестве, 64 публикации в месяц. А открытое заявление о рейдерском захвате владельца компании в феврале 2022 года стало триггером для появления 125 публикаций. Очередная волна обрушилась в мае 2023, когда следственные органы через свой телеграм-канал вызвали владельца компании на допрос. И здесь мы наблюдаем весь спектр манипулятивных практик буллеров.

Новая волна публикаций стартовала с заявления Агентства по финмониторингу (<https://www.gov.kz/memleket/entities/afm/press/news/details/548359?lang=ru>) (АФМ) РК от 03.05.2023: **«Досудебное расследование в отношении Председателя совета директоров «Азия-Бипэк АВТО» Анатолия Балушкина, генерального директора АО «Азия АВТО» Ерика Сагымбаева и топ-менеджеров группы компаний по фактам хищения более 230 млрд тенге продолжается Агентством по финансовому мониторингу. Денежные средства похищены Балушкиным А.М. и Сагымбаевым Е.Е. в целях уклонения от погашения банковских займов и уплаты налогов в бюджет. Вывод денежных средств осуществлялся путем переоформления товаров в обороте, находящихся в залоге в банке, в подконтрольные компании, а также выдачи фиктивных премии работникам группы компаний «Азия-Бипэк АВТО» из заключения фиктивного контракта с компанией из ОАЭ. Для участия в объявлении постановления и проведении необходимых следственных действий подозреваемым Балушкину и Сагымбаеву необходимо в срок до 5 мая 2023 года явиться в административное здание Департамента экономических расследований по Восточно-Казахстанской области».**

Поддерживающие публикации последовали сразу же, 3-4 мая: разместили основные тезисы заявления АФМ, практически дословно, без дополнительных выводов и комментариев, но под разными заголовками, большая часть официальных СМИ РК (inbusiness.kz; forbes.kz; zakon.kz; nur.kz; nomad.su; dknews.kz; baigenews.kz и пр.) с перепечаткой в околোগосударственных и региональных СМИ, в пабликах соцсетей: **«Коррупционный скандал в «Азия-Бипэк АВТО»: детали расследования»; «Фиктивные договоры и вывод денег – в чём подозревают беглого олигарха Анатолия Балушкина»; «В краже 230 млрд тенге подозревают руководителей Бипэк АВТО»; «В АФМ рассказали, в чем обвиняют владельца «БИПЭК Авто Казахстан»; «АФМ хотят узнать у олигарха Балушкина о судьбе 230 миллиардов тенге»; «Денежные средства похищены Балушкиным А.М. и Сагымбаевым Е.Е.».**

Спустя две недели СМИ вновь обращаются к заявлению АФМ, что нехарактерно для медиапространства в целом. Вторая волна **раскручивает манипулятивные тренды через сомнительные телеграм-каналы**, созданные относительно недавно, вбрасывающие периодически информацию о «коррупционерах-чиновниках» и уголовных преступлениях. И это уже не пересказ заявления АФМ, а беспринципные циничные повествования, описывающие «монстра» Балушкина.

В телеграм-канале «Свободная пресса Казахстана» (создан 14 октября 2022; 4,5 тыс подписчиков) 17 мая появляется публикация «Крах империи «великого комбинатора» (<https://t.me/freekzt/425>). Ряд ярлыков, которые должны закрепиться в сознании читателя, расширяется уже с заголовка: «великий комбинатор» в тексте превращается в «*короля Востока*» (Возникает параллель с «пивным королем Шымкента», ранее осужденным Т.Түлешевым, также можно рассматривать как интертекстуальную отсылку к раннему материалу по «делу Бипэка» – «Подводные камни хозяина «Востока»» («Подводные камни хозяина Востока», Ергали Нургалиев, <https://time.kz/articles/strana/2020/11/25/podvodnye-kamni-hozyaina-vostoka>), «беглого олигарха», «беглого олигарха-комбинатора».

Далее следует цепочка утверждений, которые должны «возмутить» читателя (орфография, пунктуация и выделения шрифтом авторские сохранены): «беглый олигарх, сколотивший состояние на субсидируемом государством отверточном автопроизводстве очень близок к одной из башен Кремля, которая и заботливо опекает его от казахстанских правоохранителей. Взамен «дядя Толя», **спонсирует российские ЧВК** на Украине и отправляет туда своих сотрудников чинить военную технику».

Казалось, дно уже пробито, но снизу постучали (гибель коллеги, друга трансформировали в общую цепочку фальсификаций «Благодаря вот такой «крыше» и удалось скрыть факт трагической смерти ...**Антон Ненахов**, которого нашли повешенным в лесу вдоль трассы в Усть-Каменогорске. Знающие люди поговаривают, что несговорчивый Ненахов, проработал всего месяц и имел личный конфликт с **Балушкиным**, вследствие чего и поплатился жизнью»

Авторы делают вывод, с которым, по их задумке, должны все согласиться: «крах империи комбинатора под названием «Автосборочный завод», что 20 лет прикручивали колеса к иномаркам с наклейкой «сделано в Казахстане» близится к завершению» ; «Определенные успехи все же имеются. В прошлом году был задержан и доставлен (выдается желаемое за действительное) в Казахстан из Праги один из топ-менеджеров «Азия авто – БИПЭК авто». При сложной геополитической обстановке у соседей, вероятнее всего, что НАМ (неожиданный переход к повествованию от первого лица) все же в скором времени выдадут **Балушкина**, проживающего то в Сочи, то в Санкт-Петербурге. Беглый олигарх-комбинатор, сам себя загнал в цугцванг, выбраться из которого ему увя не суждено».

Следующий телеграм-канал «Чиновник» создан 15 августа 2019, но первая публикация датируется 16 октября 2020 года (32,5 тыс подписчиков). Два года (20-й и 21-й) были случайные публикации с большими перерывами, в 22–23 гг. график публикаций стал плотнее, сейчас это ежедневный постинг по несколько материалов в день. По всей вероятности, был спящий канал, который потом активировали и стали использовать в своих интересах. Этот канал публикует 17 мая 2023 объемный материал из трех частей «Балушкин: персона грата для правосудия» (часть 1, URL: https://t.me/chinovnik_kz/3344), часть 2 (URL: https://t.me/chinovnik_kz/3345), часть 3 (URL: https://t.me/chinovnik_kz/3346). И авторы здесь пошли ва-банк, показав неплохую осведомленность в делах компании, приклеивая не только ярлыки, но и сомнительные определения. При этом техника оформления текста **с выделением некоторых моментов жирным шрифтом**, аналогична предыдущему материалу и перекликается с оформлением внутренних документов компании, с оформлением тезисов выступлений правительственных чиновников.

Текст составлен как дискуссия с материалами, находящимися в сети (Путь Анатолия

Балушкина. Денис Данилевский. URL: <https://16news.kz/news/economics/Put-Anatoliya-Balushkina-4989>), подтверждая диалогичность медиадискурса, его интертекстуальность и полифоничность, как ответ на болевые точки в официальных интервью Балушкина. Проработан большой объем, с глубоким погружением, можно предположить, что люди, предоставляющие материалы и обеспечивающие «логические» связи, сами неплохо знают историю компании со всеми подробностями, не исключено, что находились у истоков.

- **Навешивание ярлыков:** «подданные РФ», «Балушкин и Ко», «бизнесмен от сохи», «предприимчивый делец», «новый русский с бандитскими замашками».

- **Очернение текущей деятельности:** «**Разыскиваемые в Казахстане Балушкин и Сагымбаев** спокойно продолжают свой бизнес в России, чьими подданными они **вовремя успели стать**. Сейчас они продвигают сомнительного качества **вездеход «Пластун»**, собранный из вазовских агрегатов. И даже каким-то образом сумели получить заказ от Минобороны РФ».

- **Обесценивание проекта**, который вызывал наиболее мощные эмоции у людей, проекта, который сгенерил в сети большое количество благодарного контента (фото и видео материалов от жителей города) #9маясБипэкАвто: «**Свою преданность советскому прошлому и настоящему РФ** уроженец Усть-Каменогорска проявлял в свойственной ему эпатажной манере. Так, несколько лет подряд **Балушкин устраивал представления на день Победы**, заставляя работников предприятия переодеваться в военную форму. А в 2019-м **устроил показ самодельной «военной» техники**, среди которой был броневик БА-10, ЗИС-6 «Катюша», а также танк Т-34».

- **Игра на чувствах** казахстанских читателей, в большинстве противников СВО, среди бывших сотрудников компании часть не разделяют и не понимают эту инициативу: «**Осенью прошлого года «бизнесмен от сохи»**, как его представляют в заполонивших интернет заказных материалах, вновь отличился. **Балушкин обратился к сотрудникам «БИПЭК АВТО» и «АЗИЯ АВТО» с предложением провести «добровольную внутреннюю мобилизацию по компании и сформировать инженерно-ремонтную роту»**. Надо полагать, таким образом он хотел показать свою преданность новой родине и помочь ей с «СВО» в Украине».

- **Обесценивание поддержки:** «Кстати, **использовать народные массы** у предпринимателя получается хорошо. Организованное им письмо в адрес президента нашей страны набрало тысячи подписей, но не помогло ему **обелиться перед правоохранительными органами Казахстана**».

- **Сарказм:** «**Балушкин и Сагымбаев получили гражданство РФ**, которая не выдает другим странам своих граждан. Поэтому, нашим правоохранителям остается лишь ограничиваться публикацией официальных приглашений в страну для следственных действий...»

- **Создание образа** «руководителя-манипулятора» и «ненадежного партнера» с целью разрыва отношений: «**Особо цинично звучали заявления Балушкина о заботе о коллективе**, защите прав работников и т.д. на фоне того, что в интервью он называл их **алкоголиками**»; «К слову, и в отношении российских партнеров Балушкин вел себя, **мягко говоря «некорректно»**. К примеру, в 2015-м он назвал команду дилерских центров «АвтоВАЗа», чьи активы были выкуплены «БИПЭК АВТО», **непрофессионалами**, развалившими хозяйство».

- **Разрушение «легенды»:** не дают покоя заказчикам даже те немногие материалы, которые опубликованы в поддержку компании, поэтому в ход идет отсылка к лихим 90-м, «бульдозер в детском саду», вытаскивается на свет история с «исчезнувшим» Клемантовичем.

- **Гиперболизация действий «олигарха»** с целью противопоставить народу, который должен почувствовать, как на нем «наживались», по сути, полный пересказ давнего материала: **«плацдарм для отступления Балушкин начал готовить загодя, выводить активы из материнских структур в Казахстане, процесс слияния этих компаний в России сопровождался выводом их из структуры «БИПЭК»».**

Подобный своевременный анализ медийного поля, сопоставление с экстралингвистическими событиями бизнеса позволяет понимать актуальную повестку буллеров и адекватно реагировать (корректировать действия юристов, адвокатов, общественных защитников, выстраивать коммуникационные стратегии, выходить из роли объекта буллинга).

Заключение

Бизнес-буллинг представляет собой сложное социокоммуникативное явление, характеризующееся системой негативных коммуникаций и агрессивным деструктивным воздействием на участников бизнес-процессов.

Бизнес-буллинг выстраивается на субъект-объектных отношениях, тип коммуникации определяется соответствующей моделью.

В зависимости от ресурсов буллера и жертвы публичная и межличностная коммуникация в рамках одной буллинг-ситуации может разворачиваться в единый супермедиатекст, который будет отличаться протяженностью во времени (до нескольких лет) и пространстве (на несколько государств), вовлеченностью аудитории.

Коммуникация участников бизнес-буллинга обладает определенными особенностями, которые позволяют на базе медиалингвистического анализа выстраивать коммуникативные стратегии оценки буллинг-рисков и преодоления последствий буллинга.

Библиография

1. Ардашев, Р. Г. Киберсуицид и кибербуллинг в современном обществе [Электронный ресурс] / Р. Г. Ардашев // Социология. 2022. №6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kibersuitsid-i-kiberbulling-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения: 29.07.2023).
2. Банников, К. Л. В армии, как на зоне: насилие и унижение стали нормой [Электронный ресурс]// НП НИА «Наследие отечества». 30.03.2000. №12. Режим доступа: http://old.nasledie.ru/voenpol/14_14/article.php?art=17 (дата обращения: 15.05.2023)
3. Белановский, С. А., Марзеева, С. Н. Дедовщина в советской армии [Электронный ресурс]// ИМП РАН. 1991. Режим доступа: <http://sbelan.ru/index.php/ru/armiya/16-armiya/106-dedovshchina-v-sovetskoj-armii/index.html> (дата обращения: 11.11.2023)
4. Odunjo-Saka, K. A., Olaleye, B. R., Sarpong, E., Ibrahim, A., Adedokun, O. A. (2023). The influence of workplace bullying on the performance of hotel employees: the mediating role of emotional intelligence and psychological resilience // Tourism & Management Studies, 19(3), 2023, 59-71. Available at:

<https://doi.org/10.18089/tms.2023.190304>

5. Ачитаева, И. Б. Деструктивные взаимоотношения в учебных группах образовательных учреждений МВД России: Автореферат дис. ... канд. психол. наук. [Электронный ресурс]. М., 2010. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/destruktivnye-vzaimootnosheniya-v-uchebnykh-gruppakh-obrazovatelnykh-uchrezhdenii-mvd-rossii> (дата обращения: 26.05.2023)
6. Белеева, И. Д., Заглодина, Т. А., Панратова, Л. Э., Титова, Н.Б. Буллинг как социально-психологическое явление: анализ теоретических подходов и эмпирических исследований [Электронный ресурс] // Педагогическое образование в России. 2020. № 5. С. 131–136. Режим доступа: DOI: 10.26170/po20-05-15
7. Босов, Д. В. Буллинг как социальный феномен [Электронный ресурс] // Наука. Исследования. Практика : сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 25 июня 2021 года. Санкт-Петербург: ГНИИ «Нацразвитие». 2021. С. 34–37. Режим доступа: DOI 10.37539/SRP297.2021.49.20.005. EDN DEJCCF.
8. Бочавер, А. А., Хломов, К. Д. Буллинг как объект исследования и культурный феномен. [Текст] // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2013. №3 (15). С.149–159.
9. Бочавер, А. А., Хломов, К. Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий. [Текст] // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2014. №3 (11). С. 177–191.
10. Иванюшина, В. А., Ходоренко, Д. К., Александров, Д. А. Распространенность буллинга: возрастные и гендерные различия, значимость размеров и типа школы [Электронный ресурс] // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2021. №4. С. 220–242. Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-220-242>
11. Галимбекова, Ф. С. Конфликт и буллинг как социальные явления в современном обществе [Электронный ресурс] // Проблемы современного образования. 2023. №2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-i-bulling-kak-sotsialnye-yavleniya-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения: 28.09.2023).
12. Байгазанова, Р. Т. Буллинг как коммуникативный феномен [Текст] / Р. Т. Байгазанова // Медиалингвистика: Материалы докладов участников VII Международной конференции, Санкт-Петербург, 28 июня – 01 2023 года. – Санкт-Петербург: Медиапир, 2023. – С. 726-730. – EDN CLHPMZ.
13. Курьянович, А. В. Правовые аспекты речевого поведения носителей в сфере современной электронно-медийной коммуникации. [Текст] // Юрислингвистика. 2015. №4 (15). С.25–32.
14. Курьянович, А. В. Речевая интеракция в социальных сетях: лингвоправовой аспект характеристики. [Текст] // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2017. №21. С.66–70.
15. Родосский, Н. А. Постправда или фейк. Проблема истины в социальных медиа. [Текст]. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2023, 303 с.
16. Чернышова, Т. В. Типологические признаки речевого жанра дискредитации в медиадискурсе. [Текст] // Филология и человек. 2014. №1. С.31-39.
17. Чернышова, Т. В. Методы анализа речевых актов: возможности и проблемы использования в лингвоэкспертной и судебной практике [Электронный ресурс] // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. №XV. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-analiza-rechevyh->

aktov-vozmozhnosti-i-problemy-ispolzovaniya-v-lingvoekspertnoy-i-sudebnoy-praktike (дата обращения: 05.05.2023).

18. Чернышова, Т. В. Факты, мнения, оценка: социально значимая информация и способы ее организации в дискурсе журналистского расследования. [Электронный ресурс] // Медиалингвистика. 2020. №7 (3). С.343–356. Режим доступа: <https://medialing.ru/fakty-mneniya-ocenka-socialno-znachimaya-informaciya-i-sposoby-ee-organizacii-v-diskurse-zhurnalistskogo-rassledovaniya/>
19. Чернышова, Т. В. Дискредитирующий буллинг в полилогах сетевого общения (на материале лингвоэкспертной практики). [Электронный ресурс] // Медиалингвистика, 2022. №9 (3). С.170–189. Режим доступа: <https://medialing.ru/diskreditiruyushchij-bulling-v-polilogah-setevogo-obshcheniya-na-materiale-lingvoehkspertnoj-praktiki/>
20. Pradeep, N. Fale, Krishan, Kumar Goyal, Shivani; A hybrid deep learning approach for abusive text detection. AIP Conference Proceedings 24 April 2023; 2753 (1): 030008. Available at: <https://doi.org/10.1063/5.0128071>
21. Дускаева, Л. Р. Стилистический анализ в медиалингвистике. [Текст] Москва: Флинта, 2019. 340 с.
22. Дускаева, Л. Р. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник. (Ред.). [Текст]. Москва: Флинта, 2020. 440 с.
23. Дускаева, Л., Коняева Ю. Троллинг в русскоязычных медиа. [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2017. №5. 84–100. Режим доступа: <http://vestnik.journ.msu.ru/books/2017/5/>.
24. Дускаева, Л. Р., Редькина Т. Ю., Цветова Н. С. Критика речи в медиалингвистике. [Текст] Москва: Флинта, 2019. 120 с.
25. Жданова, Е. А. Теоретические основы диагностических методик судебного автороведения (на материале письменной межличностной электронной коммуникации). [Текст] // Юрислингвистика. 2019. №13. С.18–24

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тематический ориентир рецензируемой работы вполне оправдан. Замечено, что «буллинг (или травля) последовательно изучается психологами, социологами, юристами в связи с социально опасными последствиями травли в учебных коллективах, в основном как процесс, развивающийся в любом закрытом сообществе (армейское подразделение, элитный колледж, рабочий коллектив). В современных социологических исследованиях подразделения военнослужащих срочной службы определяются как «многоуровневые статусные системы организованного насилия». Насилие выступает консолидирующим фактором (призыв, формирование групп в принудительном порядке) и средством самоорганизации (дедовщина, буллинг), часто негласно поддерживается учителями/офицерами (поддержание дисциплины)». Методология анализа буллинга идет в режиме коммуникативности, что вполне продуктивно. Текст работы целостен, серьезных нарушений не выявлено. Стилистая составляющая ориентирована на научный тип речи. Тема рассмотрена полномерно, аргументация имеет сферически расширительный вид. Суждения полновесны, целостные. Например, «коммуникативный феномен буллинга заключается в специфике обмена информацией, воздействия на психику человека и восприятия этой информации получателем. Следовательно, можно

выделить ряд базовых параметров, из которых складывается ситуация буллинга и которые можно разделить на четыре группы: 1. Вербальные параметры: 1) Языковые средства агрессии: оскорбления, насмешки, сплетни, распространение ложной информации и т.д. 2) Тон и интонация: агрессивный, пренебрежительный или насмешливый тон говорящего может являться инструментом буллинга, даже если слова, в принципе, нейтральные. 2. Невербальные параметры: 1) Телодвижения и мимика: презрительные взгляды, угрожающие жесты или умышленное игнорирование могут быть формами буллинга. 2) Пространственные стратегии: изоляция жертвы, например, умышленное исключение из групповых активностей или общения. 3. Психологические параметры...» и т.д. Объективная основа материала налична: «буллинг — это агрессивное деструктивное поведение, преднамеренно направленное на причинение вреда или дискомфорта другому человеку. Он может проявляться физически, вербально или психологически. Автором ранее были выделены основные компоненты дефиниции «буллинг»: «повторяющаяся агрессия со стороны человека или группы людей по отношению к определенному субъекту, строящаяся на принуждении и запугивании, проявляющаяся в физическом насилии, угрозах, вербальной агрессии, унижении, имеющая целью намеренное причинение вреда или дискомфорта человеку, развивающаяся в контексте дисбаланса сил» и т.д. Цель исследования достигнута; поставленный спектр задач решен. В финале труда автор приходит к следующему выводу: «бизнес-буллинг представляет собой сложное социокоммуникативное явление, характеризующееся системой негативных коммуникаций и агрессивным деструктивным воздействием на участников бизнес-процессов. Бизнес-буллинг выстраивается на субъект-объектных отношениях, тип коммуникации определяется соответствующей моделью. В зависимости от ресурсов буллера и жертвы публичная и межличностная коммуникация в рамках одной буллинг-ситуации может разворачиваться в единый супермедиатекст, который будет отличаться протяженностью во времени (до нескольких лет) и пространстве (на несколько государств), вовлеченностью аудитории. Коммуникация участников бизнес-буллинга обладает определенными особенностями, которые позволяют на базе медиалингвистического анализа выстраивать коммуникативные стратегии оценки буллинг-рисков и преодоления последствий буллинга». Думаю, что материал будет интересен специалистам, психологам, конфликтологам. Библиографический блок можно использовать далее. Статья «Ситуативная модель буллинга в бизнес-коммуникации» может быть рекомендована к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Анохина Ю.Ю. — Лирика А.А. Фета в интерпретации Вл. Соловьева: к вопросу о методологии // Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.68832 EDN: ENKXHL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68832

Лирика А.А. Фета в интерпретации Вл. Соловьева: к вопросу о методологии

Анохина Юлия Юрьевна

ORCID: 0000-0001-8917-5445

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени АМ Горького РАН

121069, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Поварская, 25, оф. а

✉ jul.anokhin@gmail.com



[Статья из рубрики "Лирика и лирический герой"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.68832

EDN:

ENKXHL

Дата направления статьи в редакцию:

29-10-2023

Дата публикации:

14-11-2023

Аннотация: Настоящее исследование нацелено на выявление специфических черт методологии интерпретации русской лирики Вл.С. Соловьевым. В статье поднимается вопрос о методологическом инструментарии интерпретативной стратегии Соловьева на примере его подхода к лирике А.А. Фета. В частности, проводится имманентный анализ статьи «О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского» ("Русское обозрение", 1890). Изучаются композиционные особенности работы, рассматривается тот комплекс проблем, которые выдвигает Соловьев в связи с предложенной им интерпретацией лирики Фета. Вместе с тем, особое внимание уделяется проблеме создания художественного образа поэта в стихотворении Соловьева «А.А. Фету, 19 октября 1884» -стихотворения, инспирированного вручением

Фету первой Пушкинской премии за полный перевод Горация. Представленная в настоящей статье методология исследования подхода Соловьева к лирике Фета, а также его общетеоретические выкладки о сущности лирики как таковой основаны на возможностях логического и семантического контекстного анализа высказывания. Новизна исследования состоит в том, что впервые рассматривается проблема актуализации Соловьевым диалектики таких свойств, как «субъективность» / «объективность», «единичность» / «множественность», «завершенность» / «открытость», «форма» / «содержание» при прочтении им поэзии Фета. Показано, что в статье Соловьева "О лирической поэзии" этот метод задействуется при раскрытии различных аспектов. Утверждается, что взаимодействие свойств "завершенность" и "открытость" при изложении Соловьевым общетеоретических вопросов, связанных с проблемой определения поэзии, позволяет философу вывести определение "чистой лирики". Сделан вывод о том, что проведенный Соловьевым анализ тематического диапазона лирики Фета и его исследование формальных особенностей поэзии базируются на диалектических принципе, что позволяет соотнести подход философа с герменевтической традицией.

Ключевые слова:

Соловьев, Фет, чистая лирика, диалектика, стратегии интерпретации, философская критика, философия, поэзия, Вечерние огни, поэтический цикл

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ, проект № 23-28-00800).

The research was carried out at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS) funded by a grant from the Russian Science Foundation (RSF, Project No. 23-28-00800).

Среди созданных Владимиром Сергеевичем Соловьевым трудов особое влияние на процесс формирования русской религиозно-философской эстетики оказали его теоретические статьи об искусстве, а также цикл работ о писателях и поэтах [8]. Большинство этих работ были опубликованы при жизни философа, в основном в журнале «Вестник Европы». Некоторые из этих статей (например, статья о М.Ю. Лермонтове) при жизни Соловьева не печатались, но их объединяет взаимосвязь с эстетической программой философа, реализованный в них метод интерпретации и то, что они были написаны в последний период творчества философа. В основной корпус статей, позволяющих судить о подходе философа к русским поэтам, входят следующие работы: «Судьба Пушкина», «Лермонтов», «Поэзия Ф.И. Тютчева», «Поэзия гр. А.К. Толстого», «О лирической поэзии», «Буддийское настроение в поэзии».

Труды Соловьева о литературе составляют часть его философско-эстетической концепции, развернутой против позитивизма, «который исключил религию из сферы человеческой жизни» <перевод с англ. здесь и далее по тексту мой – Ю.А.> [27, с. 75], и обращенной к утверждению всеединства. «Философ поставил своей жизненной задачей облечь вечное содержание христианства в современную богословскую форму и через оправдание веры разумом помочь мыслящему русскому обществу вновь приобрести христианское мировоззрение», – пишет о философии Владимира Соловьева М. Аксенов-Меерсон в статье «Владимир Соловьев в наши дни» (1977), служащей своего рода предисловием к брюссельскому переизданию книги С.М. Соловьева «Жизнь и творческая

эволюция Владимира Соловьева» [22, с. XI]. Эта краткая формула показательна тем, что в ней на первый план выводится диалектический принцип философского творчества Соловьева, сделан акцент на стремлении философа к синтезу «вечного» содержания и «современной формы».

Ориентация на обнаружение процесса раскрытия «вечного», абсолютного в завершенной форме художественного произведения проявляется и в работах Соловьева о поэтах, ведь, с его точки зрения, истинная поэзия – та, что воплощает вечные истины. Недаром Р.А. Гальцева и И.Б. Роднянская во вступительной статье к собранию литературной критики философа отмечают: «Ведущая мысль Соловьева – о свете преображения, которым будет пронизан и претворен весь тварный мир» [21, с. 9]. Показательно и сформулированное Гальцевой и Роднянской соотношение диалектических оснований эстетики Гегеля и эстетики Соловьева: если для Гегеля, по мысли исследовательниц, завершенное, «мир воплощенных форм» второстепенно по отношению к Абсолюту, то соловьевская эстетика зиждется на идее реального блага «воплощенной красоты» [21, с. 10]. Отсюда и представление о литературно-критическом цикле Соловьева как эстетическом проекте, имеющем теургическое значение. В таком ключе этот цикл рассматривает современная исследовательница его творческого наследия философа Н.П. Крохина: «В своих статьях о великих русских поэтах Соловьёв размышляет о сущности поэзии и художественного творчества. Именно в поэзии Соловьёв видит воплощение искомого им всеединства и целого <...>» [11, с. 154].

Между тем, в научных работах о Соловьеве фигурируют различные характеристики корпуса его статей о литературе: их определяют как «критику философа» [2, с. 32], как часть «эстетики» [5; 13; 23] и как «герменевтику». Рассматривая статьи Соловьева о писателях и поэтах как литературную критику, Д.М. Магомедова отмечает, что они представляли собой утопический проект, поскольку философ в них механически перенес отвлеченную теорию на материал индивидуально-личных творческих судеб писателей и поэтов: «В применении к реальным человеческим судьбам, к психологии человеческих поступков “теургическая” теория религиозного соединения искусства и жизни оборачивалась тем самым нравоучительным дидактизмом, которого Соловьёв старался избегать в эстетических трактатах» [12, с. 761]. Подход к этим работам как разрабатывающим герменевтическую методологию возник совсем недавно. Так, Н.К. Бонецкая, развивая проект «русская герменевтика», предположила, что статьи Соловьева о поэтах и писателях отражают неудачную попытку герменевтического прочтения литературных произведений [4]. Напротив, Н.П. Крохина полагает, что именно Соловьева следует считать основателем отечественной герменевтики [11]. Сосуществование различных подходов к статьям философа о поэтах побуждает к исследованию методологии Соловьева, к выявлению ее аналитического инструментария. В связи с этим данная статья подчинена задаче проанализировать особенности методологии Соловьева как интерпретатора поэзии Фета и в частности, рассмотреть вопрос о том, как им задействуются диалектические принципы.

Проблема «Фет и Соловьёв» не относится к числу малоизученных вопросов: освещался вопрос личных взаимоотношений философа и мыслителя [20], рассматривались отдельные аспекты влияния Фета на Соловьева-поэта [23], а также особенности восприятия лирики Фета в литературной критике философа [19]. При этом интересующий нас ракурс еще не получил освещения в научной литературе. Особое место литературно-критических высказываний Соловьева о Фете определяется, конечно же, не суммарным

объемом сказанного философом о поэте, а в первую очередь биографическим фоном, на котором возникали литературно-критические и поэтические выступления мыслителя. С одной стороны, этот фон составляли личные отношения дружеского характера (Фет, по слову А.П. Козырева, был Соловьеву «многолетним интимным другом» [\[10, с. 393\]](#)), с другой стороны, дружба была наполнена и совместной работой над творческими проектами, будь то перевод «Энеиды» Вергилия [\[9\]](#) или подготовка к изданию поэтического сборника «Вечерние огни» [\[15\]](#). Специфику взаимоотношений Фета и Соловьева удачно определяет Г.В. Петрова, опубликовавшая в 2013 г. часть писем Соловьева Фету: «За десятилетие они <отношения – прим. Ю.А.> не только не распались, но с каждым годом углублялись и становились все более устойчивыми. Судя по всему, Фет осознал Соловьевым как одна из важных фигур, непосредственно предвосхищающих новую культурную и духовную эпоху, наступление которой он сам предчувствовал и предуготовливал. Художественное сознание Фета “открылось” Вл. Соловьеву как почва для произрастания новых философско-эстетических и религиозных побегов мысли» [\[14, с. 363\]](#). Характеристика, сформулированная Петровой, позволяет понять тот фон, на котором рождалось понимание Соловьевым особенностей поэзии Фета.

Наиболее явственно диалектические принципы в подходе к лирике Фета прослеживаются в статье Соловьева «О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского» – из всех статей философа о поэтах именно эта содержит наиболее развернутое из его высказываний о поэзии Фета. Эта статья, как известно, вышла в журнале «Русское обозрение» в 12 номере за 1890 г., ее возникновение было инспирировано появлением цикла «Вечерние огни» Фета и сборника стихотворений Полонского «Вечерний звон». В то же время, надо думать, что прагматика этой работы носила комплексный характер. С одной стороны, статья, как отмечают Гальцева и Роднянская в комментариях к ней, «отражала эстетическую платформу нового издания», которое провозглашало «надпартийность в искусстве» и «пропагандировало чистую лирику» [\[21, с. 673-674\]](#). С другой стороны, как показывает К.В. Сарычева, в этой статье творчество Фета получило новаторскую трактовку, и в то же время его поэзия стала отправной точкой для становления соловьевского взгляда на сущность лирики как таковой: «В ней впервые высказана мысль о Фете как поэте, прозревающем метафизическую истину. На основе своих представлений о творчестве Фета Соловьев формулирует концепцию лирической поэзии» [\[19, с. 57\]](#). Вместе с тем, представляется, что теоретические представления Соловьева о лирической поэзии не только определяются восприятием произведений Фета, но и базируются на классической эстетике, а также учитывают эстетические выкладки старших современников – литературных критиков. В теоретической части статьи, как предполагает Н.Г. Юрина, сильно влияние идей П.В. Анненкова и А.В. Дружинина – сторонников «эстетической критики» [\[24, с. 11\]](#) и вместе с тем – подхода «реального критика» Н.Г. Чернышевского [\[24, с. 11\]](#).

В статье «О лирической поэзии» анализ поэтического сборника Фета предваряется обширным теоретическим вступлением, призванным обозначить те философско-эстетические основания, исходя из которых философ анализирует стихотворения поэта. Композиция первой части статьи – той, в которой излагается «учение о лирике», – определяется, по-видимому, идущей от Аристотеля традицией «познания причинных основ» [\[1, с. 27\]](#). Недаром здесь Соловьев последовательно отвечает на вопросы: что такое «лирическая поэзия»? каков ее предмет? чем она отличается от других видов искусства? какова ее прагматика? При этом логика, которая прослеживается в ответах

на эти общетеоретические вопросы, базируется на диалектических принципах.

Определяя природу лирической поэзии, Соловьев выводит такую формулу: «Лирическая поэзия после музыки представляет самое прямое откровение человеческой души» [21, с. 399]. Эта формула зиждется на диалектике «открытости / завершенности». Ключом к пониманию того, как в этом определении взаимодействуют названные свойства, является, главным образом, контекстуальная семантика слова «откровение». В данном случае это слово связано не с идеей мистического прозрения, не со значением «внутреннее постижение чего-л.» [18, с. 211], но скорее выражает процесс по значению глагола «открыть» в устойчивом словосочетании «открыть душу», то есть, согласно дефиниции из «Семантического словаря» Н.Ю. Шведовой, «высказать откровенно самое заветное» [18, с. 207]. Душа – следуя логике соловьевского определения – как таковая закрыта, поскольку процесс откровения ее содержания предполагает то «иное» по отношению к душе, чем она не является – «лирическую поэзию» или «музыку». Одним из свойств лирической поэзии, по Соловьеву, является завершенность, о чем свидетельствует ход его рассуждений при определении предмета поэзии: «<...> субъективные состояния, как таковые <курсив Вл. Сол.>, вообще не допускают поэтического выражения; чтобы можно было облечь их в определенную форму <курсив мой – Ю.А.>, нужно, чтоб они стали предметом <курсив Вл. Сол.>» мысли. В контексте предложения словосочетание «определенная форма» функционирует как перифраза словосочетания «поэтическое выражение». Лирическая поэзия оказывается не только «инструментом» откровения души, но и тем, в чем процесс откровения находит «завершение».

В представленном в этой статье размышлении Соловьева о «предмете» лирической поэзии прослеживается диалектика и иного плана. Определяя «материал» лирической поэзии, философ остается приверженцем калокагатии (он постулирует незыблемость триады Истина, Добро, Красота). Основой поэтического произведения не могут быть «темные» стороны психики и бытовые подробности: «Как мы сказали, лирика есть подлинное откровение души человеческой; но случайное поверхностное содержание той или другой человеческой души и без того явно во всей своей непривлекательности и нуждается не столько в откровении и увековечении, сколько в сокровении <курсив мой – Ю.А.> и забвении» [21, с. 401]. Представление философа о содержании психики антиномично: психические состояния делятся на «непривлекательные» и «прекрасные». И поскольку по мысли Соловьева, первые а priori открыты, нет нужды в их творческом перевоплощении, в их диалектическом развитии. Существительному «сокрытие», более точно выражающему значение «действия и состояние по знач. глаг. сокрывать и сокрываться» [3, с. 648], философ предпочел другую его форму – «сокровение», созвучную слову «откровение», но более редкую, восходящую к церковнославянскому. (В церковнославянском значение слова «сокровение» не абстрактно, а предметно, оно обозначает «запас, провиант» [17, с. 633]). Несмотря на это, представляется, что актуализация антонимов «откровение» / «сокровение» оказывается не просто стилистическим приемом, но задает диалектическую перспективу в определении природы лирической поэзии, отчуждает от лирики «непривлекательные», «поверхностные» состояния психики, а также подспудно утверждает мысль о возможности воплощения в поэтическом слове душевной красоты. В основе соловьевского определения понятия «душевной красоты» лежит единство антиномий закрытого, внутреннего и универсального, внешнего, открытого: «В поэтическом откровении нуждаются не болезненные наросты и не пыль и грязь житейская, а лишь внутренняя красота души человеческой <курсив мой – Ю.А.>, состоящая в ее созвучии с объективным смыслом

вселенной <курсив мой – Ю.А.>, в ее способности индивидуально воспринимать и воплощать этот всеобщий существенный смысл мира и жизни» [21, с. 401]. О красоте души Соловьев размышлял как о творческой способности к освоению положительного смысла внешнего мира, к воссозданию его в новых формах. Именно диалектика внутреннего, частного и внешнего, общего отличает, по Соловьеву, лирику от других искусств: «Лирика останавливается на более простых, единичных и вместе с тем более глубоких моментах созвучия художественной души с истинным смыслом мировых и жизненных явлений» [21, с. 401]. Современный исследователь русской философии О. Смит, автор монографии о философии В. Соловьева, так характеризует соловьевскую концепцию «поэтического виденья»: «Разница между поэтическим видением и повседневным восприятием заключается не в сущности, а в качестве: глаз художника видит и чувствует то же самое, что и прозаик, но “духовное восприятие” первого является исключительным, поскольку оно проникает в чисто феноменальное, чтобы придать объекту доступную идеальную форму к ней через созерцание и вдохновение» [29, с. 220].

Состояния единства души с мировым логосом, а также способность души к таким состояниям, Соловьев называет «лирическим настроением» или «лирическим чувством». О чувстве как источнике творчества, Соловьев рассуждал еще в «Философских началах цельного знания» (1877), на что указывает Т. Немец, анализируя эту работу философа: «Подобно тому, как мышление служит субъективной основой познания, а активная воля — субъективной основой практической деятельности, так и чувство служит основой творчества» [26, с. 129]. Понятие «лирическое настроение», наряду с такими понятиями, как «откровение души», «красота души», «созвучие души с истинным смыслом явлений», — одно из ключевых в его «учении о лирике». Оно позволяет Соловьеву объяснить источник лирической поэзии, или, по Аристотелю, ее «начало движения». Объясняя, что именно он называет «лирическим настроением», философ в качестве аналогии приводит немецкое понятие «Innerlichkeit»: «Это есть первый признак лирической поэзии, ее задушевность или по-немецки Innerlichkeit. Но это лишь особенность лирического настроения, доступного и простым смертным, особенно так называемым “поэтам в душе”». В «Полном немецко-русском словаре» 1887 г. дефиниции существительного «Innerlichkeit» нет, но приведено значение прилагательного «Innerlich» – «внутренний, мысленный, тайный, сокровенный» [16, с. 385]. Соловьев, по-видимому, отсылал не столько к непосредственному значению слова, сколько к философскому понятию, обозначаемому этим словом: «внутренняя, сокровенная сущность; внутренняя жизни; душевность, искренность» [7, с. 96].

Еще одним гносеологическим «инструментом», к которому обращается Соловьев в своем «учении о лирике» служит диалектика формы и содержания. Если относительно идеи субъективности лирики Соловьев полемизирует с Гегелем, то, выдвигая тезис о единстве формы и содержания как условия истинной поэзии, русский философ предстает последователем немецкого. Разница, правда, состоит в том, что для Гегеля тождество формы и содержания – признак любого истинного искусства («Только те произведения искусства, в которых содержание и форма тождественны, представляют собой истинные произведения искусства» [6, с. 299]), а для Соловьева – это тождество является сущностной характеристикой лирической поэзии, в отличие и от поэзии «прикладной», и от других искусств: «В истинно лирическом стихотворении нет вовсе содержания отдельного от формы, чего нельзя сказать о других родах поэзии. Стихотворение, которого содержание может быть толково и связно рассказано своими словами в прозе, или не принадлежит к чистой лирике, или никуда не годится» [21, с. 402]. Лирическое

произведение рассматривается как синтез формы и замысла: «Что касается особенности лирического произведения, то она состоит в совершенной слитности содержания и словесного выражения» [21, с. 402]. В общетеоретических построениях Соловьева истинно-лирическое произведение рассматривается как развернутое к абсолюту, принципиально открытое – в силу своей обращенности к «истинному смыслу мировых и жизненных явлений» [21, с. 401] и в то же время завершенное – в силу конечности формы.

Немаловажным аспектом изложенной в статье «О лирической поэзии» теории является и проблема прагматики лирического произведения, или, иными словами – вопрос о том, в чем состоит «благо» лирической поэзии. Отвечая на этот вопрос, философ резко разошелся с эстетической критикой с ее лозунгом «искусство для искусства». Чистая лирика, по Соловьеву, не только самоценна, но и решает онтологические «задачи». Представление философа о прагматике поэзии сопряжено с идеей взаимодействия антиномий «обновления» и «ветхости». По мысли философа, «чистая лирика», в отличие от «прикладной», обращена вовсе не к «историческому» и «временному», а к поиску соответствия между индивидуально-личным и абсолютным, но и у нее есть своя «задача». Эту задачу Соловьев определяет, ориентируясь на учение Аристотеля о трагедии, о катарсисе: «Если от жизненной тревоги он <поэт – прим. Ю.А.> уходит в мир вдохновенного созерцания, то ведь он возвращается не с пустыми руками: то, что он оттуда приносит, позволяет и простым смертным “вдохнуть на мгновение чистым и свободным воздухом поэзии”. А едва ли можно сомневаться, что такое освежение полезно и для самой жизненной борьбы. Не одна только трагедия служит к очищению (καθάρις) души: быть может, еще более прямое и сильное действие в этом направлении производит чистая лирика на всех, кто к ней восприимчив» [21, с. 404]. Здесь душа понимается как то, что в процессе жизненного пути может ветшать под воздействием бытовых обстоятельств и обновляться в процессе приобщения к вечности. Один из путей, ведущих душу к «приобщению» абсолюту, — истинная поэзия: душа, воспринимающая произведение искусства, освобождается от «всяческих житейских скорбей» [21, с. 403]. «Благо» лирической поэзии, ее «польза», таким образом, состоит в том, что освоение лирического произведения позволяет воспринимающей его душе освободиться от временного, приобщиться к вечности и через это приобщение обновиться. Поэтическое творчество и восприятие поэзии предстают способами «свободного участия человека в деле Божиим» [28, с. 148]. Интересно отметить, что если в приведенном выше высказывании Соловьева возникает метафора поэтического творчества как «ухода в мир вдохновенного созерцания», то в стихотворении «А.А. Фету, 19 октября 1884» структурообразующим элементом оказывается развернутая метафора путешествия поэта-переводчика во времени и пространстве: *Перелетев на крыльях лебединых / Двойную грань пространства и веков, / Послушал ты на царственных вершинах / Живую песнь умолкнувших певцов*. Стихотворение было написано по случаю вручения Фету первой Пушкинской премии за полный перевод Горация. В нем образ поэта-переводчика обрамлен мотивами «путешествия» (к «царственным вершинам», образ которых ассоциируется с «золотым веком», мифической Аркадией) и «возвращения» («на наши берега»). Идея осуществления перевода и обогащения культуры новым переложением Горация связана с образом «пышного лавра», с мотивом его цветения: *И пышный лавр среди степи нелюдимой / На песнь твою расцвел и зашумел*. Образ лавра, цветущего среди «степи», – это аллегория, основанная на синтезе антиномий – античности (воспринятой как время расцвета культуры, колыбели поэзии) и современности (к поэзии уже охладевшей). Поэт-переводчик рассматривается как проводник, как медиум, сумевший «воскресить» для современной культуры забытые «песнопения». Созданный в

этом стихотворении образ Фета-переводчика соотносится с теоретическим представлением Соловьева о поэте, который «приносит с другого берега» живое слово, позволяющее тому, кто его воспринимает приобщиться к универсуму.

Так, в основе структуры теоретического вступления Соловьева – гносеологические принципы, идущие от учения Аристотеля «о причинах», а логика его рассуждения зиждется на диалектическом взаимодействии таких свойств и категорий, как «открытость» / «завершенность»; «форма» / «содержание»; «обновление» / «ветхость». Такое восприятие лирики определяет подход философа к конкретным лирическим произведениям Фета. Стихотворения Соловьев анализирует сквозь призму представления о лирическом произведении как синтезирующем открытость к универсальным духовным законам и завершенность формы.

Рассуждая о лирике Фета, Соловьев выбирает 33 стихотворения из цикла «Вечерние огни». Сначала рассматриваются те стихотворения, которые, по мысли философа, отражают мироощущение поэта: «Кому венец: богине ль красоты...», «Я видел твой млечный, младенческий волос...», «Добро и зло» («Два мира властвуют от века...»), «Не тем, Господь, могуч, непостижим...», «Поэт» («Сердце трепещет отрадно и больно...»), «Одним толчком согнать ладью живую...», «Всё, всё мое, что есть и прежде было...», «Я потрясён, когда кругом...», «Как беден наш язык! — Хочу и не могу...», «Только в мире и есть, что тенистый...». Затем философ цитирует произведения, выражающие характер «лирического настроения» поэта: «Как мошки зарею...», «Сны и тени...», «Сновиденье, Пробужденье...», Фредерику Шопену («Ты мелькнула, ты предстала...»), Романс («Злая песнь! Как больно возмутила...»), «Что ты, голубчик, задумчив сидишь...». И наконец, философ отмечает стихотворения, наиболее показательные с точки зрения проблемно-тематического диапазона сборника: «Ты отстрадала, я ещё страдаю...», «Томительно-призывно и напрасно...», «Alter ego» («Как лилея глядится в нагорный ручей...»), «Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...», «В страданьи блаженства стою пред тобою...», «Кровию сердца пишу я к тебе эти строки...», «Страницы милые опять персты раскрыли...», «Не вижу ни красы души твоей нетленной...», «Нет, я не изменил. До старости глубокой...», «Во сне» («Как вешний день, твой лик приснился снова...»), «Жду я тревогой объят...», «В степной глуши, над влагой молчаливой...», «Майская ночь», «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...», «Море и звезды», «Сонет» («Когда от хмелю преступлений...»), «На смерть Мити Боткина» («Тебя любили мы за резвость молодую...»). В рамках каждой из названных перспектив («мироощущение», «лирическое настроение» и «проблемно-тематический диапазон») логика философа тоже обнаруживает диалектичность. Так, например, к числу «постулатов», на которых зиждется мироощущение Фета, Соловьев относит примат духовного внутреннего мира над внешним материальным: «Внутренний духовный мир еще более реален и бесконечно более значителен для поэта, чем мир материального бытия» [\[21, с. 405\]](#). Примером, иллюстрирующим этот тезис, служит стихотворение Фета «Не тем, Господь, могуч непостижим...»: в этом произведении противопоставляется внешняя ограниченность человека, его «мгновенность», безграничности духовного мира, временной и пространственной свободе, безотносительности. Имплицированная диалектика интерпретации Соловьева определяется тем, что «духовное» и «материальное» в этом стихотворении предстают антиномичными свойствами, утрачивающими автономию в единстве лирического «я».

Проанализировав специфику воплощения в стихотворениях Фета «лирического настроения», Соловьев пришел к выводу о том, что изначальный импульс поэта к творчеству связан с его стремлением придать форму мистическим состояниям души,

когда она обращена к сверхбытийному. В стихотворениях «Сны и тени...» и «Сновиденье, Пробужденье...» философ увидел попытку отразить источник истинной поэзии – еще не обретшие разрешенность в слове переживания: «Здесь, – писал философ о стихотворении «Сны и тени...», – поэт как бы открывает нам самые корни лирического творчества, которые сравнительно с цветущим растением, конечно, темны, бледны и бесформенны» [\[21, с. 409\]](#). Обращает на себя внимание на то, что Соловьев в соответствии с выдвинутой им в начале статьи формулой лирической поэзии рассматривает стихотворение как «откровение»: в произведении «открывается» тот таинственный и сложно фиксируемый опыт, за которым следует творческий акт. Бесформенности проживаемого душой опыта противопоставлена оформленность художественного произведения, в котором переживание находит воплощение и разрешение. Интересно в этой связи, что сама форма стихотворения «Сны и тени...» нацелена на приобщение читателя к опыту поэта. На это указывает современная исследовательница творчества Фета, «<...> строфическая организация стихотворения помогает превратить его чтение в своеобразное переживание» [\[25, с. 281\]](#).

Исследуя проблемно-тематический диапазон «Вечерних огней», Соловьев исходит из того, что поэтическая душа воспринимает истинный смысл мира через эстетические впечатления, полученные в ходе созерцания красоты природы и, с другой стороны, через исходящие из внутренних сил души любовные переживания: «Эти две темы: вечная красота природы и бесконечная сила любви – и составляют главное содержание чистой лирики» [\[21, с. 412\]](#). Лирическая поэзия здесь понимается философом как результат процесса воплощения феноменов, свободных от условностей времени (красота природы) и пространства (любовь), произведения чистого поэтического искусства в своих завершенных формах фиксируют опыты соприкосновения души с вечностью. В то же время сами эти аксиологические доминанты – красота природы и любовь – могут, с точки зрения философа, находить различные пути отражения в стихотворениях Фета. Особенности воплощения этих тем рассматриваются в перспективе диалектики частного и общего: «Истинный смысл вселенной – индивидуальное воплощение мировой жизни, живое равновесие между единичным и общим, или присутствие всего в одном, – этот смысл, находящий себе самое сосредоточенное выражение для внутреннего чувства в половой любви, он же для созерцания является как красота природы» [\[21, с. 418\]](#). Объяснение космологии Соловьева дает современный американский исследователь русской философии Р. Пул, с точки зрения которого метафизика всеединства связана с пониманием «космоса как проявления божественного абсолюта в процессе его собственного становления или самореализации» [\[28, с. 132\]](#). В этом смысле Соловьев по-гегелевски связывает становление абсолюта с его участием в жизни каждого элемента космоса, в том числе и в процессе художественного творчества. И хотя в статье «О лирической поэзии» слова «всеединство» нет, приведенное выше высказывание философа свидетельствует о том, что Соловьев как интерпретатор лирики Фета обращал внимание на те стихотворения «Вечерних огней», в которых особенно явно выражается интуиция о единстве индивидуального и общего, единичность и множественность, мгновенность и бесконечность. Рассуждая о любовной лирике Фета, он отметил, что в ней воплотилось «индивидуально-духовное отношение, сосредоточенное в своем единственном предмете, внутренне-бесконечное и ничем не сокрушимое» [\[21, с. 413\]](#). При этом общим для любовных стихотворений Фета считает то, что все они становятся выражением, оформлением любви как вечной ценности: «<...> настоящая любовь, над которою бессильны время и смерть, не остается только в сердечной думе поэта, она воплощается в осязательные образы и звуки и своею посмертною силой

захватывает все его существо» [21, с. 415]. Аналогичный подход обнаруживается и в интерпретации натурфилософской лирики Фета. Продолжая отрицать идею Гегеля о «субъективности» лирики, Соловьев подчеркивает, что в некоторых произведениях Фета красота природы передается настолько точно, что личность поэта отступает на второй план: «Есть лирические стихотворения, в которых красота и жизнь природы прямо отражаются в поэтической душе, как в зеркале, не оставляя никакого места для ее субъективности: видишь образ, овладевший поэтом, а самого поэта совсем не видно» [21, с. 420]. Стихотворения о природе рассматриваются как синтезирующие объективное (природа) и субъективное (личное восприятие поэта).

Проведенный имманентный анализ статьи Соловьева «О лирической поэзии», показывает, что диалектика таких свойств, как «открытость» / «завершенность», «единичность» / «множественность», «субъективность» / «объективность» оказывается одним из инструментов интерпретации Соловьевым лирики Фета. Соловьев рассматривает ее как метафизическое откровение, стихотворения Фета предстают развернутыми к вневременному. Обращение к диалектике позволяет философу показать, как именно, с его точки зрения, в стихотворениях Фета утверждается вечно-истинное духовное над временным материальным. Вместе с тем, именно «материальное», завершенное в построениях Соловьева предстает и ключом к «духовному», и посредником между откровением и читателем. Актуализация диалектики в качестве одной из оптик анализа лирики сближает метод интерпретации Соловьева с его философской программой «положительной эстетики» в целом и, с другой стороны, позволяет по-новому взглянуть на проблему взаимосвязи интерпретативной стратегии философа с герменевтической традицией. Теоретические рассуждения Соловьева о том, чем является лирическая поэзия как таковая, композиционно и риторически восходят к учению Аристотеля о «причинах», а сама система идей выстроена в неоплатонической парадигме и базируется на традициях классической эстетики и русской литературной критике. Проведенный анализ задает и новые исследовательские перспективы, в частности обнаруживает необходимость изучения диалектических принципов в подходе Соловьева к лирике других русских поэтов.

Библиография

1. Аристотель. Метафизика. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.
2. Асадулаева Г.Х. Особенности критического метода Владимира Соловьева // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки, 2007. № 6. С. 30–37.
3. Большой академический словарь русского языка. Т. 26. М., СПб.: Наука, 2019. 696 с.
4. Бонецкая Н. К. Предтечи русской герменевтики // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 90–98.
5. Бычков В.В. Эстетика Владимира Соловьева как актуальная парадигма // История философии. 1999. № 4. С. 3–43
6. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
7. Зайцева З.Н. Немецко-русский и русско-немецкий философский словарь. М.: Изд-во МГУ, 1998. 320 с.
8. Иванова Е.В. Владимир Соловьев и формирование русской религиозно-философской эстетики // Соловьевские исследования. 2006. Вып. 1 (12). С. 5–60.

9. Ипатова С.А. Об участии В.С. Соловьева в фетовском переводе «Энеиды» Вергилия // Соловьевские исследования. 2020. №. 4 (68). С. 119–135.
10. Козырев А.П. Соловьев и гностики. М.: Изд. Савин С.А. 2007. 544 с.
11. Крохина Н.П. Вл. Соловьев и рождение русской герменевтики // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 4. С. 153–156.
12. Магомедова Д.М. Владимир Соловьев // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. С.732–779.
13. Мусаева Г.Х. Эстетические основы философско-литературной критики В.С. Соловьев // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. Вып. 3. С. 16–19.
14. Переписка Фета с Вл.С. Соловьевым (1881–1892) / Публикация Г. В. Петровой // А.А. Фет: Материалы и исследования. Вып. 2. СПб.: Контраст. 2013. С. 359–428.
15. Пильд Л. «Вечерние огни» Фета и «зодчество» Соловьева // От Кибирова до Пушкина: сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М., 2011. С. 436–447.
16. Полный немецко-русский словарь. СПб.: Стереотипное заведение Исидора Голдбе. 1877. 414 с.
17. Полный церковнославянский словарь. М.: Отчий дом, 2004. 1120 с.
18. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 3. М.: Азбуковник, 2003. 720 с.
19. Сарычева К.В. Восприятие Ф.И. Тютчева и А.А. Фета в русской литературной критике 1870-х – 1900-х гг. PhD Thesis. Тарту. 2016. 173 с.
20. Силакова Д.В. «Твое благословение на этот путь заранее со мной...» (К вопросу о взаимоотношениях В.С. Соловьева и А.А. Фета) // А.А. Фет: проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1998. С. 52–59.
21. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство. 1991. 701 с.
22. Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель. Жизнь с Богом. 1977. 448 с.
23. Рашковский Е.Б. Философская поэтология Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. 2018. Вып. 4 (60). С. 11–26.
24. Юрина Н.Г. Литературно-критическая концепция В.С. Соловьёва: истоки, становление, развитие. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2013. 280 с.
25. Klenin E. The Poetics of Afanasy Fet. Böhlau, 2002. 409 p.
26. Nemeth T. The Later Solov'ëv. Philosophy in Imperial Russia. Springer, 2019. 317 p.
27. Obolevitch T. Faith and Science in Russian Religious Thought. Oxford. Oxford University Press. 2019. 235 p.
28. Poole, R.A. Vladimir Solov'ev's philosophical anthropology: autonomy, dignity, perfectibility. In: A History of Russian Philosophy 1830–1930. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. P. 131–150).
29. Smith O. Vladimir Soloviev and the spiritualization of matter. Boston, Academic Studies Press. 2011. 325 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Лирика А.А. Фета в интерпретации Вл. Соловьева: к вопросу о методологии», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению философской критики на лирику А. А. Фета.

Целью данной работы заявлено выявить и проанализировать взгляды Вл. Соловьева как представителя философской критики на сущность поэтического творчества на материале работ о лирике А.А. Фета. Считаем, что поставленная цель реализована в тексте статьи. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. К сожалению автор не указывает объем корпуса исследования, а также методологию его формирования. Теоретические измышления недостаточно проиллюстрированы языковыми примерами, а также не представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования.

Кроме того, отсутствует информация о языковом корпусе исследования, на котором оно зиждется.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к оригинальным работам зарубежных авторов по смежной тематике, несомненно, обогатило бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

В работе допущены ряд пунктуационных, орфографических ошибок и стилистических неточностей, к примеру, «Лирические произведения Фета как Соловьев анализирует сквозь призму такого представления о лирическом произведении,...», «Каковы же те абсолютные истины, к которым обращен Фет как чистый лирик, по Соловьеву...», «К числу «откровений», выраженных в лирике Фета Соловьев относит следующие....» и далее по тексту.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов теории литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Лирика А.А. Фета в интерпретации Вл. Соловьева: к вопросу о методологии» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после вычитки текста, устранению

допущенных ошибок, структурированию библиографического списка с учетом действующего библиотечного ГОСТа.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи ориентирована на методологию оценки лирики А.А. Фета Вл. Соловьевым. Заметим, что предмет рассмотрения не является абсолютно, однако, заслуживает должного внимания. Автор последователен в своем сочинении, от номинаций общего характера осуществлен переход к детальному разбору. Как отмечается в начале труда, «среди созданных Владимиром Сергеевичем Соловьевым трудов особое влияние на процесс формирования русской религиозно-философской эстетики оказали его теоретические статьи об искусстве, а также цикл работ о писателях и поэтах. Большинство этих работ были опубликованы при жизни философа, в основном в журнале «Вестник Европы». Некоторые из этих статей (например, статья о М.Ю. Лермонтове) при жизни Соловьева не печатались, но их объединяет взаимосвязь с эстетической программой философа, реализованный в них метод интерпретации и то, что они были написаны в последний период творчества философа. В основной корпус статей, позволяющих судить о подходе философа к русским поэтам, входят следующие работы: «Судьба Пушкина», «Лермонтов», «Поэзия Ф.И. Тютчева», «Поэзия гр. А.К. Толстого», «О лирической поэзии», «Буддийское настроение в поэзии». В целом работа имеет законченный вид, основные моменты, связанные с трактовкой лирики А.А. Фета Вл. Соловьевым, определены. Критическая палитра очерчена фактурно, цитации даны в допустимом формате. Например, «ориентация на обнаружение процесса раскрытия «вечного», абсолютного в законченной форме художественного произведения проявляется и в работах Соловьева о поэтах, ведь, с его точки зрения, истинная поэзия – та, что воплощает вечные истины. Недаром Р.А. Гальцева и И.Б. Роднянская во вступительной статье к собранию литературной критики философа отмечают: «Ведущая мысль Соловьева – о свете преображения, которым будет пронизан и претворен весь тварный мир» [21, с. 9]. Показательно и сформулированное Гальцевой и Роднянской соотношение диалектических оснований эстетики Гегеля и эстетики Соловьева: если для Гегеля, по мысли исследовательниц, законченное, «мир воплощенных форм» второстепенны по отношению к Абсолюту, то соловьевская эстетика зиждется на идее реального блага «воплощенной красоты» и т.д. Материал будет полезен при изучении русской литературы XIX века, в частности творчества Афанасия Фета. Отмечу, что замысел исследования продуман, серьезных фактических нарушений не выявлено. Стиль ориентирован на научный тип: например, «немаловажным аспектом изложенной в статье «О лирической поэзии» теории является и проблема прагматики лирического произведения, или, иными словами – вопрос о том, в чем состоит «благо» лирической поэзии. Отвечая на этот вопрос, философ резко разошелся с эстетической критикой с ее лозунгом «искусство для искусства». Чистая лирика, по Соловьеву, не только самоценна, но и решает онтологические «задачи». Представление философа о прагматике поэзии сопряжено с идеей взаимодействия антиномий «обновления» и «ветхости». По мысли философа, «чистая лирика», в отличие от «прикладной», обращена вовсе не к «историческому» и «временному», а к поиску соответствия между индивидуально-личным и абсолютным, но и у нее есть своя «задача». Наличного текстового объема достаточно для раскрытия сути вопроса. В итоговой блоке автор приходит к выводу, что «проведенный имманентный анализ статьи Соловьева «О

лирической поэзии», показывает, что диалектика таких свойств, как «открытость» / «завершенность», «единичность» / «множественность», «субъективность» / «объективность» оказывается одним из инструментов интерпретации Соловьевым лирики Фета. Соловьев рассматривает ее как метафизическое откровение, стихотворения Фета предстают развернутыми к вневременному. Обращение к диалектике позволяет философу показать, как именно, с его точки зрения, в стихотворениях Фета утверждается вечно-истинное духовное над временным материальным. Вместе с тем, именно «материальное», завершенное в построениях Соловьева предстает и ключом к «духовному», и посредником между откровением и читателем...» и т.д. Статью отличает конструктивная позиция исследователя, которая логически представлена в основной части. Текст не нуждается в серьезной правке и доработке. Рекомендую статью «Лирика А.А. Фета в интерпретации Вл. Соловьева: к вопросу о методологии» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Расторгуева Н.Е., Панина Я.О., Орехова Е.О. — Специфика медийного освещения антиправительственных протестов на Кубе (2021) // Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.68980 EDN: EQRRER URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68980

Специфика медийного освещения антиправительственных протестов на Кубе (2021)

Расторгуева Наталья Евгеньевна

ORCID: 0000-0002-7540-0848

кандидат филологических наук

старший преподаватель, кафедра теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2

✉ rastorgueva_ne@pfur.ru



Панина Яна Олеговна

магистрант, кафедра теории и истории журналистики, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2

✉ 1132223770@rudn.ru



Орехова Елизавета Олеговна

магистрант, кафедра теории и истории журналистики, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2

✉ 1132223771@rudn.ru



[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.68980

EDN:

EQRRER

Дата направления статьи в редакцию:

08-11-2023

Дата публикации:

15-11-2023

Аннотация: Статья посвящена выявлению особенностей освещения акций протестов на Кубе в информационном пространстве страны в июле 2021 г. Они начались вследствие социально-экономического кризиса, причиной которого, по мнению кубинского правительства, стали санкции со стороны США, а по мнению оппозиции - царящая в стране «коммунистическая диктатура». Принимая во внимание то, что Куба с ее нынешней политической и социально-экономической системой является особым примером в мире, авторы статьи задались целью исследовать медийные интерпретации произошедших событий как в подконтрольных государству традиционных СМИ, так и в являющемся специфической социальной и коммуникационной средой в Интернет-пространстве, массовый доступ к которому кубинцы получили лишь в 2018 г. При написании статьи были использованы методы контент-анализа, сравнительного анализа, а также метод синтеза информации, позволяющие показать особенности формирования информационной повестки в современном кубинском медиапространстве. Проанализировав публикации крупнейших кубинских СМИ, таких как газета «Гранма» и портал «Кубадебате», а также материалы соцсетей, авторы пришли к выводу, что массовое распространение интернета положило начало постепенным изменениям в медиаландшафте страны: социальные сети и финансируемые из-за рубежа оппозиционные Интернет-СМИ стали альтернативным источником информации, что оказало влияние на общественно-политическую жизнь Кубы: приобретая популярность и получив новую площадку для продвижения антиправительственных идей, они стали выполнять функцию общественного организатора не только в сети, но и «на улицах». Одним из примеров этого явления стали протесты 11 июля 2021 г., ставшие новым вызовом для политического руководства страны, уже несколько десятилетий борющейся против американской экономической блокады.

Ключевые слова:

государственные СМИ, гражданская журналистика, Интернет-СМИ, Куба, кубинские СМИ, медиа, социальные сети, политическая коммуникация, протесты, Твиттер

11 июля 2021 г. на Кубе вспыхнули массовые протесты, связанные с недовольством общества политикой правительства. Демонстрации начались рано утром в муниципалитете Сан-Антонио-де-лос-Баньос, рядом с Гаваной. Узнав о происходящем из прямой трансляции на Facebook Live, жители других городов также стали выходить на улицу. Через несколько часов протесты распространились на восток страны. Одной из основных их причин стал социально-экономический кризис, разразившийся в стране в связи с проблемами в системе здравоохранения, распределении продуктов питания и перебоями электричества, что вызвало недовольство у граждан. Согласно данным Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна, в 2020 г. кубинская экономика продемонстрировала снижение на 10,9% (при этом ВВП на душу населения показал годовое снижение на 10,8%). Хотя экономический спад начался во второй половине 2019 г., в 2020 г. ситуация значительно ухудшилась из-за начала пандемии коронавирусной инфекции, ужесточения экономической и торговой блокады и усиления внутренних дисбалансов в национальной экономике [\[1\]](#).

Действующий президент Мигель Диас-Канель принял оперативные меры для решения

этой проблемы: на время в некоторых частях Острова свободы был заблокирован интернет, глава государства через газеты, радио и телевидение призвал граждан Кубы выходить на ответные протесты в защиту революции и идей социализма. Так как журналистика на Кубе находится в государственной собственности, подобные действия позволили быстро решить проблему.

В этой связи необходимо отметить, что в условиях строгой цензуры данные протестные акции явились специфичным способом коммуникации части населения страны с государственной властью. В стране не существует официальных оппозиционных медиа, все СМИ находятся в государственной собственности, влияя на «формирование предпочтений общества, играя роль координатора и организатора потоков информации» [2]. Процесс политической коммуникации реализуется правительством не только с помощью СМИ, но и с помощью различных общественных объединений или личного воздействия на аудиторию [3,4]. Широко известно, например, что Фидель Кастро обладал прекрасным ораторским даром и, еще находясь на посту председателя Государственного Совета Кубы, в 2007 г., начал диктовать статьи, которые печатались в рубрике «Размышления главнокомандующего» в газете «Гранма», а после того, как 24 февраля 2008 г. Национальная ассамблея народной власти избрала на этот пост Рауля Кастро, цикл был переименован в «Размышления товарища Фиделя Кастро». Сейчас на сайте Интернет-версии газеты есть разделы «Речи Диас-Канеля» («Discursos de Díaz-Canel»), «Речи Рауля» («Discursos de Raúl»), в которых первые лица государства часто апеллируют к идее национального суверенитета и призывают бороться против американского империализма.

Как уже отмечалось, население Кубы лишь недавно получило возможность беспрепятственного выхода в Интернет. Введённое США эмбарго сильно замедлило развитие информационно-коммуникационных технологий в стране. Несмотря на то, что первое Интернет-соединение было установлено на Кубе в 1996 г., первоначально, согласно принятому в том же году декрету №209/96 «О доступе Республики Куба к глобальным сетям» доступ к нему могли получать только «юридические лица и учреждения, имеющие наибольшее значение для жизни и развития страны», а также туристы. В то же время, это помогало защитить страну от информационных атак антиправительственных сил, способных нанести удар социалистическому строю. Ситуация изменилась после того как президент Венесуэлы Уго Чавес выделил средства на прокладку оптоволоконного кабеля по дну Карибского моря из Венесуэлы. Он был введен в эксплуатацию в 2014 г., а с 2018 г. жители страны получили доступ к мобильному интернету по технологии мобильной связи третьего поколения (3G).

Цифровое информационное пространство приобрело большое общественное значение, что повлияло на развитие гражданских практик и ценностей [5]. Интернет стал главной площадкой распространения антиправительственных идей в стране, которые тиражируются оппозиционными СМИ, созданными зачастую при поддержке иностранного капитала и ориентированными на кубинскую аудиторию: «Радио и Телевизион Марти» (Radio y Televisión Martí - «Радио и Телевидение Марти»), «Диарио де Куба» («Diario de Cuba» – «Кубинская газета»), «Кубанет» (Cubanet), АДН Куба» (ADN Cuba). Шведские политологи Янина Велп и Альберт Хиршман считают, что специфика июльских акций протеста заключалась в том, что за ними не стояло лидера или организации, а к мобилизации привело взаимодействие пользователей социальных сетей, обладавших чувством солидарности. Именно оно стало важнейшим стимулом к распространению информации [6]. Таким образом, распространенная в Интернете информация стала катализатором создания горизонтальной активистской культуры, которая, по образному

определению канадского социолога Наоми Кляйн, действует как «облако комаров» [7], не нуждаясь в организационной структуре. Кубинское правительство, однако, не поддерживает эту позицию, возлагая вину за случившееся на США.

На следующий день после протестов «Кубинское телевидение» (TVС) показало выступление президента Кубы Мигеля Диаса-Канеля Бермудеса. Он отметил, что протесты подогревались со стороны Белого дома, и призвал кубинцев защищать свое право на суверенитет, выходить на проправительственные демонстрации всех тех, кто чтит достижения кубинской революции. Также глава государства подчеркнул, что действия несогласных были крайне варварскими: они врывались в магазины, грабили их, бросались камнями в полицейских, пытались тем самым подорвать социалистический строй и внести раскол между народом и партией (El gobernante cubano, Miguel Díaz-Canel, habla en televisión tras las protestas históricas. [Электронный ресурс] // YouTube, 2021. URL : <https://www.youtube.com/watch?v=Qr14SgTrpXVY> (дата обращения: 05.11.2023). В годы своего правления о том, что США пытаются активизировать волнения на Кубе говорил в своих выступлениях и статьях Фидель Кастро: «Поведение и действия Кубы в ответ на провокации империи будут абсолютно мирными, но мы нанесем удар со всей силой нашего боевого духа и будем готовы пролить каждую каплю крови перед лицом любой военной агрессии со стороны жестокой империи, которая нам угрожает» (Castro Ruz F. Convoncan a Marcha multitudinaria en Cuba contra el terrorismo este martes [Электронный ресурс] // Cubadebate. 2006. URL: <http://www.cubadebate.cu/especiales/2006/01/23/convoncan-marcha-multitudinaria-cuba-terrorismo/> (дата обращения: 07.11.2023).

В своем выступлении Мигель Диас-Канель также отметил, что некоторые записи происходящих событий были подвергнуты монтажу, об этом же писал портал «Кубадебате» («Cubadebate»): «Видео, которые были смонтированы с хорошо отредактированным и наложенным звуком, сразу же появились в сетях» (Las herencias republicanas de los demócratas y las “espontáneas” demostraciones [Электронный ресурс] // Cubadebate. 2021. URL: <http://www.cubadebate.cu/opinion/2021/08/04/las-herencias-republicanas-de-los-democratas-y-las-espontaneas-demostraciones/> (дата обращения: 15.11.2023).

На сайте было опубликовано множество материалов с разоблачением политики правительства США и его роли в июльских протестах. Так, автор статьи «Американские СМИ предвзято освещают кубинские и колумбийские протесты» от 15 января 2022 г., ссылаясь на исследование, проведенное Майклом Вулфом и Джессикой Фемениас из Стэнфордского университета, утверждает, что крупные американские СМИ в значительной степени влияют на то, как североамериканская и международная аудитория и политики воспринимают действия кубинского правительства. Авторы исследования проанализировали освещение протестов на Кубе с 11 июля по 20 августа 2021 г. Согласно полученным результатам, в «Нью-Йорк таймс» за этот период было опубликовано 13 статей, в 12 (92%) из которых кубинское правительство было названо главным или единственным виновником случившегося, при этом о последствиях введения США эмбарго, усугубившего тяжелое социально-экономическое положение страны, не упоминалось вовсе. Публикации «Вашингтон пост» оказались более нейтральными – из 36 статей в 27 (75%) в беспорядках обвинялось только (или в основном) кубинское правительство а в 6 (16%) упоминалось про эмбарго (Medios de prensa estadounidenses brindan cobertura sesgada de protestas cubanas y colombianas [Электронный ресурс] // Cubadebate. 2022. URL: <http://www.cubadebate.cu/noticias/2022/01/15/medios-de-prensa-estadounidenses->

brindan-cobertura-sesgada-de-protestas-cubanas-y-colombianas/ (дата обращения: 05.11.2023).

Об американском участии в организации беспорядков говорилось также в статье «Залив Твитов: документы указывают на то, что к организации протестов на Кубе причастны США» (MacLeod A. The Bay of Tweets: Documentos apuntan a la mano de Estados Unidos en protestas en Cuba [Электронный ресурс] // Cubadebate. 2021.URL: <http://www.cubadebate.cu/especiales/2021/07/17/the-bay-of-tweets-documentos-apuntan-a-la-mano-de-estados-unidos-en-protestas-en-cuba/>(дата обращения: 05.11.2023). По словам автора, Алана МакЛеода, Национальный фонд демократии США и Агентство США по международному развитию финансируют антиправительственные проекты на Кубе. В частности, еще в 2010 г. Агентством международного развития США был инициирован запуск приложения под названием ЗунЗунео (ZunZuneo (кубинский аналог Твиттера). Количество его пользователей достигло 40 тысяч на пике своего развития. Идея заключалась в том, чтобы создать сервис, который постепенно будет внедрять в кубинское общество идеи смены режима и способствовать разжиганию протестов. Алан МакЛеод пришел к выводу, что американские СМИ приложили все усилия, чтобы преувеличить масштабы антиправительственных акций на Кубе и сильно преуменьшить число участников проправительственных контрдемонстраций. В них публиковались многочисленные материалы о превышении полномочий полицейскими по отношению к протестующим, в том числе незаконных задержаниях во время протестов (в том числе подростков), а американская модель демократии представлялась как единственный путь к спасению Кубы. «Гардиан», «Фокс Ньюс», «Файненшл Таймс», Эн-Би-Си и «Yahoo!», использовали для иллюстрации антиправительственных протестов изображения защитников правительства, не обращая внимания на то, что на фоне «недовольных» виднелись большие красно-черные транспаранты с надписью «26 июля» («Движение 26 июля» - название политической организации Фиделя Кастро, которая свергла правительство Ф. Батисты на Кубе).

Важную роль в организации протестов на Кубе сыграли социальные сети. Еще в 2017 г. Мигель Диас-Канель, занимавший в ту пору пост первого заместителя председателя Государственного совета Кубы, заметил, что в социальных сетях идет чрезвычайно важная дискуссия, направленная на разрушение идеологических основ Кубинской революции. «В этих социальных сетях проводится планомерная работа по идеологической подрывной деятельности» (Padinger G. ¿Qué papel han jugado la tecnología y las redes sociales en la crisis en Cuba? [Электронный ресурс] // CNN. 2021. URL: <https://cnnespanol.cnn.com/2021/07/14/rol-tecnologia-redes-sociales-crisis-cuba-orix/> (дата обращения: 10.11.2023).

В Твиттер активно распространялись публикации, сопровождаемые хештегом #SOSCuba. 12 июля 2021 г. аналитик социальных сетей Хулиан Масиас Товар написал в своем Твиттер-аккаунте: «Что происходит на Кубе? Я проанализировал более двух миллионов твитов с использованием хештега #SOSCuba. Все началось с просьб о гуманитарной помощи из-за смертей от ковида с участием артистов (распространявшихся с помощью тысяч недавно созданных учетных записей и ботов) и закончилось акциями протестов на улицах». Проведя собственное расследование, Хулиан Масиас Товар отметил, что количество похожих публикаций с этим хештегом стремительно росло благодаря их распространению с помощью фейковых аккаунтов из Штатов: в период с 5 – 8 июля их насчитывалось 5 000 – 6 000, 9 июля было примерно 100 000, 10 июля количество твитов выросло до 500 000. Из Майами (США) и других мест звучали призывы к населению массово выйти на улицы (Analista Julián Macías explica campaña en redes contra Cuba

[Электронный ресурс] // Telesur. 2021. URL: <https://www.telesurtv.net/news/julian-macias-analisis-campana-redes-sociales-cuba-20210714-0036.html> (дата обращения: 05.11.2023).

Стоит отметить, что власти Кубы приняли эффективные меры по разрешению проблемы протестов, заблокировав на время интернет на Острове свободы. В результате 12 июля антиправительственные акции практически завершились. В газете «Гранма» в этот день вышла статья под названием «Фоторепортаж: спокойствие на Кубе говорит о провале стычки», где рассказывалось о силе и несокрушимости партии и провале попытки нарушить государственный порядок страны. Материал проиллюстрирован видеозаписями и фотографиями спокойных улиц крупных городов Острова свободы. Эта мера стала своеобразным ответом правительства, реализованным в медиапространстве.

Сразу после протестов в социальных сетях приобрели популярность хештеги #CubaSoberana (суверенная Куба), #CubaUnida (единая Куба) и #CubaNoEstáSola (Куба не одинока), которые публиковали в своих аккаунтах под постами со словами поддержки Кубы лидеры различных организаций и политических движений Латинской Америки.

13 июля 2021 г. в «Гранме» был опубликован материал бразильского политика Фрея Бетто «Куба оказывает сопротивление!», в котором автор подчеркнул роль США в организации волнений на территории Острова свободы и заявил, что считает Кубу даже более демократичной страной, чем многие другие. По словам Фрея Бетто, «Белый дом не смирился с потерей Кубы из-за своих амбиций» (Betto F. ¡Cuba Resiste! [Электронный ресурс] // Granma. 2021. URL: <https://www.granma.cu/pensar-en-qr/2021-07-13/cuba-resiste-13-07-2021-17-07-22> (дата обращения: 05.11.2023).

Публикации на тему июльских протестов размещались на сайте «Гранмы» и в последующие месяцы. Так, в результате поиска, по ключевым словам, «протесты» («protestas») и «манифестации» («manifestaciones»), за период с 11.07.2021 по 25.04.2022 в «Гранме» было найдено 25 статей на тему июльских событий. Из них 14 материалов посвящены империализму США, разъяснениям целей революции и социализма, а также поддержке правительства Кубы иностранными правительствами, международными организациями и коммунистическими партиями из других стран. В 7 статьях приводились доказательства финансирования США антиправительственных движений: например, рассказывалось о созданной в феврале 2018 г. в интернете по указанию президента Соединенных Штатов Дональда Трампа Оперативной группе, нацеленной на подрыв устоев социалистического общества в стране (Los sucesos del 11 de julio fueron gestados, organizados y financiados desde EE. UU. [Электронный ресурс] // Granma. 2021. URL: <https://www.granma.cu/mundo/2021-07-24/los-sucesos-del-11-de-julio-fueron-gestados-organizados-y-financiados-desde-ee-uu-24-07-2021-00-07-34> (дата обращения: 06.11.2023), описывались встречи американских дипломатических деятелей с контрреволюционными лидерами, которым они предоставляют материально-техническую и финансовую поддержку (как в случае с рэпером Йотуэлем) (¿Influencer o agente político de EE. UU.? [Электронный ресурс] // Granma. 2021. URL: <https://www.granma.cu/cultura/2021-08-15/influencer-o-agente-politico-15-08-2021-20-08-03> (дата обращения: 06.11.2023). 4 статьи учили распознавать фейки о протестах в сети, разоблачая некоторые из них. Многие публикации сопровождались видеорепортажами с государственного Canal Caribe.

Таким образом, можно сказать, что правительственная кампания по освещению акций протеста была направлена прежде всего на формирование положительного имиджа как страны, так и ее президента. Главный тезис (о возложении ответственности за

случившееся на США), встречающийся во всех материалах, можно выразить словами аргентинского социолога Атилио Барона: «То, что делает Вашингтон называется геноцидом, потому что блокада, почти единогласно осужденная международным сообществом, причиняет огромные страдания населению» (Se trata de un guion bien elaborado y puesto en práctica antes [Электронный ресурс] // Granma. 2021. URL: <https://www.granma.cu/cultura/2021-07-16/se-trata-de-un-guion-bien-elaborado-y-puesto-en-practica-antes-16-07-2021-00-07-42> (дата обращения: 06.11.2023)). Также важно отметить, что в официальных средствах массовой информации Кубы, в отличие от независимых, было опубликовано меньшее количество публикаций об июльских событиях. В 2022 г. встречалось несколько материалов, однако протесты там уже упоминались вскользь и представлялись как попытка подрыва государственного строя Кубы.

Иначе протестные движения освещались в «антиправительственных» средствах массовой информации. Там июльские события трактовались как борьба за свободу и демократию. 11 июля, в день антиправительственных акций на Острове свободы, «Радио и Телевизион Марти» опубликовали более 15 материалов, сопровождаемых многочисленными фото и видео с места событий, а также комментариями очевидцев. Это количество только за 1 день составляет более половины статей в газете «Гранма» в период с 11 июля 2021 г. по 1 января 2022 г. Власть в этих материалах противопоставляется народу, правители характеризуются как «люди из вымышленного мира», закостенелые бюрократы, а митингующие - как «люди из реальности», те, кто забывая о страхе, проявляют гнев, протестуют, самоорганизуются, кто демонстрирует человеческие чувства и эмоции (Cifra récord de muertes en Cuba por la pandemia [Электронный ресурс] // Martí. 2021. URL: <https://www.radiotelevisionmarti.com/a/cifra-r%C3%A9cord-de-muertes-en-cuba-por-la-pandemia/299124.html> (дата обращения: 14.11.2023)). Журналисты видят выход в американском пути демократии, который, согласно проанализированным публикациям, является «спасательным кругом» для Острова свободы. Оппозиционные СМИ до сих пор продолжают выпускать материалы, посвященные событиям 11 июля, выступая с критикой кубинского правительства и рассказывая о несоблюдении прав граждан на мирные демонстрации.

Интернет-революция породила появление большого числа гражданских журналистов в сети, критикующих политику правительства. Власть, в свою очередь, все сильнее старается фильтровать информацию, блокируя оппозиционные блоги и сайты и ужесточая законодательство. Так, вскоре после протестов, 17 августа 2021 г., был принят Декрет-Закон № 35/2021 «О телекоммуникациях, информационных и коммуникационных технологиях и использовании радиоэлектронного спектра», который запретил публикацию лжи в медиа, подстрекательство к насилию, кибертерроризм, кибервойну и т.д., так как подобные действия способны подрвать конституционный порядок страны и навредить социалистическому строю. В 2022 г. был принят новый Уголовный кодекс, в котором была обновлена классификация преступлений и санкций за них, а 25 мая 2023 г. - «Закон о социальной коммуникации на Кубе», служащий для регулирования системы стратегического и комплексного управления процессами социальных коммуникаций в организационной, медийной и общественной сферах как в реальном, так и в цифровом пространствах.

СМИ на Кубе находятся под контролем государства и являются инструментом правительственной пропаганды и создания необходимой политической повестки, а также формирования «правильного» имиджа Кубы на мировой арене. Санкции со стороны США, под которыми уже более 60 лет находятся кубинцы, препятствуют цифровизации и

развитию медиа в стране. Появившийся массово только в 2018 г. интернет стал альтернативным источником информации, что оказало влияние на общественно-политическую жизнь Кубы. Именно из интернета жители страны узнали о протестах, там митингующие распространяли информацию и искали сторонников. Интенсивное использование информационно-коммуникационных технологий способствовало быстрому установлению связей между людьми и усилению «вирусного» распространения горизонтальных потоков информации о протестах на ранних стадиях.

Библиография

1. Estudio Económico de América Latina y el Caribe [Электронный ресурс] // CEPAL. 2021. URL: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/39ddf1fb-edd6-49a0-a6b4-6d476407b568/content> (дата обращения: 05.11.2023).
2. Виноградова К. Е. Роль масс-медиа в политической системе общества // Журналистский ежегодник. 2013. № 2-1. С. 64.
3. Шарков Ф. И. Политическая коммуникация в современном информационном обществе // PolitBook. 2012. № 2.
4. Соловьев А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации [Электронный ресурс] // Полис. Политические исследования. 2002. № 3. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.02> (дата обращения: 14.11.2023).
5. Парма Р. В. Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. №6. С. 145—170. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042> (дата обращения: 14.11.2023).
6. Welp Y., Hirschman A. Cuba en perspectiva latinoamericana: estallidos, protestas y demandas de cambio [Электронный ресурс] // Foro Europa-Cuba. 2022. URL: <http://www.foroeuropacuba.org/es/cooperacion-interregional-insercion-global/working-papers/> (дата обращения: 10.11.2023).
7. Klein N. Como una nube de mosquitos // Viento Sur. №53. 2000. P. 64.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Специфика медийного освещения антиправительственных протестов на Кубе (2021)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду важности рассмотрения особенностей медиатекстов, а также изучения специфики политического дискурса.

Как известно, в условиях развития информационного общества возможности средств массовой информации значительно увеличиваются – это не только канал информирования, но и инструмент воздействия на массовую аудиторию. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной журналистике. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье автор фокусируется на освещении событий 11 июля 2021 г., когда на Кубе вспыхнули массовые протесты, связанные с недовольством общества политикой правительства.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для

подтверждения выдвинутой гипотезы. Основными методами явились контент- анализ, логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Неясен практический материал исследования, а именно на чем зиждется исследование, каков языковой корпус, отобранный для проведения работы? Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит сведения из истории изучения вопроса, автор не приводит основных концепций и научных направлений, что не позволяет выделить приращение научного знания, сделанное автором. Выводы по статье не в полной мере отражают проведенное исследование и требуют уточнения. Библиография статьи насчитывает 7 источников на русском и иностранных языках.

Ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно, обогатили бы рецензируемую статью.

Отметим, что в статье нарушен общепринятый порядок алфавитного выстраивания источников согласно ГОСТа.

Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по лингвистике, медиадискурсу, а также в практической подготовке будущих журналистов. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Специфика медийного освещения антиправительственных протестов на Кубе (2021)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ласточкина Е.Г. — Лексические омонимы в марийском языке // Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.68994 EDN: FBRQIS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68994

Лексические омонимы в марийском языке

Ласточкина Елена Григорьевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра марийского языка и литературы, Марийский государственный университет

424019, Россия, республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Пл. Ленина, 1

✉ antrolea@mail.ru[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.11.68994

EDN:

FBRQIS

Дата направления статьи в редакцию:

11-11-2023

Дата публикации:

18-11-2023

Аннотация: Предметом исследования являются лексические омонимы в современном марийском языке. Материалом научной работы послужили данные 10 томного словаря марийского языка, марийско-русского словаря, картотека автора, составленная путём выбора материалов из марийских художественных произведений, устного народного творчества и периодической печати. Целью работы является разграничение лексических омонимов от остальных групп омонимов и определить их понятийно-семантическую связь. Омонимия как лексическая категория – это семантическое отношение не связанных по значению слов, совпадающих по своему написанию (звучанию) и различающихся в тексте благодаря их разным, взаимоисключающим позициям. На первом этапе проведена выборка слов, которые относятся к категории лексических омонимов. На следующем этапе исследования проанализирован весь лексический материал, данную группу омонимов распределили по категориям, а также произвели количественный анализ лексических омонимов. Методом исследования послужил анализ

слов-омонимов на основе лексикографических источников. Особым вкладом автора в исследование темы является обращение к широкому кругу работ и многоаспектность исследования вопроса. Новизна исследования состоит в том, что в работе впервые проанализированы лексические омонимы в марийском языке. Результаты научно-исследовательской работы могут найти применение при написании курсовых, выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций по аналогичным проблемам. Результатом исследования стали выводы о том, что лексические омонимы - самая распространённая группа омонимов в марийском языке, их можно разделить на полные и неполные лексические омонимы, а также по отнесенности к частям речи выделили субстантивные, глагольные, адъективные, причастные, адverbиальные и несколько примеров с подражательными словами. Лексическая омонимия встречается среди слов одних и тех же частей речи. При этом два или несколько лексических омонимов (полные или частичные) имеют абсолютное тождество звукового и орфографического комплекса, то есть внешней структуры и всех (или части) грамматических форм (исходное изменение по падежам, наличие одних и тех же форм числа у трех слов, являющихся полными лексическими омонимами).

Ключевые слова:

омонимы, лексические омонимы, марийский язык, полные омонимы, неполные омонимы, субстантивные лексические омонимы, глагольные лексические омонимы, адъективные лексические омонимы, причастные лексические омонимы, адverbиальные лексические омонимы

Омонимия чаще всего ассоциируется с уровнем слов, именно поэтому лексическая омонимия получила наибольшее отражение в лингвистической литературе [см.: 1; 2; 3–8].

Рассмотренные в наших предыдущих работах омонимы марийского языка с учётом лексического значения и грамматической характеристики слов [9–12] разделены на следующие типы: 1) лексические омонимы; 2) морфологические омонимы (омоформы); 3) орфографические омонимы (омографы); 4) фонетические омонимы (омофоны) [\[9, с. 35\]](#).

В данной статье с учётом новой марийской орфографии [\[13\]](#) мы проанализируем особенности лексических омонимов марийского языка, рассмотрим подробно различительные признаки лексической омонимии, используя определение понятия, которое сформулировала М.И. Фомина: «Лексическими омонимами называются два или более разных по значению слова, совпавших в написании, произношении, грамматическом оформлении» [\[14, с. 57\]](#). Например: *парча* I '1) конечная часть ветки; веточка; вершина, верхушка деревьев, кустарников, 2) колос' – *парча* II 'материл из шерсти и золотых и серебряных ниток' [\[15\]](#).

Полные лексические омонимы должны соответствовать нескольким требованиям: не должны быть связаны по значению, все их формы должны быть идентичны, идентичные формы должны быть грамматически эквивалентны [См. об этом работы Л. В. Малаховского: 16; 17].

Сходными у слов омонимов являются морфологические, фонетические, орфографические признаки, а различие касается только лексической части. Лексические омонимы марийского языка делятся на два типа: на омонимию полную и омонимию неполную.

Полными называются омонимы, совпадающие во всех своих грамматических формах [\[11, с. 124\]](#). Полными омонимами являются слова одной части речи, принадлежащие именам существительным, глаголам, именам прилагательным, причастиям, наречиям:

шӧр I 'край, грань, ребро' – *шӧр* II 'молоко'

шӧрым им. сущ., вин. п. – *шӧрым* им. сущ., вин. п.

айлаш I –ем 'занимать, занять' – *айлаш* II –ем 'диал. привередничать'

межан I прил, 'шерстяной' – *межан* II прил, 'имеющий межи', а межи – граница земельных участков.

пуалме I '1) прич. от *пуалаш* I, 2) в знач. сущ. дуновение, 3) в знач. сущ. гашение' – *пуалме* II '1) прич. от *пуалаш* II, 2) в знач. сущ. опухание, опухоль, 3) в знач. сущ. мед. воспаление';

луйык I нар. '1) спокойно, безмятежно, мирно, 2) крепко, сильно, как следует, значительно по степени проявления, 3) весь, полностью, дочиста, без остатка (когда речь идёт о действии, совершенном в полном объёме)' – *луйык* II 'плавно, пластично'

тока I разг. 'недавно, давеча, за несколько дней' – *тока* II 'кое-как, еле-еле, с трудом'

Нами отмечено несколько примеров с подражательными словами, которые также образуют полные лексические омонимы:

тӧп I диал. подр. сл. – 'подражание глухому звуку падения чего-л.' – *тӧп* II подр. сл. – 'подражание неподвижности кого-чего-л., недвижно'

чый I подр. сл. – 'подражание пристальному взгляду' – *чый* II подр. сл. – 'подражание птичьему свисту, щебету: чив'.

У полных омонимов совпадает вся система форм. Например, у существительных совпадают категории падежа, числа.

Неполными называются омонимы, у которых совпадают не все грамматические формы. Неполные лексические омонимы в марийском языке встречаются крайне редко среди существительных, глаголов и прилагательных. Например,

- *ий* I 'лед' – *ий* II 'год' – *ий* III 'долото', *ий* I не употребляется в форме множественного числа в отличие от *ий* II *ий-влак эртат* 'годы летят' и *ий* II *Ачамын пашатыже могай-гына ий-влак уке улыт* 'У моего отца на работе каких только долот нет';

- *малаш* I '1) спать 2) неметь, онеметь' – *малаш* II '1) запекаться (о крови) 2) створожиться', *малаш* II не имеет повел. накл. и не образует форму причастия;

- *коштырташ* I –ем 'делать (сделать) шероховатым, шершавым, грубым, жёстким, обветренным, грубеть' – *коштырташ* II –ем 'скрипеть, поскрипывать, хрустеть, издавать глухой шум при движении', синонимичным словом для *коштырташ* I является слово *коштырандаш* 'обветрить', а для *коштырташ* II *коштыртаташ* 'скрипеть';

- *яча* I '1) отсыревший, сырой, влажный; впитавший влагу, 2) тягучий, недопечённый (о выпечках)' – *яча* II разг. '1) прил. надоедливый, докучливый, придирчивый, 2) в знач. сущ. выпрашивание, клянчение, выклянчивание, настойчивая просьба', *яча* I не употребляется в значении существительного, в то время как *яча* II 'выпрашивание' используется.

По своей структуре лексические омонимы марийского языка бывают производные и непроизводные. Производными называются такие омонимы, которые возникли в результате словообразования. Производные омонимы называются также словообразовательными. Например: *тул+ымо* I 1) прич. от тулаш I, 2) в знач. сущ. 'бешеная скачка'; *тул+ымо* II 1) прич. от тулаш II, 2) прил. 'мятый, обработанный мялкой' 3) в знач. сущ. 'трепка, обработка мялкой'; *тул+ымо* III 1) прич. от тулаш III, 2) прил. 'предназначенный для перекачивания, качания, нагнетания (воды, жидкости)' 3) в знач. сущ. 'перекачивание, перекачка'.

Непроизводными называются такие омонимы, которые возникли в результате совпадения звучания разных слов, различающихся по семантике и никогда не имевшие этимологической близости. Непроизводные омонимы чаще всего встречаются в кругу имен существительных. Например: *шўшпык* I 'соловей' и *шўшпык* II 'свисток', *авыз* I 'отведывание (о еде)' и *авыз* II 'диал. жрец'.

По отнесенности к частям речи лексические омонимы в марийском языке делятся на: субстантивные, глагольные, адъективные, причастные, адвербиальные и несколько примеров с подражательными словами.

Субстантивные лексические омонимы. По нашим подсчетам субстантивные омонимичные ряды составляют самую многочисленную группу, их насчитывается: 353. Например: *авыз* I 'отведывание' – *авыз* II диал. 'жрец'; *варыш* I '1) смесь, продукт смешения каких-нибудь веществ 2) месиво, мешанина' – *варыш* II диал. 'возвышенность, холм, бугорок'; *лўмө* I 'клей' – *лўмө* II 'болячка, струп'; *оптем* I '1) желток (в птичьем яйце), 2) перен. стержень, сердцевина, корень, смысл' – *оптем* II пчел. 'перга; цветочная пыльца, сложенная в ячейки сотов'; *кава* I 'небо' – *кава* II этн., диал. 'пряслице' – *кава* III анат. 'нижняя часть живота'; *оржа* I 'эной, жара' – *оржа* II '1) грива (у лошади) 2) перен. о вещах и явлениях, похожих на гриву' – *оржа* III геогр. 'коса (отмель)'; *вўчө* I '1) уст. тетива (пикш кандыра), 2) перен. прицел' – *вўчө* II 'крепление для лыж' – *вўчө* III 'стропило' (оралтым леведаш ыштыме энертыш).

Глагольные лексические омонимы. Эта группа лексических омонимов также является многочисленной и насчитывается всего 124 омонимических рядов. Например: *айлаш* I – ем, 'занимать, занять' – *айлаш* II – ем, диал. 'привередничать, разбираться в чем-либо'; *луклаш* I – ем 'делать (сделать) угол, согнуть (сгибать) углом' – *луклаш* II – ем уст. 'отмерить (холст при вышивании шарпана)'; *мошташ* I – ем, 'уметь, суметь что-л. сделать (делать)' – *мошташ* – ем II диал. 'установить, устать'; *вуйлаш* I – ем 'давать, дать' – *вуйлаш* II – ем 'завершать' – *вуйлаш* III – ем 'возглавлять'; *шуараш* I – ем '1) калить; закаливать, закалять, закалить; для придания большей прочности, упругости, 2) закаливать, придавать (придать) большую твердость, упругость, 3) перен. закаливать, закалять, закалить; путём содержания то в холоде, то в тепле, 4) перен. закаливать, закалять, закалить; путём правильного физического воспитания делать (сделать) крепким, выносливым, 5) перен. закаливать, закалять, закалить; делать (сделать) выносливым, способным к преодолению трудностей, лишений, неблагоприятных условий' и т.д. – *шуараш* II – ем Г. 'расстраивать, расстроить; подрывать, подорвать (здоровье)' – *шуараш* III – ем Г. 'поливать, полить что-л.'.

Адъективные лексические омонимы. Нами было выявлено 44 двух- и трехкомпонентных омонимов с прилагательными. Например: *анан* I с горловиной – *анан* II полосный, с полосой; *межан* I шерстяной; *межан* II имеющий межи, а межи – граница земельных участков; *яча* I 1) отсыревший, сырой, влажный; впитавший влагу, 2)

тягучий, недопечённый (о выпечках) – *яча* II разг. 1) прил. надоедливый, докучливый, придирачивый, 2) в знач. сущ. выпрашивание, клянчение, выклянчивание, настойчивая просьба; *лўман* I Г. лўман. 1) по имени, именем, названию, кличке, под названием, называемый каким-л. именем, имеющий имя, 2) с чинами, званиями, имеющий чин, звание, титулованный, 3) известный, знаменитый; знатный, именитый, 4) надельная (земля), относящийся к наделу, 5) грам. именной – *лўман* II с болячками, с коростой, с гнойниками, имеющий болячки, гнойники – *лўман* III с клеем, клейкий, имеющий клей; *чатан* I диал. хромой – *чатан* II диал. ветвистый – *чатан* III диал. трескучий (о морозе).

Причастные лексические омонимы. Еще одна группа лексических омонимов насчитывает 19 примеров. Например: *айманыше* I '1) прич. от айманаш I. 2) прил. ушибленный, раненый' – *айманыше* II диал. '1) прич. от айманаш II. 2) прил. стеснительный, робкий'; *пуалме* I '1) прич. от пуалаш I, 2) в знач. сущ. дуновение, 3) в знач. сущ. гашение' – *пуалме* II '1) прич. от пуалаш II, 2) в знач. сущ. опухание, опухоль, 3) в знач. сущ. мед. воспаление'; *пунчалме* I '1) прич. от пунчалаш I, 2) в знач. сущ. выжимание, отжимание; выжимка, отжимка' – *пунчалме* II '1) от пунчалаш II, 2) в знач. сущ. решение, постановление'.

Адвербиальные лексические омонимы. Всего адвербиальных лексических омонимов 8: *луйык* I нар. '1) спокойно, безмятежно, мирно, 2) крепко, сильно, как следует, значительно по степени проявления, 3) весь, полностью, дочи́ста, без остатка (когда речь идёт о действии, совершенном в полном объёме)' – *луйык* II 'плавно, пластично'; *тока* I Г. 'токо разг. недавно, давеча, за несколько дней' – *тока* II 'кое-как, еле-еле, с трудом'; *чуйге* I 'пристально' – *чуйге* II 'извиваясь(о дыме)'.

Ономатопозитические лексические омонимы. И наконец, последняя группа лексических омонимов, где насчитывается 4 примера с двухкомпонентными омонимами. Например: *тõл* I диал. подр. сл. – 'подражание глухому звуку падения чего-л.' – *тõл* II подр. сл. – 'подражание неподвижности кого-чего-л., недвижно'; *чый* I подр. сл. – 'подражание пристальному взгляду' – *чый* II подр. сл. – 'подражание птичьему свисту, щебету: чив'.

Таким образом, лексическая омонимия встречается среди слов одних и тех же частей речи. При этом два или несколько лексических омонимов (полные или частичные) имеют абсолютное тождество звукового и орфографического комплекса, то есть внешней структуры и всех (или части) грамматических форм (исходное изменение по падежам, наличие одних и тех же форм числа у трех слов, являющихся полными лексическими омонимами).

Источником лексических омонимов служат такие части речи: существительное, глагол, прилагательное, причастие, наречие и подражательные (ономатопозитические) слова.

Библиография

1. Лайонз Д. Лингвистическая семантика. М.: Языки славянской культуры, 2003. 398 с.
2. Маслов Ю. С. Омонимы в словарях и омонимия в языке // Вопросы теории и истории языка. Л.: Языки славянской культуры, 1963. С. 765-770.
3. Leino P. Polysemia – kielen moniselitteisyys. Kieli 7. Helsingin yliopiston suomen kielen laitos. Helsinki, 1993. 121 p.
4. Malakhovski L. Homonyms in English Dictionaries. 11 Studies in Lexicography. Oxford, 1987. 184 p.
5. Viks Ü. Sõnavormide homonüümia eesti keeles // Keel ja Kirjandus. 1984. 363 lk.

6. Williams E. R. The conflict of homonyms in English //Yale Studies in English. London, 1944. 68 p.
7. Williams J. N. Processing Polysemous Words in Context: Evidence for Interrelated Meanings //Journal of Psychological Research. 1992. № 3. 21 p.
8. Wojan K. The genesis of homonymy of the finnish language //Fenno-Ugristica. XXV. Tartu, 2003. 187 p.
9. Ласточкина Е. Омонимы в марийском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 1 / науч. ред. А.Е. Загребин; сост.-ред. А. В. Ишмуратов, Р.В. Кириллова; отв. ред. Д.И. Черешня. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2015. С. 35-40.
10. Ласточкина Е.Г., Соосаар Свен-Эрик. Омонимия и синонимия в эстонско-марийском словаре // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р. А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2017. С. 27-31.
11. Ласточкина Е.Г. Омонимы в современном марийском языке: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2021. 256 с.
12. Ласточкина Е.Г. Вопрос разграничения омонимии и полисемии в современном марийском языке // Вестник Марийского государственного университета. 2022. Т. 16. № 4. С. 569-574.
13. Марий орфографий мутер / сост. И. Г. Иванов, И. С. Галкин, Ю. В. Андуганов и др. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 367 с.
14. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. М.: Высш. шк, 1990. 175 с.
15. Словарь марийского языка. Т. I–10 / МарНИИЯЛИ; гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990–2005 // Большой марийско-русский словарь. URL: dict.fu-lab.ru (дата обращения: 10.10.2023).
16. Малаховский Л. В. Теория лексической и грамматической омонимии. Л.: Наука, 1990. 238 с.
17. Малаховский Л. В. Теория лексической и грамматической омонимии. М.: Книжный дом Либроком, 2009. 248 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Лексические омонимы в марийском языке», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению лексических особенностей языка одной из народностей, проживающий в Российской Федерации.

В данной статье с учётом новой марийской орфографии автор анализирует особенности лексических омонимов марийского языка, рассматривает различительные признаки лексической омонимии, используя определение понятия, которое сформулировала М.И. Фомина.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы, а именно к сравнительно-историческому методу, методу обобщения и методу семантического анализа. К сожалению, автор не указывает объем корпуса

исследования, а также принципы его выборки. Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 17 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и на иностранном языках.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Отметим, что в статье нарушен общепринятый порядок алфавитного выстраивания источников согласно ГОСТа. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по фразеологии и лексикографии, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Лексические омонимы в марийском языке» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Дин Л., Лысякова М.В. — Русские и китайские фразеологизмы религиозной тематики с компонентами-числительными два и три // Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.69035 EDN: EBOJUV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69035

Русские и китайские фразеологизмы религиозной тематики с компонентами-числительными два и три

Дин Лина

ORCID: 0000-0002-0379-6839

аспирант, кафедра "Общее и русское языкознание", Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 21

✉ 1042215065@pfur.ru



Лысякова Марина Витальевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ lysyakova-mv@rudn.ru



[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.69035

EDN:

EBOJUV

Дата направления статьи в редакцию:

14-11-2023

Дата публикации:

21-11-2023

Аннотация: Данная статья посвящена лингвистическому и лингвокультурологическому исследованию нумеративных фразеологизмов с религиозным компонентом в русском и китайском языках. Объектом исследования являются фразеологизмы русского и

китайского языков религиозной тематики, содержащие компоненты-числительные два и три. Предметом исследования являются лингвистические и национально-культурные особенности русских и китайских фразеологизмов с религиозным компонентом. Образность фразеологизмов с религиозным культурным кодом возникает не только через переосмысление сакральных цитат или сюжетов, но и путём актуализации скрытой лингвокультурной информации. Поэтому русские и китайские фразеологизмы с числовым компонентом на религиозную тематику представляют значительный научный интерес. Цель данной статьи – выявить и описать сходства и различия в духовной самобытности русского и китайского этноса на материале фразеологизмов с компонентом-числительным в лингвокультурологическом аспекте. В ходе исследования применялся метод сплошной выборки, описательный метод, сопоставительный метод, лингвокультурологический и этимологический анализ. Научная новизна исследования состоит в выявлении сходств и различий духовной и этнокультурной самобытности русского и китайского этноса на материале фразеологизмов с компонентами-числительными в лингвокультурологическом аспекте. В результате сопоставления фразеологизмов с числовыми компонентами два и три в двух языках обнаружено различное отношение русских и китайцев к числам, в частности отмечено, что китайская культура тяготеет к чётным числам, а русская – к нечётным. Данное исследование выявило как принципиальные отличия в представлениях об этих числах у носителей двух культур, так и сходство или близость традиционных верований, относящихся к числам, например, к числу три, у русских и китайцев. Материалы исследования и полученные выводы могут использоваться при подготовке общих и специальных лингвистических курсов; результаты данной работы облегчат и ускорят интеграцию иностранных студентов в русскую и китайскую лингвокультурную среду.

Ключевые слова:

фразеологизмы, числовые компоненты, религиозная тематика, язык и культура, лингвокультурология, сопоставительный анализ, христианство, конфуцианство, даосизм, буддизм

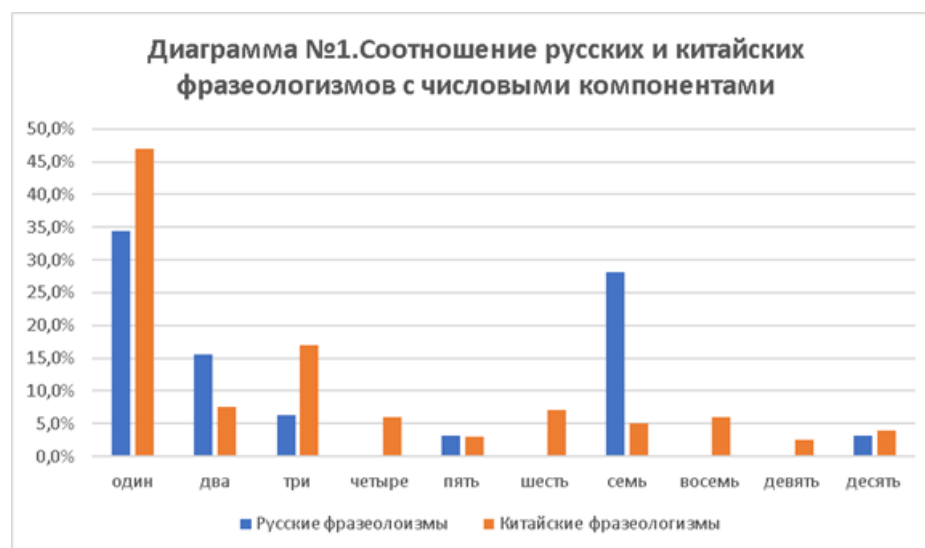
Введение

В современной лингвистике возрастает актуальность исследований, выполненных в русле лингвокультурологии. Языковая картина мира представляет собой совокупность наивных знаний о мире, зафиксированных на разных уровнях (подуровнях) языковой системы: лексическом, фразеологическом, грамматическом [\[1, с. 102\]](#). Фразеологизмы играют важную роль в создании языковой картины мира, в зеркале фразеологии отражены фрагменты национального менталитета носителей языка. Наше исследование основывается на широком понимании фразеологии, сформулированном Н. М. Шанским: «Фразеологический оборот – это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т. е. постоянная) по своему значению, составу и структуре» [\[8, с. 192\]](#). Наряду с фразеологическими оборотами в состав фразеологии включаются пословицы, поговорки, коллокации и т. д.

Познание окружающей действительности и специфической картины мира некоего народа предполагает постижение сути и символики чисел. Образность фразеологизмов с религиозным культурным кодом возникает не только через переосмысление сакральных

цитат или сюжетов, но и путём актуализации скрытой лингвокультурной информации. Поэтому русские и китайские фразеологизмы с числовым компонентом на религиозную тематику представляют значительный научный интерес. Цель данной статьи – выявить и описать сходства и различия в духовной самобытности русского и китайского этноса на материале фразеологизмов с компонентом-числительным в лингвокультурологическом аспекте.

Материалом исследования послужили 32 русские фразеологические единицы, извлечённые методом сплошной выборки из «Энциклопедического словаря библейских фразеологизмов (2010)» К. Н. Дубровиной [3] и «Словаря русской фразеологии, историко-этимологический справочник» [5], а также 200 китайских фразеологических единиц, полученных из словарей: «Буддийская фразеология» [10] и «Китайский большой словарь чэньюй: историко-этимологический справочник» [9].



В Диаграмме №1 показано, что в русской лингвокультуре наиболее частотны числа *один*, *два* и *семь*, образно мотивированные библейскими текстами, церковно-религиозными ритуалами; в китайской лингвокультуре частотны числа *один*, *два*, *три* и *шесть*, наделённые божественными смыслами под влиянием конфуцианства, даосизма и буддизма. Как следует из результатов проведённых исследований, отражённых в Диаграмме №1, наиболее частотны фразеологизмы с компонентами-числительными *один* (34% всех русских фразеологизмов и 47% всех китайских фразеологизмов), *два* (соответственно 15% и 8%) и *три* (6% и 17%). Полученные данные свидетельствуют, что большее число совпадений демонстрируют фразеологизмы, репрезентирующие символические значения чисел *один* и *три*. Фразеологические единицы с компонентом *один* были ранее нами проанализированы в статье «Русские и китайские фразеологизмы религиозной тематики с компонентом-числительным *один*» [2]. Настоящая статья, в основном, посвящена сопоставительному анализу фразеологизмов с числовыми компонентами *два* и *три* в двух языках.

1. Числовой компонент *два*.

Числовой компонент *два* в составе фразеологических единиц с религиозным компонентом в обоих языках характеризуется полисемантизмом. Фразеологические единицы с различными символическими значениями были разделены на группы.

Прежде всего, компонент *два* входит в состав фразеологизмов библейского происхождения со значением «свидетельство», что, в частности, отражено в выражении

послать апостолов по двое. В Священных Писаниях многократно упомянуто число *два* как символ двух свидетелей (Числ. 11-16-17; Исх. 24:1, 9). *Избрал Господь и других семьдесят [учеников], и послал их по два пред лицом Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти...* (Лк.10:1). Господь посылает Апостолов по два, как для того, чтобы они могли поддерживать друг друга, так и для того, чтобы евреи больше верили их свидетельству, ибо закон Моисеев гласил, что свидетельство двух есть истинно (Ин. 8:17; Втор. 19:15). Данное значение также содержит композит *два херувима*, которые были установлены на обоих концах крышки Ковчега Завета (Ковчега Свидетельства).

В группу фразеологизмов со значением «больше, чем один» входит фразеологический оборот *овому талант, овому два* (*иному талант, иному два*), в современном языке имеющий значение «способности у всех разные; как предопределено свыше, каждому дано по его возможностям: одному – меньше, другому – больше...». Выражение восходит к притче Иисуса Христа о талантах (серебряных монетах большого достоинства), рассказанной евангелистом Матфеем. ... Притча содержит также мысль о том, что каждый человек должен развивать и приумножать полученные свыше, от Бога, способности и таланты, а не зарывать их в землю» [3, с. 453].

Группа со значением «повторно» выделена на основе порядкового следования числительного *второй* и является основным ключом к пониманию фразеологизма *до второго пришествия* (*ждать*), имеющего значение «очень долго, до неопределённо далёкого срока».

Заметим, что фразеологизмы с компонентом-числительным *два* имеют одинаковую культурную коннотацию в русской и китайской лингвокультурах – «раздвоенность; отвлекаться, разбрасываться» [7, с. 168]. Библиизм *служить двум господам / слуга двух господ* функционирует в значении «служить, угождать одновременно двум противоположным или враждебным сторонам (людям, партиям, направлениям и т.п.); быть предателем, двурушником» [3, с. 601]. Во фразеологизме конфуцианского происхождения *二三其德* (конф. Изменчивы его качества; непостоянны его чувства) также отмечается указанное значение.

Известно, что в бытовой жизни китайцев важную роль играют чётные числа. Единица *два*, символизируя баланс и взаимодействие между двумя противоположностями – инь и ян, мужчиной и женщиной, ассоциируется с парой, партнёрством и семантизируется в следующих фразеологизмах:

二姓之好 (конф. Заключить брак. Соединение двух семей, у которых разные фамилии);

二人同心, 其利断金 (конф. Единодушие крепче стали; Обр. в значении: дружба (взаимная поддержка, сотрудничество) – большая сила; один в поле не воин);

二惠竞爽 (конф. Внуки Хуэйгуна (княжества Ци) соревнуются в достоинствах. Обр. в значении: оба брата как на подбор, два выдающихся брата).

Заметим, что библейское выражение *всякой (каждой) твари по паре* в современном русском языке переосмыслено и употребляется иронически по отношению к смешанному, разнородному собранию вещей, людей или животных.

2. Числовой компонент *три*.

Считается, что Бог благословляет число *три*, что, в частности, отражено в поговорке *Бог любит троицу*. В разных религиях число *три* сопровождается различными ассоциациями. В

Библии *три* выступает символом божества, обозначает Троицу – Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого: «Итак, идите и сделайте учениками все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа»^[6]. В Священном Писании содержится множество выражений с числовым компонентом *три* в их составе, например: *три образа Преображения, три искушения, три погружения в воду, три отречения Петра, три креста на Голгофе, три дня смерти Христа, три добродетели: Вера, Надежда, Любовь*. Пословица *три перста крест кладут* связана с традицией православных христиан троеперстием совершать крестное знамение во время молитвы или богослужения.

Компонент *три*, обозначающий множество и изобилие, употребляется как в русских библеизмах (*лить (проливать) слёзы (потоки слёз) <в три ручья>* – безудержно, горько, обильно проливая слёзы (плакать)), так и во фразеологизмах конфуцианского происхождения, например:

三思而行 (конф. Трижды подумать, а затем уж действовать; Обр. в значении: семь раз отмерь, один раз отрежь);

一日三秋 (конф. Один день разлуки как три года; Обр. в значении: томиться в разлуке; медленно тянется время);

三牲五鼎 (конф. Три жертвы и пять жертвенных треножников; Обр. в значении: прекрасные и изобильные продукты);

三折肱为良医 (конф. Трижды ломать руку; Обр. в значении: а) об опытном медике, лично перенесшим много болезней; б) о большом мастере своего дела, о человеке большого опыта).

Три – одно из положительных чисел в картине мира китайцев. Древний мыслитель и философ Конфуций ценил число три, что нашло отражение в его произведениях. В книге «Беседа и суждение · Сюэ Эр» ученик Конфуция Цзэн-цзы сказал: «*吾日三省吾身*» (конф. Я ежедневно проверяю себя в трёх отношениях: преданно ли служу людям, искренен ли в отношениях с друзьями, повторяю ли заповеди учителя?), это способствует становлению и развитию личности, помогает человеку достигнуть гармонии внутри и снаружи ^[4, с. 3].

В седьмой главе «Беседа и суждение · Шу Эр» содержится изречение *三人行则必有我师* (конф. Из троих обязательно найдётся один, у кого можно чему-либо поучиться), служащее ориентиром для всех образованных и мыслящих людей, стремящихся к знанию и совершенству ^[4, с. 51].

В главе «Беседа и суждение · Цзи Ши» создан образ благородного мужа, соответствующего моральным принципам и устоям конфуцианства *三畏* (конф. Три вещи, вызывающие страх совершенного человека: веление неба, большой сановник, слово мудреца), которые презирает низкий человек.

Данная глава также является источником таких выражений, как:

益者三友, 损者三友 (конф. Три вида дружбы (см. дружить с человеком или прямым, или честным, или обладающим большой проницательностью) приносят пользу и три (см. дружить с человеком или неискренним, или изворотливым, или бойким на язык) – вред) и

益者三乐, 损者三乐 (конф. Три вида радости приносят пользу и три вида – вред. Когда радуешься от того, что или поступаешь в соответствии с ритуалом и музыкой, или

говоришь о добрых делах людей, или вступаешь в дружбу с мудрыми людьми, – это приносит пользу. Когда испытываешь радость от того, что или предаёшься расточительству, или праздности, или пирам, – это приносит вред) [4, с. 135]. В этих фразеологизмах отражены принципы социального взаимодействия, законы межличностных отношений для будущих поколений. Последователь Конфуция, философ и писатель Мэньцзы выдвинул идею *不孝有三*, обозначающую различные виды сыновнего непочтения к родителям. В дальнейшем появилась поговорка *不孝有三, 无后为大* (конф. Среди многих видов сыновнего непочтения к родителям самое злостное – бездетность).

В феодальном обществе господствовали морально-этические принципы конфуцианства, такие как:

三纲五常 (конф. Три устоя (*三纲* – три устоя (абсолютная власть государя над подданным, отца над сыном, мужа над женой – этические нормы старого Китая)) и пять неизменных правил (*五常* – пять постоянств (пять добродетелей));

三从四德 (конф. Троякая покорность (см. *三从*) и четыре достоинства (женщины: добродетель, скромность в речах, женственность, трудолюбие – традиционная формула требований к женщине в старом Китае)).

В построении базовых концепций буддизма важную роль играет мистическое число *три*. В первую очередь, – в концепции времени, сложившейся в религиозных представлениях китайского народа, особенно буддийских, например:

三世说 (будд. Три периода времени: прошлое, настоящее и будущее) и

三生说 (будд. Три жизни: прежнее существование, настоящее существование и последующее перерождение), – отражающей понятия сансары и воздаяния по деяниям.

Базовой концепции буддизма в китайском языке соответствует фразеологизм *三生有幸* (будд. Иметь счастье в трёх существованиях. Обр. в значении: об особенно счастливых людях). Также в буддизме имеется выражение *三界说* (будд. Три категории в соответствии со степенью развития сознательных существ: имеющие желания, имеющие чувственность, не имеющие ни желаний, ни чувственности). Считается, что, освободившись от чувств и желаний, буддист может достичь нирваны.

Во фразеологической единице *无事不登三宝殿* (будд. Без надобности / неприятности / несчастья в храм не ходят) храм Сэньбао – основное место, предназначенное для совершения разнообразных буддийских обрядов и практик, в котором отдельно возводились три сооружения: для поклонения Буддам, сохранения буддийского канона и проживания монахов. Страдание, обусловленное привязанностью и *三灾八难* (будд. Три беды и восемь несчастий. Обр. в значении: о многих несчастьях, например, болезненности в детском возрасте), является базисным понятием для адекватного понимания буддийского мировоззрения. Поэтому в глубочайшей медитации следует стремиться к избавлению от иллюзий, заблуждений и связанных с ними страданий, что отражается в китайских фразеологизмах:

游戏三昧 (будд. Освободиться от мирских страстей, позволить сердцу и уму успокоиться. Обр. в значении: а) легко и свободно достигать Самадхи, напр. о бодхисаттве. б) умение (мастерство) устраивать игры. в) в современном китайском языке – «относиться ко всему легко и играючи»);

得其三昧 (будд. Достигнуть состояния созерцания при помощи умственного

сосредоточения и устранения посторонних мыслей. Обр. в значении: тонкое понимание, проникновение в самую суть чего-нибудь). Образ Будды содержится во фразеологическом обороте, который в современном китайском языке имеет позитивную эмоционально-экспрессивную окраску: 三头六臂 (будд. О трёх головах и о шести руках. Обр. в значении: чудесные способности).

Во фразеологической единице 三教九流 (три учения – конфуцианство, даосизм, буддизм и девять течений (школ) – жу (цзя) (конфуцианство), мо (цзя), дао (цзя) (даосизм), мин (цзя), фа (цзя) (легизм), иньян (цзя), нун (цзя), цзунхэн (цзя), цза (цзя), сяошо (цзя). Обр. в значении: все слои общества; люди самых различных профессий) представлены основные религии и философские течения, участвующие в становлении и развитии китайских мировоззренческих взглядов на окружающую действительность.

Заключение

Таким образом, в данной работе числительные компоненты фразеологизмов определяются как культурные феномены: в них раскрываются черты, свойственные коллективной картине мира определённого этноса, с помощью которых носитель языка транслирует позитивные, нейтральные или отрицательные эмоции. Сопоставительное исследование фразеологических единиц с компонентами-числительными на религиозную тематику в русской и китайской лингвокультурах позволило выявить как принципиальные отличия в представлениях об этих числах у носителей двух культур, так и сходство или близость традиционных верований, относящихся к числам, например, к числу *три*, у русских и китайцев.

Итак, числовые компоненты в составе фразеологизмов религиозной тематики являются неотъемлемой частью русской и китайской языковых картин мира. Изучение числовой символики русских и китайских фразеологизмов содействует более глубокому пониманию их национально-культурной специфики в межкультурной коммуникации.

Библиография

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие: 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 282 с.
2. Дин Л. Н. Русские и китайские фразеологизмы религиозной тематики с компонентом-числительным один // X (XXIV) Международная научно-практическая конференция молодых учёных «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения». – М.: Издательство Томского государственного университета, 2023. С. 265-271.
3. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. М.: Флинта: Наука, 2010. 808 с.
4. Переломов Л. С. Конфуций «Лунь Юй» : Исслед., пер. с кит., коммент. / Л. С. Переломов; Факс. текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си; РАН. Ин-т Дал. Востока. М. : Вост. лит. РАН, 1998. 588 с.
5. Словарь русской фразеологии: Ист.-этимол. справ. / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; С.-Петербург. гос. ун-т. Санкт-Петербург: Фолио-пресс, 1998. 700 с.
6. Уитнесс Ли. Библия (восстановительный перевод) / Под ред. отдела служения «Живой поток». Анахайм: Living Stream Ministry, 1998. 898 с.
7. Цатурян М. М., Пелипенко Л. М. Образно-символические характеристики числительных one, two, three (один, два, три) в английской и русской лингвокультурах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №5-1 (71). С. 166-170.

8. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. 4-е., изд., испр. и доп. СПб.: Специальная Литература, 1996. 192 с.
9. 朱瑞玖. 中华成语探源大全集. 中国华侨出版社, 2010. Чжу Жуйвэнь. Китайский большой словарь чэньюй: историко-этимологический справочник // Издательство китайских эмигрантов. Пекин, 2010. 1163 с.
10. 朱瑞玖. 佛教成语. 格致出版社, 2006. Чжу Жуйвэнь. Буддийская фразеология // Издательство Гэчжи. Шанхай, 2006. 432 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи достаточно интересен, нов и актуален. Автор обращается к анализу компонентных числительных «два» и «три» во фразеологических оборотах религиозной тематики. В качестве языковых базисов выбран русской и китайский языки. Думается, что сравнительный вариант методологии вполне уместен и конструктивен. Актуальность исследования может быть объяснена не большим количеством подобных научных изысканий, причем материал продуктивно использовать в вузовской практике, при формировании / написании новых работ смежной тематической направленности. Отмечу, что работа достаточно грамотно структурирована, текст дробится на должные смысловые блоки. Это позволяет читателю двигаться вслед за исследователем, постигать тему полновесно и объективно. Отчасти автор ориентирован на собственно научный стиль. Например, это проявляется в следующих фрагментах: «в современной лингвистике возрастает актуальность исследований, выполненных в русле лингвокультурологии. Языковая картина мира представляет собой совокупность наивных знаний о мире, зафиксированных на разных уровнях (подуровнях) языковой системы: лексическом, фразеологическом, грамматическом. Фразеологизмы играют важную роль в создании языковой картины мира, в зеркале фразеологии отражены фрагменты национального менталитета носителей языка», или «числовой компонент два в составе фразеологических единицах с религиозным компонентом в обоих языках характеризуется полисемантизмом. Фразеологические единицы с различными символическими значениями были разделены на группы. Прежде всего, компонент два входит в состав фразеологизмов библейского происхождения со значением «свидетельство», что, в частности, отражено в выражении послать апостолов по двое. В Священных Писаниях многократно упомянуто число два как символ двух свидетелей (Числ. 11-16-17; Исх. 24:1, 9). Избрал Господь и других семьдесят [учеников], и послал их по два пред лицом Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти...(Лк.10:1). Господь посылает Апостолов по два, как для того, чтобы они могли поддерживать друг друга, так и для того, чтобы евреи больше верили их свидетельству, ибо закон Моисеев гласил, что свидетельство двух есть истинно (Ин. 8:17; Втор. 19:15). Данное значение также содержит композит два херувима, которые были установлены на обоих концах крышки Ковчега Завета (Ковчега Свидетельства)» и т.д. Фактическая наработка данных фиксируется и в схемово-графическом виде, визуализация вполне уместна и правомерна. Однако, при цитации источников нужно использовать стандарт введения – «...» [1, с. 111], это манифестирует правильность отсылки. Автор отмечает, что «материалом исследования послужили 32 русские фразеологические единицы, извлечённые методом сплошной выборки из «Энциклопедического словаря библейских фразеологизмов (2010)» К. Н. Дубровиной и

«Словаря русской фразеологии, историко-этимологический справочник», а также 200 китайских фразеологических единиц, полученных из словарей: «Буддийская фразеология» и «Китайский большой словарь чэньюй: историко-этимологический справочник». Иллюстративного фона, на мой взгляд, достаточно, он разнообразен, доступен, общеупотребителен. Содержательный грейд информативен, серьезных фактических неточностей не выявлено. Буквальные отсылки выдержаны в пределах нормы: «в группу фразеологизмов со значением «больше, чем один» входит фразеологический оборот овому талант, овому два (иному талант, иному два), в современном языке имеющий значение «способности у всех разные; как предопределено свыше, каждому дано по его возможностям: одному – меньше, другому – больше... Выражение восходит к притче Иисуса Христа о талантах (серебряных монетах большого достоинства), рассказанной евангелистом Матфеем. ... Притча содержит также мысль о том, что каждый человек должен развивать и приумножать полученные свыше, от Бога, способности и таланты, а не зарывать их в землю», или «компонент три, обозначающий множество и изобилие, употребляется как в русских библеизмах (лить (проливать) слёзы (поток слёз) <в три ручья> – безудержно, горько, обильно проливая слёзы (плакать)), так и во фразеологизмах конфуцианского происхождения, например: 三思而行 (конф. Трижды подумать, а затем уж действовать; Обр. в значении: семь раз отмерь, один раз отрежь); 一日三秋 (конф. Один день разлуки как три года; Обр. в значении: томиться в разлуке; медленно тянется время); 三牲五鼎 (конф. Три жертвы и пять жертвенных треножников; Обр. в значении: прекрасные и изобильные продукты); 三折肱为良医 (конф. Трижды ломать руку; Обр. в значении: а) об опытном медике, лично перенесшим много болезней; б) о большом мастере своего дела, о человеке большого опыта)» и т.д. В итоговом блоке тезируется, что «в работе числительные компоненты фразеологизмов определяются как культурные феномены: в них раскрываются черты, свойственные коллективной картине мира определённого этноса, с помощью которых носитель языка транслирует позитивные, нейтральные или отрицательные эмоции. Сопоставительное исследование фразеологических единиц с компонентами-числительными на религиозную тематику в русской и китайской лингвокультурах позволило выявить как принципиальные отличия в представлениях об этих числах у носителей двух культур, так и сходство или близость традиционных верований, относящихся к числам, например, к числу три, у русских и китайцев» и т.д. Считаю, что материал может быть интересен студентам, аспирантам, которые изучают специфику русского и китайского языка в режиме сопоставлений. База источников имеется, но она могла быть представлена расширенно. И все же с учетом сказанного отмечу, что статья «Русские и китайские фразеологизмы религиозной тематики с компонентами-числительными два и три» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Беляева Т.Н. — Идейный мир трилогии марийского писателя Н. Лекайна «Күртнӧ вий» («Железная воля»), «Кугу сарын тулыштыжо» («В огне великой войны») и «Кугезе мланде» («Земля предков») // Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.69034 EDN: GFXIZE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69034

Идейный мир трилогии марийского писателя Н. Лекайна «Күртнӧ вий» («Железная воля»), «Кугу сарын тулыштыжо» («В огне великой войны») и «Кугезе мланде» («Земля предков»)

Беляева Татьяна Николаевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра финно-угорской и сравнительной филологии, Марийский государственный университет

424039, Россия, республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Дружбы, 77, кв. 113

✉ beljaeva1978@rambler.ru[Статья из рубрики "Автор и его позиция"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.11.69034

EDN:

GFXIZE

Дата направления статьи в редакцию:

15-11-2023

Дата публикации:

22-11-2023

Аннотация: Анализ тематики, проблематики, идеи и пафоса трилогии марийского писателя Никандра Лекайна (Еремеева Никандра Сергеевича) послужил основой данной статьи. В романах «Железная воля», «Земля предков» изображен процесс социального и национального возрождения ранее угнетенного марийского народа. Изображение событий начала XX века (стольпинская аграрная реформа, Великая Октябрьская социалистическая революция, Гражданская война, НЭП) происходит через призму авторского мировоззрения. Писатель показывает, в каких условиях проходил процесс становления Советской власти, внедрения новой экономической политики, роста и

формирования нового прогрессивного человека, преодоления в сознании народа мари пережитков прошлого. Роман бывшего фронтовика «В огне великой войны» раскрывает патриотизм и героизм многонационального советского народа, проявленный в борьбе с фашистскими захватчиками, в годы Великой Отечественной войны. Структурно-семантический метод исследования позволяет оценить, как идейный мир, авторское мировидение, так и его отдельные поэтические элементы (систему персонажей, композиционные особенности и т.д.). В марийском литературоведении данный аспект рассматривается впервые. Писатель последовательно раскрывает духовное перерождение главного героя Эчана в активного борца с самодержавным строем за права угнетенных; мотивы его поступков в деле укрепления Советской власти в марийском крае; деятельность коммунистической партии в построении нового советского общества. Через призму писательского внимания многосторонне изображается облик сопротивляющегося и борющегося советского воина (Геннадия Алексеева, Лашманова, Шубина, Ани, Виктора Сосновского, Жарова и др.); героические действия партизанских отрядов деда Евсея, Ивана Зуева в тылу врага; мучительная жизнь в оккупации жителей деревни Сосновка; жестокость немецких захватчиков; духовное убожество предателей (Тимки Прыгунова, его отца, Иона Рыженькова, Бородавки, волостного старшины Иоакимова). Трилогия Н. Лекайна эпически раскрывает исторические события конца XIX – середины XX вв.

Ключевые слова:

марийская литература, трилогия, роман, идея, пафос, авторские оценки, авторский идеал, тематика, героика, Лекайн

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-00388.

Одним из своеобразных прозаиков марийской литературы является Никандр Лекайн (Еремеев Никандр Сергеевич, 1907–1960). С середины 1920-х годов на страницах газет и журналов стали издаваться его очерковые произведения («Колхоз имени Калинина», рассказы («Настий», «Пакет»), повесть «Кандаш вате» («Восемь жен»), где поднимал проблемы морального характера. С 1939 года начал работать над жанром романа. Так в 1940 году в альманахе «Пиалан илыш» («Счастливая жизнь») был опубликован его первый роман «Кёртнь вий» («Железная воля»), повествующий о событиях периода гражданской войны и нэпа. В годы Великой Отечественной войны им написан роман «Кугу сарын тулыштыжо» («В огне великой войны», 1961). Следующим крупным произведением писателя явился роман «Кугезе мланде» («Земля предков», 1955), отразивший влияние столыпинской аграрной реформы на жизнь марийского народа накануне Октябрьской революции. Эти три литературных произведения, объединенные общей идеей, преемственностью сюжета и героями составили трилогию.

Художественное своеобразие романа «Кёртнь вий» («Железная воля»)

Название первого романа созвучно с заглавием романа А. Серафимовича «Железный поток», который был переведен как «Железная воля» классиком марийской литературы Я. П. Майоровым-Шкетаном и издан в 1931 году.

Н. Лекайн указал на закономерную победу революционных сил, изобразил сильную волю народа-творца, марийского народа в социалистическом преобразовании страны, родного края. Острый, непримиримый социальный конфликт – основа романа. Хотя Октябрьская

революция разрушила самодержавный строй, утверждение Советской власти, рост национального самосознания проходили очень медленно, и это на фоне острой классовой борьбы. Сторонники старого мира, против которых главный герой Эчан с оружием в руках сражался на южном фронте, не сдавались. Местные торговцы, кулаки, карты (языческие жрецы) продолжали жить по «своим» законам, чуждым простым людям – творили произвол и беззаконие, прикрываясь богом: «... *Отыш лектын кумалаш к□леш. Огына кумал гын, толшаш ий адак кинде ок шоч...*» («Нужно совершить молебен в роще. Не помолимся – и в этом году будет неурожай хлеба») [8, с. 104]. (Здесь и далее перевод с марийского наш – Т.Б.). А сами думают, как обманом обобрать хлеб у бедных: «*Вольык шкенан – поян-влакын*» – манын кертыва. *Калык □мбач киндым гына поген мошташ к□леш*» («Можно сказать – «Скотина для жертвоприношения с нас, богатых». Главное, нужно собрать хлеб с бедных») [8, с. 106].

Эчан – собирательный образ труженика-марийца, для которого любовь к земле, труду привита с младенчества. Писатель сумел правдиво отобразить процесс формирования и раскрытия нового мировосприятия, раскрыть становление революционного мировоззрения. Стихийное включение Эчана в революционное движение, смена его устоявшихся убеждений напоминает персонажей романов классиков марийской литературы: Сакара и Эчана («Элнет» и «Дезертир-влак» = «Дезертиры» С. Чавайна), Эвай П□тыра («Эре□ер» = «Эренгер» М. Шкетана), Сергея («□дырамаш корно» «Женская доля» Шабдара Осыпа), Петра Ефимова («Вурс мардеж» = «Стальной ветер» Н. Игнатьева) и др. Все они прошли нелегкий путь к коммунистической сознательности: сначала глубоко разочаровались в жизни из-за социального неравенства, потом на заводах и фронтах Гражданской войны началось формирование новых убеждений, духовное преобразование мировоззрения. Прозаик заостряет внимание на том, что рабочие и трудящиеся под предводительством партии большевиков проводили огромную агитационную работу, направленную на борьбу с царским самодержавием, против виновников несправедливой империалистической войны. Постепенно Эчан начал понимать, что лишь революция способна принести народу свободу и справедливость.

«Железная воля» Алексеева Эчана проявляется сначала на южном фронте, где был зверски истерзан белогвардейцами, но чудом остался жив. И затем, когда после возвращения на родную сторону становится идейным вдохновителем, организатором сельской бедноты на строительство социализма; лидером классовой борьбы против кулаков. Никакие трудности не могли остановить его на пути достижения цели. Все события в жизни главного героя направлены на раскрытие становления и формирования самосознания активного гражданина общества.

Внутренние духовные преобразования нашли отражение во внешнем описании героя, динамический портрет которого представлен его женой: «*Тиде жапыште Веруш Эчанын тошто годсо кап-кылжым, ш□ргывылышыжым шарналтыш. Шинчажлан тошто Эчан коеш: шем-чевер т□сан, лопка туп-вачан марий. А кызыт – чылт вес т□с. Ш□ргывылышыже эи чотрак шемеммыла коеш. Лач аракам подылмыж дене гына чурийже изиш пурен. Шинча ерге какарген шога, шинчасортаже гына тоштыж гаяк чолга, но изиш келесырын ончалеш. Тидыже шуко жап сарыште коштымжым палдара. Нер йымалныже изи □рыш лектын, кок могырыш вараксим шулдыр гай шарлен шога. Пондашыже кызытрак н□жм□ огыл докан, шондашла шыргылак кушкын. Шола могыр т□рвыж□ шелын, тудын турашты икмыняр п□ж□ уке, но тиде мутланаш огеш мешае. Эчан тоштыж гаяк веселан мутлана, лач й□кш□ гына вашталтын: к□жгырак лийын; коклан ойлымыж годым руш мутым пурте колта. Тудын кап-кылжым, тарванылмыжым да шинча ончалтышыжым ужын, мутланымыжым колын, могай айдеме улмыжым палаш й□с□ огыл: тудо сареш шуаралтше*

пе□гыде большевик!») («В это время Веруш вспомнила фигуру, лицо молодого Эчана. Перед глазами престал прежний Эчан: смуглый и загорелый, широкоплечий мужчина. А сейчас – совсем другой вид. Лицо стало более смуглым. Только выпивший стал на себя похож. Появились круги вокруг глаз, лишь взгляд ясный, но немного недовольный. Кажется, что это отблеск долгой войны. Немного отрастил усы, раскинувшиеся по обе стороны носа, как крылья ласточки. Наверное, не брился – щеки покрылись жесткой щетиной. С левой стороны разбита губа, нет нескольких зубов, но это не мешает ему говорить. Эчан, как и прежде, велело болтает, но голос изменился: огрубел, иногда в разговоре использует русские слова. Его фигура, движение, взгляд, речь свидетельствуют о том, кем он стал – закаленный войной и убежденный большевик!») [8. с. 71].

Это собирательный образ выходцев из народа, пошедших войну и принявших самое активное участие в преобразование родного края. Его социальными антиподами являются: эсер и бандит Лазыр Семон, дезертир и белогвардеец в годы войны, а затем деятель партии Пагул. Сильная сторона повествования – в разоблачении их и сельских богачей. Одним из колоритных фигур среди них является ярый эксплуататор Сопром Епрем. Алчны и кровожадны кулаки Ондри Япык, Атбаш В□дыр, староста Лазыр. Для них обман – это лишь средство к обогащению. Писатель поэтапно раскрывает их контрреволюционную роль на различных этапах пролетарской революции и в первые годы Советской власти. Несовместимость интересов бедного крестьянства и эксплуататорского класса, стремящихся любой ценой сохранить прежний строй, вскоре переросла в ярую ненависть коммунистов: стали распускать нелепые слухи, настраивали население против них, призывали к восстанию, строили заговоры с целью причинить увечья. Но вопреки их желаниям вместе с преодолением экономических трудностей (неурожай хлеба, голод) авторитет и влияние большевиков-коммунистов рос в массе. Эчан выхлопотал зерно для посева в волисполкоме, сагитировал создать кооператив, открыть ликпункт и избу-читальню. Лекайн показывает трудный путь перестройки жизни сельского населения: освобождение от старых привычек, приучение к грамоте. Весьма символично, к примеру, снятие «шарпан» (женского голоного убора конусообразной формы) – освобождение от женщины от социального и многовекового бытового гнета.

В романе хорошо продумана глава про голодный 1921 год, про рождение коммун; переход от патриархального к новым отношениям. По мнению писателя, именно несокрушимая железная воля сплотившихся воедино трудового народа и рабочего пролетариата смогла разрушить устаревший строй, победить в Гражданской войне и утвердить Советскую власть, в том числе и в марийском крае.

Композиционное построение глав имеет свою логику: каждая из них раскрывает жизнь, труд народа; антинародную деятельность кулаков; их моральное разложение и падение. 8-12 главы – наиболее кульминационные: повествуют об активной деятельности сельских богачей против коммунистов. В последующих главах показано, как жизнь крестьян постепенно входит в новое русло, как изживаются старые предрассудки и устои. В 1927 году Эчан, его сподвижники (селькор Вачий Вачай, курсант совпартшколы Сергей) и односельчане сумели одержать победу в борьбе против классовых врагов.

Запоминающимися изображены второстепенные герои, к которым писатель проявляет искреннюю симпатию: Веруш – жена главного героя, Мухамат – сторож-татарин, Мичи – крестьянин-бедняк с запутанной судьбой. Повествование романа отличается событийностью, поэтому некоторые характеры персонажей слабо индивидуализированы, представлены социально-историческими типами.

Сюжетная основа, временные границы (дореволюционные годы, гражданская война, НЭП) романа Н. Лекайна схожи с одним из первых романов якутской литературы «Весенняя пора» Н. Мординова, который тоже повествует «о становлении Советской власти в Якутии, о формировании характера нового человека, о приобщении забитого в прошлом народа к сознательной активной жизни» [\[10\]](#).

В целом, в романе «Железная воля» чувствуется некая недосказанность. Писатель еще возвращался к уже изданному роману. Заключительная часть произведения, оставшаяся в рукописи, была издана с редакционными правками уже после его смерти.

Героический пафос романа «Кугу сарын тулыштыжо» («В огне великой войны»)

В 1948 году вышли две книги следующего романа Н. Лекайна «Кугу сарын тулыштыжо» («В огне великой войны». Бывший фронтовик, прошедший суровую войну и осознавший цену жизни, опираясь на действительные человеческие судьбы, с подлинным драматизмом, глубокой жизненностью, захватывающей достоверностью раскрыл героизм партизанского движения в тылу врага. Повествуя о невидимом фронте, о заслугах советских солдат перед Родиной, писатель создает обобщенный образ народа-победителя, воспекает его нравственное величие, мужество и стойкость, патриотизм, верность отчизне.

Главный герой романа Геннадий Алексеев является сыном Эчана из «Железной воли». Данный роман писателя уже на новом жизненном материале продолжил художественную идею предыдущего. Писатель объединил героев разных национальностей в одну сюжетную канву, чтобы показать их сплоченность, дружбу, единый дух в борьбе с фашистскими захватчиками. Алексеев, как и Лашманов, Шубин, героически отстаивали свободу и независимость родной страны. Патриотические чувства молодого Геннадия, вчерашнего дипломника лесного института, раскрываются в беседе земляком, которого встретил на одной из узловых станций:

«– Тугеже тый Йошкар-Ола гыч вик тышке логалынат? – Вачи Вачай йодо.

– Вик, – манеш Алексеев. – Ачамыт шинченат огытыл. Алатырь гыч письмам колтенам ыле, вашмутым налын шым гукто. Очыни, ынде толын шуын. Очыни, почтальон кычкыралын: "Алексееву Геннадию Александровичу!" А мый уке улам... Ынде кунам налын шуктем, ала?.. Но нимат огыл, – мане вара тудо» [\[9, с. 5\]](#).

(«- Выходит, ты прямо с Йошкар-Олы прибыл сюда? – спросил Вачи Вачай.

– Прямо, – отвечает Алексеев. Родители даже не знают. С Алатыря отправлял письмо – ответа не дождался. Наверное, уже дошло. Наверное, почтальон кричал: "Алексееву Геннадию Александровичу!" А меня нет... Теперь когда получишь?.. Но ничего, – добавил он»). Его слова говорят о том, что для него, как и для всех советских людей, нет ничего дороже и важнее защиты Родины.

В романе изображены события самого трудного периода Великой Отечественной войны – отступление Советской Армии. Лишь на последних страницах писатель рисует начало успешного его наступления. Писатель сумел раскрыть неиссякаемую энергию и непреклонную волю к победе, зарождение и развитие партизанского движения (с XII главы), сопротивление мирного населения захватчикам. Изображение боевых действий является фоном раскрытия судеб героев (Алексеева, Ани, Виктора Сосновского, Жарова и других) произведения в суровые годы. Обобщающий образ борющегося и сопротивляющегося народа-гуманиста ярко проявляется в массовых сценах.

Н. Лекайн подчеркивает особую роль партии в организации партизанского движения. Парторг колхоза «Восход» Иван Матвеевич Зуев, председатель колхоза Яков Михайлович Назарченко, рядовой коммунист Трофим Иванович Марков в первые же дни фашистской оккупации уводят в лес колхозников, ищут связи с другими партизанскими соединениями. Вместе с отрядом деда Евсея проводят сложные операции против врагов.

Накопившаяся ненависть к оккупантам красноречиво раскрывается в сцене казни красноармейцев у клуба на глазах у жителей деревни Сосновка. Народ в тишине наблюдал за происходящим. Писатель скупыми лаконичными фразами выявляет сущность его характера: твердое намерение отомстить, внутреннюю собранность. Мужчины сжимали кулаки в решимости биться с врагом до победного. Затем разгневанный народ переходит к действиям – поджигает дом предателя Прыгунова. Лекайн обращает внимание на духовное убожество, отсутствие чувства человеческого достоинства изменников (Тимки Прыгунова, его отца, Иона Рыженькова, Бородавки, волостной старшины Иоакимовича): выдают лучших людей деревни, совершают убийства и грабежи.

Наиболее отвратительные черты фашистов воплощены в образе офицера особых войск Ганса Миллера. Он без сожаления совершает убийства, сжигает деревни, грабит народ. Его портретное описание является красноречивым свидетельством характера убийцы: *«Немычын капше к□кш□, вара гай вичкыж. Ш□ргывылышыже ка□га, т□сдым□. Нерже к кадырген шога, тудын мучашыже вичкыж. Нер □мбалныже ош роговой оправан очки. Кунам тудо очкижым налеш, тунам нер лукуш йоштекын вошышо шинчаже ир с□сна шинчам ушештара, а кунам очкижым м□□геш пижыкта, тунам чыве нумалше тумнала коеш. Тудын о□ылашыжат нержылан келшыше, кошарген шога. А кужу да кошар о□ылашан трубкажым к□сенже гыч луктын пурлеш гын, чыла кап-кылжым иктешлен, а□ысырын ончыкта. Тудын чиемже – френч ден брюкыжо – могырешыже пижын шога. Тиде е□ын, очыни, илышыжат а□ысыр да шыгыр. Садланак дыр тудо шыде. Ойлымж годым п□йжым ишыктен шында, шуэ п□йж□ кокла гыч ш□вылж□ й□р семын шыжа»* [9, с. 76] («Немец высокий, худой, словно жердь. Лицо худощавое, бесцветное. Нос длинный, с горбинкой, с заостренным концом. На носу очки в белой роговой оправе. Когда он снимает очки, тогда косо сдвинувшиеся к носу глаза напоминают глаза дикой свиньи, а в очках он похож на сову, таскающую кур. Его кадык пропорционален носу. А когда, достав из кармана, закуривает длинную, остроконечную трубку, тело кажется иссохшим. Его одежда – френч и брюки – прилипает к телу. У него, очевидно, и жизнь узкая, тесная. Поэтому он и злой. Когда говорит, то стискивает зубы и сквозь них брызжет слюна, словно моросит дождь»). Авторские комментарии к портрету подводят к мысли о том, что человек с такой внешностью не может быть добрым. Следует упомянуть, что еще одна авторская тенденция проявляется у Н. Лекайна в портретных описаниях: большинство отрицательных героев произведения имеют неприятную внешность и наоборот.

Публицистичность, присущая обоим романам проявился в описании событий, характеристике героев (выходцев из марийского края, смоленской земли), в стиле повествования. И второй роман раскрывает лучшие черты национального характера, проявившиеся в борьбе с фашизмом.

Прозаик планировал продолжить эпическое повествование о народных героях. «При этом романист придавал национальный колорит даже таким явлениям жизни, которые его иметь не могут. Так в его книге русские крестьяне, жителя Смоленской области, поют марийские песни, рассказывают древнемарийские сказки, в их речи часто слышатся

марийские пословицы и поговорки. Это уже издержки произведения» – отмечено в «Истории марийской литературы» под редакцией К. К. Васина и А. А. Васинкина [5, с. 312].

Такие образы реальных героев Великой Отечественной войны нарисованы в романах Б. Н. Полевого «Повесть о настоящем человеке» [13], М. А. Шолохова «Они сражались за родину» [15], Б. Л. Васильева «В списках не значился» [1] и др. Страницы романов словно прямые репортажи повествуют об ужасах войны, героизме и предательстве, любви и смерти. Писатели с болью в сердце прокручивали кровавые воспоминания памяти и воспроизводили их как дневниковые записи.

Марийская словесность тех лет, подобно многим национальным литературам, отражала сильный и отважный дух могучего народа, выстоявшего перед натиском врага, а главное сумевшего победить несмотря ни на что. Художественная проза о войне связана с именами многих других марийских писателей: повесть Дм. Орая «Чолга ш□дыр» («Немеркнувшая звезда») [2], роман В. Иванова «Т□тан» («Буря») [3] и др. В их произведениях получают художественное осмысление большие и малые события войны, героизм партизан, подвиг тыла.

Идейный мир романа «Кугезе мланде» («Земля предков»)

Тема пробуждения классового самосознания в предреволюционные годы отражена в третьем романе Н. Лекайна «Кугезе мланде» («Земля предков», 1955–1960). Это еще одно многоплановое, остроконфликтное произведение писателя о тяжелой доле марийского народа при царизме. Писателю удалось создать правдивые картины социальной сватки, поистине народные характеры. Центральная проблема (кроме классового конфликта), открывающая произведение – борьба марийских крестьян за социальное освобождение, за землю на Шалинском бугре между крестьянами соседних деревень – Кожеръяла, Лап-Солы – и хуторянами. Причем, для некоторых (как, например, для главного героя Эчана) этот спор превращается в личную трагедию. Столыпинская реформа вселила в обездоленного деревенского батрака, сироту и приемыша Эчана надежду на лучшую жизнь: мечтал обзавестись землей и хозяйством. Но сельские богачи жестоко обманули очередного «ситмыжа» (буквально означает «безродный»): дали ему самую плохую землю у глубокого оврага в низине. Весеннее половодье смыло полполосы и уничтожило часть посева. Так покорность, привитая ему с детства приемным отцом, переросла в гнев, а затем и в бунт. Но подобная агрессия не привела к добру: его начали преследовать местные власти. В надежде скрыться Эчан уходит в Казань, устраивается работать на завод.

Рабочая среда пробудила в нем классовое сознание, чувство собственного достоинства. Это также собирательный образ крестьянина, для которого земля является и кормилицей, и средством обогащения. Главный герой обладает высоконравственными принципами (всегда выступает на стороне угнетенных и обездоленных), незаурядными умственными способностями (он, как говорится в народе, «и в огне не горит и в воде не тонет»). Образ Эчана и идеализирован, и романтизирован. Художественная идеализация у Н. Лекайна выступает как один из приемов обобщения и свидетельство утверждения реалистического метода писателя (все его поступки подчинены логике реального хода событий).

Роль другого персонажа (его антипода) пронырливого соседа Сопром Епрема, алчность которого не знает границ, в раскрытии образа главного героя. Писатель дает понять:

каким мог бы быть Эчан, если вовремя не остановил свои частнособственнические устремления. Но следует отметить, что Сопром Епрем не вписывается в традиционный образ кулака. В нем нет нарочитой важности, степенности, внешнего благообразия. Зачастую он прикидывается простым человеком из народа, не юродствует перед односельчанами. Но за этом благоразумным внешним обликом скрываются истинные хищнические пороки (интересуется только деньгами, жестоко угнетает бедных, ему чуждо любое проявление сочувствия). Его кажущееся простота ввела в заблуждение не только соседей, но и состоятельных «хозяев деревни». Однажды Епрем явился в рваном кафтане, в грязных лаптях на лесные торги. Но, к большому удивлению всех присутствующих, оказался единственным, предложившим самую высокую ставку (размотав ветхие портянки, достал пачку червонцев)

Данное противопоставление персонажей способствует раскрытию менталитета марийского крестьянства, отличающегося трудолюбием, уважительным отношением и почитанием пожилых (взрослых), что в итоге порождает послушание. Люди, выбившиеся из этого социального класса, становятся кулаками, торговцами (наглый Атбаш Ведыр), старостами деревни (хитрый Лазыр). Марийские карты (буквальный перевод языческий «жрец», например, Ондри Япык).

Сам писатель является выходцем из крестьянства, поэтому с большим сочувствием рисует образы простых крестьян – Стапана Йывана, Корема Кстынчи, Петра Макси, разными путями идущих к пониманию социальной правды. Эти персонажи и их (порой даже необдуманные и противоречивые) поступки отражают исторически сложившуюся тяжелую жизнь марийского крестьянства. В описании их судьбы «слышится» незатихающая тревога писателя за будущее народа. Н. Лекайн сумел достоверно изобразить также скрытую, затаенную мечту трудолюбивого народа о счастливом будущем, раскрыть многовековые нравственные и духовные ценности. В этом контексте символично и название произведения. Художественный образ земли – это источник пропитания для сотен поколений (как хлеб), это и земля предков-тружеников (национальные традиции, устои быта), это и поэтический образ крестьянского труда. Уважительное отношение к земле придает роману черты глубокой народности. Мифы, поверья, обряды и обычаи, порожденные многовековым трудовым опытом пахаря, внесли в роман национальную окрашенность, творческую самобытность, раскрыли неповторимые черты деревенского быта.

Органично входят в сюжет лирические описания традиционных языческих праздников (агавайрем, сурем, сватовство и свадьба), поэтично обрисованы вечеринки деревенской молодежи.

Еще одним важным изобразительным средством душевных переживаний героев стал жанр народной песни. По первоначальному замыслу писателя повесть «Смелая песня» (1954), параллельно созданная с романом, должна была стать заключительной частью произведения. В ней, повествуя о жизни бурлаков на Волге, возникает образ народного певца-гусяра, а русская революционная песня «Вихри враждебные...» является символом единения марийцев-крестьян и рабочих. Надо отметить, что опора на народно-поэтические традиции (народную мудрость) характерна для многих произведений прозаика.

В романе незримо присутствуют два образа: повествователь-современник, повествователь-историк. Первый – это своего рода близкий к народу, к его мировоззрению рассказчик событий, второй дает толкование историческим событиям как современник.

Пространственные пределы сюжетного действия очерчены пределами марийской деревни Кожеръял, городом Казань и эпизодическими событиями на фронтах Первой мировой войны. Его героев интересует и волнует все то, чем живет Российское государство накануне великого исторического переворота – Великой Октябрьской социалистической революции. Другими и единомышленниками Эчана в социально-политической борьбе являются татарин Габдулла, русские Шадрин и кузнец Зорин, сыгравший важную роль в становлении политических убеждений героя. Все началось с того, что кожеръяльцы пригласили в новую построенную кузницу Зорина, не ведая о его связи с революционно настроенными рабочими. Именно там он читал листовки жителям деревни, так произошло «политическое взросление» главного героя.

Отличительной особенностью романа «Земля предков» является взаимопроникновение эпического, поэтического и драматического, отображение социальных противоречий, что характерно для многих романов литературы народов России: «Широкая Мокша» – мордовского писателя Т. Кирдяшкина [\[6\]](#), «Алая лента» – коми прозаика В. Юхнина [\[16\]](#), «Черный хлеб» чувашского писателя Н. Ильбека [\[4\]](#). К примеру, роман Т. Кирдяшкина «Широкая Мокша» (1953) также воссоздает «события, отражающие борьбу мордовского народа за социальное и национальное освобождение в конце XIX – начале XX в.» [\[12, с. 3\]](#). В третьем романе Н. Лекайн отходит от прежней композиционно-стилевой манеры: «авторские ремарки и лирические отступления публицистического характера сведены до минимума» [\[12, с. 261\]](#). Кроме того, усиливается психологизм в раскрытии характеров героев, что в целом свидетельствует о возросшем мастерстве писателя.

Выводы

Опираясь на художественные традиции (тематику, проблематику) писателей братских народов, Н. Лекайн добился успеха в написании многопланового произведения. Авторский замысел первого романа «Железная воля» не предполагал создание трилогии – идея эта возникла в процессе творческой работы. А незадолго до смерти (до 1960 г.) он начал задумываться о дальнейшем расширении масштаба и объема своего повествования. Им уже был собран материал для романов «Марийская автономная область» и «Вачий Вачай», «которыми он предполагал завершить свою работу над циклом повествований о национальном, духовном возрождении родного народа» [\[12, с. 316\]](#).

Никандр Лекайн – первый Народный писатель МАССР, поистине образцовый художник, находившийся в неустанном поиске новых путей реализации творческих замыслов, живо откликающийся на актуальные темы современной ему эпохи.

Исторические события конца XIX – середины XX века, изображенные в его трилогии, повествуют о становлении и развитии марийского края, народности, героической борьбе с фашистскими оккупантами в годы Великой Отечественной войны.

Библиография

1. Васильев, Б. Л. В списках не значился. – Санкт-Петербург: Азбука, 2016. – 285 с.
2. Дм. Орай Чолга шӱдыр: повесть. – Йошкар-Ола, 1973. – 184 с.
3. Иванов, В. Тӱтан: роман. – 2-шо изд. – Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1991. – 368 с.
4. Ильбек, Н. Ф. Черный хлеб: роман / Перевод с чуваш. А. Толмачева; Худож. Н. Г. Кумбиров. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1977. – 272 с.

5. История марийской литературы / Отв. редакторы К. К. Васин, А. А. Васинкин. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1989. – 432 с.
6. Кирдяшкин, Т. А. Широкая Мокша: роман-хроника / Авториз. пер. с мордов.-мокша. В. Авдеева. – 3-е изд. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1969. – 328 с.
7. Лекайн, Н. Вozyмыжо кум том дене лукталтеш. – 1 том. Проза. – Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1987. 592 с.
8. Лекайн, Н. Вozyмыжо кум том дене лукталтеш. – 2 том. Проза. – Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1987. 592 с.
9. Лекайн, Н. Кугу сарын тулыштыжо: роман. – Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий издательство, 1974. – 408 с.
10. Мординов, Н. Весенняя пора / Авторизованный пер. с якутского А. Дмитриевой, Л. Корниловой. – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1961. – 717 с.
11. О мордовской литературе / Источник: Писатели Мордовии: биографический справочник / Сост.: Т. С. Баргова, Е. М. Голубчик. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 2004. – 127 с. (К 70-летию Союза писателей республики Мордовия) <https://www.nbrkomi.ru/images/267/doc/9634.pdf> (дата обращения: 18.11.2023).
12. Очерки истории марийской литературы. – Часть II. – Йошкар-Ола, 1960. – 412 с.
13. Полевой, Б. Н. Повесть о настоящем человеке. – Москва: Художественная литература, 1983. – 319 с.
14. Романенко, Д. Николай Егорович Мординов // <https://coollib.net/b/579704-nikolay-egorovich-mordinov-vesennaya-pora/read> (дата обращения: 17.11.2023).
15. Шолохов, М. А. Они сражались за родину: главы из романа; рассказы / Предисл. С. Шолоховой; Послесл. В. Осипова; Иллюстрации Ю. Реброва. – Москва: Либерия: Раритет, 1995. – 300 с.
16. Юннин, В. В. Алая лента: роман / Пер. с коми А. Дмитриевой и авт. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. – 439 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Идейный мир трилогии марийского писателя Н. Лекайна «Кортнь вий» («Железная воля»), «Кугу сарын тулыштыжо» («В огне великой войны») и «Кугезе мланде» («Земля предков»)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей языка художественной прозы одной из народностей, проживающий в Российской Федерации.

В данной статье автор обращается к творчеству одного из прозаиков марийской литературы - Никандра Лекайна.

Статья является новаторской, одной из первых в отечественной филологии, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы, а именно к сравнительно-историческому методу, методу обобщения и методам герменевтики.

Практическим материалом послужили романы автора на марийском языке, объединенные в трилогию: «Железная воля», «В огне великой войны», «Земля предков».

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами на марийском языке и параллельном переводе на русский, но без указания авторства переводчика (это перевод автора или это русскоязычный вариант издания?), а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых представлены теоретические работы на русском языке. Считаем, что обращение к работам зарубежных исследователей, несомненно, обогатило бы рецензируемую статью.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по национальной литературе и марийскому языку, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Идейный мир трилогии марийского писателя Н. Лекайна «Кортнь вий» («Железная воля»), «Кугу сары тулыштыжо» («В огне великой войны») и «Кугезе мланде» («Земля предков»)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Куркина Н.В., Меньщикова М.К. — Типология готических новелл Джозефа Шеридана Ле Фаню // Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.68964 EDN: JBBVRX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68964

Типология готических новелл Джозефа Шеридана Ле Фаню

Куркина Надежда Валерьевна

аспирант, кафедра зарубежной литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37

✉ kurkina-nadya@mail.ru



Меньщикова Мария Константиновна

доктор филологических наук

профессор, кафедра зарубежной литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37

✉ menshikova4@yandex.ru



[Статья из рубрики "Всемирная литература"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.68964

EDN:

JBBVRX

Дата направления статьи в редакцию:

13-11-2023

Дата публикации:

22-11-2023

Аннотация: Джозеф Шеридан Ле Фаню является одним из самых видных представителей жанра ghost story. Его произведения были широко популярны не только в годы их публикаций, но и спустя многие годы после. Предметом исследования в данной статье является проблема создания жанровой типологии. На материале

готических новелл (сборники «Записки Парселла» («The Purcell Papers»), «В тусклом стекле» («In a glass darkly») и др.) британского писателя XIX века Джозефа Шеридана Ле Фаню рассматривается вопрос оптимального типологического критерия, который бы позволил создать объективную типологию, применение которой было бы возможно при изучении произведений других авторов готической малой прозы второй половины XIX – начала XX века. Методологические принципы, положенные в основу настоящего исследования, учитывают достижения культурно-исторического, компаративистского, а также структурно-описательного подходов. Новизна связана с отсутствием подобной типологии новеллистики Ле Фаню, а также с тем, что исследователи преимущественно отдают предпочтение романной форме в творчестве писателя. Однако такая типология позволяет уточнить некоторые аспекты развития готической малой прозы как в творчестве Ле Фаню, так и в произведениях других писателей этого периода. Кроме того, типологизирование готических новелл Ле Фаню позволяет более детально проследить изменение образной системы готической малой прозы. Выводы, сделанные в результате исследования: объективным типологическим критерием можно считать специфику отношения нарратора к категории сверхъестественного. На основании этого критерия в творчестве Ле Фаню выделяются классическая готическая новелла, «научная» готическая новелла, юмористическая готическая новелла, социально-психологическая готическая новелла, фольклорно-мифологическая готическая новелла.

Ключевые слова:

английская готическая новелла, жанровая типология, готическая новелла, нарратор, категория сверхъестественного, готика, новелла, рассказы о призраках, викторианская эпоха, цикл

Работа выполнена в Научно-исследовательской лаборатории «Изучение национально-культурных кодов мировой литературы в контексте межкультурной коммуникации» Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского в рамках Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» (тема Н-457-99_2022-2023)

Джозеф Шеридан Ле Фаню (Joseph Thomas Sheridan Le Fanu, 1814 - 1873) - один из выдающихся авторов викторианских «рассказов о привидениях» (*ghost stories*), его произведения высоко ценились как на момент публикации, так и спустя десятилетия, оказав влияние на развитие готической литературы в XX веке. Творческое наследие британского автора не раз становилось и предметом внимания в литературоведческих исследованиях. Среди которых, безусловно, следует выделить работы, коррелирующие с нашим исследованием. Здесь стоит выделить диссертацию Н.В. Водолажченко «Поэтика готической новеллистики Дж. Ш. Ле Фаню: на примере цикла «В зеркале отуманенном» (2008) [\[1\]](#), где автор рассматривает поэтологическое своеобразие новелл Дж. Шеридана Ле Фаню. А.И. Хотинская в статье «Трансформация образа романтической любви в романах Дж.Шеридана Ле Фаню «Дом у церковной ограды» и «Дядя Сайлас» (2016) отмечает обращение Ле Фаню к художественному опыту готического и рыцарского романов [\[10\]](#). Известный современный исследователь английской готической малой прозы А.А. Липинская в статье «О крысах и людях. Границы человечности в цикле С.Л. Вернера «Воины Скавенов» (2020) ссылается на образ Кармиллы из одноименной новеллы Дж.Шеридана Ле Фаню [\[7\]](#). Творчество Ле Фаню и его вклад в развитие

готических литературы становились предметом анализа в работах Е.П. Зыковой («Шеридан Ле Фаню и развитие готического романа в английской литературе XIX века») [3], А.А. Тимофеевой («Стратегии межъязыковой передачи лингвистических средств выражения понятия «сверхъестественного» (на материале повести Дж.Ш.Ле Фаню «Кармила» и ее русскоязычных версий») [9], А.А. Гольцевой («Чейплизодский цикл готических произведений Дж. Ш. Ле Фаню») [2] и др. Один из биографов писателя Уильям Дж.МакКормак освещает в работе «Sheridan Le Fanu and Victorian Ireland» творчество писателя в контексте ирландского культурного бэкграунда XIX века, а Хюн Джун Ли в статье «Слились навеки»: желание, субъективность и угроза отвержения в «Кармилле» Шеридана Ле Фаню» обращается к новелле «Кармила», где исследует воплощение чувственной стороны жизни [6]. Американский литературовед, профессор, публицист Джек Салливан подчеркивал, что Ле Фаню действительно является ключевой фигурой в развитии жанра «ghost story», а его влияние на развитие жанра неоспоримо [13]. Иван Мелада автор монографии о творчестве Шеридана Ле Фаню, в свою очередь полагает, что малая проза удастся писателю лучше, чем романы (хотя сам писатель считал роман «Дом у кладбища» вершиной творчества), так как именно в новеллистике Ле Фаню проявляет себя как талантливый рассказчик, способный увлечь читателя [12].

Таким образом, следует отметить, что несмотря на интерес исследователей к творчеству Дж.Ш. Ле Фаню, преимущественно предметом исследования становятся романы писателя или отдельные, наиболее известные новеллы, такие, как «Кармила», а также литературоведы обращают внимание на влияние отдельных элементов поэтики автора на произведения других писателей или, напротив, рассматривают тексты Ле Фаню сквозь призму типологических жанровых характеристик готической литературы в целом.

Следовательно, обращение к вопросу типологизирования готической новеллистики Дж.Ш. Ле Фаню на настоящий момент остается открытым.

Вопрос о типологическом критерии в современной жанрологии всегда остается актуальным, поскольку именно от его объективности и целостности зависит создание универсальной типологии. Несмотря на безусловную возможность классифицировать готические рассказы с точки зрения формальных признаков, более целесообразной и полной выглядит, на наш взгляд, типология, в основе которой лежит критерий, базирующийся на специфике понимания нарратором категории сверхъестественного, центральной и основополагающей в готической литературе, в то время как ее содержательные и формальные элементы могли меняться с течением времени. Итак, на основе данного критерия можно предложить следующую типологию готических новелл Дж.Ш. Ле Фаню.

Первым следует обозначить тип **классической готической новеллы**. Он максимально генетически связан с поэтикой классического готического романа. Нарратор рассматривает сверхъестественное здесь как существующее наравне с материальным объективным миром, часто ему противопоставленное и поэтому неизменно пугающее. Рассказчик и (или) герои подобных новелл не подвергают сомнению реальность происходящих с ними мистических событий. Готическая атмосфера, в которую погружается читатель, создается готическими топосами: замки, руины, кладбища, мрачными описаниями природы; типичными готическими элементами, мотивами и образами, не подвергающимися пародированию (встреча с призраком, мотив тайны, спрятанное сокровище и др.). Поскольку поэтика данного типа новеллы очевидна, перечислим лишь те произведения Ле Фаню, которые можно к нему отнести: «Художник

Шалкен» (*Strange Event in the Life of Schalkenthe Painter*), «Мертвый причетник» (*The Dead Sexton*) и др. В перспективе распространения данной типологии на произведения других авторов, приведем несколько подобных примеров: Э. Ф. Бенсон «В отсветах камина» (*Between the Lights*, 1912), Э. Дансейни «Тринадцать за столом» (*Thirteen At Table*, 1916).

Следующий тип, который можно выделить – это **«научная» готическая новелла**, сюда можно отнести такие тексты, как «Зеленый чай», «Комната в отеле «Летающий дракон», «Судья Харботтл», «Близкий друг» и др..

Под «научным» здесь подразумевается попытка рационального обоснования нарратором событий, которые кажутся мистическими. Например, сквозь призму восприятия событий Мартином Хесселиусом, повествователем в ряде новелл, сверхъестественное объясняется через медицинский подход. Интерес к психологическим аспектам человеческой жизни, а также стремление соединять мистическое, ирреальное с психическим и социальным следует считать одной из особенностей готической новеллы, особенно второй половины XIX века.

Таким образом, в новелле «Зеленый чай» и «Близкий друг» автор объясняет причину мистических событий некоторым помешательством, душевной болезнью. В прологе новеллы «Судья Харботтл» автор уже дает научное обоснование событиям рассказа, где доктор Хесселиус ставит главному герою повествования диагноз: «помешательство, каталепсию, а также одержимость» [8. С 602].

«Судья Харботтл» представляет собой инвариант более раннего произведения Ле Фаню – «Рассказа о некоторых странных происшествиях в старом доме на Онджер-стрит» (1853), от которого остался только образ зловещего судьи. Впервые рассказ был опубликован в январе 1872 г. В лондонском литературном ежемесячнике «Белгравия», в сборник «В тусклом стекле» вошел с некоторыми изменениями: добавились связующая повествование фигура Мартина Хесселиуса, разбивка на главы, дополнения в ряде некоторых эпизодов [8].

Данная новелла интересна также и прообразом судьи Харботтла: возможно, Ле Фаню делает отсылку к печально известному Джорджу Джеффрису – главному судье Англии и Уэльса в 1683-1685 гг., вынесшему повстанцам сотни смертельных приговоров, из-за чего его прозвали «судьей-вешателем». Ле Фаню проводит между Джеффрисом и Харботтлом явные параллели, например, оба отличались особым садизмом при исполнении приговора, были красноречивы и не знали жалости к приговоренным. Основное повествование описывает случай, произошедшим с судьей Харботтлом, который пользовался славой самого свирепого и несправедливого судьи во всей Англии. Однажды он должен был судить некоего Льюиса Пайнвека, бывшего бакалейщика, и в это же время судье стало известно, что некое тайное общество, взявшее название Высшего апелляционного суда, намерено судить уже самого Харботтла.

На первый взгляд, это типичная готическая история о возмездии со стороны высших сил: автор использует все атрибуты готического сюжета — сверхъестественное явление (преследование судьи призраком несправедливо казненного), напуганного свидетеля, добежавшего до рассказчика, и страшную тайну мрачного дома. Ле Фаню добавляет описанию особняка судьи такие готические черты как пыльные маленькие окна, недостаточное освещение, черные лестницы, устрашающий внешний фасад дома, упоминает зеркало, как возможный портал между мирами. Так же автор разворачивает повествование не только в пространстве дома судьи, но и в фантастическом

пространстве – здании суда, где происходит мистический суд над Харботтлом. Красочно проводятся параллели с мистическим двойником самого судьи – Двукратом, у которого была схожая манера вести судебный процесс: «...который без конца изводил его насмешками и вгонял в дрожь громовым голосом, был точной копией его, только увеличенной в два раза. И багровый цвет свирепого лица, и пылающие злобой глаза – все стало вдвое выразительнее» – [8. С. 623]. Харботтлу выносят такой же жестокий приговор, как и он когда-то всем своим арестантам и заключают в адские оковы, и судья просыпается от жгучей боли в лодыжке, но позже ссылается на подагру. Такую же попытку рационального объяснения произошедшего мы можем наблюдать и у Ч. Диккенса в «Рождественской песни в прозе», когда Скрудж так же себя убеждал в том, что увиденное им, скорее, признак того, что «он съел что-то не то».

После того случая судья стал медленно увядать – он утратил всю свою прежнюю энергию, его стали терзать страх и уныние, он впал в апатию. Новелла заканчивается тем, что он заканчивает жизнь самоубийством – его находят в собственном доме повешенным. Следов борьбы не было обнаружено, никто не слышал криков о помощи.

Новелла «Комната в гостинице «Летающий дракон» напоминает скорее готический авантюрный детектив, чем обычный рассказ о сверхъестественном. История о пылком романе главного героя (Беккет) с загадочной графиней дополняется различными атрибутами готического: тайной некой комнаты, в которой исчезают люди, описания старинных улочек с полуразрушенными готическими церквушками, описания пыльного большого зеркала, поход главного героя на старинное кладбище – таким образом, автор также использует данные элементы для создания готической атмосферы. Ле Фаню разрушает эту атмосферу посредством простейшего объяснения всей истории, произошедшей с главным героем. Беккет становится жертвой мошенников, а вся «тайна» оказывается лишь их продуманной манипуляцией. В данных новеллах возникает некий рациональный голос, как попытка объяснить окружающий мир. Однако, это не позиция самого автора, в новеллах данного типа есть всегда ярко-выраженный рассказчик, отделимый от личности автора. Здесь можно упомянуть и ряд произведений других авторов, имеющих черты данного типа: «Необычайный случай из жизни покойного Генри Гарриса, доктора богословия» (*A Singular Passage In The Life Of The Late Henry Harris, Doctor In Divinity*, 1845) Ричарда Барэма, «Лицом к лицу с призраками» Эдуарда Джорджа Бульвер-Литтона.

В творчестве Дж.Ш. Ле Фаню можно выделить тип **юмористической готической новеллы**.

К данной разновидности можно отнести ранние работы писателя, например, новеллу «Призрак и костоправ», который входит в сборник «Записки Парселла». Автор в комическом ключе использует популярный прием «ожившего портрета», используемый, например, в «Замке Отранто» Уолпола. Ле Фаню добавляет новелле остроумия и юмора с помощью нелепого появления призрака, целью которого является не напугать непрошеного гостя, а пригубить стакан виски. Большого комизма добавляет приказ призрака вправить ему вывихнутую лодыжку. Также, к этому типу можно отнести практически все новеллы из данного сборника, за исключением «Странного происшествия из жизни художника Шалкена». Например, в новелле «Сон пьяницы» рассказ идет о пьянице, узревшего ад под ступеньками собственной лестницы; героя за три дня отсутствия сочли мертвым, его жена спешит обвенчаться с другим до наступления поста, а священника зовут изгонять подоспевшего к свадьбе «призрака»; в старого гусака, по мнению местного специалиста по «гастрономии» (на самом деле, «астрономии»), вселился дух покойного крестьянина – творится полная неразбериха, и

читатель уже даже не обращает внимание на готический антураж.

Также к этому типу относится новелла «Мертвый причетник», где наряду с традиционным готическим звучанием, Ле Фаню добавляет и тонкий юмор. Например, это проявляется в причине нелепой смерти причетника Тоби Крука: на него упал колокол, который тот хотел украсть и продать. Сам стиль повествования добавляет атмосфере повествования несерьезности и легкости, используется много просторечий, частиц, союзов, междометий. Стоит уточнить, что данные юмористические новеллы не являются пародией на готику, как, например роман Джейн Остен «Нортенгерское аббатство», и еще более остроумное произведение Томаса Пиккока «Аббатство кошмаров». За счет некоторых сюжетных элементов и самого характера повествования с категории сверхъестественного снимается та самая атмосфера страха и ужаса. В этом контексте мы можем вспомнить так же «Кентервильское привидение» Оскара Уайльда.

Также, на наш взгляд, следует выделять отдельно тип **фольклорно-мифологической готической новеллы**. Писателя во многом интересовал ирландский фольклор и сюжетика подобных историй, что и составило значительный пласт произведений в его творчестве. Так, излюбленным сюжетом Ле Фаню мы можем считать мотив похищения / встречи человека с потусторонним миром / существами. Сверхъестественное здесь изображается через архаичные мифологические корни, архетипичные образы, отсылки, таким образом, рождается особое изображение сверхъестественного. Эти новеллы мы выделяем в отдельную категорию, т.к. они определяют категорию сверхъестественного через акцентирование ирландского национально-культурного кода.

К такому типу текстов можем отнести новеллы «Лора-Колокольчик», «Ребенок, которого увели фэйри», «Белая кошка из Драмганниола», в которых Ле Фаню наиболее полно отразил ирландские народные поверья, местный колорит ирландских деревень, магическую красоту природы Ирландии. Пейзаж и обстановка в произведениях Ле Фаню глубоко символичны, так же эти описания природы являются отражениями ирландских исторических реалий. Окружающая действительность в ирландских новеллах писателя напоминает о прошлом страны, величественном и возвышенном, которое оказалось почти навсегда утрачено. В ирландских произведениях Ле Фаню выражено не только стремление актуализировать исторические проблемы своей родины, но, и показана та Ирландия, которая вызывает гордость и восхищение.

Отдельным подтипом, возможно, следует здесь выделять **вампирическую готическую новеллу**, учитывая интерес современной культуры к теме, связанной с вампирами. Дж.Ш. Ле Фаню стоит у истоков формирования подобной литературы, его новелла «Кармила», оказала влияние в свою очередь и на Брэма Стокера, а также на произведение Ф.М. Кроуфорда «Ибо кровь есть жизнь» (*For the Blood Is the Life*, 1906). Поскольку данному произведению Дж.Ш. Ле Фаню уделено значительное внимание в литературоведении, а также мы обращались к анализу этой новеллы в своей статье (Куркина Н.В. «Трансформация элементов поэтики готической новеллы Дж. Шеридана Ле Фаню «Кармила» в экранизации 1972 года»), то ее анализ здесь позволим себе опустить.

Наконец, следует отметить интерес Ле Фаню к психологическим аспектам человеческой жизни, а также к актуальным для своего времени социальным темам, таким, как брак по расчету, проблема алкоголизма среди низших слоев населения, проблема коррупции и преступности, алчности, неравное социальное положение, проблемы, связанные с гендером – все это дает возможность выделить тип **социально-психологической готической новеллы**. Сюда можно отнести новеллы «Завещание сквайра Тоби»,

«Страница истории одного семейства из графства Тирон», «Комната в гостинице...» и др. Сверхъестественное в данном типе новелл может появляться не ради его изображения, а как прием, заостряющий внимание на социально-психологических аспектах. Также сверхъестественное здесь больше связано не с внешней событийностью как таковой, а с культивированием напряженной психо-эмоциональной атмосферы.

Таким образом, в данной работе обозначены подходы к созданию типологии малой готической прозы Дж.Ш. Ле Фаню и предложена рабочая типология, которая может быть развита и продолжена. Готические новеллы Дж. Ш. ле Фаню можно типологизировать на основе специфики восприятия и изображения категории сверхъестественного, и предлагаем выделять: классическую готическую новеллу, «научную» готическую новеллу, юмористическую готическую новеллу, социально-психологическую готическую новеллу и фольклорно-мифологическую готическую новеллу.

Следует отметить, что ряд новелл Дж.Ш. Ле Фаню совмещает черты нескольких типов, при доминирующих чертах одного из них, например, можно назвать такие произведения, как «Кармила», «Художник Шалкен», «Лора-Колокольчик», «Истории озера Лох-Гур» и др.

Кроме того, типологизирование готических новелл Ле Фаню позволяет более детально проследить изменение образной системы готической малой прозы: на смену героям, которых настигают родовые проклятия, приходят герои, которые пытаются разобраться в природе сверхъестественного, или герои, для которых сверхъестественное – плод душевной болезни. Женские персонажи заслуживают отдельного внимания, на примере обаятельной вампириши Кармиллы или графини из «Комнаты в гостинице...», которая наделяется чертами готического злодея-мужчины, что делает ее настоящей *femme fatale*, в отличие от нежной Розы Вёльдеркауст («Художник Шалкен») и чувственной Лоры («Кармила»), которые все еще остаются в рамках классической героини готики.

В заключение еще раз следует подчеркнуть, что предложенная типология новелл Дж.Ш. Ле Фаню может быть дополнена и применена не только к творчеству рассматриваемого писателя, но и в целом к анализу комплекса английской готической новеллистики рубежа XIX-XX веков.

Библиография

1. Водолажченко Н.В. Поэтика готической новеллистики Дж. Ш. Ле Фаню: на примере цикла "В зеркале отуманенном": автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.03 / Водолажченко Наталья Васильевна; Место защиты: Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2008. 24 с. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/vodolazhchenko-poetika-goticheskoy-novellistiki.htm> (дата обращения: 10.11.22)
2. Гольцева А.А. Чейплизодский цикл готических произведений Дж. Ш. Ле Фаню // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых: традиции и новаторство. Межвузовский сборник. 2019. – С. 53-57.
3. Зыкова Е.П. Шеридан Ле Фаню и развитие готического романа в английской литературе XIX века // Забытые и второстепенные писатели XVII-XIX веков как явление европейской культурной жизни. 2020. С. 160-164.
4. Куркина Н.В. Жанровая доминанта новеллистики Дж.Ш. Ле Фаню. Дипломная работа. Н.Новгород: ННГУ, 2023. 91 с.
5. Куркина Н.В. Трансформация элементов поэтики готической новеллы Дж. Шеридана

- Ле Фаню «Кармила» в экранизации 1972 года. ЛИТЕРАТУРА И ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ ИСКУССТВ. сборник статей. Том Выпуск 1. Нижний Новгород, 2020. С. 71-80. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45733591> (дата обращения: 05.09.23)
6. Ли Хюн Джун. «Слились навеки»: желание, субъективность и угроза отвержения в «Кармилле» Шеридана Ле Фаню // Стокер Б. Леди в саване. М.: Энигма, 2012. С. 490-514.
 7. Липинская А.А. О крысах и людях. Границы человечности в цикле С.Л. Вернера «Воины Скавенов» // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2020. № 4 (57). С. 74-79.
 8. Ле Фаню Дж.Ш. Дом у кладбища: роман; В тусклом стекле: повести, рассказы. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. – 864 с.
 9. Тимофеева А.А. Стратегии межъязыковой передачи лингвистических средств выражения понятия «сверхъестественного» (на материале повести Дж.Ш.Ле Фаню «Кармила» и ее русскоязычных версий) // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. М., 2018. С. 192-199.
 10. Хотинская А.И. Трансформация образа романтической любви в романах Дж.Шеридана Ле Фаню «Дом у церковной ограды» и «Дядя Сайлас» // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2016. № 3 (15). С. 41-54.
 11. McCormack W.J. Sheridan Le Fanu and Victorian Ireland. - Oxford: Clarendon Press, 1980.
 12. Melada I. Sheridan Le Fanu. Boston: Twayne Publishers, 1987.
 13. Sullivan J. The English Ghost Story from Le Fanu to Blackwood. Ph.D. Thesis, Columbia University, 1976.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вариант работы, представленный к публикации, ориентирован на обозначение типологии готических новелл Джозефа Шеридана Ле Фаню. Следует отметить, что данный автор привлекает исследователей, но указанный тематический грейд не был еще полновесно рассмотрен в массе критических источников. Автор статьи фиксирует, что «Джозеф Шеридан Ле Фаню (Joseph Thomas Sheridan Le Fanu, 1814 - 1873) - один из выдающихся авторов викторианских «рассказов о привидениях» (ghost stories), его произведения высоко ценились как на момент публикации, так и спустя десятилетия, оказав влияние на развитие готической литературы в XX веке. Творческое наследие этого британского автора не раз становилось предметом внимания в литературоведческих исследованиях». Однако, ряд моментов являются открытыми, следовательно, работа дополняет полновесный срез оценки творчества Джозефа Шеридана Ле Фаню. Материал грамотно составлен, синкретически совмещаются в тексте теоретические, практические и аналитические вставки. Не исключается автором и должный комментарий по ходу научной наррации. Например, «следует отметить, что несмотря на интерес исследователей к творчеству Дж.Ш. Ле Фаню, преимущественно предметом исследования становятся романы писателя или отдельные, наиболее известные новеллы, такие, как «Кармила», а также литературоведы обращают внимание на влияние отдельных элементов поэтики автора на произведения других писателей или, напротив, рассматривают тексты Ле Фаню сквозь призму типологических жанровых

характеристик готической литературы в целом. Следовательно, обращение к вопросу типологизирования готической новеллистики Дж.Ш. Ле Фаню на настоящий момент остается открытым». Думается, что при такой организации работы материал можно использовать как при изучении истории зарубежной литературы, так и теории литературы. Как вариант, «первым следует обозначить тип классической готической новеллы. Он максимально генетически связан с поэтикой классического готического романа. Нарратор рассматривает сверхъестественное здесь как существующее наравне с материальным объективным миром, часто ему противопоставленное и поэтому неизменно пугающее. Рассказчик и (или) герои подобных новелл не подвергают сомнению реальность происходящих с ними мистических событий. Готическая атмосфера, в которую погружается читатель, создается готическими топосами: замки, руины, кладбища, мрачными описаниями природы; типичными готическими элементами, мотивами и образами, не подвергающимися пародированию (встреча с призраком, мотив тайны, спрятанное сокровище и др.)», или «в творчестве Дж.Ш. Ле Фаню можно выделить тип юмористической готической новеллы. К данной разновидности можно отнести ранние работы писателя, например, новеллу «Призрак и костоправ», который входит в сборник «Записки Парселла». Автор в комическом ключе использует популярный прием «ожившего портрета», используемый, например, в «Замке Отранто» Уолпола. Ле Фаню добавляет новелле остроумия и юмора с помощью нелепого появления призрака, целью которого является не напугать непрошеного гостя, а пригубить стакан виски. Большого комизма добавляет приказ призрака вправить ему вывихнутую лодыжку. Также, к этому типу можно отнести практически все новеллы из данного сборника, за исключением «Странного происшествия из жизни художника Шалкена» и т.д. Статья конструктивна, точка зрения автора объективно манифестируется, серьезных фактических недочетов не выявлено. Считаю, что тема раскрыта полномерно, цель достигнута. В финальном блоке автор отмечает, что «в данной работе обозначены подходы к созданию типологии малой готической прозы Дж.Ш. Ле Фаню и предложена рабочая типология, которая может быть развита и продолжена. Готические новеллы Дж. Ш. ле Фаню можно типологизировать на основе специфики восприятия и изображения категории сверхъестественного, и предлагаем выделять: классическую готическую новеллу, «научную» готическую новеллу, юмористическую готическую новеллу, социально-психологическую готическую новеллу и фольклорно-мифологическую готическую новеллу». Основные требования издания учтены, методология выдержана в рамках актуальной магистрали. Список источников включает разные типы изданий. Рекомендую статью «Типология готических новелл Джозефа Шеридана Ле Фаню» к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Павлов Д.Н. — Структура и функции сказочного медианарратива социальной сети Instagram (на примере мотивирующего контента) // Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.69086 EDN: MDSPLY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69086

Структура и функции сказочного медианарратива социальной сети Instagram (на примере мотивирующего контента)

Павлов Дмитрий Николаевич

аспирант, кафедра журналистики, медиакоммуникаций и рекламы, Московский университет имени А. С. Грибоедова

111024, Россия, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Ш. Энтузиастов, 21

✉ dima2011211@gmail.com



[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.69086

EDN:

MDSPLY

Дата направления статьи в редакцию:

18-11-2023

Дата публикации:

25-11-2023

Аннотация: Поставленная авторами исследовательская задача основывается на попытке провести анализ феномена медианарратива в структурно-функциональном аспекте. Избранный материал включает в себя публикации запрещенной в РФ социальной сети для продвижения фотографий Instagram (принадлежит корпорации Meta, деятельность которой признана в России экстремистской и запрещена). Для исследования авторами были выбраны три тематически-репрезентативных аккаунта (суммарное количество подписчиков 600 тысяч) и пять материалов, содержащих в себе информацию об историях успеха различных знаменитостей. Предметная сторона проведенного анализа включает в себя нарративные функции (мотивы), которые можно обнаружить в данных публикациях. Актуальность данной работы заключается в

манипуляционной силе вышеобозначенных материалов и их способности приводить личность в активное мотивированное состояние. Отмечается, что такие материалы могут нести психолого-терапевтическую функцию для зрителя. Методологической основой является нарративная теория В.Я. Проппа, которая предполагает декомпозицию материала на инвариантные составные блоки, необходимые для построения медиасюжета. Научная новизна исследования заключается в необходимости присутствия в медиапространстве такого контента. Так как авторы исследования предоставляют универсальный набор обязательных нарративных матриц, блогеры, во-первых, получают возможность сэкономить время при создании публикаций, во-вторых, они получают возможность приводить аудиторию в активное мотивированное состояние посредством истории успеха известной личности. Среди наиболее важных выводов авторы отмечают исключительную популярность нарративных мотивов отправки, борьбы, трансфигурации, победы и воцарения (свадьбы). Именно они заключают в себе главные элементы повествования. Аналогичным образом авторы отмечают, что различия в создании материалов (видеоролики, тексты, иллюстративный материал) не влияют на заинтересованность зрителей и не исключают вышеобозначенные сказочные мотивы. Следовательно, из-за того, что такие материалы имеют высокую популярность, авторы утверждают, что они несут важную социальную функцию.

Ключевые слова:

нарратив, сказка, медиа, контент, публикация, мотивация, манипуляция, медианарратив, мотивирующий контент, инвариант

Совокупность правильно выстроенных медиасюжетов в социальных сетях является важным фактором при выстраивании коммуникации между нарратором и зрителем [\[1\]](#). Правильно подобранные функции при создании публикации могут выступать в качестве средства социального влияния. Блогер, взаимодействуя с собранными материалами, создает медианарратив, конструирующий общественное или личное мнение. В данном случае не является исключением и мотивирующий контент (МК), необходимый для появления краткосрочного желания к изменению модели поведения у личности.

Объектом данного исследования выступает медианарратив, который способен менять социальное мнение и модель поведения зрителя в критичные моменты жизни. Мы выдвигаем гипотезу, связанную с тем, что мотивирующий контент сети Instagram (запрещенная социальная сеть в РФ) имеет композицию, основанную на известных сказочных мотивах. Предполагается, что объект исследования реанимирует повествовательные архетипы волшебной сказки. Автор публикации использует их из-за относительной простоты [\[2, с. 135\]](#). Блогер, делая упор на необходимый мотив, способен привести зрителя в активное изменчивое состояние. Отсюда мы полагаем, что главной функциональной особенностью такого рода контента является выполнение психолого-терапевтической функции.

Методологическая основа включает в себя теорию В.Я. Проппа. В «Морфологии волшебной сказки» [\[3, с. 18\]](#) автор обозначает мотивы, составляющие сказочное повествование в единую синтагматическую структуру.

Перечислим их: отлучка, запрет, нарушение запрета, разведка антагониста, выдача сведений, подвох, пособничество, вредительство (недостача), посредничество, начинающееся противодействие, отправка, первая функция дарителя, реакция героя на

действия будущего дарителя, получение волшебного средства, перемещение в иное царство, борьба, клеймение, победа, ликвидация беды или недостачи, возвращение, погоня, спасение, неузнанное прибытие, необоснованные притязания, трудная задача, решение, узнавание, обличение, трансфигурация, наказание, свадьба, воцарение [\[4, с. 98\]](#).

При помощи декомпозиции повествования у нас появляется возможность обнаружить вышеобозначенные функции в нарративной структуре объектов нашего исследования. При этом ключевыми сказочными мотивами являются «борьба», «отправка», победа» и «воцарение» [\[5, с. 101\]](#), с которыми зритель отождествляет собственный опыт.

Предметом исследования стали 5 материалов социальной сети Instagram. Следует обратить внимание на различия в подачи информации. Некоторые публикации носят текстовый характер, некоторые иллюстративный, а некоторые являются исключительно видеороликами [\[6, с. 180\]](#). Однако внешние отличия публикаций не исключают необходимых для исследования сходств в нарративной среде. Их репрезентативность обусловлена большим количеством просмотров, отметок «нравится» и эмоциональным откликом у читателя, что можно увидеть по количеству и содержанию комментариев.

Обратимся к анализу материала.

Первый аккаунт, раскрывающий специфику мотивирующего контента, называется tres_mamas_notes [\[7\]](#) «Женщина. Любовь. История». Алена Рейес и Екатерина Раевская – авторы данного блога. Девушки рассказывают истории из жизни известных женщин, проводят прямые эфиры для поддержания психологического здоровья, помогают справляться с кризисными ситуациями в сфере отношений.

Первый видеоролик, который мы взяли для исследования, связан с историей Натальи Водяновой. Отметим, что данный материал может привлечь внимание зрителя своей композицией. Он содержит не только текстовую подпись (историю главной героини), но и видеоролик из интервью девушки [\[8\]](#).

Рассмотрим материал с точки зрения сказочных нарративных мотивов:

- Начало истории открывает цитата «Когда я стала успешной моделью, я понимала, что за мной остались миллионы людей», - сообщает Наталья, имея ввиду, что ее история мотивирует. Именно здесь мы можем заметить функцию «обличения», которая предполагает ознакомление зрителя с историей главной героини.

- Видеоролик с интервью, сопровождающий текст, дополняет историю. «Я была бедной девочкой, которая продавала фрукты на улице. Это правда. Делала все, чтобы выжить». Интересно, что практически всегда блогеры делают упор на стартовые возможности главного героя в социуме [\[9, с. 54\]](#). В данном отрывке можно выделить мотив «**недостача**», который раскрывает нелегкую судьбу главной героини, злой рок.

- «Когда девушке было 16 лет, ее зачислили в местное модельное агентство, а меньше, чем через полгода, красавица уже отправилась в Париж». Функция «**отправка**», которая предполагает начало сюжетных активных действий.

- «Потом ко мне кто-то подошел и сказал, что, может, я захочу отправиться в Париж? Это было шоком для маленькой девочки из глубинки России». «**Первая функция дарителя**», «**перемещение в иное царство**», где героиня получает предложение,

принимает его. С этого момента девушка начинает работать гораздо больше для достижения цели.

- «Она сэкономила буквально на всем: покупала самую дешевую и не очень полезную еду, ходила пешком, чтобы не тратиться на метро. Все ради того, чтобы отправить домой немного денег». **«Реакция героя на действия будущего дарителя», «борьба»** - героиня выдерживает предложенное ей испытание. Важным является то, что после пройденного испытания жизнь героя начинает меняться в лучшую сторону.

- «На красоту молодой девушки обратили внимание влиятельные дизайнеры Том Форд и Кельвин Кляйн, моментально сделав Наталью своей музой», - говорится в истории. Здесь автор использует инварианты **«Получение волшебного средства», «спасение» и «победа»**. Девушка становится известной моделью, начинает работать с известными дизайнерами, все ее труды в испытаниях вознаграждены.

- «В 19 девушка вышла замуж и вскоре стала мамой» - инвариант **«свадьба»**.

- «Материнство не помешало ее карьере, а наоборот сделало ее внешность более фактурной» - **«трансфигурация»**. Девушка проходит через обряд инициации несколько раз в жизни, с каждым разом она становится все успешнее.

- «Сейчас Наталье 41 год. Она изредка появляется на подиуме в качестве модели, сосредоточив внимание на детях и благотворительности». Наталья становится героиней данной истории, что отражает инвариант **«воцарение»**. Она помогает теперь не только близким (как в начале истории), но и нуждающимся.

Следующая публикация также повторяет все структурно-нарративные принципы мотивирующего контента. Данная история связана с Соней Харальдсен, девушкой из небольшого города [\[10\]](#).

- «Соня Харальдсен была обычной продавщицей в небольшом магазине одежды, принадлежавшем их семье. Девушка обладал великолепным вкусом, прекрасно шила и мечтала стать модельером». В данном отрывке нам представляют девушку, которая обладает мечтой, движется к ней. Сказочные мотивы **«обличение», «начинающееся противодействие»**, где читателю раскрывают личность главного героя, описывают его цели, рассказывают предысторию.

- «В 17 лет она уехала в Швейцарию, чтобы изучать историю костюма, а затем переехала в Англию, где в Кембридже поступила на факультет экономики». **«Отправка», «Перемещение в иное царство»**. Данные функции показывают фазу активных действий персонажа. Именно с них начинается основное повествование.

- «В 1959 году умер ее отец, Соня взяла на себя все заботы, связанные с магазином». Мотив **«недостачи»**, где главный герой проходит через фазу вредительства, у девушки рушатся планы на жизнь, она проходит через психологический кризис – потерю близкого человека.

- «Будущему королю Норвегии, Харвальду, было 22 года, когда он встретил девушку на вечеринке у общего знакомого. Это была любовь с первого взгляда. Влюбленные встречались тайно почти девять лет и до последнего момента не верили, что их свадьба состоится. Дело в том, что король был категорически против этого союза». Сказочные мотивы, которые раскрывают данный отрывок называются **«борьба» и «разведка антагониста»**, где король узнает о происходящем и выступает антагонистом против свадьбы между главной героиней и принцем.

- «Однажды кронпринц заявил, что он женится на Соне, либо навсегда останется холостяком, что означало отсутствие будущего наследника. По некоторым источникам, он вовсе был намерен отказаться от права на престол, если отец не одобрит его выбор. Король сдался». Инварианты **«борьба»** и **«победа»**.

- «29 августа 1968 года Соня стала кронпринцессой Норвегии. У наследников родилась дочь Марта Луиза и сын, будущий король Хокон». В данном отрывке девушка проходит через **«трансфигурацию»** и переходит в **«иное царство»**, она больше не скрывает отношения с принцем, меняет свой статус.

- «В середине января 1991 года Харальд был коронован на престол, Соня стала первой королевой Норвегии по супружескому праву. В 2018 году пара отметила золотую свадьбу». **«Воцарение»**, девушка становится королевой, что служит завершением истории и счастливым концом.

Следующий аккаунт temich1121 представлен в виде личного блога [\[11\]](#). «Сложные вещи – простыми словами», – слоган, прописанный автором. Мужчину, развивающего аккаунт, зовут Артем. Отличительной чертой его видеороликов является то, что он выступает в роли автора и самостоятельно рассказывает историю. Мужчина затрагивает такие темы как лень, истории успеха, карьера, удачные идеи.

Третий материал, нарративные мотивы которого мы представим в данном исследовании, называется «История успеха Mary Kay» [\[12\]](#).

- «Она вложила 5000 баксов, а заработала миллиарды. История успеха Мэри Кей». Данное вводное предложение является примером **«обличения»**, где автор рассказывает предысторию, возвращая читателя к истокам жизни главной героини.

- «Мэри Кей родилась в бедной семье. Отец тяжело болел, мать много работала. Все домашнее хозяйство было полностью на ней». Привычный рассказ о тяжелом детстве главного героя, который предполагает дальнейшую мотивацию, направленную на карьерный рост. В данном отрывке можно заметить такой мотив как **«недостача»**. Стартовая социальная позиция главного героя является основополагающий фактором того, как будет развивать его жизнь в дальнейшем.

- «В 17 она выходит замуж и рождает троих детей. Прошло 10 лет семейной жизни и муж, придя домой, как-то раз сказал: «Семья – то не мое, я хочу развод». По итогу ей 27 лет, она разведена, у нее нет высшего образования и денег, а на руках еще трое детей». В данном отрывке мы можем увидеть сказочный мотив **«свадьбы»**, главная героиня выходит замуж, рождает детей. Она совершает переход из одного состояния в другое, что является важным для дальнейшего развития сюжета. Также здесь можно увидеть мотив **«вредительство»**, антагонистом в данном случае выступает муж девушки.

- «Ей срочно нужна какая-нибудь работа, поэтому она устраивается в первую попавшуюся компанию. Ее берут на самую маленькую зарплату, на самую низкую должность в отдел продаж. Проработав совсем чуть-чуть, она понимает, что продавать у нее талант!». **«Начинающееся противодействие»**, где происходит основное развитие сюжетной линии. **«Обретение волшебного средства»** здесь раскрывается в проработке своего таланта. Проходя через испытания, главный герой начинает меняться.

- «Ей это настолько понравилось, что в течение 25 лет она приносила самый большой

доход двух крупным коммерческим организациям. Однако руководство ее предало, ей обещали повышение, но на это место назначили ее ученика, да еще и с окладом вдвое больше, чем у нее». Инвариант **«подвох»**, антагонист, входящий в круг главного героя, предает девушку.

- «Уйдя с работы, она решила написать книгу про свои удачные сделки по продажам, а когда закончила, поняла, что перед ней лежит новый маркетинговый план компании ее мечты». Мотивы **«перемещение в иное царство»** и **«борьба»**, девушка сталкивается с личностным кризисом, который заставляет ее идти к мечте, создавая новую фирму.

- «В 1963 году она берет все свои накопления, 5000 баксов, закупает косметику, берет в аренду помещение и называет свой первый магазин «Beauty by Mary Kay», а через несколько лет становится богатейшей женщиной в мире». В данном отрывке автор использует два важных сказочных мотива, которые необходимы для завершения повествования: **«воцарение»** и **«победа»**.

- «А мораль такая: успех – это всего лишь везение, это вам скажет любой неудачник». На этом повествование завершается.

Среди промежуточных результатов следует отметить использование авторами сказочных мотивов для построения повествования. Аналогичным образом мы обращаем внимание на использование ключевых функций под названием **«борьба»** и **«воцарение»**, которые указывают на положительное завершение всех опубликованных историй. Автор второго аккаунта, подводя итоги истории, говорит о морали, поднимает тему про неудачников, которые сдаются при виде трудностей, что уже имеет определенную медиаманипуляцию [\[13, с. 13\]](#), обращенную к реципиенту.

Четвертая публикация аналогичным образом находится на данном аккаунте. В ней автор рассказывает о жизни девушки из Китая, которая добилась успеха благодаря упорному труду и позитивному мышлению [\[14\]](#).

- «В 15 лет она работала на конвейере, а сегодня богатейшая женщина Китая». Блогер использует такой прием, как **«обличение»**, позволяющий кратко обозначить главного героя и описать суть истории.

- «Китайка Чжоу Цюньфэй родилась в бедной семье. Отец ослеп, а мама умерла, когда девочке было пять лет». Стандартным образом герой истории рождается в бедной семье, которая базово не способна обеспечить ребенка. В данном случае девочка сталкивается со смертью матери и проблемами со здоровьем отца, что отражает такой сказочный мотив, как **«недостача»**.

- «В 15 Чжоу бросает школу, и чтобы хоть на что-то жить она идет работать на конвейер небольшого стекольного завода, их там было человек 10 работников, все они каждый день делали одно и то же: годами полировали стекло». Мотив **«отправка»** (главная героиня отправляется в путешествие, которое приведет ее к воцарению).

- «Когда завод закрылся Чжоу пыталась сама запустить бизнес. И вдумайтесь, 11 раз прогорела. Но на 12 попытке она открывает свою компанию «Lens technology» по изготовлению сенсорных экранов, и это становится делом ее жизни». **«Начинающееся противодействие»** показывает то, как девушка меняется на протяжении всей истории. Здесь автор показывает ее черты характера, способные привести к конечной цели.

- «Не все так было легко! Из-за маленького количества заказов она дважды продает

свой дом, чтобы выплатить зарплату своим работникам. Компания еле держится на плаву заказов практически нет, но она не сдаётся». Во-первых, можно заметить смену позиции главного героя, что указывает на **«перемещение в иное царство»**, Чжоу добилась того, что у нее теперь есть компания, она является предпринимателем. Во-вторых, здесь четко прослеживается мотив **«борьбы»**, который опять же раскрывает благородность героя. Она готова лишиться дома, но зарплату работникам она выплачивает.

- «Тут ей в компанию пишет Motorola, они просят сделать немного стеклянных экранов для своих телефонов». Часть охарактеризована появлением волшебного дарителя **«первая функция дарителя»**, Motorola делает заказ, тем самым испытывая предпринимательницу. Пройденное испытание помогает ей перейти на следующий этап развития.

- «Девушка понимает, что такой шанс выпадает всего 1 раз в жизни, и она его не упускает».

- «Motorola, увидев такое профессиональное отношение к работе, теперь заключает с ней контракт на сотни тысяч стекол». **«Получение волшебного средства»**, Motorola делает крупный заказ, помогая компании закрепиться на рынке.

- «Сейчас же именно ее стекло используется и в Iphone и в Samsung, а состояние девушки оценивают в 7,7 миллиардов». Сказочные мотивы **«победа»** и **«воцарение»**.

Последний материал был взят с аккаунта History__facts_ (История. Факты. Фото)^[15]. Аккаунтом владеет девушка по имени Татьяна, которая пишет о том, что с ней не бывает скучно, ведь она собирает самые интересные истории из прошлого. Интересным является то, что девушка в большей степени публикует письменные истории, которые сопровождаются иллюстрациями. Данные публикации в основном раскрывают карьерную сторону известных личностей, что помогает зрителям в кризисной ситуации ^[16, с. 183] увидеть определенную модель поведения ^[17, с. 101] в сложной ситуации.

- «Элла Уильямс, известная в шоу-бизнесе XIX-XX веков как мадам Абоба, была одной из самых высоких девушек того времени. Рост Эллы был 2,28 метра. Родилась Элла в Южной Каролине в 1865 году, после того как в США подписали 13-ю поправку к конституции, которая отменяла рабство». История начинается с того, что читателю показывают главную героиню, рассказывают о ее достижениях. В данном случае блогер использует в своем рассказе функцию **«обличения»**, которая предполагает воспевание заслуг героя.

- «Родители Эллы носили фамилию рабовладельцев Грисби: по традиции, рабам давали фамилию хозяина. По всей видимости, именно поэтому Элла не хотела быть Грисби, и поменяла фамилию на Уильямс в честь семьи, у которой работала несколько лет на кухне». Здесь читатель сталкивается с началом жизни Эллы. Видно, что стартовая позиция главной героини находится на низком уровне из-за того, что она была рабыней. Мотив **«запрет»** и **«нарушение запрета»** связан со сменой фамилии, девушка разрывает связь с прошлым.

- «Высокая и рослая девушка привлекала внимание шоуменов. Так, менеджер одной из компаний предложил ей отправиться на гастроли. После чего Элла и стала одной из самых известных великанш своего времени». Мотивы **«начинающееся противодействие»** и **«первая функция дарителя»** означают начало развития сюжета. Элла встречает волшебного дарителя, который помогает ей отправиться в путь, помогает сформировать цель в жизни.

- «Отправилась девушка на гастроли в Европу под сценический псевдоним мадам Абома». Функция **«отправка»**.

- «Мадам гастролеровала больше 30 лет. Она побывала в большей части Европы, в Австралии, Новой Зеландии, добралась до Кубы и Южной Америки. У нее был прекрасный гардероб, благодаря которому великанша выглядела элегантно и роскошно». Девушка сталкивалась с большим количеством испытаний на своем пути, однако ей удалось завоевать популярность. В данной части присутствуют мотивы **«перемещение в иное царство»**, **«борьба»** и **«победа»**.

- «В Штаты Элла вернулась в 1914 году, и она еще долгое время принимала участие в различных развлекательных шоу и в цирке». Функции **«узнавание»** и **«воцарение»** показывают то, как распространилась свала о девушке не только в Европе, но и в США.

Исходя из вышеописанных материалов, очевидным становится то, что блогеры в основном пользуются базовым набором функций: обличение, отправка, борьба, трансфигурация, победа, воцарение. Отсюда мы предполагаем, что

- функция «обличения» необходима для привлечения внимания зрителя к главному герою произведения. Именно данный мотив раскрывает уже полученные знаменитостью результаты, результаты после преодоления личностного кризиса. У зрителя появляется возможность заранее ознакомиться с проблемой, главным героем и итогом истории.

- функция «отправки» необходима для развития динамики сюжетного повествования, именно она ознаменует начало работы главного героя с возникшей проблемой. «Отправка» помогает понять зрителю, что движение начало проработки кризиса необходимо для получения ожидаемого результата.

- функция «борьбы» характерна для жизненных обстоятельств каждого героя материала, она показывает, что приобретенные материальные и духовные героями блага не достаются им просто так.

- функция «трансфигурация» олицетворяет изменчивость личности в лучшую сторону при движении к результату. Ее можно воспринимать как промежуточный результат.

- функции «победа» и «воцарение» раскрывают идею того, что любой кризис можно преодолеть.

Вышеобозначенные нарративные матрицы, очевидно, являются средством социального влияния. Они могут выступать в качестве инструмента для выстраивания дальнейшего плана действий при разрешении психологического кризиса. Важным является привычная из детства нарративная наполненность материала, которая укоренилась в культуре (фольклорные и литературные волшебные сказки).

Аналогичным образом мы пришли к выводу о том, что нарративная структура не зависит от вида повествования. Блогеры выстраивают собственный контент и как видеоролики, и как текстовые материалы, и как иллюстрации. Данная разноплановость публикаций не только не мешает приживаемости нарративной структуры, но и помогает в выполнении основной функции.

Результаты исследования показали, что блогеры используют сказочные нарративные конструкции для формирования публикаций. Аналогичным образом следует отметить, что медиасюжеты подобного характера [\[18, с. 285\]](#) популярны в социальной сети Instagram.

Следует отметить успешный анализ структурно разных публикаций (иллюстративных, текстовых, видеоматериалов), которые, как и предполагалось, состоят из одинаковых нарративных мотивов. Каждый набор функций подразумевает определенный социальный посыл, который хорошо считывается в рамках мотивирующего контента. Мотивы обличения, отправки, борьбы и воцарения имеют универсальное значение для нарратора, именно они в данном случае показывают, что невозможно прийти к необходимому результату без борьбы [19, с. 204]. Главные герои произведения являются популярными личностями, которые уже имеют определенное влияние и кредит доверия в обществе и, таким образом, автор усиливает свое влияние на аудиторию [20, с. 226]. Такая работа с реципиентом предполагает изменения в самовосприятии, предлагая более действенную модель поведения, которая способна решить кризисную ситуацию. Таким образом, изменения происходят не только с героем публикации, но и со зрителем, который попадает в зону манипуляции автора. Мы также считаем, что не всегда целесообразно следовать обобщенным советам с точки зрения психологии, поскольку общедоступность мотивирующего контента не обязательно приводит к решению проблемы отдельного человека. Тем не менее, популярность такого контента свидетельствует о его важной социальной значимости.

Библиография

1. Пинк С. Интервью с видеокамерой: представление, саморепрезентация и нарратив // CyberLeninka URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intervyu-s-videokameroj-predstavlenie-samoreprezentatsiya-i-narrativ> (дата обращения: 20.10.2023).
2. Наговицын А.Е., Пономарева В.И. Сказкотерапия: теория и практика. Типология сказки. М.: Генезис, 2011. 336 с.
3. Пропп В.Я. Вопросы поэтики. Морфология сказки. СПб.: ACADEMIA, 1928. – 152 с.
4. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2005. – 332 с.
5. Абульханова К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. – М.: Московский психолого-социальный институт, 1999. – 224 с.
6. Мирошник М.А. Особенности форматов интернет-вещания // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. №34. С. 179-183.
7. Женщина. Любовь. История // instagram URL: https://instagram.com/tres_mamas_notes?igshid=NGVhN2U2NjQ0Yg== (дата обращения: 10.10.2023).
8. История успеха Натальи Водяновой // instagram URL: <https://www.instagram.com/reel/CxaoraBoYHS/?igshid=MzRIODBiNWFiZA==> (дата обращения: 10.10.2023).
9. Ляшенко Д.Н. Семиотическое моделирование реальности. Одесса: Печатный дом, 2015. – 168 с. 35. Самсонова Е. Роли, которые играют люди. Сыграй жизнь по своим правилам. – СПб: Питер, 2013. – 256 с.
10. Все могут короли // instagram URL: <https://www.instagram.com/p/CyLjfycoCsR/?>
11. Сложные вещи простыми словами // instagram URL: <https://instagram.com/temich1121?igshid=NGVhN2U2NjQ0Yg==> (дата обращения: 15.10.2023).
12. История успеха Mary Kay // instagram URL: <https://www.instagram.com/reel/Cy08VHosRVR/?igshid=MzRIODBiNWFiZA==> (дата обращения: 15.10.2023).
13. Бугаева Л.Д. Нарратив, медиа и эмоции // Русский след в нарратологии: матер.

- международной науч.-практич. конф..-2012.-С. 12-16.
14. История успеха Чжоу Цюньфэй // instagram URL: <https://www.instagram.com/reel/CyIdWEGsRGt/?igshid=MzRIODBiNWFIZA==> (дата обращения: 19.10.2023).
15. История. Факты. Фото // instagram URL: https://instagram.com/history__facts_?igshid=NGVhN2U2NjQ0Yg== (дата обращения: 19.10.2023).
16. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. Избранные психологические труды. 3-е изд. М.: Московский психолого-социальный институт, 2001. С. 183.
17. Самсонова Е. Роли, которые играют люди. Сыграй жизнь по своим правилам. – СПб: Питер, 2013. – 256 с.
18. Волкова Е.Г. Когнитивный механизм эволюции жанра сказки // Преподаватель XXI век. 2009. №4-2. С. 285-289.
19. Соколов Д.Ю. Сказка и сказкотерапия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 304 с.
20. Мамуркина О.В. Теория нарратива в современном литературоведении // Царскосельские чтения. 2011. №15. С. 226-230

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Структура и функции сказочного медианарратива социальной сети Instagram (на примере мотивирующего контента)» - группа Meta признана экстремистской организацией на территории РФ - , предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению структуры и функции сказочного медианарратива с одной из зарубежных соц. сетей. В современном мире технологии играют огромную роль и помогают мгновенно распространять информацию вне зависимости от местоположения или ограничений того или иного места проживания человека, главное наличие интернета и смартфона. Так, с помощью специальных Интернет – платформ и мобильных приложений журналисты могут расширить охват своей аудитории.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы, а именно к описательному методу, методу обобщения, моделированию и методу семантического анализа.

Предметом исследования стали 5 материалов из указанной социальной сети.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке. Считаем, что в данной работе было бы целесообразным обратиться к трудам зарубежных исследователей.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Отметим, что в статье нарушен общепринятый порядок алфавитного выстраивания источников согласно ГОСТа.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по журналистике, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Структура и функции сказочного медианарратива социальной сети Instagram (на примере мотивирующего контента)» - группа Meta признана экстремистской организацией на территории РФ - может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чай Л. — Общие вопросы изучения русской женской прозы в Китае // Litera. – 2023. – № 11. DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.69051 EDN: LFBRR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69051

Общие вопросы изучения русской женской прозы в Китае

Чай Ли

ORCID: 0009-0000-3178-0415

аспирант, кафедра Русского языка и литературы, Дальневосточный Федеральный Университет

690950, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Аякс, 10

✉ 847743692@qq.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.11.69051

EDN:

LFBRR

Дата направления статьи в редакцию:

19-11-2023

Дата публикации:

26-11-2023

Аннотация: Активное развитие женской прозы – важное явление в мировой литературе. После 1980-х гг. большое количество произведений русских писательниц было переведено в Китае, что привлекло большее внимание китайских русистов. Предмет исследования – исторические и культурные предпосылки для изучения русской женской прозы в Китае и современное состояние исследований этой прозы. Актуальность статьи можно определить тем, что с быстрыми изменениями социально-культурной среды, изучение женской прозы в Китае постепенно демонстрирует систематическую и междисциплинарную тенденцию развития, благодаря чему можно по-новому взглянуть на изучение русской женской прозы в Китае. Материалом исследования являются переводные произведения русских писательниц и основные исследования китайских ученых по русской женской прозе, опубликованные с 1942 по настоящее время. Методом исследования является анализ обзорных работ и обобщение мнений ученых с целью выявления причин распространения русской женской прозы в

Китае. Особым вкладом автора в исследование темы являются полученные ответы на вопросы о контексте, развитии, текущем состоянии и направлениях изучения русской женской прозы в Китае. Сделаны выводы о том, что 1992 год является важным моментом, до этого китайские ученые в основном уделяли внимание переводу иностранной женской литературы и краткому знакомству с ней, в том числе и русской, после 1992 г. посредством практического анализа западных феминистских теорий в литературоведении китайские исследователи предлагали концепцию «мягкий феминизм», которая повлияла на развитие женской прозы в Китае, что обусловило внимание к внутреннему миру женщины, её роли не только в семье, но и в культуре и истории.

Ключевые слова:

русская женская проза, китайская русистика, литературная коммуникация, литературный процесс, перевод, восприятие литературы, литературная критика, феминистская теория, мягкий феминизм, межкультурная коммуникация

С 1980-х годов по настоящее время широта и глубина исследований китайской женской прозы увеличивается, растут результаты исследований творчества как китайских, так и российских писательниц, что свидетельствует о том, что «женская литература стала новой звездой в литературном мире, которую нельзя игнорировать» [\[21, с. 69\]](#). Цель данной работы - дать общее представление о том, как развивается изучение женской прозы в китайском литературоведении и критике. Теоретической базой работы являются комплексные подходы: концепция диалога, положения рецептивной эстетики и историко-функциональный подход.

Появление переводов и исследований женской прозы в Китае как исторический контекст

Развитие литературы тесно связано с ходом истории, «Движение 4 мая» стало поворотным пунктом в развитии китайской истории, а также в развитии китайской культуры и литературы. В начале XX века «Движение за новую культуру» в Китае выступало за исследование мира и познание человека самого себя. «На фоне передовой буржуазной мысли Запада и отечественной пропаганды "демократии и науки", а также под влиянием волны противостояния феодальному культурному авторитаризму, основанному на "Трех устоях и пяти неизменных правил" (Термин "Три устоя и пять неизменных правил" был впервые предложен Ма Роном во времена династии Восточная Хань. "Три устоя" относятся к межличностным отношениям между отцом и сыном, правителем и подданным, мужем и женой, а "пять неизменных правил" относятся к пяти неизменным человеческим сущностям: доброжелательности, праведности, вежливости, мудрости и вере – Ч.Л.), в литературных кругах после "Движения 4 мая" традиционная модель китайской литературы, центром которой является мужчина, подверглась воздействию» [\[16, с. 34\]](#), а «女性» («женщина передового образа мыслей») как новая лексема стала одним из ключевых слов в «Движении за новую культуру», наряду с множеством западных слов: «демократия», «наука» и «индивидуализм». Трансформация китайской литературы в этот период происходила постепенно из-за распространения и рецепции иностранной литературы, и исторические изменения и инновации в литературе Китая были вдохновлены западной литературой. «После "Движения 4 мая" переводные произведения иностранной литературы продолжали увеличиваться, соответствующие

исследования постепенно развиваются, и также появились переводы произведений иностранных писательниц» [\[2, с. 238\]](#).

В «Женском журнале», том 17, специальный номер 7, «Женщина и литература», опубликованном 1 июля 1931 г., были напечатаны портреты поэтессы Э.Б. Браунинг, сестёр Бронте и В. Вулф. «Начиная с 1930-х гг. зарубежная женская литература переводится в больших объемах» [\[7, с. 87\]](#): роман «Грозовой перевал» Эмили Бронте был опубликован в 1930, 1944 и 1945 Шанхайским книгоиздательством «Хуа Тун» (пер. У Гуанцзянь), Чунцинским коммерческим издательством (пер. Лян Шицю) и Чунцинским книгоиздательством «И Гун» (пер. Лоу Сай), соответственно; роман «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте вышел в 1932 в Шанхайском коммерческом издательстве (пер. У Гуанцзянь) и в 1945 в Чунцинском издательстве «Культура и жизнь» (пер. Ли Цзиэ). В 1935 г. биографический роман Вирджинией Вулф «Флаш» опубликовали в Шанхайском коммерческом издательстве, переводчиком которого является Ши Пу, в 1945 г. другой роман писательницы - «На маяк» - вышел в Чунцинском коммерческом издательстве, выполненный Се Циньяо, а в 1948 г. была напечатана рецензия на книгу Сяо Цяня «Мадам Вульф» в шанхайской газете «Дагун бао». В процессе модернизации и трансформации феодальной идеологии Китая, начавшемся с «Движения за новую культуру» и «Движения 4 мая», перевод и внедрение произведений иностранной женской прозы, несомненно, способствовали распространению и развитию концепции «женщины новой эпохи» в Китае, сделав раскрепощение сознания женщин и формирование нового женского образа главными стремлениями женщин в этот период.

В 1960-х и 1970-х гг., когда западное феминистское движение было в самом разгаре, в Китае шла Культурная революция, и внутриполитическое движение препятствовало пропаганде западных идей, оставляя все общество в закрытой среде. После окончания этой революции крайняя закрытость и подавление мысли привели к формированию в обществе подводного течения, требовавшего освобождения от идеологических пут предрассудков, и с ослаблением социальной среды это течение дало начало движению, известному как «раскрепощение мышления». «В мае 1978 года на Третьем расширенном заседании третьего комитета ВАРЛИ (Всеитайская ассоциация работников литературы и искусства) объявили о возобновлении деятельности ВАРЛИ, Союза китайских писателей и других литературских обществ, газету «Литература и искусство» и другие газеты снова начали печатать» [\[14, с. 48\]](#). Литература, которая долгосрочно была основой культуры, демонстрирует тенденцию активного развития. Писатели начали свободно творить и зарубежные произведения переводились в больших масштабах в ответ на требования времени. С волной идеологической эмансипации в новую эпоху, притоком западных литературных теорий и постепенным появлением писательниц теория феминизма начала входить в национальное сознание Китая.

Ученый Чжу Хун, занимающаяся британской и американской женской прозой, в 1981 и 1983 гг. создала «Хрестоматию американских писательниц» и «Хрестоматию рассказов американских писательниц», она переводила американские феминистические произведения, и в предисловии к книге дала первоначальное представление о ранней западной феминистской критике [\[20\]](#). В 1984 году Ван Фэнчжэнь перевел книгу Даниэля Хоффмана «Современная американская литература», в восьмой главе которой более целенаправленное обсуждение и перспективная разработка американской феминистической литературы вызвало интерес китайских литературных критиков [\[3\]](#), что привело к появлению большого количества переводов и рекомендаций западных феминистских теоретических работ в Китае. В 1986 г. Сан Чжуин и Нань Шань перевели

книгу Симоны де Бовуар «Второй пол», которая впервые в систематизированном виде представила феминистическую теорию в Китае; в 1988 г. опубликовали книгу Бетти Фридан «Загадка женственности» (пер. Чэн Силинь) в Сычуаньском народном издательстве, которая является ярким феминистическим манифестом, бросающим вызов традиционным гендерным и социальным структурам; в 1989 году вышли книги В. Вульф «Своя комната» (пер. Ван Хуань) в издательстве «Саньянь» и Мэри Иглтон «Феминистская литературная критика» в Хунаньском литературном издательстве, переводчиком которого стала Ху Минь, эти две книги познакомили с западной феминистической теорией, и переводы их оказали огромное влияние на развитие феминизма Китая. В 1992 году вышла книга Торил Мой «Сексуальная текстуальная политика: феминистская литературная теория», переведенная Линь Цзяньфа и Чжао То, которая стала относительно новым достижением в изучении западной теории феминизма в то время.

До 1992 исследования китайских ученых в области зарубежной женской прозы в основном воплощались в переводе произведений известных писательниц и феминистских теоретических источников, а содержание исследований было сосредоточено на двух аспектах: во-первых, знакомство с зарубежной женской литературой и феминизмом, например: «Пробуждение британской женской прозы» Ли Сяоцзян, «Латиноамериканская женская проза на подъеме» Лю Сяовэнь; во-вторых, изучение воздействия западной женской прозы на развитие и достижение такой же прозы в Китае, и одним из репрезентативных исследований является «Возникновение и эволюция китайской женской прозы под влиянием западной литературы» Уан Тин.

Появление и исследование женской прозы в Китае как культурный контекст для изучения русской женской прозы

Изучение женской прозы в Китае опирается на её существование. Вопрос о том, когда появилась женская проза, всегда остается нерешенным. Что касается китайской литературы, то произведения женщин уже появились в ее древних литературных источниках, например: «Написанная при династии Чжоу "Книга песен", содержит множество стихотворений, написанных женщинами, что не только отражает творческий уровень женщин-поэтов периода Восточного и Западного Чжоу, но и порой выявляет их творческие замыслы» [\[12, с. 151\]](#). Другая точка зрения заключается в том, что китайская женская литература по-настоящему зародилась только в период «Движения 4 мая» и что концепция женской прозы должна «принимать женскую субъективность как её основную коннотацию, и открытие ценности человека и субъективности женщины - духовное ядро писательниц этого периода как начало этой прозы. А творчество писательниц с конца династии Мин до конца династии Цин и начала Китайской Республики - это пролог к длительному процессу развития женской прозы в Китае» [\[11, с. 4\]](#).

После «Движения 4 мая» перевод зарубежной женской прозы и представление работ иностранных исследователей по женщинам в их странах побудили китайских ученых обратить внимание на роль женщин в истории, что поставило китайский феминизм на путь оформления отдельной области знания. Важными примерами плода этой попытки являются серия «Женская теория», отредактированная и опубликованная «Северным издательством для женщин и детей» в 1987 году, и серия «Женские исследования», опубликованная «Народным издательством Хэнань» в 1988 году. Целью этих серий было систематизировать и специализировать предмет с помощью научных методов, тем самым заложив прочный фундамент для дисциплины «Китайская феминология».

После 80 гг. XX века китайские феминистические исследования постепенно вышли за

рамки перевода классических западных феминистских теорий и литературы, объединились с собственной китайской женской освободительной мыслью и перешли к стадии критической рецепции. «В китайском литературоведении постепенно проведены необходимый теоретический анализ и разработка западной феминистской критики с практической точки зрения» [22, с. 90]. Параллельно с этим наметилась тенденция к углубленному изучению соответствующих западных теорий. Например, «Говорит через Налу: процесс размышления современных китайских писательниц» Лю Сицян и «Литературный мир китайских женщин» Цяо Иган.

В Китае нет западного феминистического движения в подлинном смысле этого слова. При таком социальном фоне «развитие китайского женского литературоведения фактически прошло через процесс поглощения, слияния, отражения и воссоздания западной феминистской критики» [1, с. 235], а широкое распространение и принятие «феминистических» теорий привело к возникновению местного «феминизма». В 1992 году вышел сборник «Современная феминистская литературная критика» Чжан Цзинюань, который ознаменовал переход феминизма от социальной критики к более глубокой культурной. Исследовательница предлагает использовать в книге «мягкий феминизм» вместо «феминизм» и подробно излагает причины этой замены. Она утверждает, что «феминизм» в основном подчеркивает борьбу за равные права мужчин и женщин в раннем женском движении, в то время как «мягкий феминизм» основан на культурной позиции, фокусируется на гендерном сознании и культурном конструировании и является одной из форм «постструктурализма». По ее словам, концептуальный переход от «феминизма» к «мягкому феминизму» можно понимать как распространение «феминизма» из политической в социально-культурную сферу [19]. Исследователи китайской женской литературы считают, что этот переход имеет и другое значение, которое заключается в том, что последний имеет тенденцию быть более мирным, не категоричным и неагрессивным в своем выражении, и в этом аспекте мнение известного литературного критика, профессора Хэнаньского университета Лю Сицян очень показательно. В 1998 г. Лю Сицян опубликовала статью «Современность китайской женской прозы», которая ознаменовала адаптацию исследований женской литературы в Китае. Ученый привела принципиально новую дефиницию женской прозы с позиций гуманизма и считала, что «идеологической основой женской субъективности является женский гуманизм» [9, с. 96], а женщина в первую очередь, человек – это отправная точка ее мысли. Литература – это антропология. Литературное исследование должно начинаться с людей и быть сосредоточено на них, и далее она делает вывод: «Реализм и гуманизм – это два крыла, ведущие к вершине антропологии» [8, с. 219]. Она считает, что «современное китайское феминистическое литературоведение впитало в себя больше идей западного женского гуманизма, и поэтому “мягкий феминизм”, подчеркивающий культурную позицию пола, больше подходит для обозначения современного женского литературоведения, чем “феминизм”, подчеркивающий оппозицию полов» [10, с. 16].

Оценка творчества русских писательниц в китайской руссистике

Что касается переводных произведений русских писательниц в Китае, то самым ранним переводом до образования Нового Китая был перевод «Пламени на болотах» В. Василевской, выполненный в 1942 году, переводчиком которого является Су Цяо. С конца 80-х гг. переводы русской женской прозы увеличиваются: в 1995 году издательство образования Хэбэй опубликовывало книгу «Московская женщина», в которую вошли некоторые произведения известных русских писательниц от Серебряного века до 1990-х годов, таких как А.А. Ахматова, М.И. Цветаева, Г.Е. Николаева, Л.С.

Петрушевская, Т.Н. Толстая и другие. В приложении к этому сборнику составитель книги собрала основные переводы русской женской литературы, изданные в Китае в 1942-1992 гг. Результаты расширенного поиска по базе данных Китайской национальной инфраструктуры знаний (China National Knowledge Infrastructure, далее – CNKI), в которой источник литературы задан как «периодика (в любой категории)», а тема литературы – как «русская женская проза», показали, что первая статья по русской женской прозе была опубликована в журнале «Мировая литература» в марте того же года, что и выход книги «Московская женщина», под названием «Динамика мировой литературы», в котором Цзюань изначально отвечала на вопрос «Есть ли женская проза в России?». Она считает, что появление женской литературы в России – неизбежная тенденция, и что «если женская литература как отдельный литературный вид не существует или пока не существует в России, то этому должны быть даны необходимые объяснения» [\[15, с. 309\]](#).

В 1990 году издательство «Сюэ Линь» опубликовало сборник произведений «Кошка на дороге» (пер. Чжэн Хайлин), в который включили 8 рассказов В. Токаревой; а в 1999 году издательство «Куньлунь» выпустило книгу «Мария, ты не плачь», отобранную и отредактированную У Цзэлинем, в которую вошли произведения Л. Петрушевской, Л. Улицкой, Т. Толстой, О. Чайковской и других известных русских женщин-прозаиков.

В 1999 г. в издательстве «Куньлунь» вышло произведение Улицкой «Медея и ее дети» (пер. Ли Иннань и Инь Чэн). Китайские литературные журналы также публиковали произведения некоторых русских писательниц: в журнале «Мировая литература и искусство», например, во 2-м номере 1997 года был опубликован рассказ Л. Улицкой «Сонечка». В 2003 году издательство «Лицзян» опубликовало роман Л. Улицкой «Казус Кукоцкого», получивший в 2001 году премию «Русский Букер», что сделало Л. Улицкую первой женщиной-лауреатом этой премии, в 2005 году Шанхайское переводческое издательство опубликовало роман Толстой «Кысь» (пер. Чэнь Сюньмин).

В 2017 году в издательстве «Народная литература» опубликована книга «Зулейха открывает глаза» Гузель Яхиной (пер. Чжан Цзе и Се Юньцай), получившая премию «Большая книга» в России и премию «Лучшие зарубежные романы в 2001» в Китае, организованную издательством «Народная литература» и Китайским обществом иностранной литературы, а в 2018 г. в таком же издательстве вышел роман-притча Л. Улицкой «Лестница Якова» (пер. Жэнь Гуансюань, профессор Пекинского университета). В 2019 году в Пекинском литературном издательстве «Октябрь» вышел другой роман Яхиной – «Дети мои» (пер. Чэнь Фан, профессор Китайского народного университета). В марте и октябре 2021 г. «Чжэцзянское литературное издательство» опубликовало два произведения Л. Улицкой: «Девочки» и «Веселые похороны», переводчиками которых соответственно являются Лу Янь и Бао Фэнсюеинь, Чжан Хуэйюй и Сюй Кай.

По мере увеличения количества переводов русской женской прозы расширяются и углубляются её исследования в Китае, их можно разделить на три основных направления: обзорные статьи, посвященные определению и становлению женской прозы, интерпретации и оценки текстов русских писательниц; исследования с точки зрения феминистской литературной критики – раздел, которому китайские учёные уделяют наибольшее внимание в связи с развитием рецепции и адаптацией феминизма в Китае; междисциплинарные исследования (например, изучение в контексте лингвокультурологии).

В настоящее время наиболее ранним обобщающим исследованием русской женской прозы китайскими русистами является работа Сунь Мэйлин, которая в статье

«Фотоальбом русской женской прозы» составила «предварительный компендиум возникновения и развития женской литературы в России» [13, с. 53], в сочетании с социальным контекстом представила российских женщин-авторов разных периодов и отражение истории через судьбу личности в их произведениях. Самой ранней монографией этого исследовательского направления является «Современная русская женская проза» Чэнь Фан, опубликованной в 2007 году, в которой автор излагает литературную теорию феминистской критики в мире, процесс возникновения и развития русской женской прозы и обобщает текущие результаты изучения русской женской литературы в мире [18]. Помимо этого, автор показывает творчество русских писательниц, в общих чертах анализирует тематику, художественные образы и стилистические особенности произведений российских писательниц. Есть статьи, посвященные анализу русской женской литературы с двух точек зрения: макроанализа (определение прозы, стиль, тематика) и микроанализа (конкретные писательницы, их произведения), например: в первые включены «Современная российская женская проза: академические споры и эстетический вклад» Гао Вэй и Сунь Чао, «Введение в современную русскую женскую прозу» Ли Цзюнь и Гуан Юй, «Правда о женской литературе в России - исследование русской женской литературы профессора славистики Оксфордского университета Катриона Келли» Линь Цзинхуа, «Существует ли женская литература в России? - Разговор о построении дискурса субъекта женщины в книге "Сорок первый"» Чжан Пэйюн. Таков предварительный анализ проблем, до сих пор обсуждаемых этой области мирового литературного процесса. Помимо макроанализа, китайские ученые анализируют произведения русских писательниц с точки зрения их творчества и литературной ценности, например, «Три измерения творчества современных российских женщин-писательниц» Чэнь Фан, «Субъективизация нарративов в современной русской женской литературе» и «Лингвокультурология - новый взгляд на современную русскую женскую прозу» Лю Цзюань. Существуют также исследования конкретных произведений этой прозы, такие как «Семейный центризм в романе Л. Улицкой» Чэнь Фан, «"Женская проза" в русской литературе и творчество В. Токаревой» Сун Чжицин и т.д.

Китайская феминистская критика также обращает внимание на изучение этого бурно развивающегося литературного явления. Методами анализа служат фундаментальные подходы, которые были применительны к анализу женской прозы. Дуань Лицзюнь в работе «Соппротивление и покорность: феминистская интерпретация романов Л. Петрушевской» берет в центр исследования романы Петрушевской и систематически анализирует феминизм в женской литературе с позиций феминистской критики и нарратива: переосмысляются гендер в литературе, повествовательные специфические черты творчества писательниц, конструирование дискурса женской литературы, интертекстуальность произведений [4]. Эта монография практически охватывает все актуальные направления исследований феминистской критики. Репрезентативными исследованиями также являются: «Потеря и приобретение осознания субъекта женщины - на материале романа Гузель Яхиной "Зулейха открывает глаза"» Хоу Дань, «Нарративное исследование "сверхгендер" на примере романа "Зулейха открывает глаза" Яхиной» Яо Хунъюй, «Повествование о женских телах в творчестве современных российских писательниц» Чэнь Фан, «Трактовка трагедии женщин в бытовой жизни в романах современных российских писательниц» Цзэн Цзя, «Феминистские движения в современной России и женские нарративы в литературе» Чжан Цзяньхуа и др.

Китайские русисты изучают женскую литературу в русле междисциплинарных исследований и утверждают, что «изучение женской прозы естественным образом

связано с такими дисциплинами, как социология, антропология, психология, культура и т.д» [17, с. 108]. Ученый Линь Шумин в связи с социологией считает, что «женская проза и её исследования всегда тесно связаны с исторической и социальной реальностью существования женщин, возникает в результате осмысления женщинами своего исторического бытия и повседневной жизни и служит целям социальных преобразований» [6, с. 40]. Некоторые ученые анализируют русскую женскую литературу с позиции лингвокультурологии, среди них можно назвать статьи Лю Цзюань «Субъективизация нарратива в современной русской женской прозе», «Лингвокультурология - новый взгляд на современную русскую женскую прозу», монографии Го Цзин «Творчество Л. Улицкой в контексте литературной статистики» и Вань Янь «Творчество Л. Петрушевской в контексте нарратологии», названные среди наиболее продуктивных в этом ряду.

16-й Симпозиум по китайской женской прозе, организованный Комитетом по женской литературе Китайской ассоциации изучения современной литературы, успешно прошел с 23 по 25 июня 2023 г. в Шанхае. Го Бинжу из Университета Чжуншань выступила с докладом «Как мы говорим о гендере сегодня?», в котором она рассказала о том, что «большинство женщин-писательниц определяют свое творчество как ориентированное на общую судьбу человека и всеобщую ситуацию, а не ограничиваются впечатлением эссенциализма, вызванным традиционной идентичностью "женщины"» [5, с. 96]. Чэнь Цзяохуа из Университета Науки и Технологии Сучжоу в своем докладе «Межсубъектная тенденция в женской прозе в начале нового века» отметила, что «женская литература в начале нового периода воплощает женский субъект, который сосуществует в гармонии с множеством субъектов, таких как мужчины, общество, история и природа, и возвращается к положению о том, что литература - это наука о человеке» [5, с. 100]. Это свидетельствует о том, что горизонт исследования китайской женской прозы постепенно становится все шире и шире.

Наше исследование позволяет дать предварительные ответы на те проблемные вопросы, которые были озвучены в начале статьи. Развитие литературы в наибольшей мере зависит от истории, с 1930-х после «Движения 4 мая» и «Движения за новую литературу» переводы творчества иностранных писательниц бурно увеличиваются. После окончания Культурной революции в связи с распространением и адаптацией западной феминистской теории китайские ученые начали сознательно помещать феминистские исследования в специфический социально-культурный контекст, призывая к равноправному диалогу и гармонии между полами, приводя к выводу, что «мягкий феминизм» имеет широкие перспективы и становится более применимым к изучению женской прозы в Китае. С 1980-х годов перевод и изучение русской женской литературы развивается быстрыми темпами, и по сей день исследования русской женской прозы в китайской русистике сосредоточены на трех основных направлениях: обзорные статьи; исследования с точки зрения феминистской критики; междисциплинарные исследования.

Библиография

1. Ван Яньпин. Распространение и развитие западной феминистской литературной критики в Китае // Исследования в области учебных программ и образования. (王艳萍. 西方女性主义文学批评在中国的传播和发展 // 课程教育研究). 2017. №27. С. 235-236.
2. Вэй Э. Влияние переводы иностранной литературы на современную китайскую литературу в период «Движения 4 мая» // Молодежь Востока - преподаватель. (韦骅. 五四时期外国文学翻译对中国现代文学的影响 // 东方青年·教师). 2013. №9. С. 237-238.
3. Даниэл Хоффман. Пер: Ван Фэнчжэнь, Шао Минжуй. Современная американская

- литература. Пекин: Китайская издательская корпорация «Литературно-художественный союз», 1984. 922 с. (丹尼尔·霍夫曼. 编辑:王逢振, 邵明瑞. 美国当代文学). 北京: 中国文联出版公司, 1984. 922 с.
4. Дуань Лицзюнь. Соппротивление и покорность: феминистская интерпретация романов Л. Петрушевской. Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство, 2008. 222 с. (段丽君. 反抗与屈从: 彼得鲁舍夫斯卡娅小说的女性主义解读). 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2008. 222 с.
 5. Ли Хуаньси. Открытие женской прозы в перспективе плюрализма и симбиоза: обзор 16-го Симпозиума по китайской женской прозы. // Вестник Китайского женского колледжа. (李沅羲. 在多元共生视域中打开女性文学--第十六届中国女性文学学术研讨会综述 // 中华女子学院学报). 2023. №2. С. 95-100.
 6. Линь Шумин. Женское литературоведение, гендерная поэтика и социологическая теория // Социальные науки Гуйчжоу. (林树明. 女性文学研究、性别诗学与社会学理论 // 贵州社会科学). 2007. №12. С. 39-42.
 7. Лю Лися. История женской переводной литературы в новой эпохе // Передовые отрасли зарубежных социальных наук. (刘丽霞. 关于近代女性翻译文学的文学史梳理 // 国外社会科学前沿). 2021. №10. С. 87-99.
 8. Лю Сыцянь. Восхождение к «антропологии» - Творчество Лю Синьву // Октябрь. (刘思谦. 向“人学”攀登 - 谈刘心武的小说创作 // 十月). 1981. №5. С. 219.
 9. Лю Сыцянь. Современность китайской женской литературы. // Литературоведение. (刘思谦. 中国女性文学的现代性 // 文艺研究). 1998. №1. С. 89-100.
 10. Лю Сыцянь. Женская проза: женщина передового образа мыслей, традиционная женщина, феминизм и феминистическая литературная критика. // Южные литературные круги. (刘思谦. 女性文学: 女性·妇女·女性主义·女性主义文学批评 // 南方文坛). 1998. №2. С. 15-17.
 11. Лю Сыцянь. Концепция «женской литературы» // Вестник Нанькайского университета (Серия «философия и социальные науки»). (刘思谦. 女性文学这个概念 // 南开学报(哲学社会科学版)). 2005. №2. С. 1-6.
 12. Мо Лиминь. Литературная критика женщин в Древнем Китае // Журнал «Тянь Фу Синь Лунь». (莫立民. 中国古代女性的文学批评 // 天府新论). 2009. №3. С. 149-153.
 13. Сунь Мэйлинь. Фотоальбом русской женской литературы. // Русская литература. (孙美玲. 俄罗斯女性文学翼影录 // 俄罗斯文艺). 1995. №2. С. 47-53.
 14. Хуан Пин, Э Янли. Литературные круги нового периода перед четвертым Конгрессом деятелей литературы и искусства // Свободное литературоведческое соперничество. (黄平, 叶杨莉. 四次文代会之前的新时期文坛 // 文艺争鸣). 2019. №1. С. 44-50.
 15. Цзюань. Динамика мировой литературы // Мировая литература. (涓. 世界文学动态 // 世界文学). 1995. №2. С. 309.
 16. Цуй Чжэ, Гон Фан. Влияние «Движения 4 мая» на художественный образ современной китайской женской литературы // Литературная критика - Современная литература. (崔哲, 宫芳. 论五四运动对中国现代女性文学形象的影响 // 文学评论·现当代文学). 2019. №20. С. 34-35.
 17. Цяо Иган. Дисциплинарное построение женской прозы // Университет Нанкай (Серия «философия и социальные науки») (乔以钢. 论女性文学的学科建设 // 南开大学(哲学社会科学版)). 2003. №2. С. 104-111.
 18. Чэнь Фан. Современная русская женская проза. Пекин: Издательство Китайского народного университета, 2007. 241 с. (陈方. 当代俄罗斯女性小说研究). 北京: 中国人民大学出版社, 2007. 214 с.
 19. Чжан Цзинюань. Современная феминистская литературная критика. Пекин:

- Издательство Пекинского университета, 1992. 443 с. (张京媛. 当代女性主义文学批评). 北京: 北京大学出版社, 1992. 443 с.
20. Чжу Хун. Хрестоматия рассказов американских писательниц. Пекин: Издательство китайских социальных наук, 1983. 557 с. (朱虹. 美国女作家短篇小说选). 北京: 中国社会科学出版社, 1983. 557 с.
21. Ян Шаоцзюнь, Го Цзяньпинь. Обсуждение о женской прозе в 1990-е гг. // Вестник Восточно-Китайского политехнического университета (Серия «социальные науки»). (杨绍军, 郭建斌. 论90年代的女性主义文学 // 华东理工大学学报(社会科学版)). 1999. №4. С. 69-73.
22. Юй Дунэ. Феминистская литературная теория в Китае: Дис. ... канд. филол. наук. - Сучжоуский университет, 2003. 118 с. (于东晖. 女性主义文学理论在中国. 博士论文). 苏州大学. 2003. 118 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Общие вопросы изучения русской женской прозы в Китае», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду усиливающихся экономических и культурных связей между нашими странами, усиливающемуся обоюдному диалогу культур.

Женская проза долгое время считалась «несерьезной», поэтому научному изучению творчества писательниц не придавали большого значения.

Цель данной работы - дать общее представление о том, как развивается изучение женской прозы в китайском литературоведении и критике.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии. Статья является новаторской, одной из первых в российской науке, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Так, теоретической базой работы являются комплексные подходы: концепция диалога, положения рецептивной эстетики и историко-функциональный подход.

В статье автор приходит к выводу, что в Китае с 1980-х годов перевод и изучение русской женской литературы развивается быстрыми темпами, и по сей день исследования русской женской прозы в китайской русистике сосредоточены на трех основных направлениях: обзорные статьи; исследования с точки зрения феминистской критики; междисциплинарные исследования.

К сожалению автор не указывает объем корпуса исследования, а также методологию его формирования.

Теоретические измышления недостаточно проиллюстрированы языковыми примерами, а также не представлены убедительные данные, полученные статистическими методами или корпусным анализом.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений,

исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 22 источника, среди которых представлены работы исключительно на китайском языке.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, изучению истории китайской литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Общие вопросы изучения русской женской прозы в Китае» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Зарипова Д.А., Лукашевич Н.В. — Автоматизированное создание семантически размеченного корпуса словосочетаний // Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.44007 EDN: QRBQOI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44007

Автоматизированное создание семантически размеченного корпуса словосочетаний

Зарипова Диана Александровна

ORCID: 0000-0003-1121-1420

аспирант, кафедра фундаментальной и прикладной лингвистики, Московский Государственный Университет

119991, Россия, г. Москва, микрорайон Ленинские Горы, 1, строение 51

✉ diana.ser.sar96@gmail.com



Лукашевич Наталья Валентиновна

доктор технических наук, кандидат физико-математических наук

профессор, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова

119991, Россия, Москва, г. Москва, микрорайон Ленинские горы, 1, строение 51, ауд. 953

✉ louk_nat@mail.ru



[Статья из рубрики "Автоматическая обработка языка"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.44007

EDN:

QRBQOI

Дата направления статьи в редакцию:

12-09-2023

Дата публикации:

26-11-2023

Аннотация: Задача автоматического разрешения многозначности является первым и ключевым этапом семантического анализа текста. Она заключается в выборе одного из значений многозначного слова в контексте и вызывает затруднения даже у людей-

аннотаторов. Для обучения и тестирования моделей на основе машинного обучения, которые демонстрируют самые высокие показатели качества, необходимы большие объёмы данных с семантической разметкой. Ручная разметка по значениям оказывается трудоёмкой, дорогой и занимает много времени. Поэтому важно разрабатывать и тестировать подходы к автоматической и полуавтоматической семантической разметке. Среди возможных источников информации для такой разметки семантически родственные слова, а также коллокации, в которые входит слово. Предметом настоящего исследования являются корпуса коллокаций с семантической разметкой. Целью работы является разработка и тестирование подхода к автоматическому порождению таких корпусов на основе информации о родственных словах из тезауруса. Основным методом данного исследования является корпусный, также в рамках исследования был проведён ряд экспериментов с помощью языка программирования Python. В статье описывается процесс автоматического создания корпуса коллокаций с семантической разметкой на материале русского языка. Для разрешения многозначности слов в пределах коллокаций используются родственные слова с опорой на тезаурус RuWordNet. Этот же тезаурус выступает источником инвентарей значений. Родственные слова из тезауруса голосуют за то или иное значение слова, затем их голоса взвешиваются с помощью разных методов. Описанные методы позволяют достичь F1-меры 80% и добавить порядка 23% коллокаций с неснятой многозначностью в корпус. Семантически размеченные корпуса коллокаций, созданные в автоматическом режиме, позволяют упростить подготовку размеченных данных для обучения и оценки моделей автоматического разрешения многозначности, а также могут использоваться как источник знаний в моделях на основе знаний. Таким образом, создание размеченных корпусов коллокаций в автоматическом режиме, в том числе для русского языка, представляется перспективным направлением исследований.

Ключевые слова:

автоматическая обработка языка, автоматический семантический анализ, автоматическое разрешение неоднозначности, семантическая разметка, автоматическое порождение корпуса, корпус словосочетаний, инвентарь значений, семантически родственные слова, SyntagNet, тезаурус

Введение

Задача **автоматического разрешения лексической неоднозначности** (*Word Sense Disambiguation, WSD*) играет важную роль в **автоматической обработке естественного языка** (*Natural Language Processing, NLP*). Результаты WSD влияют на качество решения таких более высокоуровневых задач, как **машинный перевод** [1], **информационный поиск** [2], **анализ тональности** [3]. Однако для обучения и тестирования моделей WSD необходимы объёмные корпуса с семантической разметкой, создание которых является трудоёмким и длительным процессом. Корпуса словосочетаний, размеченных по значениям, могут значительно упростить разметку. Теоретическим основанием такого подхода выступает гипотеза «одного значения на словосочетание». В таком случае нет необходимости принимать решение о разметке каждого слова по отдельности, можно сразу проставлять теги для лексем словосочетания, найденного в корпусе. Самым известным примером размеченного корпуса словосочетаний является SyntagNet [4], состоящий из более 80 тысяч словосочетаний и доступный на пяти языках.

В статье описывается процесс создания такого корпуса, теоретические основания, а также разные подходы к семантической разметке словосочетаний. Цель работы — исследовать возможности автоматической разметки словосочетания с целью создания размеченного корпуса для русского языка. Раздел 1 посвящён гипотезе «одно значение на словосочетание» — теоретическому основанию создания корпуса размеченных словосочетаний, в разделе 2 приводятся примеры существующих корпусов словосочетаний, в том числе SyntagNet. В разделе 3 разбираются эксперименты по разметке корпуса словосочетаний на материале русского языка, раздел 5 содержит анализ ошибок. Статья завершается краткими выводами и направлениями для будущих исследований.

Корпуса, размеченные с помощью описанных в статье методов, а также файлы с ошибками моделей и «золотой стандарт» размещены в открытом доступе на GitHub по адресу: <https://github.com/Diana-Zaripova/SemanticallyAnnotatedCollocationCorpus/>.

1. Гипотеза «одно значение на словосочетание»

В работе [5] была сформулирована гипотеза «одного значения на словосочетание»: в составе словосочетания многозначные слова встречаются в одном конкретном значении. Авторы исследовали распределение значений многозначных слов в рамках словосочетаний на материале нескольких типов словосочетаний. Средний процент подтверждения гипотезы «одного значения на словосочетание» составил 95%. Важно отметить, что рассматривались только многозначные слова с бинарной моделью многозначности, то есть имеющие ровно два разных значения.

В статье [6] авторы проверяют гипотезу на многозначных словах с более сложными, небинарными, моделями многозначности на материале двух корпусов. При таких вводных данных гипотеза подтвердилась только в 70% случаев. Отдельно авторы отмечают, что необходимо принимать во внимание жанры и типы текстов при проведении исследований многозначности на материале более чем одного корпуса.

Тем не менее, полученные результаты позволяют предположить, что в значительной доле словосочетаний слова появляются в одних и тех же значениях, что позволяет создавать корпус словосочетаний, размеченный по значениям.

2. Корпуса с семантической разметкой

2.1. SyntagNet

SyntagNet (<http://syntagnet.org/>) — это большой по объёму (более 80 тысяч словосочетаний) ресурс, содержащий размеченные по лексическим значениям вручную словосочетания. Процесс создания корпуса, а также стоящие за этим идеи подробно описаны в статье [4]. Основная цель создания подобных лексико-семантических ресурсов — упрощение и ускорение разметки тренировочных и тестовых коллекций данных для обучения, тестирования и оценки качества работы моделей на основе **машинного обучения** (*Machine Learning, ML*), часто применяемых в задаче автоматического разрешения многозначности. Кроме того, знание о значении многозначного слова в пределах известного словосочетания может использоваться при решении задачи с помощью **методов на основе знаний** (*Knowledge-based methods*). На текущий момент ресурс размеченных по значениям словосочетаний доступен для пяти языков: английского, французского, итальянского, немецкого и испанского.

Словосочетания для корпуса SyntagNet (авторы называют их **лексическими**

комбинациями, *lexical combinations*) были извлечены из английской Wikipedia (https://en.wikipedia.org/wiki/Main_Page) и Британского Национального Корпуса (*British National Corpus, BNC*; [7]), а затем размечены вручную с помощью инвентаря значений WordNet версии 3.0. Степень согласованности между аннотаторами, измеренная на выборке из 500 словосочетаний, составила 0.71, большинство расхождений в разметке при этом было связано со сложными случаями, где имеет место вариативность тегов, следствие высокой степени детализации значений в WordNet.

Для определения релевантных комбинаций слов авторы ресурса выполнили две процедуры извлечения словосочетаний. Во-первых, из корпуса извлекались слова w_1 , w_2 , встретившиеся в пределах скользящего окна в три слова. Извлеченные пары были упорядочены с помощью **коэффициента Дайса** (*Dice's coefficient*), умноженного на логарифм частоты совместной встречаемости слов:

$$\text{score}(w_1, w_2) = \log_2(1 + \frac{2n_{w_1w_2}}{n_{w_1} + n_{w_2}}),$$

где n_{w_i} ($i \in \{1, 2\}$) — это частотность слова w_1 , а $n_{w_1w_2}$ это частота совместной встречаемости двух слов w_1 и w_2 в пределах окна. К списку были применены некоторые фильтры, в частности отбирались пары, связанные между собой одним из пяти основных синтаксических отношений [4].

Во-вторых, были извлечены пары слов следующего типа: 1) ширина окна — шесть слов; 2) отсутствует ограничение на тип отношения; 3) не учитываются пары, уже попавшие в первый список и 4) отбирались только единицы, встретившиеся в нескольких словарях английского языка и/или словарях словосочетаний.

Затем восемь аннотаторов производили ручную разметку 20 000 первых словосочетаний из первого списка и 58 000 пар из второго списка по синсетам WordNet. Аннотаторы пропускали пары с ошибками, вызванными автоматическим парсингом, и пары, в которых хотя бы для одного слова невозможно подобрать ни один из синсетов WordNet, а также идиоматические фразы и многословные именованные сущности.

В общей сложности процесс разметки занял 9 месяцев, в результате получилось 78 000 размеченных лексических комбинаций (пар слов) и 88 019 семантических комбинаций, то есть сочетаний синсетов WordNet.

Пример разметки словосочетаний в корпусе SyntagNet:

(1) a. 09827683n 10285313n baby n boy n

b. ID синсета для первого слова ID синсета для второго слова первое слово часть речи первого слова второе слово часть речи второго слова.

Авторами были проведены эксперименты с целью оценить качество работы модели WSD на основе знаний, обогащённой информацией из SyntagNet, и сравнить его с качеством той же модели, но дополненной информацией из других лексических баз знаний, а также качеством моделей машинного обучения с учителем. Для экспериментов была выбрана модель на основе персонализированного алгоритма PageRank [8], подробно описанная в статье [9], которая применялась к разным лексическим базам знаний, в том числе к SyntagNet. Среднее значение F-1 меры на пяти англоязычных датасетах составило 71.5%; для сравнения модель из [10] на основе рекуррентных нейронных сетей LSTM также продемонстрировала F1-меру, равную 71.5%, в среднем на тех же пяти наборах

данных. На материале коллекций данных на разных языках (итальянский, испанский, немецкий, французский) среднее значение F-1 меры модели с информацией из SyntagNet получилось самым высоким среди измеренных (69.3) и превзошло результаты моделей на основе нейронных сетей.

Таким образом, представляется, что размеченные корпуса словосочетаний являются полезным ресурсом, однако разметка корпуса по значениям является достаточно трудоемкой, что ставит вопрос об автоматизации разметки.

2.2. Размеченные данные для русского языка

Для русского языка на данный момент существует недостаточно семантически аннотированных корпусов, в принципе, о существовании корпусов словосочетаний нам вообще неизвестно. Однако стоит упомянуть недавнюю работу [11] по автоматическому созданию корпусов с семантической разметкой на основе однозначных родственных слов. Полученные в ходе экспериментов корпуса, а также исходный код доступны по ссылке: https://github.com/loenmac/russian_wsd_data/tree/master/data. Также в исследовании [12] авторами были вручную аннотированы тексты средней длины из коллекции OpenCorpora (<http://opencorpora.org/>).

3. Данные и эксперименты

3.1. Цели, данные и предобработка

Авторами статьи был проведён ряд экспериментов по автоматическому порождению семантически размеченного корпуса словосочетаний в формате SyntagNet, но для русского языка. Целью создания корпуса является упрощение процесса разметки данных для тестирования и обучения моделей WSD на основе машинного обучения, а также для использования в моделях автоматического разрешения лексической многозначности, основанных на знаниях и правилах.

Разрешение многозначности происходило с помощью семантически близких слов, найденных в рамках группировок словосочетаний по первому и по второму слову. Основная идея метода заключается в предположении, что слова, встречающиеся с одним и тем же словом на одной позиции, имеют некоторую семантическую близость, которая позволит автоматически разрешать многозначность. Ниже приведены примеры таких группировок.

(2) Пример группировки словосочетаний по первому слову:

абонентский терминал

абонентский книжка

абонентский номер

абонентский база

абонентский служба

абонентский устройство

(3) Пример группировки словосочетаний по второму слову:

сушеный абрикос

урожай абрикос

косточка абрикос

заготовка абрикос.

Источником словосочетаний выступил корпус текстов русскоязычных новостей за 2017 год объёмом 8 Гб. На первом этапе были извлечены все словосочетания из корпуса, в которых оба слова относятся либо к существительным, либо к прилагательным, например:

(4) а. *местный житель*: прилагательное + существительное

б. *кубок конфедерация*: существительное + существительное

Словосочетания были упорядочены по мере взаимной информации MI3:

$$MI3(w_1, w_2) = \log\left(\frac{p^s(w_1, w_2)}{p(w_1)p(w_2)}\right).$$

Далее использовался тезаурус RuWordNet (<https://ruwordnet.ru/ru>), лексико-семантический ресурс по типу WordNet для русского языка [13], для распределения сначала 100 000, а затем 200 000 пар слов на четыре категории: а) хотя бы одного слова нет в RuWordNet; б) словосочетание как отдельная единица присутствует в RuWordNet; в) оба слова однозначны и д) хотя бы одно слово многозначно. Примеры пар из каждой категории приведены ниже:

(5) а. Хотя бы одного слова нет в тезаурусе: **неиммиграционный** виза, **шаговый** доступность, **вотум** недоверие, фазовый **автофокус**;

б. Словосочетание есть в тезаурусе как отдельная единица: *отопительный сезон*, *прибор учёт*, *куриный яйцо*;

в. Оба слова однозначны: *краеведческий музей*, *декан факультет*, *пятизвездочный отель*;

г. Хотя бы одно слово многозначно: *мокрый снег*, *прием гражданин*, *сигнал* светофор.

Распределение первых 100 000 и 200 000 пар по этим группам приводится в таблице 1:

Таблица 1

	Словосочетание целиком есть в RuWordNet	Хотя бы одного слова нет в RuWordNet	Оба слова однозначные	Хотя бы одно слово многозначное
100 000 пар	1989 (1.989%)	18660 (18.66%)	18950 (18.95%)	60401 (60.401%)
200 000 пар	2409 (1.2%)	33123 (16.56%)	38352 (19.18%)	126116 (63.06%)

Словосочетания из первой категории сразу помещаются в корпус в формате, схожем с SyntagNet:

слово1 слово2 <часть речи для слова1> <часть речи для слова2>.

Например:

(6) петербургский метро 2642-A Adj 192-N N.

Словосочетания из категории d (хотя бы одно слово многозначно, и оба слова есть в RuWordNet) являются целевыми, то есть нуждаются в разрешении многозначности для занесения в корпус.

3.2. Использование родственных слов для разрешения многозначности

Во всех следующих этапах принимали участие только пары слов из четвёртой категории (d). Сначала они были сгруппированы двумя разными способами: 1) по первой лексеме и 2) по второй лексеме.

Затем группы словосочетаний по первому и второму слову были дополнены теми парами слов, которые вошли в категорию словосочетаний, содержащихся в RuWordNet как отдельная единица, а также словосочетаниями из RuWordNet, которые также размечены по значениям в самом тезаурусе и первое или второе слово в которых совпадают с тем словом, по которому организована соответствующая группа.

Например, для словосочетания *абрикосовый цвет*, в котором каждое слово по отдельности соотнесено с тремя синсетами RuWordNet, в тезаурусе уже есть разметка по значениям:

(7) абрикосовый цвет 109498-A 106944-N.

На следующем этапе для разрешения многозначности слов в рамках словосочетаний производился поиск близких и дальних семантически родственных слов в рамках осуществлённых ранее группировок по тезаурусу RuWordNet: синонимов, гиперонимов, гипонимов, так называемых «дальних родственников» (более подробно описывается ниже). Для каждого слова каждой пары слов в рамках группы сохранялся список синонимов, гипонимов и гиперонимов, а также массив значений — синсетов RuWordNet, за которые «голосуют» эти родственники, т. е. являются семантически близкими. Так, для отношения синонимии такими синсетами признаются общие для синонимов синсеты, для гиперонимии и гипонимии — те значения, которые связаны соответствующим отношением с гиперонимом и гипонимом, соответственно. Подход к решению задачи автоматического порождения корпусов с семантической разметкой на основе слов с родственными значениями описан в статье [\[11\]](#): авторы используют однозначные родственные слова для автоматического разрешения многозначности в процессе автоматической разметки по значениям.

Например, в группе словосочетаний по первому слову *абстрактный* есть пара (*абстрактный, живопись*), и в данной группе для второго слова — *живопись* — нашлись следующие синонимы: *полотно* и *картина*, причём оба синонима голосуют за одно конкретное значение целевой лексемы — 6001-N ('произведение живописи'), а именно данный синсет входит в пересечение наборов синсетов для всех трёх лексем. В другой группе словосочетаний, сформированной уже вокруг второго слова, у пары (*район, авария*) для первой лексемы *район* был обнаружен гипероним *место*, голосующий за значение 106611-N ('место, местность').

В качестве «дальних родственников» извлекались синсеты, отстоящие от целевого слова на два отношения по иерархии тезауруса, рассматривались следующие типы таких цепочек отношений:

1) s1 →гипероним s2 →гипероним s3;

- 2) $s_1 \rightarrow \text{гипоним } s_2 \rightarrow \text{гипоним } s_3$;
- 3) $s_1 \rightarrow \text{гипероним } s_2 \rightarrow \text{гипоним } s_3$;
- 4) $s_1 \rightarrow \text{гипоним } s_2 \rightarrow \text{гипероним } s_3$.

3.3. Методы взвешивания

После того как в каждой группе по всем парам была собрана информация о родственных связях входящих в их состав многозначных слов, а также о том, за какие значения они голосуют, встала задача разрешить многозначность слов, а именно выбрать только одно значение и, соответственно, синсет RuWordNet. Авторами были протестированы разные подходы к выбору значения.

Самый простой способ — это отобрать те пары, у которых для каждого слова в итоге осталось по одному значению. Так происходит, когда все родственные слова голосуют за одно-единственное значение слова либо когда слово изначально было однозначным. Однако число таких пар оказалось невелико: для выборки из 200 000 пар всего 22 073. Поэтому были применены разные алгоритмы взвешивания значений на основе семантически близких слов.

3.3.1. Простой алгоритм взвешивания

Простой алгоритм взвешивания заключался в выборе того значения, которое получило максимальное число голосов от значений-родственников. Для тех многозначных слов, где такое значение только одно, алгоритм возвращает это значение, иначе возвращает None.

3.3.2. Взвешивание на основе Shortest is-a-Path

Также в процессе экспериментов применялся алгоритм взвешивания на основе расстояний между синсетами по тезаурусу RuWordNet, а именно пути от целевого значения до значения родственника, голосующего за это значение [14]. Для каждой пары значение-родственник подсчитывался путь по следующей формуле:

$$\text{path}(a, b) = \frac{1}{\text{shortest is-a path}(a, b)}.$$

Далее значения счётчиков по каждому значению взвешиваются с помощью полученных значений путей по тезаурусу до родственника.

3.3.3. Взвешивание на основе предобученных векторов Word2Vec

Для данного метода взвешивания использовались вектора сокращённой размерности Word2Vec [15] для русского языка с ресурса RusVectōrēs (<https://rusvectors.org/ru/>) [16], обученные на материале Национального Корпуса Русского Языка (НКРЯ) и русского сегмента Wikipedia за ноябрь 2021 года (размер корпуса 1.2 миллиарда слов). Размерность векторов равнялась 300, для получения векторов применялся алгоритм Continuous Bag-of-Words (CBOW). На основе данной модели для каждой пары значение многозначного слова — голосующее за него родственное значение подсчитывалась **косинусная мера близости** (*cosine similarity*) их векторов Word2Vec, если таковые имеются в модели по формуле:

$$\text{cosine similarity} = \frac{\sum_{i=1}^n A_i B_i}{\sqrt{\sum_{i=1}^n A_i^2} \sqrt{\sum_{i=1}^n B_i^2}}.$$

Счётчики голосов за то или иное значение взвешивались с помощью значения косинусной меры близости для значения и голосующего за него родственника.

3.3.4 Взвешивание на основе предобученных векторов FastText

Также был протестирован алгоритм взвешивания на основе косинусной меры близости предобученных векторов сокращённой размерности FastText (<https://github.com/facebookresearch/fastText>) [17]. При подсчёте использовалась та же формула, что в подпункте 3.3.3.

3.3.5. Взвешивание на основе векторов BERT

Кроме того, в экспериментах использовались вектора BERT [18]: контекстно-свободные от DeepPavlov через библиотеку *transformers* для языка Python и вектора для целевого многозначного слова в контексте словосочетания. Далее также подсчитывается косинусная мера двух векторов: для многозначного слова в контексте словосочетания и для слова с родственным значением также в контексте его словосочетания.

3.4. Подготовка тестовой выборки и оценка качества разных методов

Для сравнения разных методов взвешивания была произведена ручная разметка выборки объёмом 1735 пар, которая принималась за «золотой стандарт» для сравнения с результатом работы описанных выше алгоритмов взвешивания и извлечения словосочетаний для корпуса. При этом для всех моделей на первом шаге работы отбирались те пары, в которых у обоих слов многозначность снята полностью, то есть в результате подсчёта и взвешивания голосов по всем значениям слова в итоге можно выбрать одно с наибольшим весом, оно и идёт в результат работы алгоритма. Для оценки качества моделей подсчитывались стандартные метрики: полнота, точность и F1-мера. Результаты приведены в таблице 2 (число пар с полностью снятой многозначностью и F1-мера):

Таблица 2

	Число пар с полностью снятой многозначностью	F1-мера
До взвешивания	3 287	0.19
Простой алгоритм взвешивания	23 679	0.75
До взвешивания + простой алгоритм	26 966	0.81
Взвешивание на основе is-a Path	30 997	0.81
Взвешивание на основе косинусной близости векторов Word2Vec	32 117	0.79
Взвешивание на основе косинусной близости векторов FastText	32 780	0.81
is-aPath + Word2Vec	33 114	0.79
is-a Path + FastText	33 803	0.81
Взвешивание на основе BERT	33 808	0.81

Взвешивание на основе косинусной близости контекстных векторов BERT	32 000	0.81
--	--------	------

Как можно увидеть из таблицы многим методам взвешивания удалось достичь F1-меры 80% — на основе контекстных векторов BERT, векторов сокращённой размерности FastText, кратчайшего пути по дереву тезауруса. Эти же методы позволяют добавить порядка 30 000 новых размеченных пар в корпус.

4. Анализ ошибок

Для анализа ошибок, были выделены словосочетания, в которых ошиблись все модели. Таких словосочетаний оказалось 257. Приведем анализ этих словосочетаний.

К категории пар, при разметке которых ошиблись все изученные методы, относятся в том числе те, для лексем в составе которых в рамках группировок не нашлось подходящих слов-родственников, которые бы помогли при снятии многозначности. Например, при разметке словосочетания ('праздничный', 'концерт') все семь методов допустили ошибку в определении значения второго слова, определив его как 'скандал, ссора' вместо правильного 'концерт, концертная программа', причём в группировку по первому слову *праздничный* вошло 80 пар. Другой пример: все модели приписали неверный тег значения второй лексеме в словосочетании ('солдатский', 'каша') — 'месиво (полужидкая смесь)', потому что в рамках группировки словосочетаний по первому слову подобрались семантически разные лексемы: *котелок, слава, форма, письмо, привал, шинель, казарма, могила, вдова, орден*.

В рамках словосочетания ('всероссийский', 'олимпиада') всеми моделями вторая лексема была размечена как 'олимпийские игры', однако в новостных текстах, из которых был составлен корпус-источник словосочетаний данное словосочетание чаще употребляется в контексте школьных олимпиад. В группе пар слов по первому слову *всероссийский* оказалось несколько пар слов, обозначающих спортивные мероприятия всероссийского уровня: *тренировка, марафон, автопробег, состязание, регата, чемпионат, гонка, турнир*. Попали в группу также пары со вторыми словами, тематически относящимися к школьной предметной области, — *школа и урок*, но их было всего две и они не связаны родственными отношениями с искомой лексемой.

Некоторые ошибки в разметке были вызваны ошибками на этапе лемматизации, например в словосочетании ('должное', 'образ') первая лексема была определена как существительное *должное*, образованное с помощью конверсии прилагательного, но на самом деле в данной паре первая лексема должна быть *должный* (прилагательное).

Тем не менее, несмотря на ошибочную разметку некоторых словосочетаний, не менее 80% словосочетаний были размечены верно разными методами, что позволяет автоматизировать процесс разметки словосочетаний по значениям.

5. Заключение

В статье был рассмотрен подход к автоматическому порождению корпуса словосочетаний в формате SyntagNet с семантической аннотацией. Такие корпуса могут значительно облегчить процесс подготовки тренировочных и тестовых коллекций для моделей машинного обучения, а также применяться в качестве источника знаний в моделях на основе правил и знаний. Создание размеченных корпусов словосочетаний

подразумевает принятие гипотезы «одно значение на словосочетание». Для автоматического разрешения лексической многозначности в рамках словосочетаний производились группировки по первой и второй лексеме и поиск родственных слов в рамках данных группировок — синонимов, гиперонимов, гипонимов, более дальних родственников, отстоящих от целевой лексемы на два шага по дереву тезауруса. Значения родственных слов голосуют за тот или иной синсет многозначного слова в рамках словосочетания.

Те пары, у которых для обоих слов после подбора родственных значений осталось по одному синсету, добавлялись в корпус. К остальным словосочетаниям применялись различные методы взвешивания голосов, полученных от родственников: косинусная мера близости векторов Word2Vec, FastText, контекстных векторов BERT, кратчайшего пути по тезаурусу. Большинство методов достигают F1-меры в 80% и позволяют расширить корпус словосочетаний на 30 000 пар.

В результате анализа ошибок была выявлена следующая закономерность: 68.2% словосочетаний, в которых хотя бы один метод допустил ошибку, оказались проблемой для всех моделей. Среди причин неточностей в семантической разметке ошибки, допущенные на этапе лемматизации, состав группировок по первому или второму слову — слова из разных предметных областей, преобладание определённой области.

В качестве направлений будущих исследований можно изучить зависимость качества разметки от объёма группы, оценить вклад разных семантических отношений, а также оценить качество работы методов на более объёмной коллекции с ручной разметкой.

Библиография

1. Pu X., Pappas N., Henderson J., Popescu-Belis A. Integrating Weakly Supervised Word Sense Disambiguation into Neural Machine Translation // Transactions of the Association for Computational Linguistics. 2018. V. 6. Pp. 635-649.
2. Biloshmi R., Pasini T., Campolungo N., Banerjee S., Navigli R., Pasi G. IR like a SIR: Sense-enhanced Information Retrieval for Multiple Languages // Proceedings of the 2021 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. 2021. Pp. 1030-1041.
3. Seifollahi S., Shajari M. Word Sense Disambiguation Application in Sentiment Analysis of News Headlines: an Applied Approach to FOREX Market Prediction // Journal of Intelligent Information Systems. 2019. V. 52. Pp. 57-83.
4. Maru M., Scozzafava F., Martelli F., Navigli R. SyntagNet: Challenging Supervised Word Sense Disambiguation with Lexical-semantic Combinations // Proceedings of the 2019 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. 2019. Pp. 3534-3540.
5. Yarowsky D. One Sense per Collocation // Proceedings of the Workshop on Human Language Technology. 1993. Pp. 266-271.
6. Martinez D., Agirre E. One Sense per Collocation and Genre/Topic Variations // 2000 Joint SIGDAT Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing and Very Large Corpora. 2000. Pp. 207-215.
7. Leech G.N. 100 Million Words of English: the British National Corpus (BNC) // Language Research. 1992. No. 28(1). Pp. 1-13.
8. Haveliwala T.H. Topic-sensitive PageRank // Proceedings of the 11th International Conference on World Wide Web. 2002. Pp. 517-526.
9. Agirre E., López de Lacalle O., Soroa A. Random Walks for Knowledge-based Word

- Sense Disambiguation // Computational Linguistics. 2014. V. 40. No. 1. Pp. 57-84.
10. Yuan D., Richardson J., Doherty R., Evans C., Altendorf E. Semi-supervised Word Sense Disambiguation with Neural Models // Proceedings of COLING. 2016. Pp. 1374-1385.
 11. Bolshina A., Loukachevitch N. Monosemous Relatives Approach to Automatic Data Labelling for Word Sense Disambiguation in Russian // Linguistic Forum 2020: Language and Artificial Intelligence. 2020. Pp. 12-13.
 12. Kirillovich A., Loukachevitch N., Kulaev M., Bolshina A., Ilvovsky D. Sense-Annotated Corpus for Russian // Proceedings of the 5th International Conference on Computational Linguistics in Bulgaria (CLIB 2022). 2022. Pp. 130-136.
 13. Loukachevitch N., Lashevich G., Gerasimova A., Ivanov V., Dobrov B. Creating Russian WordNet by Conversion // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual Conference "Dialogue". 2016. Pp. 405-415.
 14. Liu X.Y., Zhou Y.M., Zheng R.S. Measuring Semantic Similarity in WordNet // 2007 International Conference on Machine Learning and Cybernetics. 2007. V. 6. Pp. 3431-3435.
 15. Mikolov T., Sutskever I., Chen K., Corrado G., Dean J. Distributed Representations of Words and Phrases and their Compositionality // Advances in Neural Information Processing Systems. 2013. V. 26. Pp. 3111-3119.
 16. Kutuzov A., Kuzmenko E. WebVectors: a Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models // Analysis of Images, Social Networks and Texts: 5th International Conference, AIST 2016, Revised Selected Papers 5. Springer International Publishing. 2017. V. 661. Pp. 155-161.
 17. Bojanowski P., Grave E., Joulin A., Mikolov T. Enriching Word Vectors with Subword Information // Transactions of the Association for Computational Linguistics. 2017. V. 5. Pp. 135-146.
 18. Devlin J., Chang M.W., Lee K., Toutanova K. BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding // Proceedings of NAACL-HLT. 2019. V. 1. Pp. 4171-4186.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Автоматизированное создание семантически размеченного корпуса словосочетаний», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению вопросов автоматизированной обработки языкового корпуса, что является важным в наше время, ввиду возрастающей роли техники в нашей жизни.

В статье описывается процесс создания такого корпуса, теоретические основания, а также разные подходы к семантической разметке словосочетаний. Цель работы — исследовать возможности автоматической разметки словосочетания с целью создания размеченного корпуса для русского языка.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы, а именно к статистическому методу, методу обобщения, моделированию и

методу семантического анализа. Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные статистические данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Практические результаты применения описанной методики размещены в открытом доступе на GitHub по адресу: <https://github.com/Diana-Zaripova/SemanticallyAnnotatedCollocationCorpus/>.

Библиография статьи насчитывает 17 источников, среди которых представлены работы исключительно на иностранном языке. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации на русском языке.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по лексикологии и лексикографии, математической лингвистике, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Автоматизированное создание семантически размеченного корпуса словосочетаний» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кудрявцева Р.А. — «Шеклянурский текст» в романе Йывана Осмина «Между небом и землёй» // Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.69118 EDN: NCNJAO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69118

«Шеклянурский текст» в романе Йывана Осмина «Между небом и землёй»

Кудрявцева Раисия Алексеевна

доктор филологических наук

профессор, кафедра финно-угорской и сравнительной филологии, Марийский государственный университет

424002, Россия, республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлевская, 44, каб. 503

✉ kudsebs@rambler.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.69118

EDN:

NCNJAO

Дата направления статьи в редакцию:

21-11-2023

Дата публикации:

28-11-2023

Аннотация: Данная статья подготовлена в рамках изучения актуальной проблемы локального сверхтекста в литературе. В ней рассматривается «шеклянурский текст» документально-художественного (автобиографического, мемуарного) романа марийского писателя Йывана Осмина «Кава ден мланде коклаште» («Между небом и землёй»). В статье выявляются, описываются и анализируются основные составляющие «шеклянурского текста» (проблематика, завязанная на шеклянурской линии сюжета и шеклянурской части биографии центрального персонажа, выступающего в качестве повествователя, система персонажей и событий, описания, административно-географические реалии, этнографические сцены и детали, особенности языка), их место в художественной структуре романа, а также освещается исторический контекст «шеклянурского текста», наиболее ярко просматриваемый в его кольцевой композиции и

имеющий драматическую и трагическую направленность. Методологическую основу исследования составляют историко-генетический метод и структурно-семантический анализ произведения. Они в максимальной мере позволили выделить и адекватно интерпретировать содержательные линии «шеклянурского текста», описать ключевые элементы его поэтики. Роман Йывана Осмина «Между небом и землёй» впервые в региональной и российской науке стал объектом специального анализа, он изучается в контексте актуальной, почти не исследуемой в марийской филологии проблемы локального сверттекста в литературе. «Шеклянурский текст» романа рассматривается как средоточие информации о специфичных сторонах деревни Шеклянур (как социокультурного пространства) середины 1930-х годов, выдержанное в рамках художественно-документального (мемуарного, автобиографического, перволичного) повествования. «Шеклянурский текст» наполнен запоминающими бытовыми сценами личного и общественного характера, которые, вкуче с открытыми этнографическими элементами, воссоздают картины марийского мира и некоторые особенности его проявления в отдельно взятом конкретном месте проживания мари. Исключительными знаками «шеклянурского текста» стали достоверные имена реальных персонажей, их судьбы, топографические и административно-хозяйственные реалии, лексические особенности речи повествователя.

Ключевые слова:

Марийская литература, роман, поэтика, Иван Осмин, Автобиографический роман, Художественный документализм, художественная структура, Локальный текст, Шеклянурский текст, Хроникальная композиция

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-00388 «Марийский роман: история и поэтика».

Роман «Кава ден мланде коклаште» («Между небом и землёй») написан Йываном Осмином в 1992–1993 годах и опубликован отдельной книгой в 1996 году, еще при жизни писателя (умер в 1997 году). Данное издание было обозначено как первые две книги романа, которые автор намерен был продолжить и уже писал это продолжение (в опубликованном варианте произведение завершается началом 1940-х годов), о чем свидетельствует фраза, обращенная к читателям: *Возымем лудын, ала тьят, лудшо та□, мый дечем ушанрак лият. Садлан умбакыже возем, возем, серем!*^[11, с. 261. Далее цитируется данное издание, страницы указываются в тексте в квадратных скобках. – Р. К.] (Может быть, прочитав написанное мною, и ты, друг-читатель, станешь умнее меня. Поэтому дальше пишу, пишу, строчу!).

Роман Йывана Осмина документальный по стилевой доминанте, хроникальный по композиции, автобиографический по характеру и степени представленности авторской биографии (внешней и внутренней), мемуарный по художественной проекции изображаемого времени. В основной своей части повествование лирически-возвышенное – это подчеркивал и сам автор в концовке второй книги, называя романтическим как свою книгу, так и свою жизнь. Романтикой обозначен и «шеклянурский текст» романа, в котором, действительно, много красивого и лирического. Что касается автобиографизма, то он у Йывана Осмина «открытый» – это закреплено в субъектно-объектной сфере произведения в виде перволичного повествования, а также максимально включенного в фабульное пространство образа

повествователя-персонажа, достоверного именования всех действующих лиц и т. д.

Роман направлен на молодого читателя, которого автор хотел бы ознакомить со своей собственной биографией, а через нее с особенностями социокультурной эпохи, частью которой он является, а также искренне желал удержать марийскую читающую публику и весь марийский мир на волне этнической самоидентификации, что позволит сохранить язык и культуру народа, а также сохраниться самому народу – а это всё, в свою очередь, является условием для удержания интереса молодежи к литераторам, писавшим на марийском языке, в том числе и к нему – Йывану Осмину. Именно об этом идет речь в авторском вступлении к роману: *Мый эртыше илышем у тукумлан возен-с□ретлен ончыктынем. Рвезе калык – у тукум – возыдем лудаш т□□алеш гын, ом колс калыкем йылмыжым, культурыжым йомдарен ок йом гын, мыят ом йом; тукум гыч тукумыш илаш т□□алам* [с. 4] (Я хочу описать-зарисовать свою прошлую жизнь. Если молодёжь – новое поколение – будет читать написанное мною, то не умру; буду жить в поколениях).

Рассматривая «шеклянурский текст» как вариацию локального (регионального) сверхтекста, который применительно к марийской литературе в региональной науке специально заявлен сегодня лишь относительно «моркинского текста» [6; 7], а также «национального текста», просматриваемого в русских переводах марийской поэзии [17], мы определяем его составляющие (знаки), исходя из имеющегося опыта исследования таких текстов в русской литературе (петербургского [10], сибирского [14; 15; 16; 18], северного [4; 5], алтайского [1; 2; 3], крымского [9], лондонского [13] и др.). Так, З. Г. Минц отмечала, что «непременным условием принадлежности произведения к разряду «петербургских» считается присутствие черт городской топографии и быта» [10]. Художественная картина мира, которая запечатлевается в региональном литературном сверхтексте, «включает в себя совокупность ландшафтных характеристик, образов природы, человека, его места в мире, общие категории пространства, времени, движения, а также особый склад мышления» [4]. Она отражает особенности менталитета населения, края, территории, «оказывается связанной, с одной стороны, с индивидуально-авторским, субъективно-личностным образом мира (возникающим в творчестве отдельных писателей, как уроженцев этого края, так и «осваивающих» его как «чужую» территорию), а с другой – с общенациональной картиной мира, а её воссоздание является одной из наиболее важных задач при исследовании феномена каждого регионального сверхтекста» [4].

«Шеклянурский текст» романа – это средоточие информации о специфичных сторонах деревни Шеклянур середины 1930-х годов как социокультурного пространства (о событиях и людях, об особенностях ландшафта, быта, культурных традиций, языка). Данная информация будет особенно интересной для искушенного, контекстуально компетентного читателя, например, выходцев из Шеклянюра, как автор данной статьи, или знатоков его истории в силу профессиональных или познавательных интересов. В рамках научного подхода к «шеклянурскому тексту» в романе Йывана Осмина, безусловно, будут интересны проблематика, завязанная на шеклянурской линии сюжета и шеклянурской части биографии центрального персонажа, система документальных персонажей и событий, пейзажные описания, административно-географические реалии, этнографические сцены и детали, особенности языка (диалектная речь, топонимика). Рассмотрим основные составляющие (знаки) «шеклянурского текста» и его контекста.

Исторический контекст «шеклянурского текста»

«Шеклянурский текст» в романе – это примерно 25 страниц книжного текста [с. 171–197], представляющих воссозданный в хронологической последовательности один период в жизни писателя, недлительный (с августа 1936 года по начало июля 1937 года), но богатый событиями и эмоциями, подробно описанный в контексте драматических событий сталинской эпохи, коснувшихся и марийского края. Нарастающее давление на интеллигенцию в определенной мере послужило поводом для ухода Йывана Осмина из редакции «газеты «Марий коммуна» и для возникновения «шеклянской» страницы в его биографии.

«Шеклянурский текст» обрамлен духом трагических событий в стране и в марийском крае. Так, до его фактического начала автор замечает в романе: *1936 ий августышто, Москваште троцкистско-зиновьевский центрм судитлыме деч вара, Йошкар-Олаште эн ондак марий писатель-влак коклаште кугу кожганымаш тарваныш. (...) 22 августышто п[е]тынь «Марий коммун» газетым троцкист-влакым л[е]паш судитлыме шотышто Вышинскийым иктешлыме мутшо да моло материал айленыт; 29 августышто «Марий коммуны» редакторжо Голубкиным Маробком бюро членыш кандидат гыч лукмо, паша гыч кора[н]дыме, редакторлан Павел Мокеевым шогалтыме. Марий писатель-влак икте почеш весе, шкеныштым святоеш шотлен, весышт [е]мбак лавырам кышкаш т[е]п[е]алыныт: «буржуазный националист», «калык тушман» ярлыкым пижыктылыныт [с. 171]* (В августе 1936 года, после суда в Москве над троцкистско-зиновьевским центром, в Йошкар-Оле начался большой страх, в первую очередь, в среде марийских писателей (...). 22 августа всю газету «Марий коммуна» заполнили обобщающая статья Вышинского и другие материалы по поводу судебного решения о расстреле троцкистов; 29 августа редактора «Марий коммуны» Голубкина убрали из кандидатов в члены Маробкома, отстранили от работы, редактором поставили Павла Мокеева. Марийские писатели по очереди, считая себя святыми, стали грязью закидывать других: приклеивали ярлыки «буржуазный националист», «враг народа»).

В этом контексте дальнейшая – шеклянская – история его жизни кажется автору «божьей помощью», «подарком жизни»: *Теве тыгай туткар т[е]п[е]алме жапыште мыланен юмо «полшыш»: марий писатель ушмын вуйлатышыже П. К. Карпов (П[е]нчерский) мылам Москвасе М. Горький л[е]меш литературный институтышто заочно тунемаш т[е]п[е]ала характеристикым пуыш, да мый «Марий коммун» гыч шке кумылын кайышым; обоно Шеклянур (Медведево район) шымияш школыш марий йылмым туныкташ колтыш [с. 171–172]* (В то время, когда началась такая беда, «помог» мне бог: руководитель союза марийских писателей П. К. Карпов (П[е]нчерский) дал мне характеристику для начала заочного обучения в московском литературном институте им. М. Горького, и я по собственному желанию ушел из «Марий коммуны»; обоно отправило в Шеклянурскую семилетнюю школу (Медведевский район) обучать марийскому языку). В Шеклянуре Йыван Осмин отправился с благословления своего учителя С. Г. Чавайна, с подаренной им книгой дореволюционных стихотворений и рассказов запрещенного в стране русского писателя-эмигранта И. А. Бунина, с установкой на осторожность, внимание к политической ситуации и на важность личностно-мировоззренческой устойчивости.

Итак, Шеклянур представлялся персонажу-повествователю как некая возможность спасения, возможность избежать трагедии, а также как некий «оазис» для его профессионального (работа учителем) и творческого развития (здесь он готовился к поступлению в Литературный институт, имел возможность общения с марийскими писателями), для семейного счастья (был рядом с любимой женой, в Шеклянуре родилась его дочь), как свободное и благоприятное пространство, не лишенное социальных проблем и драматических обстоятельств, но, казалось, далекое от прямых

политических конфликтов.

Завершающим эпизодом в шеклянурской биографии автора, являющимся частью трагического по пафосу кольцевого обрамления «шеклянурского текста», становится присланное Ыывану Осмину в Шеклянур и написанное на русском языке письмо (машинописная копия, датировано 15 июня 1937 года, № 14/110) от Михаила Калашникова, идеологизированного секретаря правления союза марийских писателей, призывающего искоренять врагов народа (*Борьба с врагами народа – гадами-троцкистами, бухаринско-рыковской сволочью должна быть темой художественных произведений наших советских писателей, мы должны громить этих гадов и своими произведениями* [с. 196]) и обращающегося к писателям лично подать свой голос, «высказаться в печати» в пользу «разоблачений буржуазных националистов и их приспешников» [с. 195], «чтобы как можно быстрее покончить со всякого рода нечистью в марийской советской литературе» [с. 196]. Шеклянурская часть романа заканчивается вопросами, которые задает себе всерьез обеспокоенный этим письмом автобиографический персонаж-повествователь в московском поезде (едет в Литературный институт сдавать вступительные экзамены: *«Мыйым арестоватлат але огыт?» (...)* *«Мыйым кучен на□гайышаш улыт гын, молан Калашников гад-влакым й□ршыт пытараш, нунын произведенийыштым осалын лончылаш йодеш?»* *Ала тудо мыйымат тергынеже: калык тушман-гад улам але уке?* [с. 197] («Меня арестуют или нет?» (...)) «Если меня должны арестовать, то зачем Калашников просит меня уничтожить гадов, анализировать со злостью их произведения?» Может, он и меня хочет проверить: я гад-враг народа – или нет?). В этих вопросах – не только страх за свою жизнь, но и глубокое понимание кардинально меняющейся политической ситуации и трагедии времени.

В основной части повествования о шеклянурской части биографии автора тоже есть драматические ситуации и штрихи, но они немногочисленны и даются как «глубокий» фон (как бы «мимоходом»). Предваряя их, Ыыван Осмин запечатлевает сначала свое первое тягостное впечатление от социальной действительности изображаемого пространства (*Мый, Шеклянурешто шужен колаш огыл манын, олаш м□□геш куржаша: шоненам ыле...* [с. 173] – Чтобы в Шеклянуре не умереть с голоду, я даже думал о том, как обратно убежать в город), а затем, в процессе повествования, прямо замечает: *Шеклянур – икмарда ял, но туштат илыш карусель дене модмо гай лийын огыл* [с. 192–193] (Шеклянур – обыкновенная деревня, но и здесь жизнь не была похожей на игры с каруселью). Иронически осмысляя радость бедного крестьянства Шеклянур, освободившегося от «кулаков» (при организации колхозов крестьян побогаче «выдавили» в город или сослали в Сибирь), дружно распевającego весёлую песню (*...илыш сае, весела* [с. 193] – ...жизнь хороша, весела), автор отмечает, что оно оставалось в крайней нищете. Повествователя искренне волнует нищета шеклянурских крестьян, и он не разделяет радость бедных и ленивых крестьян по поводу новой жизни; неслучайно слово «ласкан» (спокойно) из известной советской песни применительно к общей картине шеклянурской полуголодной крестьянской жизни в речи повествователя заключено в кавычки и именно в закавыченном варианте повторяется два раза: *Вара п□тынь Совет эл кече еда радио дене мурен: «Пеш кумдан ш□мбел элем шарлалын, улы□ чодыра, пасу, в□дат! Мый тыгае вес элым ом пале, кушто калык-влак ласкан илат!»*. *Пеш «ласкан» илен улына! □шаныза! Кызытат пеш «ласкан» илена!Пеле шужен!* [с. 193] (Затем вся Советская страна ежедневно пела по радио: «Широка страна моя родная, / Много в ней лесов, полей и рек! / Я другой такой страны не знаю, / Где так вольно дышит человек» Очень «спокойно» мы жили! Верьте! И сегодня живем очень «спокойно»! Полуголодные!).

Трагические штрихи времени, проникающие в «шеклянурский текст», наиболее ощутимыми становятся к концу шеклянурского повествования, например:

– в истории поиска имени для только что рожденной дочери персонажа-повествователя, в первую очередь, в споре по этому вопросу с председателем сельского исполкома, который, чтобы не затрагивать вождя и не злить его местных функционеров, предложил скорректировать вариант желаемого Йываном имени и назвать ребенка не Сталина, а Сталина (с двумя буквами «и» и чтобы ударение поменяло место: ...вара ударенийже «и» букваш логалеш – ...в таком случае ударение попадет на букву «и» [с. 192]);

– в замечаниях-комментариях повествователя по поводу трагических новостей, все больше просачивающихся в деревню и вселявших в него глубокую тревогу: *Тыгак лие шошым, апрель тылзыште. Шеклянурш шем увер тольо: «Марий калыкын йоратыме писательже Шкетан мыр лугыч колен...» Тунамак мыйын шемлан роп чучо, вет мыйын пеш хот йоратыме кугу йолташем, возаш туныктышем уке лийын. «Марий коммун» газетеш С. Г. Чавайнын ойган почеламутшо печатлалте, тудым лудын, шинчавдем йорген лекте [с. 193]* (Так и случилось весной, в апреле месяце. В Шеклянур пришла черная весть: «Скоропостижно скончался любимый писатель народа мари...» Тогда же в душе стало неприятно, ведь не стало моего очень любимого друга, учившего меня писать. В газете «Марий коммуна» напечатали скорбное стихотворение С. Г. Чавайна, после прочтения его у меня потекли слезы); *Я. П. Майоров-Шкетан колымо деч вара мыйын шем ик ганат ласка лийын огыл: ойго почеш ойго пернен. Шеклянурш чыкыдын поче-поче шем увер толеден: «Шабдар Осыпым нагайышт», «Чавайным нагаеныт», «Тыныш Осыпым нагаеныт», «Карпов-Пончерскийым петыреныт», «Голубкинымат руалтеныт...» Тыгеракын, каже йоратым марий калыкын эн ушан дыр-эргыже-влакым шолып машин дене тюрьмаш шупшыктеныт. Кидыштым шегек пидын, орландарымашке, колымашке нагаеныт. Кмыт вара тыге толашеныт? Такшым, нуным шукын паленыт. Марий областьыште ондак партий обкомын секретарьжылан ыштыше Ежовын палачше-шамыч, НКВД-н «комиссарже» Карачаров да молат. (...) Мутат уке, тунам мый чылажым тачысе наре пален омыл, но иктым раш шинченам: Чавайнат, Шабдар Осыпат, артист-влак Василий Якшоват, Анисим Мамуткинат, Александр Ямаеват, Анастасия Филипповат мыйын йолташем, туныктышем лийыныт. Шеклянуршто улмем годым эше Ялкайным, Олык Ипайым, Йыван Кырлям «чекист-влак» манме бандит кашак ткен огыл ыле, но мыйын чонем олмыж гыч садак куснен, шкат лдын иленам, вет мый чыла марий писатель дене кылым кученам, «У тукум» лман книгама лектын, С. Г. Чавайнын творчествыжлан 30 ий темме юбилей пайремым палемдымаште журналист семын полшенам [с. 194]* (После смерти Я. П. Майорова-Шкетана моя душа никогда не было спокойной: беда за бедой. В Шеклянур часто друг за другом шли черные вести: «Шабдара Осыпа увели», «Чавайна увели», «Тыныша Осыпа увели», Карпова-Пончерского арестовали», «И Голубкина схватили...» Таким образом, каждой ночью тайно на машине увозили в тюрьму самых умных дочерей и сыновей народа мари. Повязав руки сзади, уводили на страдание, на смерть. И кто же так старался? Вообще-то, их многие знали. Палачи Ежова, прежние секретари обкома партии в Маробласти, «комиссар» НКВД Карачаров и другие. (...) Безусловно, я всего не знал тогда, как сейчас, но одно знал точно: и Чавайн, и Шабдар Осып, и артисты Василий Якшов, Анисим Мамуткин, Александр Ямаев, Анастасия Филиппова были моими друзьями, учителями. Во время моего пребывания в Шеклянуре так называемые «чекисты», группа бандитов, ещё не трогали Ялкайна, Олыка Ипая, Йывана Кырлю, но моё сердце было не на месте, и сам жил в страхе, ведь я поддерживал связь со всеми марийскими писателями, и книга моя под названием «Новое поколение» опубликована, как журналист помогал в организации юбилейного праздника в честь 30-летия творческой деятельности С. Г. Чавайна);

– в эпизоде вынужденного уничтожения книг на марийском языке по распоряжению роно: *1937 ий май ала июнь тылзыште роно гыч кагаз тольо: чыла марий йылме учебникым, марий литератур хрестоматийым тунемше-влак деч погаш да йолаташ, йолатыме нерген актым возаш да ронош колташ. Ме, Кардаков да Нагорских дене пырля каашен, тунемше-влак деч ик учебникымат ышна йод, мыйын архивем техничке Мария Тарасова ончылно йолаташ да актеш тудымат подписатлыкташ лийна. Тыгак ыштышна. Марпа дене коктын пачерыштына техничке ончылно мыйын кагаз орамым — «У вий» журнал-влакым, писатель-влакын серышыштым, Чавайнын, Шабдар Осыпын, Сави-Мухинын, Кармазинын, Тыныш Осыпын книгаштым тулан когаш кышкен шинчышна, тулвондо дене пудыратылын, шикшыш савырен, шинчавод дене тамыкыш ужатышна* [с. 194] (В мае или июне 1937 года пришла бумага из роно: забрать у учеников все учебники марийского языка, хрестоматии по марийской литературе и сжечь, написать акт о сожжении и отправить в роно. Мы, договорившись с Кардаковым и Нагорских, не попросили у учеников ни одного учебника, решили сжечь мой архив в присутствии технички Марии Тарасовой и попросить её тоже расписаться в акте. Так и сделали. Дома, перед техничкой, мы вдвоем с Марпа сидели и бросали в горящую печь кучу моих бумаг – журналы «Новая сила», письма писателей, книги Чавайна, Шабдара Осыпа, Сави-Мухина, Кармазина, Тыныша Осыпа, переворачивая кочергой, превращая в дым, проводили со слезами в ад).

Административные и топографические реалии. Шеклянур в лицах

Топоним «Шеклянур» используется в «шеклянурской» части романа 26 раз. В первый раз он встречается вместе с указанием на то, что деревня входит в Медведевский район, и на то, что Йывана Осмина направило туда обоно (областной отдел народного образования) учителем марийского языка.

Точными и емкими штрихами рассказано автором про особенности расположения деревни, управления ею, про конкретные места, связанные с профессиональными интересами, бытовой и общественной жизнью Йывана Осмина. Так, сразу становится ясно, что Шеклянур был расположен близко к Йошкар-Оле (сейчас принято считать, что в 20 километрах от центра города); почти все передвижения повествователя между Шеклянуром и Йошкар-Олой осуществлялись пешим ходом: и первое появление молодого учителя в деревне с молодой женой Марпа – студенткой техникума искусств (...*Шеклянуреш йолын пырля кайышна* [с. 172] – ...Вместе пошли в Шеклянур пешком), и субботние его путешествия в город за книгами (*Тыге мый каже шуматкечын Йошкар-Олаш йолын кошташ талаль* [с. 177] – Так каждую субботу я начал ходить пешком в Йошкар-Олу), и встречи с писателями (*Йошкар-Олаш йолын чымалтым. Олык Ипай деке* [с. 176] – Помчался в Йошкар-Олу пешком. К Олыку Ипаю).

Йыван Осмин работал в семилетней (основной) школе; про ее структуру и расположение в деревне автор пишет с предельной документальностью: *Шымияш школ порт ял покшелне ыле, тушто кум класс гына лийын: 5-ше гыч 7-ше йотке. 1–4 класс-влак посна портлаш верланеныт* [с. 193] (Семилетняя школа находилась в середине деревни, там были всего три класса: с 5-го по 7-ой. 1–4 классы располагались в отдельных домах); *Шеклянурешто школ ик пачашан веле, но тудо ял покшелне ныл угылан кугу портым айлен, туш пураш парадный омса деч посна эше кум омса ыле. Школышто кум класс* [с. 173] (Школа в Шеклянуре всего лишь одноэтажная, но она занимала в середине деревни четырехугольный большой дом, для входа в неё, кроме парадной двери, были еще три отдельных двери. В школе три класса).

По инициативе Йывана Осмина при Шеклянурской семилетней школе была открыта

«Вечерняя школа», где, в основном, как отмечает автор, обучались девушки, не имевшие в силу разных причин возможности посещать основную школу, и где Осмин стал работать учителем марийского языка, марийской литературы и пения.

В «шеклянурском тексте» воссозданы достоверные образы работников школы: директор и учитель истории **Александр Иванович Кардаков** (жена его **Клавдия Афанасьевна**) и завуч (также ещё и учитель естествознания, биологии) **Андрей Кириллович Нагорских**, проявившие к Йывану Осмину исключительно доброе, участливое и понимающее отношение; математик **Соколов Александр Васильевич**, подтрунивавший над Йываном Осмином, якобы влюбившимся в первую красавицу деревни; «техничка» **Мария Тарасова**.

В романе показан также целый ряд реальных лиц, находившихся за пределами школы, но полноправно входящих в «шеклянурский текст» по мере представления хронологии событий, которые так или иначе связаны с шеклянурской биографией Йывана Осмина, например:

– председатель сельского исполкома **Волков Иван Андреевич** (поддержал идею открытия вечерней школы, за которую ратовал приезжий учитель, а также убедил его в том, что не нужно называть дочь Сталиной, поразив повествователя своей политической грамотностью и предусмотрительностью);

– председатель колхоза «Чодыра марий» **Геннадий Комаров**, который говорил о необходимости открытия вечерней школы;

– **Кудрявцева Пелагея Фёдоровна** (в реальности – Федотовна, её отец Федот Захарович – дед автора статьи; в момент описанных событий ей было примерно 16 лет), которая пригласила молодого и «самого уважаемого в Шеклянуре» учителя вместе с женой на девичий праздник. Плагий (марийский эквивалент имени «Пелагея») сразу сразила его своей необыкновенной красотой: *Мыйын «оръе□ем» ик кастене тугай мотор □дырым пачерышкем конден пуртыш – ончен, шерет ок тем. □рынам веле – ватем шкеж деч чеверым муын* [с. 181] (Моя «невеста» однажды вечером привела в мой дом такую красавицу – не насмотришься. Я даже удивился – моя жена нашла еще краше, чем сама). Приведем фрагменты имеющегося в романе развернутого динамического портретного описания, насыщенного деталями психологической направленности и также данного сквозь призму восприятия персонажа-повествователя (в данном случае – 21-летнего учителя пения вечерней школы), очарованного девушкой, её манящей красотой и природным женским обаянием: *Кудрявцева Плагий школыш тelyм портышкем дене толеш ыле, а мураш-кушташ т□□алмеке, кудаш кудалта да сумкаж гыч катам луктын чия. Адакшым эн мотор тувыржым чиен толеш (...). Плагий топкатарак капан, тыртыш ш□рган ош □дыр ыле. Кыдалешыже пе□гыде □штым прежаж дене □шталеш, кыдалжы вичкыжемда. Чот овартен к□ктым□ тыртыш сукур гай коеш. Хорым мураш туныктымел годым Плагийын шемалге юзо шинчаже мыйын ужаргырак шинчам деч ойырлен огыл. Тыге качым я ватан п□р□е□ымат юзо шинчаж дене ик гана ш□тен ончалеш гынат, п□р□ локтылалт кертеш* [с. 184–185] (Кудрявцева Плагий зимой приходила в школу в валенках, а перед пением и танцами снимала и надевала туфли, доставая из сумки. Вдобавок надевала самое красивое своё платье (...). Плагий была коренастой девушкой, белой, с круглым лицом. На талии застегивала пряжкой крепкий пояс, талию утончала. Походила на сильно раздутый испеченный каравай. Когда я обучал пению хор, тёмные волшебные глаза Плагий не отрывались от моих зеленоватых глаз. Если даже один раз так пронзит своими волшебными глазами жениха или даже женатого мужчину, мужчина может испортиться). Благодарный поцелуй девушки в щеку за то, что учитель помог

облегчить её зубную боль какой-то странной, ослепившей глаза, микстурой и за то, что проводил по её просьбе домой, надолго запал в его памяти, а сами проводы до ворот, похожие на неожиданное мимолетное романтическое свидание с Плагий, стали поводом для бесконечных деревенских слухов и злобного, со слезами, возмущения беременной жены повествователя и, как юмористически заметил автор, из-за всего этого он чуть не помер (готов был удавиться от стыда, спасла его только поллитровая бутылка водки, припасённая и выданная ему женой); обращаясь к своему читателю, автор призывает избегать подобных «приключений». С фактологической достоверностью автор представляет расположение дома Плагий – на той же улице, что и школа, только в её конце (*Тудо ял мучаште ила* [с. 185] – Она жила в конце деревни);

– акушерка **Галя**, русская девушка, ответственно выполняющая свои обязанности, немного знающая марийский язык и самая уважаемая в деревне;

– **Крик кува**, в доме которой проходил девичий праздник. Этот дом, наряду со школьными зданиями, домами, в которых проживал Йыван Осмин, также становится топографическим элементом «шеклянурского текста: 1936 ийыште мыланем Шеклянурешто тыгай «□дырй□кш» пайремыште лияш логалын. Пайремже ял покшелныра, кок окнан тошто п□ртышт□ эртыш. Тушто шо□гырак □дырамаш шкет илен. Тудым «Кр кува» манит ыле, марийже **Кырля** улмаш. (...) Тунам ялыште клуб лийын огыл. Ялсовет исполком пелен лудмо п□рт гына улмаш, сандене □дыр-каче-влаклан ваш-ваш палым лияш могай-гынат й□н к□лыш. 180] (В 1936 году мне удалось побывать в Шеклянуре на таком «девичьем празднике». Праздник-то прошёл примерно в середине деревни, в старом доме из двух окон. Там жила в одиночестве пожилая женщина. Её называли «Крик кува», ее мужем был Кырля. (...) Тогда в деревне клуба не было. Была только изба-читальня при исполкоме сельсовета, поэтому девушкам и парням, чтобы знакомиться друг с другом, нужен был какой-нибудь способ);

– **Иван Бакланов**, талантливый художник, в изображаемое автором время ученик Йыван Осмина (*Визымше классыште тунемше ик тале йочам* [с. 188] – Один мой сильный ученик), очарованный первой своей встречей с Олыком Ипаем и назвавший организованное учителем мероприятие праздником; пытавшийся спрятать (не отдавать студентке-практикантке – на литфак пединститута) понравившийся ему сделанный учителем портрет Пушкина; выполняя задание учителя, нарисовавший на уроке пришкольную берёзу, которая на его картине оказалась красивее, чем в реальности (*Иван Бакланов школ ончыл куэм с□ретлен, лум й□ршан укшер коклашкыже ужар о□а киса ден йошкар о□ан □рш-влакым шындылын. С□рет моткочак сылне лийын! Чын ку дечат мотор!* [с. 193] – Иван Бакланов нарисовал пришкольную берёзу, на её снежные ветки поставил зеленогрудых синиц и красногрудых снегирей. Рисунок получился очень красивым! Краше реальной берёзы), что побудило учителя показать картину классу как проявление подлинного искусства. Позднее, читаем в коротком комментарии Йывана Осмина, Иван Васильевич Бакланов окончит Поволжский лесотехнический институт, получив профессию инженера, известен народу будет как очень талантливый художник-карикатурист.

С документальной точностью воссозданы места проживания автора-повествователя в Шеклянуре и хозяева съемного жилья. Вот как, например, описано в романе первое место его проживания: *Мыят школ директор Иван Александрович Кардаковын полшымыш почеш пеш сай пачерым муым: шо□го кресаньык Василий Маркович Краснов дене илаш тўналым* [с. 172] (И я с помощью директора школы Ивана Александровича Кардакова нашёл очень хорошую квартиру: начал жить у старого крестьянина Василия Марковича Краснова); *Тудын ик кугу пёлеман пёртыштыжō омсадўреш она дене ыштыме изи пёлемже*

ыле [с. 173] (В однокомнатном большом его доме, около двери, была сооружена из досок маленькая комната); *Ынде мыланна когаше гел гай тыгай изи племыште илыма огыл* [с. 183] (Теперь нам нельзя было жить в такой маленькой комнате, как запечное пространство). Иногда называет автор это место своего обитания чуланом, где в одиночестве он предавался самым разным размышлениям. Про хозяина дома **Василия Марковича Краснова** он пишет, что это был мари высокого роста, незлобивый (кроткий), передвигался всегда исключительно пешком. В тексте романа упоминается и его дочь **Анук** (в эпизоде обработки настрелянных Олыком Ипаем дроздов). Василий Маркович искренне уважал и его, и всех его гостей. Угощал их сельповским пивом, например, в ситуации приезда в Шеклянур Олыка Ипая: *Пачер оза, мемнам пагален, ик ведра пурам (кавак сырам) нумал тольо* [с. 178] (Хозяин дома, уважая нас, притащил одно ведро пива).

Про второе свое съемное жилище, куда автор-повествователь перешел со своей беременной женой, он замечает так: *Тудо пешак умдылан* [с. 183] – Он (пустой дом. – Р. А.) с множеством клопов. Хозяйка дома – школьная «техничка» Мария Тарасова, не справившись с надоевшими паразитами, смирившись с ними, ушла из дома, жила прямо в школе, в одном из её помещений.

В качестве топографического контекста «шеклянурского текста» предстают упоминаемые в повествовании окрестности Шеклянура:

– *Мый южгунам Кучки чодыра гыч мерам лым толам ылфс.* 183] (Я иногда приносил зайца, пристреленного в кучкинском лесу). Кучки – деревня вблизи леса и автомобильного тракта Йошкар-Ола – Козьмодемьянск, примерно в 6 километрах по прямой линии от Шеклянура; в период пребывания Йывана Осмина в Шеклянуре в ней располагались Кучкинская школа, основанная в 1917 году в статусе земского начального училища, лесозавод, отправлявший пиломатериал на железнодорожную станцию Йошкар-Олы и колхоз «Кучкинский» ^[8] (сейчас ничего этого нет, как нет и Шеклянурской школы, в которой работал Йиван Осмин, и всех сельхозпредприятий, в которое когда-либо входило шеклянурское население).

– *Марпа, Митькиныш каен, нумал кертмыж наре шинчалым кондыш. Мария Тарасован порткргыжым шинчалан шокшо в д дене когарташ тал[е..* 183] (Марпа, сходя в Митькино, принесла соли, сколько смогла. Начала ошпаривать солёной горячей водой внутреннее помещение дома Марии Тарасовой). В данном случае упоминается населенный пункт Митькин. Митькин – это марийское название поселка Краснооктябрьский (в трёх километрах от Шеклянура, через лесной массив), сохранившееся в бытовой речи до настоящего времени и перекликающееся с русским обозначением этого населённого пункта при его образовании – Митькинский прорабский пункт (относился к объединению «Марилес»), который начинался «с бараксов лесорубов и небольшой конторы и упоминавшийся «в списках населенных пунктов исполкома Совета депутатов трудящихся Марийской АССР от 1 февраля 1932 г. и 26 апреля 1939 г., причем, в последнем указано на официальный статус данного наименования» ^[12].

Проблематика и тональность собственно «шеклянурского текста»

Драматический и трагический пафос, мощно заявленный, как было отмечено нами выше, в кольцевой композиции, присутствует отдельными штрихами и в основной части повествования, то есть в собственно «шеклянурском тексте». Однако, основу собственно «шеклянурского текста» составляют не трагические сцены и факты, а повествовательные эпизоды и размышления повествователя, окрашенные романтикой и возвышенно-

лирической тональностью. С таким художественным миром романа связан целый ряд проблем, поднимаемых автором.

Одна из таких проблем – это проблема высокого содержания и специфики труда учителя, а также связанные с ней проблемы профессионального роста и профессиональной радости, счастья. В «шеклянурском тексте» романа мы находим размышления персонажа-повествователя об учителе, о том, что он должен быть примером для учащихся и населения деревни, о высоком профессиональном реноме учителя, для поддержания которого важно всё – и его внешний вид, и поступки, и его взаимоотношения с детьми, со всеми субъектами социума, и педагогические «трюки», и методическое мастерство: *...Уремыште моторын ошкылам, шо-го-влак дене первыяк саламлалтам, школыш йолым сайын штын пурем, йоча-влакым веселан вашлиям, классыш пым сайын шерын пурем. Урокым вигак ом т-ал, мом-гынат о-айым каласе тидлан кок-кум минутым ом чамане. Урокшат сайын эртыже, шонем, каласкалыме годым икшывын омыжо ынже шу, колыштымо йочам иканаште торжан ом вурсо... Икманаш, чыла тиде педагогын творческий й-нж, тудым к-лынак эскерыман. (...) йоча тыйы й-ратыже манын, ача-ава дечат мастар лийман* [с. 174] (Шагаю красиво по улице, со стариками здороваюсь первым, в школу захожу, хорошо вытирая ноги, весело встречаю детей, в класс захожу хорошо причесанным. Урок сразу не начинаю, рассказываю что-нибудь интересное, для этого не жалею две-три минуты. Думаю о том, чтоб урок прошёл хорошо; чтобы во время моего рассказа ребёнка не клонило ко сну, не ругаю сразу грубо не слушающего меня ребёнка... Одним словом, это всё творческий метод педагога, его нужно отслеживать. (...) чтобы ребёнок тебя любил, нужно быть мастером даже больше, чем родители).

Йыван Осмин, работая учителем, испытал все радости педагогического труда: *Пашам мыйым куандарыш. Тиде куанымашем мый пиаллан шотленам* [с. 174] (Моя работа меня порадовала. Эту радость я считал счастьем). Работа в школе помогла реализовать его природные организаторские способности, которые особенно успешными оказались в направлении творческого развития детей, их физического и интеллектуального роста. Ученикам вечерней школы очень нравились его уроки пения. Йыван Осмин создал вокальный ансамбль и очень переживал, что он «развалился» во время его болезни. Но он не унывает и моментально придумает новое увлечение для детей (обустроить стадион для катания на коньках), а когда дети подустанут от уборки снега на стадионе, найдёт для них еще более интересное занятие: *Мый адакат нуным вес й-н дене куандараш шонен пыштышым: леваш йымалне кийыше иктаж-могай кугу оравам (тыртышым) муаш. Муын кондышт. Ме тудым стадион покшелан кылмыктен шогалтыме к-чык ме-гыш керышындышна, орава -мбак кужу ломашым пе-гыдын кылден пыштышна. Мемнан пеш чаплэ «карусель» лие: ломаш мучашешыже кок издерым пижыктена да ломашетым ш-кен куржына. Орава п-рдеш, кок йоча кок издериште шинча. Тыге йоча-влак черет дене мунчалтат ыле. Ынде лумым куаш ок к-л, кеч-могай поран лийже – модыш корно т-рлан: веле. Тидын дене мыят самырык чонемым куандаренам* [с. 187] (Я решил снова порадовать их новым приёмом: найти какое-нибудь большое колесо (круг), лежащее в сарае. Нашли и принесли. Мы его воткнули в центре стадиона на замороженную короткую палку, на колесо крепко привязали длинную жердь. У нас получилась прекрасная «карусель»: на конце жерди прицепили двое санок и бежали, толкая эту жердь. Колесо крутится, двое детей сидят на двух санках. Так дети катались по очереди. Теперь не надо было чистить снег, в любую метель игровая дорожка всё равно придет в норму. Этим я радовал и свою молодую душу). Йыван Осмин предстает как талантливый и заинтересованный педагог-организатор, умеющий устраивать для своих учеников праздник. Одним из таких праздников станет их встреча с поэтом Олыком Ипаем.

Результатом высокопрофессиональной работы учителя становится признание учеников и местных жителей, которые на главном празднике деревни приготовят ему самое почетное место: – «*□дырь□ыш*» пайремым почмаште эн пагалыме кугые□ лийман. Ты Шеклянурышто эн пагалыме учитель улат. Тидым чыла йоча ойла [с. 181] (– На открытии «Девичьего праздника» должен быть самый уважаемый взрослый человек. Ты в Шеклянуре самый уважаемый учитель. Об этом говорит каждый ребёнок).

Важнейшей частью проблематики «шеклянурского текста» становится проблема человеческих отношений (внимания, добра, сострадания, помощи и т. п.). В Шеклянуре молодой учитель испытал истинную радость от доброго и участливого к нему отношения огромного количества людей. Так, например, Йыван Осмин описывает понимание и помощь со стороны руководства школы. Молодому учителю марийского языка и литературы (всего 12 часов), чтобы можно было сносно жить, добавили до полной нагрузки часы по рисованию, черчению, физкультуре и пению, а также поручили дополнительную работу счетовода, благодаря чему он мог ежемесячно по дороге в банк на лошади заезжать к жене-студентке.

Неоднократно Йыван Осмин отмечает мудрые советы и по-отцовски заботливое отношение к нему со стороны хозяина дома, в котором он жил в первое время. Василий Маркович и его жена варили ему заячье мясо и ели его все вместе, как в семейном кругу; Василий Маркович был глубоко опечален, когда провожал своего квартиранта в другой дом, и по-хозяйски продолжал его опекать и помогать ему в обустройстве нового жилья; для новорожденной дочери учителя он почти сразу же «приволок» к нему сделанную из коры колыбельку, с кольцом и пружиной, чтобы прикрепить ее к матице.

Молодому учителю-отцу и его жене помогали всей деревней: *Шеклянурышто «Маруся» л□ман «летчикын» азам ыштымышым колмекышт, вате-влак школысо техникке Мария Тарасован п□ртышкыж□ иктын-коктын толедаш т□□алыч, кажныже то ш□рым, то □йым иктаж-могай эмым конда. Марусян казаже ыле, казам пукшымылан-й□ктымылан Марпалан кажне л□штыш гыч ик стакан ш□рым виешак й□кта ыле, а ынде первыак тудо мелна к□эшташ т□□але, кешыр когылым да монь чумыртылеш* [с. 190] (Когда в Шеклянуре узнали о том, что «лётчик» по имени «Маруся» родила ребёнка, женщины поодиночке, по двое стали приходить в дом школьной технички Марии Тарасовой, каждый приносил кто молоко, кто масло, кто какое-нибудь лекарство. У Маруси была коза, за содержание козы с каждой дойки она насильно поила Марпа стаканом молока, а сейчас первым делом она начала печь блины, стряпала морковные пирожки и тому подобное). Так же дружно и с намерением оказать помощь выбирали в деревне имя для его дочери. *Теве «ия рожет» могай поро улмаш!* [с. 190] (Вот какая добрая оказалась «Чёртова дыра-то»!) – восхищенно и благодарно заявляет персонаж-повествователь, словно отвечая своей жене, которая, однажды обозлившись на мужа, назвала Шеклянур «чертовой дырой».

В «шеклянурском тексте» звучит проблема марийской национальной творческой интеллигенции и реализации творческих интересов человека. Отсюда немалое место занимают в нем восторженно описанные сцены встреч и творческого общения Йывана Кырли с его современниками-литераторами (Олыком Ипаем, к которому он каждую субботу ходил в город за книгами для подготовки к поступлению в Литературный институт; с писателем Григорием Ефрушем, который в описываемый период работал учителем Цибикурской школы) или уважительное упоминание их имен (например, М. Шкетана, с которого началась в Шеклянуре череда «черных новостей»). В нем много поистине занимательных и познавательных историй о жизни известных писателей: о настоящем авторе знаменитой марийской песни «Ой, луй модеш...» (Ой, куница играет), о происхождении псевдонима «Олык» у И. С. Степанова, о споре Олыка Ипая и критика

Пончерского об имени «Николай»). Упоминаются имена редактора Маркнигоиздата Кузьмы Флегонтовича Смирнова и музыканта Никиты (в реальности, видимо, Кузьмы, так как в этом месте повествования издателями в книге размещена фотография композитора К.А. Смирнова [с. 177]) Алексеевича Смирнова, с которыми Ыйван Осмин «обмывал» свою новую двухрядную гармонь («кок радаман хромкым»). С этой гармонью связаны неимоверная радость и творческий подъем Ыйвана Осмина, что подчеркнуто в эпизодах возвращения в Шеклянур, данных в романтически-возвышенных тонах. Первый эпизод (ехал после банка на лошади с женой): *Ме коктын, орваш шинчын, Шеклянурыш кудална. Марфушем, сапым кучен, имным виктара, а мый гармоньым шоктем* [с. 176] (Мы вдвоём, усевшись в телегу, поехали в деревню. Моя Марфуша, держа вожжи, направляет лошадь, а я играю на гармонии). Второй эпизод: *Икана Ипай мый денем пырля, гармоньым шоктен-шоктен, Шеклянурыш йолын каяш келшыш. Корно мучко эркын ошкылына. Ипай эре «Ой, луй модеш...» муро семым шокта, нойимекше, гармоньым мылам шуялта* [с. 178] (Однажды Ипай согласился вместе со мной пойти пешком в Шеклянур. Всю дорогу шли медленно. Ипай всё время наигрывал мелодию песни «Ой, куница играет...», устав, гармонь протягивает мне).

Проблемы любви, семьи, семейных отношений и семейного счастья раскрываются в целом ряде эпизодов, относящихся к «шеклянурскому тексту». Любовь, уважение и забота о жене проявляются и в эпизоде с оставленной отцом хромовой кожей, из которой Ыйван решил сшить не себе одежду, а тужурку жене (*Ужат вет, Марфушан Пмбалныже пальто мо? Шовыр кжгыт веле. Марпалан тужуркым ургыкте* [с. 176] – Видишь ведь, на Марфуше пальто ли это? Толщина только, как у поддёвки из холста. Сошью для Марпа тужурку); и в ситуации девичьего праздника, когда Ыйван любит свою жену-«артисткой», которая и танцует, и поёт, никому не уступая; и в эпизоде ревности (клянётся в любви, проявляет искреннее желание сохранить семью); и в психологическом эпизоде родов жены (волнуется за ее здоровье и жизнь, глубоко сострадает ей). Правильная рефлексия Ыйвана на свой внезапно возникший интерес к первой красавице деревни Плагий и на «целомудренное» свидание с ней, ставшее поводом для ссоры с женой, лишь укрепила повествователя в его большой любви и преданности жене.

Созданию возвышенно-романтической стилистики повествования в «шеклянурском тексте» максимально способствует используемый автором юмор, в большей степени он пронизывает сферу личных, семейных отношений, а также отношений с наиболее близкими к нему писателями. *Урок пытымек, мый пачерышкем толын пурышым гын, ваштарешем ватем огыл, ала-могай летчик шога. Вуйыштыжо – хром упш, Пмбалныже – хром пальто-тужурко, Пштыж – прежа йылгыжеш, йолыштыжат – хром кем..* [с. 179] (После окончания урока пришел домой, передо мной стояла не жена, какой-то лётчик. На голове – хромовая шапка, на ней – хромовое пальто-тужурка, пояс – блестит пряжка, и на ногах – хромовые сапоги...), – так пишет Ыйван Осмин о своей жене. Средствами создания юмора становятся в данной портретной характеристике сравнение жены с лётчиком и многократный повтор необычного для марийского слуха слова «хром». Саморефлексия персонажа-повествователя по отношению к жене также часто выдержана в юмористическом стиле: *Мыйым, самырык мотор рвезым, эн самырык туныктышым, Шеклянурышто ватемлан верчынат эше чот пагалаш тПалыч: «О-о Осминын ватыже – летчик!» (...). «Кузе тудым куандараш?» – вуйыштем шоныш Прдеш. Ватем ынже йокроклане манын, мом-гынат шонен лукташ клеш* [с. 179] (Меня, молодого красивого парня, самого молодого учителя, в Шеклянуре еще сильнее стали уважать из-за жены тоже: О-о, жена Осмина – лётчик! (...)) «Как её порадовать?» – в голове крутится мысль. Чтобы жена не скучала, надо что-то придумать). Юмористические краски

ощущаются также в истории покупки гармони и в описании пребывания в Шеклянуре Олыка Ипая.

Этнографическая и фольклорная составляющие «шеклянурского текста»

«Шеклянурский текст» содержит описание одной из важнейших традиций, веками чтимых в деревне Шеклянур, – праздника «□дыр□кш□» или «□дыр□кш» (в романе использованы оба этих варианта написания, а в речи Плагий встречается еще и третий вариант «□дыр□ыш»). Это девичий праздник (вариант общемарийского праздника «Девичий пир»), который отмечался (сейчас не отмечается в Шеклянуре) поздней осенью, после Покрова, до праздника Октября (*Октябрь пайрем м□ндырн□. Покро эрте*[с. 180] – Октябрьский праздник далеко. Покров прошел); типологически он схож, как размышляет повествователь, с моркинским «□дыр пура», ушедшим в прошлое, с сернурским «□дыр□ш». Осмин Йыван так представляет содержательно-ритуальную основу этого общенародного праздника и его трансформацию во времени: *...марий-влак шке тукумышт дене торан-торан шинчылтше илемлаште илымышт годым шем шыжым т□тыретпучым пуалтеныт. □дыр, капеш шумекше, илем гыч лектын, т□тыретпучым пуалтен: ту-ту-ту-у!.. Тыгай кужу й□кым пуымекше, изиш вучалта. Вес илем гычат тыгай й□к шокта. Тунаи □дыр-рвезе-шамыч ваш-ваш пуч й□к дене паленыт: □дыр але каче пуалта. □дыр к□чыкынрак ик гана йо□галтара да вара ваштареш й□кым вучен шога. Ваштарешыже пу й□к кум гана поче-поче шокта гын – тиде каче пуалта. Вара иже ваш-ваш «кутыраш» т□□алыт: □дыр качым □жеш, каче – □дырым. (...) Вара семын марий калык тукум, тукум, иктыш ушнен, ял, агун, села-влакым чо□ен, ваш-ваш пошкудо лийын илаш т□□алыныт. Тунамже т□тыретпучым шем шыжым так гына пуалтеныт. Теве тыгай мари й□ла варажым Чарла воктене, Шернур кундемыште илыше марий-влак коклаште «□дыр□шыш» савырнен. «Й□ыш» – тиде «й□, й□аш» глагол гыч причастийыш савырыжо вереже «й□ыш» олмеш «й□кш» мань*[с. 180] (...мари, когда жили вдали от своих родственников в далеко-далеко расположенных местах, хмурой осенью дули в дуду. Вошедшая в возраст девушка, выйдя из жилища, дует в дуду: ту-ту-ту-у!.. Подав такой длинный звук, немного ждёт. Такой звук слышится и из другого жилища. Тогда девушки и парни узнавали друг друга по звуку дуды, кто играет – девушка или парень. Девушка издавала один раз недлительный звук, потом стояла и ждала встречный звук. Если навстречу три раза один за другим раздавался звук дуды, то это дует парень. Только потом начнут «разговаривать» друг с другом: девушка зовёт парня, парень – девушку. (...) Затем поколения мари стали жить, объединившись, организуя деревни, овины, сёла, став соседями. И тогда уже дули в дуду чёрной осенью только для формы. Позднее такая марийская традиция среди мари, живших близ Чарла, на сернурской стороне, превратилась в «□дыр□шыш». «Й□ыш» – это глагол «пей, пить» превратился в причастие, в некоторых местах вместо «й□ыш» говорят «й□кш»).

Как один из вариантов такой трансформации осмыслен в романе шеклянурский праздник «□дыр□кш», участником которого стал Йыван Осмин и испытал на себе все важнейшие в том числе неожиданные для себя, элементы ритуала (в «шеклянурском тексте» представлен упрощенный вариант традиционного праздника девушек мари): *Ме кумытын Крик куван п□ртышкыж□ ошкылна. Тушто уже рвезе калык шы□-шы□ погынен; мари гармонь пеш сылнын йо□га. Мыйын миен пурымекем шыпланышт. Ватем дене когыньнам сиян □стелт□рыш пуртен шындышт, поро мутым ойлаш йодыч. Мый кынен шогальымат каласышым:*

– Тыгай □дыр пайремым первый гана Шеклянурышто ужам. Пайремда пиалан лийже! – маньым да ик кружка пурам й□ын колтышым.

Пура шонет? П□р□ улмаш! Вара мом ойлымемжым ом шарне. (...) □дыр-каче-влак де пырля кушташ лекна, мыйын артисткемат пеш кертеш. (...) Тыге т□шкан куштен мурымек, каче ден □дыр, ваш шогалын, □чашен мурат да тавалтен колта[с. 181–182] (Мы втроём шагали к дому Крик кува. Там уже собралось много народу; очень красиво звучала марийская гармонь. Когда я зашел, все притихли. Меня с женой усадили за стол, богатый угощениями, попросили сказать добрые слова. Я встал и сказал:

– Такой праздник девушек я впервые вижу в Шеклянуре. Пусть ваш праздник будет счастливым! – сказал и выпил одну кружку пива.

Думаешь, пиво? Оказалось, брага! Не помню, что говорил дальше. (...) вышли плясать вместе с девушками и парнями, и моя артистка тоже была сильна. (...) После такого общего пения и танца парни и девушки, расположившись друг против друга, соревнуются в пении, притопывают).

Автор воспроизводит народные песни, сопровождавшие праздник и отражающие его исконную, глубинную «идеологию» – демонстрация готовности девушек-невест к замужеству. Выражается она по принципу психологического параллелизма:

Вўд воктене ужар шудым

Могай сае солалташ.

Чевер шинчан сай моторым

Могай сае йўраташ [с. 181]

(Зелёную траву возле воды

Как хорошо косить.

Хорошую красу с красивыми глазами

Как хорошо любить).

Певческое соревнование женихов и невест демонстрирует желание любви и счастья, что гармонирует с глубинной идеей праздника:

Ўпет кудыр, могай чечен, –

Ниялталмем вел шуэш.

Тўрвет вичкыж, могай чевер, –

Шупшалалмем вел шуэш [с. 182] (песня жениха)

(Волосы твои кудрявые, какие красивые, –

Хочется их погладить.

Губы твои тонкие, какие красивые, –

Хочется мне их поцеловать).

Ош шовычем, ош шовычем

Чуриемлан келшалеш.

Ой, йолташем, моторлыкет

Мыланем пешак келшалеш [с. 182] (песня невесты)

(Белый мой платок, белый мой платок

Подходит к моему лицу.

Ой, друг мой, твоя красота

Мне очень нравится).

В одну из таких песен включен топоним «Шеклянур»:

Ший вуян ший шергашем –

Парня йыжын коклаште.

Шеклянурын ик моторжо —

Шўем-кылем коклаште [с. 182]

(Серебряное мое кольцо с серебряной головкой –

Между суставами.

Одна шеклянурская красавица –

В моём сердце).

В «шеклянурском тексте» воссозданы особенности национальной одежды мари изображаемой местности. Так, элементы марийского национального костюма (женского платья) представлены в портрете Плагий: *Адакшым эн мотор тувыржым чиен толеш, урвалтыштыже кум пачаш порсын тасма – шонанпыл дечат моторын коеш; коклаштыже т□рл□ т□сан чинче-влак* йылт-йолт койыт [с. 184] (Вдобавок надевала самое красивое своё платье, на подоле три ряда шёлковых ленточек – выглядят краше, чем радуга; между ними сверкают разноцветные блёстки).

Автор обращает внимание на традиционную кухню шеклянурских мари, которую он вкусил, живя с ними: блюда из зайца, которого он ловил в кучкинском лесу, суп из дроздов, пура. В доме Василия Марковича Краснова гостил марийский поэт Олык Ипай, по поручению Йывана Осмина охотился из бердянки на жирных дроздов, которые собирались в стаю в огороде хозяина: *Пакчаште кукшо вуян кугу шоло шога. Шоло вуеш лого т□шка, пызлыгичкым кочкин теммекышт, шемын койын шинчын чогыматат. Тый иктаж вич коя логым волтен шу, вара лого ш□рым кочкина* [с. 178] (В огороде стоит высокий вяз с высохшей верхушкой. На верхушке вяза, наевшись рябиновых ягод, уселась черным-черно и чирикала стая дроздов). Олык Ипай играл марийским словом «лого» и даже самого Осмина иногда называл «Лого»; именно дрозда (специфического элемента шеклянурской фауны) Йыван Осмин отправляет жене своего дорогого гостя – Зине – в качестве гостинца.

Йыван Осмин подробно воссоздает в романе народно-бытовую традицию по выведению клопов из деревенского дома с помощью соли, её хорошо помнит и предлагает реализовать Василий Маркович Краснов для очищения нового съемного жилья учителя: – *Чот шинчалан шокшо в□дым п□ртк□ргышт□ чыла вере шыжыктылаш к□леш. Шпалержым чыла кушкедын, т□ргалтарен, ко□гаш й□латыза. Вара чыла пырдыжы*

кварым шокшо шинчалан в□д дене мушса. Шинчалым ида чамане. Тыге п□ртк□рг. мушмек, в□д кошкымо сеамын пырдыжыште кошкышо шинчал лумла коеш. Тунам иже умдыла пыта [с. 183] (– Надо везде набрызгать в доме сильносолёную горячую воду. (...)) Ободрав везде обои, отклеив, сожгите в печи. Затем помойте горячей солевой водой все стены, пол. Соль не жалейте. После такого мытья помещения по мере высыхания соль на стене будет похожа на снег. Только тогда исчезнут клопы). В результате дом был так вычищен и обустроен, что стал похожим на барский (автор сохраняет распространенное в речи шеклянурцев диалектное слово «паяр», что означает «барин, богач»): *Пел тылзе гыч п□ртк□рг□ паярын гай ли* [с. 183] (Через полмесяца внутреннее помещение дома стало, как у барина).

Шеклянурцы варили пиво (квас), оно было обязательным ритуальным элементом запечатленного в романе девичьего праздника, такое пиво в реальности было брагой (крепким напитком). «*Пура шонет? П□р□ улмаш*» [с. 181] (Думаешь, пиво? Оказалось, брага), – замечает Ёйван Осмин, побывавший на этом празднике, испробовавший это пиво, следуя его гостевым традициям, и заметно от него опьяневший. Заметим: Ёйван Осмин в своем повествовании запечатлевает устоявшееся название этого напитка «пура», используемое в Шеклянуре (*Тыште сырам пура маныт* [с. 180]). Между тем в языковом сознании Ёйвана Осмина, приверженного к литературной стихии, это слово обозначало совсем другое: *Пура – тиде пырня дене чонымо окнадыме пёрт, клат, монча, вўта*... [с. 179] (Пура – это построенный из брёвен дом без окон, клеть, баня, хлев...).

Кроме указанных нами выше слов шеклянурского ареала распространения (*пура, □дырй□кш, паяр*) в «шеклянурском тексте» присутствуют также диалектизмы *йомбал* (автор разъясняет читателю, что это *пўрдыш*, то есть пеленка для младенца) и *караш* (в значении кричать).

Подводя итоги исследования, заметим, что «шеклянурский текст» наполнен запоминающими бытовыми сценами личного и общественного характера, связанными с шеклянурской страницей биографии автора и окрашенными лиризмом («свидание» с первой красавицей деревни Плагий, девичий праздник), романтикой (урок рисования, размышления о школе и детях и др.), юмором (жена в наряде «летчика», эпизод с дроздами), драматизмом (согласование имени дочери в сельском исполкоме) или психологизмом (роды жены). Бытовые сцены, вкупе с открытыми этнографическими элементами, воссоздают картины марийского мира и некоторые особенности его проявления в отдельно взятом конкретном месте проживания мари.

Исключительными знаками «шеклянурского текста» стали достоверные имена реальных персонажей, их судьбы, природно-географические и административно-хозяйственные реалии, лексические особенности речи, как бы само собой «вклинившиеся» в речь повествователя.

За счет ярких литературных «кусков» (сведения и случаи из жизни писателей, подробный рассказ или упоминание о встречах автора с ними) «шеклянурский текст» оказался уникальным материалом, одновременно вписанным в литературную жизнь края, за счет этнографических эпизодов и деталей, фольклорно-песенного материала – в общекультурную традицию региона, за счет введения трагического фона для шеклянурских событийных пластов (авторских комментариев, размышлений, фактов, письма и т. д.) – в общий историко-политический контекст 1936–1937 годов.

Библиография

1. Алтайский текст в русской культуре. Вып. 1. Барнаул, 2002. 131 с.

2. Алтайский текст в русской культуре. Вып. 2. Барнаул, 2004. 214 с.
3. Алтайский текст в русской культуре. Вып. 3. Барнаул, 2006. 236 с.
4. Галимова Е.Ш. Северный текст в системе локальных (городских и региональных) свертхтекстов русской литературы // URL: https://narfu.ru/ifmk/cen_lab/ntext/files/galimova.pdf (дата обращения: 20.10.2023).
5. Кошелев В.А. «Северный текст» в русской словесности // Северный текст в русской культуре: материалы межд. конф. (Северодвинск, 25–27 июня 2003 г.) / Поморский ун-т. Архангельск, 2003. С. 5–12.
6. Кузьмин Г.В. «Моркинский текст» в марийской прозе (к постановке проблемы) // Litera. 2018. № 3. С. 22–27.
7. Кузьмин Г.В. В. Осипов-Ярчан сылнымутышто «морко текст» (проблематике йодыш) // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2017. С. 150–152.
8. Кучки (Кучкасола), деревня // URL: http://aboutmari.com/wiki/Кучки_%28Кучкасола%29%2C_деревня (дата обращения: 30.10.2023).
9. Люсий А.П. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста: дис. ... канд. культурологии. М., 2003. 188 с.
10. Минц З.Г. «Петербургский текст» и русский символизм // URL: <http://www.ruthenia.ru/mints/papers/pbtekst.html> (дата обращения: 13.10.2023).
11. Осмин Йыван. Кава ден мланде коклаште: роман. 1-ше ден 2-шо книга-влак. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1996. 264 с.
12. Поселок Краснооктябрьский // Марий Эл. Вся республика на одном сайте. URL: <http://www.12rus.ru/List/27/1428> (дата обращения: 10.10.2023).
13. Прохорова Л.С. Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 194 с.
14. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллект. монография. Красноярск, 2010. 237 с.
15. Сибирский текст в русской культуре: сб. ст. Томск, 2002. 270 с.
16. Сибирский текст в русской культуре: сб. ст. Вып. 2. Томск, 2007. 237 с.
17. Старыгина Н.Н., Кудрявцева Р.А. Марийский национальный текст в русских переводах (на материале стихотворений Геннадия Ояра) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 283–297.
18. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст является самостоятельным исследованием романа «Кава ден мланде коклаште» («Между небом и землёй») написанным Йываном Осмином в 1992–1993 годах. Автор отмечает, что «роман Йывана Осмина документальный по стилевой доминанте, хроникальный по композиции, автобиографический по характеру и степени представленности авторской биографии (внешней и внутренней), мемуарный по художественной проекции изображаемого времени. В основной своей части

Шеклянурмыш йолын пырля кайышна [с. 172] – ...Вместе пошли в Шеклянур пешком), и субботние его путешествия в город за книгами (Тыге мый кажне шуматкечын Йошкар-Олаш йолын кошташ т□□альым [с. 177] – Так каждую субботу я начал ходить пешком к Йошкар-Олу), и встречи с писателями (Йошкар-Олаш йолын чымалтым. Олык Ипай деке [с. 176] – Помчался в Йошкар-Олу пешком. К Олыку Ипаю)» и т.д. Считаю, что методология исследования не противоречит актуальным современным изысканиям, фактических нарушений принципиально не выявлено. Статья дробится на смысловые фрагменты, это позволяет потенциально заинтересованному читателю двигаться вслед за автором. Стиль исследования соотносится с собственно научным типом: «созданию возвышенно-романтической стилистики повествования в «шеклянурском тексте» максимально способствует используемый автором юмор, в большей степени он пронизывает сферу личных, семейных отношений, а также отношений с наиболее близкими к нему писателями. Урок пытышек, мый пачерышкеш толын пурмышым гын, ваштарешем ватем огыл, ала-могай летчик шога. Вуйыштыжо – хром упш, □мбалныже – хром пальто-тужурко, □штыж□ – прежа йылгыжеш, йолыштыжат – хром кем... [с. 179] (После окончания урока пришел домой, передо мной стояла не жена, какой-то лётчик. На голове – хромовая шапка, на ней – хромовое пальто-тужурка, пояс – блестит пряжка, и на ногах – хромовые сапоги...), – так пишет Йыван Осмин о своей жене. Средствами создания юмора становятся в данной портретной характеристике сравнение жены с лётчиком и многократный повтор необычного для марийского слуха слова «хром». Подводимый итог соотносится с основным блоком: «подводя итоги исследования, заметим, что «шеклянурский текст» наполнен запоминающими бытовыми сценами личного и общественного характера, связанными с шеклянурской страницей биографии автора и окрашенными лиризмом («свидание» с первой красавицей деревни Плагий, девичий праздник), романтикой (урок рисования, размышления о школе и детях и др.), юмором (жена в наряде «летчика», эпизод с дроздами), драматизмом (согласование имени дочери в сельском исполкоме) или психологизмом (роды жены). Бытовые сцены, вкупе с открытыми этнографическими элементами, воссоздают картины марийского мира и некоторые особенности его проявления в отдельно взятом конкретном месте проживания мари». Тематика работы соотносится с одним из рубрикаторов журнала, основные требования издания учтены. Работа имеет завершённый вид, ее основная цель достигнута, наличный объем дает возможность раскрыть проблематику повествования и целостно. Считаю, что статья ««Шеклянурский текст» в романе Йывана Осмина «Между небом и землёй» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сапрыкина О.А., Школьников О.Ю. — Жанры старопровансальской поэзии в творчестве итальянских трубадуров: рецепция и интерпретация // Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.69129 EDN: OMBMHU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69129

Жанры старопровансальской поэзии в творчестве итальянских трубадуров: рецепция и интерпретация

Сапрыкина Ольга Александровна

доктор филологических наук

профессор кафедры иберо-романского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51

✉ olgasaprykina@mail.ru



Школьников Ольга Юрьевна

доктор филологических наук

профессор кафедры романского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51

✉ chkolnikova@icloud.com



[Статья из рубрики "Поэтика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.69129

EDN:

OMBMHU

Дата направления статьи в редакцию:

21-11-2023

Дата публикации:

28-11-2023

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию развития старопровансальской поэзии в Италии в XII-XIII веках. На конкретных примерах из творчества ранних итальянских трубадуров (Пейре де ля Каварана, Пейре де ла Мула, Сорделло,

Ланфранко Чигала и др.) авторы подробно рассматривают такие аспекты темы, как рецепция и интерпретация традиции старопровансальской поэзии. Из всех жанров поэзии в творчестве итальянских трубадуров наибольшее развитие находят «политические» и «социальные» — сирвента и тенциона (тенсона), в чем следует видеть активизацию участия поэтов в общественной и политической жизни Италии, которую можно изучать по отражению в поэтическом творчестве. В связи с этим авторы статьи уделяют особое внимание поэтическим произведениям, принадлежащим к этим двум жанрам. Актуальность данного исследования заключается в комплексном лингвистическом, литературоведческом и историческом подходе к рассмотрению вопроса. Применение такого комплексного подхода позволяет выявить основные тенденции в развитии провансальской поэзии, причины, связанные с историческим контекстом, а также языковую диверсификацию, связанную с выбором определенного жанра. Рассматривая историю развития старопровансальской поэзии в Италии XII–XIII вв., авторы приходят к выводу о том, что репертуар поэтических жанров и выбор языка, на котором создается поэзия, изменяется в зависимости от динамики социальных и культурных условий. Важное наблюдение — многочисленность сирвент и тенсон, свидетельствующая о наличии социального культурного контекста и пространства, в котором были востребованы подобные политико-сатирические произведения и «импровизированные» диспуты на самые разные темы. Эти жанры получают своё дальнейшее развитие в истории итальянской литературы.

Ключевые слова:

старопровансальская поэзия, провансальский язык, Италия, итальянские трубадуры, сицилийская школа поэзии, сирвента, тенциона, рецепция, интерпретация, средневековая поэзия

Объектом данного исследования является старопровансальская поэзия в Италии в XII–XIII веках. **Предмет** работы — рецепция и интерпретация традиции старопровансальской поэзии в творчестве итальянских трубадуров эпохи и на последующих этапах развития итальянской литературы. **Материалом** исследования послужили тексты поэтических произведений итальянских трубадуров XII–XIII вв., среди которых можно особо выделить таких авторов, как Пейре де ля Каварана, Пейре де ла Мула, Сорделло, Ланфранко Чигала.

Актуальность данной работы заключается в комплексном лингвистическом, литературоведческом и историческом подходе к рассмотрению вопроса, позволившем выявить основные тенденции в развитии провансальской поэзии на фоне исторического контекста, а также проанализировать языковую диверсификацию, связанную с выбором определенного жанра.

Исход провансальских трубадуров на североитальянскую землю был связан с трагическими событиями альбигойских крестовых походов и пришелся на рубеж XII и XIII веков. На севере Италии провансальские поэты нашли приют и условия для продолжения работы при дворах знатных сеньоров, крупнейшие литературные центры сложились при дворах графов Савойских, маркизов Монферратских (известно, что Раймбаут де Вакейрас был близким другом маркиза Бонифация I), маркизов д'Эсте, маркизов Маласпина (сам маркиз Альберто ди Маласпина был одним из первых итальянских трубадуров, писавших на окситанском языке).

Найдя свою нишу при феодальных дворах северной Италии, окситанская поэзия постепенно проявилась в творчестве местных итальянских трубадуров и мощно расцвела на новой почве, просуществовав там около полутора столетий. «Конец провансальской лирики в южной Италии, — как писал Дж. Бертони, — решительно отмечен смертью Роберта Анжуйского в 1343 году. Анонимный плач, написанный на смерть этого знаменитого анжуйца, человека высоких устремлений и главу, так сказать, партии гвельфов, это, можно сказать, последний глас провансальской поэзии в Италии». [\[3, с. 32\]](#)

Окситанские поэты принесли в Италию систему жанров, уже сложившуюся к 80-м годам XII века путем дробления единого жанра *vers* в содержательном и формальном плане. Исследователи выделяют три группы жанров старопровансальской поэзии.

Жанры с приматом содержания: *канцона* (*canzo*), песня, посвященная любви; *сирвента* (*sirvente*), песня, полная гнева, содержащая упреки, язвительные нападки, морализаторские мотивы, «служебная песня» [\[2, с. 31\]](#); *плач* (*plagno*), разновидность сирвенты, с мотивами оплакивания покровителя, друга или возлюбленной; *альба* — песнь утреннего расставания; *пастурель* — разновидность кансоны, повествовательная песня о встрече рыцаря и пастушки.

Жанры диалогического характера: *тенцона* (*tenso*) — свободная дискуссия; *партимен* (*partimen*) спор с заранее заданными условиями и ролями.

Ритмические жанры: *данса*; *баллада*; *дескорт*; *эстампида*; *ротруэнга* и др. [\[4\]](#).

Следует отметить, что практически все эти жанры перенимают у провансальцев поэты итальянского происхождения, пишущие на провансальском языке. Однако, наиболее активно в Италии развиваются «политические» и «социальные» жанры: сирвенты и тенсоны, что свидетельствует о том, что поэты включаются в итальянский контекст и принимают самое активное участие в бурной социально-политической жизни своих теперь итальянских сеньоров, отражать происходящие в Италии события в своем творчестве и пытаться влиять на них с помощью той же поэзии. Политическая же обстановка в Италии того времени давала богатый материал для расцвета «политической» поэзии. Говоря об изменении социально-культурного климата в самом Провансе, Т.Б. Алисова писала, «На место *joy* и *gayeza* приходят *ira*, *enoï*, *tristor*. ... На первый план выходит такая форма, как сирвент» [\[1, с. 43\]](#). Тот же феномен мы видим и в поэзии итальянских трубадуров, хотя обстоятельства здесь не были такими же трагическими, как на Юге Франции.

Таким образом, в первую очередь, поэзия на провансальском языке осуществляла в Италии социальную функцию, и до такой степени, что стихотворный материал провансальской поэзии можно использовать для изучения истории Италии — недавно в Италии вышла книга Паоло Ди Луки, Франческо Саверио Аннунциаты и Марко Гримальди «*L'Italia dei trovatori: per un nuovo repertorio delle poesie occitane relative alla storia d'Italia*».

Рассмотрим несколько примеров из творчества первых итальянских трубадуров.

Один из самых первых итальянских трубадуров **Пейре де ля Каварана (или Каравана)** является автором единственно сохранившейся знаменитой сирвенты «*D'un serventes faire*», в которой он призывает североитальянские города к борьбе против Фридриха II и немецкой династии. Следует отметить новый социальный контекст для провансальской

поэзии — это не борьба феодалов, а коммунальное движение. Существует две датировки этого стихотворения. В 1236 году Фридрих II с войском вступил в Ломбардию, чтобы восстановить имперские права, и муниципальная автономия городов Ломбардии оказалась под угрозой. Торнада сирвенты Кавараны звучит как призыв к народно-освободительному сопротивлению «Ломбардцы, берегитесь, чтобы не стать хуже рабов, если не проявите твердость» (здесь и далее перевод авторов):

Lombart, be. us gardaz

Que ia non siaz

Peier qe compraz,

Si ferm non estaz [\[3, с. 206\]](#).

Вторая датировка относит создание сирвенты к 1195/96 годам, отмеченным южным походом Генриха VI и подавлением восстания знати в Апулии и на Сицилии. Автор упоминает пострадавшую от репрессий апулийскую знать, предостерегая ломбардские города от такой участи: «Помните о храбрых баронах из Апулии, у них не осталось ничего, кроме домов. Берегитесь, чтобы этого не случилось с вами».

De Pulla us sovegna

Dels valenz baros,

Qu'il non an que pregna,

For de lor maisos:

Gardaz no 'ndevegna

Autretel de vos [\[3, с. 206\]](#).

В пользу первой датировки также говорит и тот факт, что в 1195 году в Бурге Сан Доннино был обновлен договор ломбардских городов, объединившихся в Лигу Ломбардии с 1167 года против иноземных захватчиков. Эти же города упоминаются в сирвенте Кавараны: «Да сохранит Господь Ломбардию, Болонью и Милан, и соседние города Брешию, Мантую, чтобы из них никто не стал рабом, и добрую тревизскую марку».

Deus gart Lombardia,

Boloign' e Milans

E lor compaignia,

Brexha e Mantoans,

C'us d'els sers non sia,

E ls bos Marquesans [\[3, с. 206\]](#).

Жанр сирвенты, по-видимому, занимал важное место и в творчестве **Пейре де ла Мула** — также одного из ранних итальянских трубадуров, подвизавшегося при дворе макрграфа Савоны Оттоне дель Карретто. Одно из трех сохранившихся его произведений — сирвента «*Ia de razon no.m cal mentre'en pantais*» («Неразумно было бы расстраиваться»). Это сирвента социальной направленности, критикующая «молодых и

богатых»: «Неразумно было бы расстраиваться, когда я хочу написать сирвенту или две, поскольку богатая молодежь, по поводу которой рождается злость, наводит меня на эту мысль, столь низко пав».

Ja de razon no .m cal mentr' en pantalís

Qan ben vuoill far un sirventes o dos;

Qe.ill ric ioven per cui malvestatz nais

M'o enseignon, que son cazut d'aut ios [\[3, с. 249\]](#).

Биография **Сорделло** (1200/20 г. — 1269/70 г.) запечатлела полную приключений и событий жизнь происходившего из знатного мантуанского рода трубадура. Он подвизался при дворе графа Риччардо ди Сан-Бонифаччо, затем графов Прованских и Карла I Анжуйского, надолго покинув Италию, затем участвовал в походе Карла I против Манфреда Сицилийского и получил от него земли в Абруццо.

В его литературном наследстве выделяются сирвенты, обращенные к южнофранцузским феодалам Раймонду Беренгарию IV, графу Прованскому, Раймонду VII Тулузскому, Хайме I Арагонскому. Самая знаменитая — «Плач по Блакацу» (1236 г.). Оплакивая своего покровителя, поэт предлагает разделить сердце этого доблестного сеньора и дать его отведать разным правителям, которым не хватает мужества (*cor/coratge*) для разных политических и общественных деяний. «Хочу оплакать господина Блакаца этим простым звучанием, с печальным и грустным сердцем, и я имею на это право, так как в его лице я потерял покровителя и доброго друга, потому что все достойные качества с его смертью потеряны. Настолько смертельный ущерб, что у меня нет надежды, что они когда-нибудь смогут вернуться, даже в другом обличье: пусть вынут его сердце и пусть его съедят бароны, которые живут без сердца/ храбрости. После этого она у них появится».

Planher vuelh en Blancatz en aquest leugier so

Ab cor trist e marrit, et ai en be razo,

Qu'en luy ai mescabat senhor et amic bo,

E quar tug l'ayp valent en sa mort perdut so.

Tant es mortals lo dans, qu'ieu non ai sospeisso

Que ia mais si revenha s'en aital guiza no:

Qu'om li traga lo cor, e que.n manio.l baro

Que vivon descorat, pueys auran de cor pro [\[3, с. 285\]](#).

Социально-политические жанры занимают важное место в творчестве **Ланфранко Чигала** (1235—1257) — генуэзского дворянина, судьи и писателя. Среди сохранившихся из его творчества 32 произведений, — четыре религиозные кансоны, три сирвенты, две песни крестовых походов, один плач и девять тенсон с другими трубадурами. В своих стихах он обсуждает вопросы, касающиеся крестовых походов, ереси, папской власти, согласия в христианском мире. Одно из самых известных стихотворений Чигалы — сирвента-инвектива «*Estier mon grat mi fan dir vilanatge*» («Против моей воли заставляют меня говорить мерзости») — против маркиза Бонифация II Монферратского, в разные

периоды, выступавшего на стороне разных партий. Чигала упрекает его именно в беспринципности «и я считаю его сыном или братом ветра — так легко меняются его намерения и желания».

Anz crei q'el fon fils o fraire de ven,

Tan cambia leu son cor e son talen [\[3, с. 359\]](#)

Очень популярным у провансальских трубадуров был также жанр **тенсоны** — обсуждения какого-либо вопроса, в котором участвовали два поэта. Такая дискуссия позиционировалась как импровизация, однако совершенство форм и идеальное совпадение в звучании партий заставляют исследователей предполагать, что это были заранее подготовленные тексты. Многочисленные тенсоны принадлежат перу Сорделло и Ланфранко Чигалы. Они также есть в арсенале Симона Дорио, Бонифачо Кальво, Скотто, Раймондо Гульеьмо и других итальянских трубадуров. Все эти тенсоны написаны на старопровансальском языке. Многочисленность тенсон говорит о наличии социального культурного пространства, в котором были востребованы такие «импровизированные» диспуты на самые разные темы — от политических и философских, до шутивно-куртуазных.

Что касается дальнейшей судьбы в Италии старопровансальских поэтических жанров, то ситуация сложилась следующим образом. В 1230-х годах на Сицилии при дворе Фридриха II, короля Сицилии и императора Священной Римской империи в рамках его культурных проектов сложилась школа сицилийской поэзии. Исследователи признают, что истоки сицилийской поэзии следует искать в поэзии провансальской. Безусловно, с провансальской поэзией при сицилийском дворе были знакомы. Так, например, Фридрих II первым браком был женат на Констанции Арагонской, дочери Альфонсо II, известного покровителя трубадуров. Однако известно, что провансальцев при дворе Фридриха II и потом Манфреда не было. Поэтому, очевидно, влияние осуществлялось не через личное общение, как это происходило на севере Италии, а книжным путем, циркулировали сборники провансальской поэзии, так называемые «толстые антологии».

Фридрих, однако, не стал культивировать провансальскую поэзию, а оказал поддержку итальянской (сицилийской) поэзии. Возможно, это не было случайностью. Фридрих боролся с церковью за независимость в политике и культуре, для развития которой он сделал очень многое, открыл ряд образовательных учреждений — и университет в Неаполе, и Школа медицины в Салерно. И когда складывалась поэтическая школа, при всей ориентированности на провансальскую поэзию, был произведен жесткий отбор жанров — в сицилийскую поэзию перешла только любовная кансона, остальные жанры были отвергнуты, и, в первую очередь, сирвента с политическими и сатирическими темами, с упоминаниями конкретных лиц, инвективами и соотнесенностью со злободневными событиями.

Сам провансальский язык, несмотря на свой статус международного поэтического языка, слишком сильно ассоциировался с феодальной борьбой, Фридрих же намеревался построить государство нового типа. Таким образом, в этот период появляется диглоссия определенного типа. Политические и социальные темы не исчезли из интеллектуального обсуждения, но стали обсуждаться на латинском языке, которым также в совершенстве владели поэты сицилийской школы, образованные люди и государственные мужи.

Так, Перчивале Дориа — генуэзский аристократ из знатного гибеллинского рода, государственный и военный деятель Римской империи германской нации и Сицилийского королевства, приближенный короля Манфреда, принимавший непосредственное участие

во всех политических событиях своего времени, создавал свои произведения и на провансальском, и на итальянском (сицилийском), он был и трубадуром, и сицилийцем, в зависимости от нужного жанра, на окситанском он писал политические сирвенты, на сицилийском — любовные кансоны. Так, например, сирвента «Felon cor ai enic» («Ожесточился сердцем я») выполнена в духе Бертрана де Борна, поэт воспекает весну и возможность начать боевые действия под началом великолепного короля Манфреди.

Что касается жанра тенцоны, то этот жанр был воспринят и сицилийцами (например, совместные тенцоны Якопо Мостаччи, Пьетро делла Винья и Джакомо да Лентини), и нашел дальнейшее продолжение в итальянской поэзии, так, известны шутивно-бранные тенцоны, которыми Данте обменивался со своим другом Форезе Донати.

Таким образом, говоря о бытовании старопровансальской поэзии в Италии XII–XIII вв., можно отметить, что репертуар поэтических жанров и выбор языка, на котором создается поэзия, изменяется в зависимости от динамики социальных и культурных условий.

Библиография

1. Алисова Т.Б., Плужникова К.Н. Старопровансальский язык и поэзия трубадуров. М.: МАКС Пресс, 2011.
2. Иванов К.А. Трубадуры, труверы, миннезингеры. М.: Ломоносовъ, 2014.
3. Bertoni G. I trovatori d'Italia. Biografie, testi, traduzioni, note. Modena: Orlandini, 1915.
4. Cannetieri P. Il gioco delle forme nella lirica dei trovatori. Roma: Bagatto, 1996.
5. Di Luca P., Annunziata F.S., Grimaldi P. L'Italia dei trovatori: per un nuovo repertorio delle poesie occitane relative alla storia d'Italia. Roma: Viella, 2017.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом рецензируемого исследования является старопровансальская поэзия в Италии в XII–XIII веках. Как отмечает автор, «предмет работы — рецепция и интерпретация традиции старопровансальской поэзии в творчестве итальянских трубадуров эпохи и на последующих этапах развития итальянской литературы». Материалом исследования послужили тексты поэтических произведений итальянских трубадуров XII–XIII вв., среди которых можно особо выделить таких авторов, как Пейре де ля Каварана, Пейре де ла Мула, Сорделло, Ланфранко Чигала. Стоит заметить, что указанный ряд авторов классически выверен, однако, он не так частотен в формате научных изысканий. Стоит согласиться, что «актуальность работы заключается в комплексном лингвистическом, литературоведческом и историческом подходе к рассмотрению вопроса, позволившем выявить основные тенденции в развитии провансальской поэзии на фоне исторического контекста, а также проанализировать языковую диверсификацию, связанную с выбором определенного жанра». Сама природа «жанра» в теории литературы не дешифрована полностью до сих пор. Жанр – это особый тип построения мирообраза, особый тип построения текста, особая модель воссоздания художественных реалий. Материал исследования, на мой взгляд, продуктивно использовать в рамках изучения теории литературы, истории зарубежной литературы Средних веков и эпохи Возрождения. Стиль рецензируемого труда соотносится с научным типом. Например, это проявляется в

следующих фрагментах: «жанры с приматом содержания: кансона (canso), песня, посвященная любви; сирвента (sirvente), песня, полная гнева, содержащая упреки, язвительные нападки, морализаторские мотивы, «служебная песня»; плач (plagno), разновидность сирвенты, с мотивами оплакивания покровителя, друга или возлюбленной; альба — песнь утреннего расставания; пастурель — разновидность кансоны, повествовательная песня о встрече рыцаря и пастушки» и т.д. Маркировка значимости «провансальской поэзии» указывается аргументировано: «таким образом, в первую очередь, поэзия на провансальском языке осуществляла в Италии социальную функцию, и до такой степени, что стихотворный материал провансальской поэзии можно использовать для изучения истории Италии — недавно в Италии вышла книга Паоло Ди Луки, Франческо Саверио Аннунциаты и Марко Гримальди «L'Italia dei trovatori: per un nuovo repertorio delle poesie occitane relative alla storia d'Italia». Работу отличают содержательные информационные справки: «один из самых первых итальянских трубадуров Пейре де ля Каварана (или Каравана) является автором единственно сохранившейся знаменитой сирвенты «D'un serventes faire», в которой он призывает североитальянские города к борьбе против Фридриха II и немецкой династии. Следует отметить новый социальный контекст для провансальской поэзии — это не борьба феодалов, а коммунальное движение. Существует две датировки этого стихотворения. В 1236 году Фридрих II с войском вступил в Ломбардию, чтобы восстановить имперские права, и муниципальная автономия городов Ломбардии оказалась под угрозой. Торнада сирвенты Кавараны звучит как призыв к народно-освободительному сопротивлению «Ломбардцы, берегитесь, чтобы не стать хуже рабов, если не проявите твердость» (здесь и далее перевод авторов)...» и т.д. Примеры, которые введены в текст, достаточно иллюстративны. Методологический уровень исследования соответствует актуальным принципам анализа. Считаю, что тема статьи раскрыта, цель — достигнута. В финале автор приходит к следующим выводам: «сам провансальский язык, несмотря на свой статус международного поэтического языка, слишком сильно ассоциировался с феодальной борьбой, Фридрих же намеревался построить государство нового типа. Таким образом, в этот период появляется диглоссия определенного типа. Политические и социальные темы не исчезли из интеллектуального обсуждения, но стали обсуждаться на латинском языке, которым также в совершенстве владели поэты сицилийской школы, образованные люди и государственные мужи», «говоря о бытовании старопровансальской поэзии в Италии XII–XIII вв., можно отметить, что репертуар поэтических жанров и выбор языка, на котором создается поэзия, изменяется в зависимости от динамики социальных и культурных условий». Считаю, что не помешало бы расширить библиографический список, включить исследования последних лет. Проспекция нужна для более объемной картинки роли «старопровансальской поэзии» в истории литературы / искусства. Фактические требования издания учтены, как таковая правка излишня. С учетом сказанного тезисую: статья «Жанры старопровансальской поэзии в творчестве итальянских трубадуров: рецепция и интерпретация» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera» после внесения незначительных дополнений.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Земсков М.Д. — Роль технологий в современной спортивной журналистике США // Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.41032 EDN: ZXFNTW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41032

Роль технологий в современной спортивной журналистике США

□

Земсков Максим Денисович

аспирант, кафедра Теории и истории журналистики, Российский Университет Дружбы Народов

141007, Россия, г. Мытищи, ул. 2-Ой щелковский пр-Д, 5

□ maks.zemskov.98@gmail.com



[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.41032

EDN:

ZXFNTW

Дата направления статьи в редакцию:

18-06-2023

Аннотация: В статье рассматривается роль технологий в современной спортивной журналистике США. В статье рассматривается, как современные технологии влияют на работы спортивных журналистов в главных спортивных лигах США, таких как NFL, NHL, NBA и MLB. Рассмотрено применение технологий виртуальной и дополненной реальности, а также искусственного интеллекта. Описывается то, как видоизменяются спортивные СМИ под влиянием новых технологий. А также в отдельности рассматривается применение технологий в каждой из четырех главных спортивных лиг США. Объект изучения в статье – спортивная журналистика США. Предмет изучения – роль технологий в современной журналистике, которая в дальнейшем рассматривается на примере спортивной журналистики США. Целью работы является изучение влияния технологий на современную спортивную журналистику. В качестве основного метода исследования был использован общенаучный описательно-аналитический метод и сравнительно-сопоставительный. Новизна исследования заключается в том, что впервые исследуется роль технологий в современной спортивной журналистике США. Рассмотрены новые Интернет-платформы, которые помогают спортивным журналистам

собирают аналитические данные. А также описано применение виртуальной и дополненной реальности в главных спортивных лигах Соединенных Штатов Америки. Технологии играют огромную роль в современной спортивной журналистике США. Они не только позволяют расширить охват аудитории и создавать более точные материалы, но и предоставляют новые методы взаимодействия с читателями. Журналисты активно используют инновации, чтобы быть ближе к своей аудитории и давать им новые впечатления. На первый план выходит индустрия развлечений, и журналистика будет стараться дальше подавать персонализированную информацию для каждого зрителя.

Ключевые слова:

Современные технологии, спортивная журналистика, журналистика больших данных, виртуальная реальность, социальные сети, спортивный контент, спортивные лиги США, Интернет-ресурсы, дополненная реальность, искусственный интеллект

Современные технологии – неотъемлемая часть журналистики. Они помогают обрабатывать, а также распространять новости. Благодаря технологиям журналисты могут улучшать взаимодействие с аудиторией. Современный спорт представляет сложный и часто крайне противоречивый социально-культурный феномен. [\[1., с.17\]](#)

Сегодня большинство изданий имеют свои онлайн –сервисы, которые предоставляют быстрый доступ к новостям и информации. Кроме того, Интернет позволяет создавать интерактивные материалы, благодаря которым читатели могут взаимодействовать с информацией. Еще одной технологией, широко используемой в СМИ, является социальные медиа. Они помогают построить прямой диалог с аудиторией и получить обратную связь. Социальные медиа делают СМИ более доступными и понятными для новых поколений.

Помимо этого, технологии помогают улучшить и качество журналистики. Например, появилась возможность находить ошибки и опечатки в текстах при помощи компьютерных программ. А роботизация и искусственный интеллект могут помочь в решении рутинных задач журналистов. Тем самым освободив их время для работы над качественными материалами.

Современная спортивная журналистика в США активно использует технологии для улучшения качества и расширения охвата своей аудитории. Технологические инновации, такие как мобильные приложения, социальные сети и виртуальная реальность, позволяют журналистам быстрее и точнее доставлять новости, статистические данные и аналитические материалы спортивным болельщикам. С помощью специальных Интернет – платформ и мобильных приложений журналисты могут расширить охват своей аудитории. Появление и распространение новых медиа следует признать наиболее существенным фактором, определяющим современный этап эволюции спортивной журналистики. [\[1., с.142\]](#)

В качестве примера можно привести приложение Bleacher Report. Оно обрабатывает миллионы статистических данных и создает уникальные материалы о спортивных событиях, которые доступны пользователям даже без подписки на журнал.

Сайт был запущен в феврале 2008 года калифорнийскими предпринимателями Дэйвом Финаччио, Зендером Фреундом, Брайаном Голдбергом и Дэйвом Неметцом. Целью

создания этого сайта стало предоставление платформы для блогеров и журналистов – любителей, чтобы те имели возможность опубликовать свои работы. Создание данного ресурса открыло огромные возможности для развития и популяризации спортивной журналистики как в США, так и во всем мире. Благодаря приложению, абсолютно любой журналист может собрать все статистические данные для своих работ, а также узнать мнение аудитории об играх в различных видах спорта или о какой-то конкретной команде или даже о работе того или иного спортивного СМИ.

Большую возможность для развития спортивной журналистики в США также открывают и социальные сети. В первую очередь это Twitter, Facebook и Instagram (*Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией на территории РФ). Они позволяют журналистам быстро распространять новости и общаться со своей аудиторией. Некоторые журналисты используют Periscope и Facebook Live (*Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией на территории РФ) для передачи прямых трансляций спортивных событий в социальных сетях. Это позволяет привлекать новые аудитории и расширять охват своих материалов.

Технологические инновации также позволяют журналистам создавать более точные и детализированные материалы, которые не были доступны раньше. Например, используя специальные программы для анализа статистических данных, журналисты могут создавать материалы с графиками и диаграммами, которые помогают привлечь внимание читателя и раскрыть дополнительные аспекты игры.

Также, говоря о роли технологий в современной спортивной журналистике США, невозможно не упомянуть об использовании средств виртуальной и дополненной реальности. Благодаря им журналисты могут создавать новые форматы материалов. Например, Sports Illustrated создала виртуальный фильм о том, как баскетболисты NBA начинают свой день, используя 360-градусный обзор. Это позволяет зрителю получить новые впечатления и увидеть такой материал с новых ракурсов.

Большим плюсом диджитализации спортивной журналистики является возможность создавать новые интерактивные платформы, которые предоставляют читателям возможность задавать вопросы, участвовать в опросах и публиковать комментарии. Это помогает спортивным журналистам научиться лучше понимать предпочтения и потребности своей аудитории.

Далее хотелось бы рассмотреть, как новые технологии помогают в освещении главных спортивных лиг США.

Одной из главных особенностей в работе журналистов на матчах NHL, является то, что лига предоставляет журналистам их продвинутые видеослужбы, которые позволяют им смотреть матчи в режиме реального времени, используя возможности воспроизведения и перезаписи. Это помогает спортивным журналистам предоставлять более точный и подробный анализ каждой игры. Большие возможности для аналитики хоккейных матчей открывает приложение NHL. Приложение работает на базе искусственного интеллекта и собирает всю важную статистику, историю встреч, составы команд, список травмированных игроков, процент точных передач, количество бросков и другую важную статистику. Помимо этого, при помощи искусственного интеллекта приложение может делать даже прогнозы как на отдельный матч, так и на весь сезон в целом.

Также при помощи технологий появляются новые форматы интервью и ведения хоккейных репортажей. Например, именно в NHL появилась практика брать интервью прямо во время матча. Когда хоккеист, сидящий в данный момент на скамейке запасных,

дает комментарий по прошедшим моментам игры и иногда комментирует то, что в данный момент происходит на площадке. Все это попадает в теле и Интернет – трансляцию матча. Также интересным нововведением – стали микрофоны на судьях. Благодаря этому, после матча журналисты могут напрямую услышать разговоры судейского корпуса и их диалоги с игроками. Все это вовлекает зрителей в игру и создает эффект присутствия на матче. Эта практика стала весьма популярна и стала использоваться во всех крупных хоккейных лигах мира.

Весьма интересные приложения существуют для журналистов, которые освещают баскетбольные матчи NBA. Особенность баскетбола в том, что этот вид спорта отличается большим количеством статистики. И зачастую журналистам очень сложно отследить абсолютно все для проведения полной аналитики. Именно тут на помощь приходят такие приложения как Stats LLC и NBA Stats.

Stats LLC и NBA Stats – это приложения, которые предоставляют доступ к различным видам статистики, таким как количество очков, броски, процент попадания и т.д. Эти приложения также могут предоставлять доступ к информации о составе команд, их тренерах и другой связанной с матчем информации.

Особенность освещения баскетбольных матчей в социальных сетях на территории Соединенных Штатов США заключается прежде всего в использовании Twitter. Он используется, как правило, для ведения прямых трансляций и является в этом плане более удобным социальным медиа, нежели другие платформы.

Благодаря частым остановкам в матче и большому количеству тайм-аутов за матч, журналисты при освещении NBA также практикуют интервью с главным тренером команды прямо во время матча. Большим плюсом баскетбольных репортажей также является возможность услышать в эфире всю установку тренера, которую он дает своей команде во время перерывов и тайм-аутов.

Особенно интересно рассмотреть влияние технологий на освещение главной лиги американского футбола – NFL. Каждый матч – это крупное событие, освещаемое самыми крупными телеканалами США. Поэтому для получения концептуальной картинки и полномасштабного освещения такого события, абсолютно на каждом стадионе NFL есть инновационные камеры пауки, которые «скользят» над стадионом. Помимо этого, используются дроны, а для съемок общих планов стадиона и города сверху, даже ведется съемка с вертолета. Все это помогает журналистам передать аудитории максимальный эффект присутствия и показать абсолютно каждый момент матча.

Пока в других спортивных лигах мира, только начинают делать экспериментальные проекты с использованием виртуальной и дополненной реальности, в NFL это уже стало привычной практикой. Например, на данный момент уже есть программы, в которых можно в режиме виртуальной реальности посмотреть тренировку каждой из команд лиги. А также можно посмотреть матчи с разных ракурсов и создание интерактивных игр, в которые зрители могут играть во время трансляции матча.

Также постепенно, но пока не так быстро, приходит виртуальная реальность и в бейсбол. На официальном портале Major League Baseball (MLB) с расширенной подпиской пользователи имеют возможность смотреть главный матч тура и все матчи финальной мировой серии в режиме виртуальной и дополненной реальности. Именно в бейсболе чаще используют AR, то есть дополненную реальность. Ее используют для создания интерактивных и увлекательных историй о матче.

Говоря о технологиях в спортивной журналистике США, нельзя обойти стороной тему журналистику больших данных. Это относительно новая область, которая стремительно развивается за последние несколько лет. Журналисты, работающие в этой области, используют множество различных инструментов и технологий, чтобы собирать и анализировать большие объемы данных в спорте, чтобы найти новые тренды, статистические закономерности и интересные истории.

Одним из ключевых инструментов для журналистов, занимающихся журналистикой больших данных, являются компьютерные программы для анализа данных, такие как R и Python.

Журналисты могут также использовать визуализацию данных для более наглядного представления результатов своих исследований. Это может включать использование графиков, диаграмм и других графических элементов, которые помогают визуализировать результаты анализа больших данных.

Журналистика больших данных в спортивной журналистике США становится все более популярной, поскольку она помогает журналистам создавать более глубокие, содержательные и интересные статьи, основанные на фактических данных. Благодаря ей журналисты могут выявить уникальные проблемы и выделить тенденции, которые могут помочь им создать более привлекательный контент для своих читателей.

Надо сказать, что журналистика больших данных – это довольно обширная область для изучения. И конечно она и ее влияние на спортивную журналистику США будет рассматриваться и изучаться в дальнейших работах.

Подводя итог всему вышесказанному можно выделить основные положения о современных технологиях, которые раз и навсегда поменяли спортивную журналистику в Соединенных Штатах Америки и других странах.

Мобильные устройства.

Журналисты используют смартфоны и планшеты для съемки видео и фото, а также для осуществления живых трансляций с места событий.

Камеры

Журналисты часто используют профессиональные камеры для съемки фото и видео. Это может включать в себя камеры с возможностью стриминга видео прямо на мобильные устройства.

Платформы социальных сетей.

Журналисты используют такие платформы, как Instagram, Facebook (*Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией на территории РФ) и Twitter, чтобы делиться новостями и фотографиями события с миллионами людей по всему миру.

Виртуальная реальность.

Все чаще и чаще в спортивной журналистике США начинают использоваться технологии виртуальной и дополненной реальности. Это делается для более глубокого понимания события и создания дополнительных визуальных эффектов.

Интернет – передачи.

Сейчас очень часто используются онлайн – передачи для интервьюирования ключевых

игроков и других участников мероприятия.

Аналитические инструменты.

Журналисты могут использовать аналитические приложения, чтобы проверить факты и данные, связанные с событием, как это делается в журналистике данных.

Программное обеспечение для монтажа.

Для создания более профессиональных видеороликов, журналисты могут использовать программное обеспечение для монтажа, такое как Adobe Premier или Final Cut Pro.

Беспилотные летательные аппараты (дроны).

Для создания видео журналисты могут использовать беспилотные летательные аппараты. Это может быть особенно полезно при освещении больших спортивных мероприятий, таких как Супербоул, где нужно получить концептуальную картинку.

Все эти технологии позволяют журналистам предоставить широкую и доступную публике комплексную и подробную информацию о главных событиях мира спорта.

Технологии играют огромную роль в современной спортивной журналистике США. Они не только позволяют расширить охват аудитории и создавать более точные материалы, но и предоставляют новые методы взаимодействия с читателями. Журналисты активно используют инновации, чтобы быть ближе к своей аудитории и давать им новые впечатления.

Библиография

1. Алексеев, К. А. Основы спортивной журналистики / К. А. Алексеев, С. Н. Ильченко. – М.: Аспект Пресс, 2016. – 240 с.
2. Богуславская, В. В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов: монография / В. В. Богуславская. – М.: ЛКИ, 2013. – 280 с.
3. Варатнов, С. А. Большие данные в онлайн-СМИ: подходы и стратегии использования // Медиаскоп. 2017. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2375>
4. Васильева, Т. В., Осинский В. Г., Петров Г. Н. Курс радиотелевизионной журналистики: учеб. пособие. СПб., 2004.
5. Войтик, Е. А. Спортивная медиакommunikация: проблематика структуризации // Журналистский ежегодник. 2012. С. 109-112.
6. Данилова, М. Н. Спорт как медиакommunikационный феномен // Вопросы теории и практики журналистики. – 2018. – № 3. – С. 519-538.
7. Зодоров, А. И. Социальная проблематика спортивной журналистики // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2019. №1. С. 53-58.
8. Ильченко, С. И. Современные аудиовизуальные СМИ: новые жанры и формы вещания. СПб., 2006.
9. Михайлов, С. А., Мостов А. Г. Спортивная журналистика: Учеб, пособие. СПб., 2005.
10. Шарков, Ф. И. Спортивная журналистика в системе современной медиакommunikации // Коммуникология. 2018. №4. С. 60-75.
11. Шишигин, М. В. Спорт. Информация. М., 1974.
12. Шустер, О. С. Средства массовой информации и спорт. СПб., 1998.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Роль технологий в современной спортивной журналистике США», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению технологий, с помощью которых обрабатывают и распространяют новости. В современном мире технологии играют огромную роль и помогают мгновенно распространять информацию вне зависимости от местоположения или ограничений того или иного места проживания человека, главное наличие интернета и смартфона. Так, с помощью специальных Интернет – платформ и мобильных приложений журналисты могут расширить охват своей аудитории.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы, а именно к описательному методу, методу обобщения, моделированию и методу семантического анализа.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 12 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке. Считаем, что в работе, посвященной изучению особенностей журналистики в США, было бы целесообразным обратиться к трудам зарубежных исследователей.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по журналистике, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Роль технологий в современной спортивной журналистике США» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Машаев М.С., Базанова А.Е. — Использование невербального способа передачи информации в жанре видеоэссе // Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.43412 EDN: ZXXTVV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43412

Использование невербального способа передачи информации в жанре видеоэссе

Машаев Малаик Саид-Магомедович

ORCID: 0000-0002-9358-541X

аспирант, кафедра теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Ул. миклухо-Маклая, 6

✉ malaikmashaev@gmail.com



Базанова Анна Евгеньевна

ORCID: 0000-0001-5560-5953

кандидат филологических наук

доцент, кафедра теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Ул. миклухо-Маклая, 6

✉ bazanova_ae@pfur.ru



[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.43412

EDN:

ZXXTVV

Дата направления статьи в редакцию:

23-06-2023

Аннотация: Стремительное развитие глобальной сети и новых технологий привело к обновлению системы жанров кинокритики. Авторы публицистических работ на современных видеохостингах в большой степени полагаются на визуальные образы для полного раскрытия темы. Умение работать с монтажом и звуковым сопровождением становится важным навыком для кинокритика. Предметом исследования является

несловесные средства оформления информации в аудиовизуальных эссе. Проанализированы истоки и особенности жанра, произошедшего от печатного эссе. Дано определение явлению «трансобразности», подразумевающего появление новых образов на основе уже существующих. Подробно рассматриваются содержание видеороликов повествовательной и поэтической разновидности на канале Every Frame a Painting. Актуальность исследования обусловлена растущей популярностью феномена аудиовизуального эссе и малой изученностью этого жанра кинокритики. Новизна заключается в том, что видеоэссе является относительно молодым жанром. Он слабо изучен как в зарубежной, так и в отечественной научной практике. Наше исследование предлагает теоретическое осмысление особенностей аудиовизуального эссе. Делается вывод, что уникальные черты видеоэссе не могут быть воспроизведены в традиционных текстовых формах кинокритики. Создание новых визуальных образов способствует появлению возможности объяснить явления, которые было невозможно объяснить в виде текста. Результаты исследования могут быть использованы учёными в области массовой коммуникации, журналистики и кинокритики.

Ключевые слова:

аудиовизуальные эссе, видео, визуальные образы, Интернет, киножурналистика, кинокритика, монтаж, новые медиа, онлайн-медиа, публицистика

Введение

Глобальная сеть стала удобной площадкой для размещения и распространения контента, из-за чего стали появляться новые жанры и меняться уже существующие. Таким образом в рамках кинокритики образовался жанр видеоэссе. Аудиовизуальные эссе стали приобретать популярность на сайтах YouTube и Vimeo в начале 2010-х гг. Сейчас количество подписчиков на крупных каналах YouTube превышает 1 млн человек.

В центре нашего исследования находятся невербальные способы передачи информации в видеоэссе. Данный жанр использует ключевые преимущества видеформата, благодаря которым авторы публикаций могут передавать информацию аудитории при помощи использования визуальных материалов. Предполагается, что в будущем видеожанры могут вытеснить текстовые с главенствующей позиции в области кинокритики.

Цель исследования – провести анализ особенностей жанра видеоэссе, чтобы узнать, как в нём используются невербальные способы передачи информации зрителю. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи: дать определение видеоэссе, рассмотреть его особенности, проанализировать предшествующие исследования в этой области, а также изучить примеры отдельных видеороликов.

При написании статьи использовался ряд теоретических работ, включая исследование Э. МакВиртера, в котором было сформулировано определение жанра видеоэссе и описаны его особенности [\[14\]](#). В российской практике анализ видеоэссе в контексте современных процессов медиагибридизации и медиаконвергенции проводила Е.А. Глазкова [\[1\]](#).

Определение вербальных и невербальных средств общения даёт в своём исследовании

С. Лангер [\[13\]](#). Дискурсивные особенности аудиовизуальных эссе затронул в своей работе К.С. Туркелди. Он выделил понятие *трансобразности* для обозначения процесса создания новых образов на основе уже существующих [\[16\]](#). Мы также воспользовались классификацией видеоэссе, которую предложил исследователь К. Китли. Он определил, что аудиовизуальные эссе разделяются на две разновидности – пояснительную и поэтическую [\[12\]](#).

Важной частью нашего исследования является анализ способов передачи информации на примере аудиовизуальных эссе с англоязычного канала Every Frame a Painting. Мы выбрали этот канал, поскольку он является крупнейшим по количеству подписок – сейчас на него пописано 2,05 млн подписчиков. Он также стал одним из первых каналов на популярных видеохостингах, работающих с жанром видеоэссе. Every Frame a Painting задал некоторые стандарты, которые позже стали использоваться другими авторами аудиовизуальных эссе.

Определение жанра видеоэссе и его особенности

Видеоэссе представляет собой небольшой видеоролик, анализирующий фильмы, сериалы или другие явления кинокультуры. Объектом исследования эссеисты часто выбирают режиссёрский метод, а также операторские и монтажные решения в фильмах [\[14, с. 369\]](#). Исследовательница К. Грант также ввела термины *аудиовизуальное эссе* и *визуальные эссе*, применимые к данному жанру кинокритики [\[10, с. 255\]](#).

Видеоэссе образовалось от текстового жанра литературы и публицистики – эссе. Среди традиционных признаков эссе можно выделить свободную композицию, относительно малый объем, сконцентрированность на конкретной теме, заявленной автором в заголовке, а также ярко выраженную авторскую субъективную позицию [\[3, с. 71\]](#). Отмечается, что эссе представляет собой *медиагибрид*, для которого характерно сочетание множества элементов – признания, дневника, рассуждения, статьи, повествования или рассказа. Пересечение границ различных жанров является характерным свойством эссе [\[4\]](#).

Признаки, свойственные текстовым эссе, перешли и в видеоэссе. Видеоэссеисты зачастую не претендуют на объективность информации, которую они транслируют. Они объясняют визуальные процессы кинематографа, которые каждый зритель волен интерпретировать по-своему. Большинство эссе раскрывают узкоспециализированные темы – они могут быть посвящены определённому жанру, фильмографии режиссёра или даже методу операторской работы в одной конкретной ленте. При этом эссеисты свободны выбирать структуру своих работ, поэтому содержание и визуальный стиль видеороликов отличается у разных каналов.

Хронометраж видеоэссе редко превышает пятнадцать минут, однако ролики иногда могут быть разделены на несколько частей, если тему сложно охватить одним видео. Несмотря на то, что видеоэссе является коротким жанром, формально установленного ограничения по хронометражу нет, поэтому при желании авторы могут публиковать и более длинные работы [\[14, с. 370\]](#). Э. МакВиртер отмечает, что видеоэссе среди всех прочих жанров кинокритики обладает наибольшим потенциалом для того, чтобы составить конкуренцию исторически сложившемуся главенству текста в сфере оценки и интерпретации кино и связанных с ним явлений [\[13, с. 369\]](#). Исследовательница Э. Сендра так же отмечает, что практика создания видеоэссе оспаривает положение письменного

текста в современной системе кинокритики [\[15, с. 67\]](#).

Кинокритика родилась и развивалась в виде текстовых жанров – первая публикации, которую можно отнести к материалам кинокритики, появилась в издании The Optical Lantern and Cinematograph Journal в 1908 году [\[6, с. 4\]](#). Хотя попытки закрепить жанры кинокритики на радио и телевидении были (например, телепрограммы «Кинопанорама» в СССР и At the Movies в США), печатная кинокритика осталась доминирующей. Это можно связать с тем, что подготовка ТВ-передач занимает большее время, чем написание статей, поэтому аудитории проще и быстрее прочитать статью в газете или специализированном журнале, нежели отслеживать необходимую информацию на радио или телевидении.

Однако с появлением интернета и в контексте конвергенции медиа, кинокритика широко распространилась в глобальной сети. Она стала развиваться на видеосервисах, и за последнее десятилетие появилось множество создателей контента с миллионами подписчиков. Среди них примечательны в том числе американский канал Every Frame a Painting (2,05 млн подписчиков) и российский «Кинопоиск» (1,16 млн подписчиков).

Видеоэссе предлагает контент, который может заинтересовать как случайного зрителя, так и разбирающегося в теме кинематографа. В них сочетается углублённый анализ теории производства кино и визуального оформления кинолент с лёгкой и эмоциональной подачей материала. Поэтому для пользователей, интересующихся кино, видеоэссе стали альтернативой статьям в специализированных изданиях, в том числе из-за их доступности и многообразия.

Главная цель видеоэссе: рассказать определённую информацию о предмете обсуждения так, чтобы у зрителя появился материал для размышления. Э. МакВиртер отмечает, что другой целью является погружение массового зрителя в тонкости работы кинематографистов [\[14, с. 369\]](#). Видеоэссе нацелены на повышение «визуальной грамотности» среди аудитории, чтобы зрители могли понимать и говорить о процессе создания фильмов и различных тонкостях «внутренней кухни» кинематографа. В них обеспечивается распространение информации, которую раньше можно было узнать лишь в ограниченном количестве источников.

Видеоэссе в некоторой степени можно сравнить и с научным исследованием. Научным исследованием признаётся деятельность, направленная на всестороннее изучение объекта, процесса или явления, их структуры и связей, а также получение и внедрение в практику полезных для человека результатов. Его объект — это материальная или идеальная системы, а предмет – структура системы, взаимодействие её элементов, различные свойства, закономерности развития и прочее [\[2, с. 8\]](#). Как и в научном исследовании, авторы видеоэссе выдвигают тезис, после чего аргументируют свои выводы при помощи доказательной базы (зачастую в виде отрывков из фильмов) и литературы. Аудиовизуальные эссе с научными исследованиями также связывает структурированность.

При этом журналист В. Рене считает, что видеоэссе не соответствует стандартам научных работ по киноведению. Он заявляет, что аудиовизуальные эссе представляют собой принципиально творческие работы, создающиеся с акцентом на визуальную часть, а не всестороннем исследовании темы. Сам жанр представляет собой, скорее, дань уважения определённым кинематографистам, нежели полноценное научное исследование [\[7\]](#).

Видеоэссе действительно отличается от научного исследования эмоциональностью,

образность и наличие оценочных суждений традиционные для художественно-публицистических жанров. К тому же существуют работы, в которых наблюдается минимальное количество закадрового текста. Вместо этого, авторы полагаются на раскрытие темы с помощью использования визуальных кадров и монтажа, что тоже несвойственно научным исследованиям.

Часто авторы аудиовизуальных эссе сталкиваются с такой проблемой, как авторские права и обход алгоритмов YouTube, которые блокируют контент. Существует система Content ID, которая не даёт публиковать на платформу контент, защищённый правообладателями. Эссеистам приходится учиться подбирать длину кадров из фильмов, их последовательность и визуальные эффекты так, чтобы оформление их работ соответствовало правилам добросовестного использования интеллектуальной собственности.

Об этом рассказывают авторы канала Every Frame a Painting. При разработке своих видеороликов Чжоу и Рамос подробно изучили основы авторского права. Знание этих правил оказалось необходимым для того, чтобы обезопасить видео от судебных разбирательств в случае недобросовестного использования интеллектуальной собственности. При этом подобные ограничения дают и положительный эффект. Благодаря им авторы смогли сформировать собственный стиль монтажа в видеороликах, научившись использовать материалы без нарушения авторских прав [\[17\]](#).

В видеоэссе используется сочетание вербального и невербального способа подачи информации. С. Лангер разделяет способы подачи информации на эти два типа. Повседневно мы пользуемся вербальным способом, поскольку выражаем информацию с помощью словесной коммуникации. Также существует невербальная форма, которую нельзя выразить через язык [\[13, с. 22\]](#).

В большинстве аудиовизуальных эссе присутствует голос диктора, который зачитывает закадровый текст. Это вербальный метод передачи зрителю. Однако видеоэссе отличается тем, что закадровый текст автора дополняется тем, что зритель видит на экране. Автор использует кадры из фильмов, документальную хронику, отрывки из интервью, инфографику и картинку. Подход к монтажу так же должен быть ответственным, поскольку хронометраж и правильный подбор очередности кадров является ключевым элементом жанра.

Одной из главных причин использования словесного описания в области киноведения является главенство научных изданий. Однако кинематографические образы нельзя выразить во всей полноте в подобных аналитических рамках. Кино находится в состоянии непрерывного формирования, поэтому оно меняется гораздо быстрее, чем язык. По этой причине исследования киноведов иногда сталкиваются с методической проблемой, когда исследователи пытаются описать образы, трудно поддающиеся вербальной интерпретации [\[16, с. 815\]](#).

При попытке рассказать о монтажных решениях в картине, о её визуальном или музыкальном оформлении, можно столкнуться с проблемой неполного контекста. Это возникает из-за того, что зритель необходимо видеть перед собой конкретный отрывок из фильма, чтобы понять, что подразумевает автор текста. Кино находится в плоскости образов, поэтому вербального способа передачи информации недостаточно, чтобы в полной мере провести углублённый анализ визуального оформления картины.

Туркгелди отмечает, что в отдельных случаях можно возместить потерю контекста,

используя профессиональные термины. Однако это возможно лишь частично, поскольку не под каждый визуальный образ можно найти нужное понятие. К тому же адресат сообщения должен быть знаком с этими терминами [\[16, с. 816\]](#).

Ещё одна проблема заключается в субъективном восприятии описанных образов. Автор работы рассказывает об увиденных образах через призму собственного восприятия. В то же время у читателя может сложиться собственное представление, которое будет отличаться от авторского.

У. Бейкер подчеркнул, что видео стало переломным моментом в контексте демократизации изображений. Так как автор может сам выбирать формат видео и его тему, появляются новые разновидности творческих работ, которые нельзя отнести к кинофильмам или документальному кино [\[5, с. 59\]](#). Е.А. Глазкова отмечает, что интернет-среда сделала видеоэссе «демократичным» жанром, поскольку глобальная сеть делает возможным и простым неоднократное заимствование, цитирование и трансформацию образов, органичное сочетание элементов различных видов медиа, а также авторское сопоставление различных идей, символов, музыкальных композиций и т. д. [\[1, с. 239\]](#).

В связи с резкой популяризацией видеоэссе появилась необходимость ввести новые понятия, которые буду объяснять явления, связанные с этим жанром. Аудиовизуальные эссе отличаются работой с новыми образами, которые были созданы при помощи использования уже существующих.

С.К. Туркгедли вводит термин «трансобраз», чтобы описать то, как некоторые кинематографические явления описываются в видеоэссе при помощи уже существующих кадров из кинофильмов. Видеоэссе создаёт новые смысловые уровни и новые образы из киноизображений с помощью приёмов манипулятивного монтажа. Путём одновременного использования не связанных между собой существующих образов, между ними устанавливается связь, то есть создаётся новый контекст или новая интерпретация [\[16, с. 819\]](#).

К. Китли отмечает влияние Интернета на расширение возможностей для кинокритиков за пределами научных кругов, поскольку они получили возможность вносить вклад в кинематограф посредством ведения блогов. Также появились доступные и недорогие программы, позволяющие легко и быстро выполнять сложные манипуляции с изображением и звуком, включая iMovie и Final Cut Express [\[12, с. 178\]](#). Отмечается возросшая доступность технических и технологических средств производства и постпроизводства видеоконтента - программное обеспечение для видеомонтажа, производства анимации и редактирования звука. Также появилось множество фото- и видеобанков, которые создатели контента могут использовать как архивы [\[1, с. 239\]](#).

Если раньше кинокритики могли делиться своими знаниями лишь на страницах журналов и газет, то сейчас это может сделать любой желающий в своём личном блоге. Современные программы для монтажа также способствуют тому, что выпускать видеоролики теперь можно почти так же быстро, как и печатные материалы. Благодаря этому, многие любители, у которых нет журналистского или кинематографического образования, получили доступ к возможности свободно транслировать свои знания по теории кинематографа на широкую аудиторию.

И. Гюркан подчёркивает, что аудиовизуальные эссе также представляют собой альтернативу традиционным научным исследованиям, основанным на тексте. Более того,

такой нарратив делает опыт аудитории и даже автора уникальным и субъективным. Он может привести к возникновению связей, о которых раньше не думали, например, обнаружить определённые закономерности [\[11, с. 301\]](#). Подразумевается, что благодаря сочетанию различных изображений формируется совершенно новый образ. Причём можно связывать не только кадры из фильмов – отрывки из кинолент можно сочетать с видеохроникой, музыкальными композициями, фотографиями или даже компьютерной графикой.

Согласно Туркгелди, здесь можно говорить о понятии «трансобразности», включающая в себя все образы, «трансцендирующие» сами себя. Автор подчеркнул, что данное понятие может предложить новую концепцию и перспективу, которую можно принять для будущих исследований в области кино [\[16, с. 819\]](#).

Анализ невербального способа передачи информации на примере канала Every Frame a Painting

Многие стандарты жанра видеоэссе задал канал Every Frame a Painting, поэтому будет целесообразно изучить невербальные способы передачи информации на его примере. Канал был создан в 2014 году на YouTube редактором Тони Чжоу и его знакомой по имени Тейлор Рамос. На нём была опубликована серия из 28 видеоэссе о фильмах, монтаже фильмов и кинематографии в период с 2014 по 2016 год [\[17\]](#). Даже после закрытия канала количество подписчиков продолжает расти - всего на него подписано 2,05 млн пользователей, а совокупное число просмотров всех видео составляет более 106,1 млн.

Авторы объяснили идею создания канала тем, что они часто сталкивались с невозможностью вербально объяснить другим людям сложные понятия, связанные с визуальным искусством. Они решили создать канал, который поможет им распространить «визуальную грамотность». До этого авторам постоянно приходилось демонстрировать свои идеи на примерах, найденных на YouTube. Поскольку на YouTube уже существовали каналы, занимающиеся разбором сюжета, авторы сосредоточили основное внимание на анализе формы, а не содержания кинолент. Основной темой канала стала связь изображения и звука в кино. Это позволило им сделать видеоэссе наглядными, чтобы зритель мог понимать суть видео, не зная при этом содержания рассматриваемой картины [\[17\]](#).

Мы используем в качестве основы нашего исследования упрощённую классификацию видеоэссе, которую выделил К. Китли. Согласно нему, аудиовизуальные эссе разделяются на две разновидности – *пояснительную*, и *поэтическую* [\[12\]](#). Мы рассмотрим видео с канала Every Frame a Painting, чтобы выяснить, как они создают новые образы при помощи уже существующих, а также как именно визуальный ряд применяется для объяснения мыслей авторов.

Пояснительные видеоэссе могут изучать множество различных тем - от повествовательных особенностей фильма до кинематографических приёмов. В подобных видеоэссе для раскрытия темы используются различные иллюстративные эффекты, графика и анимация с поясняющим звукосопровождением и монтажом. Иллюстративность является отличительной особенностью таких работ. Само видео становится некой формой выражения, раскрывающей тему, о которой нужно рассказать. Подобные короткие исследования становятся важными средствами, пригодными для использования в обучении кинематографии и киноведения [\[16, с. 823-824\]](#).

К *пояснительным* видеозэссе относится большинство видеороликов на канале Every Frame a Painting. В качестве примера мы рассмотрим одно из последних видео на канале - «The Marvel Symphonic Universe» («Симфоническая вселенная Marvel»)^[8], поскольку в нём авторы наглядно демонстрируют приёмы монтажа, сочетая различный звуко-ряд с кадрами из фильмов, а также используя вручную снятые кадры.

В видео авторы критикуют фильмы кинематографической вселенной Marvel за отсутствие выделяющегося саундтрека. Чжоу отмечает, что композиторы слишком часто пользуются оркестром, который ничем не отличается от оркестровой музыки в большинстве блокбастеров. В некоторых случаях они даже немного копируют музыку из других фильмов.

Для подкрепления своей мысли авторы проводят различные манипуляции с монтажом кадров из фильмов. Сначала они показывают сцену из ленты «Железный человек», в которой на заднем плане играет не слишком запоминающаяся по мнению авторов музыка. После этого они показывают те же самые кадры, но уже без музыки на заднем фоне. Так авторы проверяют, меняется ли восприятие зрителей, если немного изменить сцену. Тем самым они сами создают новый образ, чтобы донести до зрителя информацию, которую невозможно описать одними словами.

Авторы демонстрируют кадры из различных фильмов студии Marvel, среди которых представлены «Тор», «Мстители», «Человек-муравей», «Стражи галактики» и «Мстители: Эра Альтрона». Отрывки подбираются как аргумент в пользу того, что фильмы студии Marvel выбирают слишком предсказуемый видеоряд – под смешную сцену используется смешная музыка, под грустную – грустная, под напряжённую – зловещая и т.д. В сочетании эти кадры доносят зрителю мысль автора. Подобные примеры не были бы возможны, если бы эссе было представлено в текстовом виде – оно требует от зрителя визуального представления о картине, а также представления о музыкальном ряде.

Авторы в дальнейшем повторяют приём с убраным звуком, но в этот раз для доказательства того, что запоминающаяся музыка присутствует в фильмах Marvel, однако она заглушена. Для этого они убрали закадровый монолог из одной из сцен фильма «Первый мститель: Другая война», чтобы сравнить эмоциональное восприятие сцены. Авторы показывают, что если сделать это, то композиция была бы представлена в более выгодном свете и влияла бы на чувства зрителей больше.

После этого на примере разных фильмов обосновывается понятие *temp music* – это музыка, которая используется в тестовом варианте фильма, которую режиссёр накладывает на визуальный ряд, чтобы показать, какой стиль композиции он хочет услышать в финальном монтаже. Примером послужил фильм «300 спартанцев», в котором использовалась музыка на основе саундтрека из ленты «Тит — правитель Рима». Чжоу и Рамос наложили обе композиции на один и тот же видеоряд для сравнения. Также сравниваются кадры из фильмов «Тор» и «Трансформеры: Месть падших», а также «Первый мститель: Другая война» и «Безумный Макс: Дорога ярости».

Помимо этого, авторы канала попросили случайных прохожих напеть мелодию из разных фильмов (включая композиции из Индианы Джонса, Звёздных Войн, Гарри Поттера и др.). После этого они попросили напеть мелодию из какого-нибудь любого фильма Marvel. На это респонденты не смогли ничего ответить, кроме одного мужчины, который в шутку спел песню из мультсериала «Человек-Паук» 1967 года. Эти кадры также используются для подкрепления основного тезиса видеозэссе о неудачном подборе музыки в фильмах студии.

Через вышеописанные способы наглядно показывается, как авторы видеоэссе могут аргументировать свою позицию, прибегая к минимуму вербальных объяснений. Они манипулируют видео- и аудиорядом, чтобы обосновать свою позицию – используется определённая последовательность кадров, заимствуются отрывки из фильмов и снятой авторами хроники, активно используется музыка. Подобные приёмы было бы сложно использовать в иных жанрах и невозможно в текстовых. Аудитория должна слышать и видеть, о чём говорится в эссе, поэтому тут визуальные образы напрямую дополняют вербальные объяснения.

Поэтические видеоэссе отличаются от пояснительных тем, что в них совсем не используется закадровый текст. Это форма аудиовизуальных эссе ближе к искусству, чем к аналитической работе. В ней видеоряд обычно дополняется лишь музыкой, без закадрового текста. Тем не менее образы используются в определённом контексте, который нужен автору для высказывания некоторого тезиса [\[16, с. 824\]](#).

В качестве примера на канале Every Frame a Painting можно привести видеоролик Hollywood Scores & Soundtracks: What Do They Sound Like? Do They Sound Like Things?? Let's Find Out! («Голливудские композиции и саундтреки: как они звучат? Они звучат как другие работы?? Давайте узнаем!») [\[8\]](#). В нём без использования закадровых объяснений авторы сравнивают музыкальные композиции из кинокартин с саундтреками из других лент. Видео демонстрирует преемственность музыкальных композиций в голливудских фильмах, используя лишь необходимую музыку и кадры из кинолент.

Сначала зрителю показывают сцену из определённой картины с оригинальной мелодией. После этого тот же видеоряд повторяют с похожей композицией из другого фильма. Таким образом заимствуется сцена из ленты «Трансформеры: Тёмная сторона Луны» 2011 года. В первый раз визуальный ряд сопровождается музыкой из трейлера фильма «Начало» 2010 года, которую написал Зак Хэмси, а во второй раз – оригинальным саундтреком от Стива Яблонски. Сходство двух аудиокомпозиций сравнивается при помощи простого монтажного приёма – кадры с похожей музыкой и идентичным видеорядом следуют прямо друг за другом.

Следующий пример – отрывок из фильма «Стражи галактики» 2014 года с композицией Алана Сильвестри из картины «Мстители» 2012 года. Сцену показывают во второй уже с оригинальной мелодией Тайлера Бэйтса, написанную специально для фильма. В видеоэссе также демонстрируются отрывки из лент «Звездный крейсер Галактика», «Звёздная пыль», «Ральф» другие. Все использованные кадры представлены в двух версиях – под оригинальный саундтрек и под похожую музыку. Авторы без закадрового текста доказывают зрителям через видеоряд и музыку, что голливудские картины заимствуют музыкальные шаблоны из фильма в фильм, чего зрители часто не замечают. Таким образом создатели ролика воспользовались преимуществами методов невербального способа передачи информации. В видео нет голоса диктора – зрители сами выстраивают логическую цепочку посредством наблюдения определённой последовательности кадров и прослушивания музыки.

Такой способ коммуникации с аудиторией невозможно было бы использовать в печатных материалах и даже кинорецензии в формате видео, ведь они опираются прежде всего на вербальные объяснения автора. В печатной критике мы видим только текст, практически полностью лишённый визуальных образов (однако в некоторых статьях могут использоваться скриншоты). В видеорецензии же автор сочетает вербальные и невербальные способы передачи информации, но не может целиком убрать словесные объяснения, опираясь только на визуальный и музыкальный ряд. В противном случае

рецензент рискует создать лишь монтаж со сценами из фильма без высказывания своего личного мнения.

Видеоэссе же использует невербальные методы коммуникации как особый способ нарратива. Для того, чтобы понять конкретный тезис автор без труда может обойтись без закадровых объяснений – современные методы монтажа делают это возможным. Это и привело к появлению отдельной разновидности видеоэссе в виде поэтических работ.

Заключение

В результате проведённого нами исследования в соответствии с поставленной целью и указанными в её рамках задачами были получены следующие выводы. Видеоэссе использует невербальную форму передачи информации, поскольку оно передаёт знания, которые невозможно в полной мере воспроизвести словесно. Большинство аудиовизуальных эссе сочетают вербальные и невербальные методы передачи информации – то есть словесные объяснения дополняются видеорядом и музыкой, которые могут дать дополнительный контекст и послужить иллюстрацией мыслей авторов. При этом в отдельных случаях, эссеисты могут сделать основной акцент на невербальных методах, значительно сократив или полностью убрав вербальные объяснения.

Мы рассмотрели понятие «трансобраз», который подразумевает новый образ, созданный из уже существующих. Видеоэссе пользуется «трансобразами» для передачи знаний аудитории, которые невозможно было бы передать в текстовом виде. Они могут представлять собой как сочетание кадров и музыки из нескольких разных картин, так и сочетание фильма с документальной хроникой, изображением и графикой.

Также мы сделали вывод, что вербальные приёмы дискурса не располагают к полному раскрытию тезисов для исследований в области кинематографа. Работа с видеоформатом может дать исследователям возможность к совершению новых научных открытий в этой сфере.

Для того, чтобы раскрыть эту мысль, мы проанализировали видео с канала Every Frame a Painting, пользуясь ранее предложенной другим исследователем упрощённой классификацией аудиовизуальных эссе. На примере этих видеороликов, мы увидели, что в них используются приёмы, которые несвойственны другим жанрам. Авторы видеоэссе могут использовать в своих работах кадры и музыку из различных картин в разнообразных сочетаниях для объяснения темы видеоролика. Они задействуют все преимущества видеомонтажа и программ-редакторов для создания своих исследований.

Подобные способы не были возможны в традиционных печатных жанрах кинокритики, так как у авторов отсутствует возможность дополнить свой текст видеоматериалами. При этом эффект от видеоэссе трудно повторить и в других интернет-жанрах кинокритики, поскольку видеоэссеисты смогли сформировать уникальный способ визуального нарратива, в котором визуальный ряд имеет большее значение для нарратива, чем вербальные объяснения.

Данная статья должна помочь при дальнейшем изучении видеоэссе и может послужить дополнением к теоретическому аппарату исследований, касающихся данного жанра, а также всей кинокритики в целом.

Библиография

1. Глазкова Е.А. Гибридные жанры кино-и видеоэссе в современном экранном пространстве: история, особенности и перспективы // Университетский научный

- журнал. 2016. С. 234-243.
2. Огурцов А.Н. Основы научных исследований: Учеб.-метод. пособие // Харьков: НТУ. 2008. 178 с.
 3. Тихонова Ю. В. Жанр эссе в современном преломлении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 19. С. 69-79.
 4. Эпштейн М.Н. Эссе об эссе. 1982. [Электронный ресурс] URL: http://www.emory.edu/INTELNET/esse_esse.html (дата обращения: 22.06.2023).
 5. Baker U. Beyin Ekran // Istanbul : Birikim Yayınları. 2015. 364 p.
 6. Battaglia J. Everyone's a Critic: Film Criticism Through History and Into the Digital Age // New York: The College at Brockport. 2010. 49 p.
 7. Bernstein P. What is a Video Essay? Creators Grapple with a Definition. 2016. [Электронный ресурс] URL: <https://filmmakermagazine.com/98248-what-is-a-video-essay-creators-grapple-with-a-definition/#.YAmacI4zbcu> (дата обращения: 24.04.2023).
 8. Every Frame a Painting. Hollywood Scores & Soundtracks: What Do They Sound Like? Do They Sound Like Things?? Let's Find Out! 2016. [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=IEfQ_9DIItI&t (дата обращения: 22.06.2023).
 9. Every Frame a Painting. The Marvel Symphonic Universe. 2016. [Электронный ресурс] URL: www.youtube.com/watch?v=7vfqkvwW2fs&t (дата обращения: 22.06.2023).
 10. Grant C. The Audiovisual Essay as Performative Research // NECSUS European Journal of Media Studies. 2016. No. 5 (2). Pp. 255-265. doi:10.25969/mediarep/3370.
 11. Gürkan İ. Film Çalışmalarında Eleştirinin Dönüşümü: Görsel-İşitsel Denemeler (Audiovisual Essay) / İ. Gürkan // Sinefilozofi, 2019. No. 4 (8). Pp. 284-303. doi:10.31122/sinefilozofi.633100
 12. Keathley C. Notes on cinematography and cinephilia // La camerastylo. 2011. Pp. 176-191.
 13. Langer S.K. Problems of Art: Ten Philosophical Lectures // New York: Charles Scribner's Sons, 1957. 184 p. ISBN 0-02-367510-1.
 14. McWhirter A. Film criticism, film scholarship and the video essay // Screen. 2015. Vol. 56. No. 3. Pp. 369-377.
 15. Sendra E. Video Essays: Curating and Transforming Film Education through Artistic Research»/ E. Sendra // International Journal of Film and Media Arts. 2020. Vol. 5. No. 2. Pp. 369-377.
 16. Turkgeldi K. Thinking of Video Essays as A Performative Research With A New Concept: Transimage // SineFilozofi. 2021. No. 6 (11). Pp. 812-825. doi:10.31122/sinefilozofi.823234.
 17. Zhou T. Postmortem: Every Frame a Painting. 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://medium.com/@tonyszhou/postmortem-1b338537fab3> (дата обращения: 24.04.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи нетривиальна, нова и явно будет интересна даже

неподготовленному читателю. В центре исследования находятся «невербальные способы передачи информации в видеоэссе». Как отмечается в работе, «данный жанр использует ключевые преимущества видеоформата, благодаря которым авторы публикаций могут передавать информацию аудитории при помощи использования визуальных материалов. Предполагается, что в будущем видеожанры могут вытеснить текстовые с главенствующей позиции в области кинокритики». Статья полновесна, самостоятельна, оригинальна; большая часть тезисов, которые манифестируются в тексте, аргументированы. Например, «видеоэссе образовалось от текстового жанра литературы и публицистики – эссе. Среди традиционных признаков эссе можно выделить свободную композицию, относительно малый объем, сконцентрированность на конкретной теме, заявленной автором в заголовке, а также ярко выраженную авторскую субъективную позицию. Отмечается, что эссе представляет собой медиагибрид, для которого характерно сочетание множества элементов – признания, дневника, рассуждения, статьи, повествования или рассказа. Пересечение границ различных жанров является характерным свойством эссе», или «главная цель видеоэссе: рассказать определённую информацию о предмете обсуждения так, чтобы у зрителя появился материал для размышления. Э. МакВиртер отмечает, что другой целью является погружение массового зрителя в тонкости работы кинематографистов. Видеоэссе нацелены на повышение «визуальной грамотности» среди аудитории, чтобы зрители могли понимать и говорить о процессе создания фильмов и различных тонкостях «внутренней кухни» кинематографа. В них обеспечивается распространение информации, которую раньше можно было узнать лишь в ограниченном количестве источников» и т.д. Текст имеет законченный вид, основная / магистральная позиция автора объяснена доступно, точно, объективно. Принципы анализа, которые автор использует в качестве ведущих, современны, причем аналитический вектор в работе поддерживается с самого начала до конца. Фактических ошибок в сочинении не выявлено, наукообразность не вызывает серьезных нареканий. Хорошо, что цель, задачи и прочие фактические составляющие прописываются полновесно: «цель исследования – провести анализ особенностей жанра видеоэссе, чтобы узнать, как в нём используются невербальные способы передачи информации зрителю. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи: дать определение видеоэссе, рассмотреть его особенности, проанализировать предшествующие исследования в этой области, а также изучить примеры отдельных видеороликов». Материал может быть практически применим, в тексте есть и позиции теоретического плана, которые уместно использовать при формировании исследований смежной тематической направленности. Стиль сочинения тяготеет к аналитическо-системному: например, «в большинстве аудиовизуальных эссе присутствует голос диктора, который зачитывает закадровый текст. Это вербальный метод передачи зрителю. Однако видеоэссе отличается тем, что закадровый текст автора дополняется тем, что зритель видит на экране. Автор использует кадры из фильмов, документальную хронику, отрывки из интервью, инфографику и картинку. Подход к монтажу так же должен быть ответственным, поскольку хронометраж и правильный подбор очередности кадров является ключевым элементом жанра», или «если раньше кинокритики могли делиться своими знаниями лишь на страницах журналов и газет, то сейчас это может сделать любой желающий в своём личном блоге. Современные программы для монтажа также способствуют тому, что выпускать видеоролики теперь можно почти так же быстро, как и печатные материалы. Благодаря этому, многие любители, у которых нет журналистского или кинематографического образования, получили доступ к возможности свободно транслировать свои знания по теории кинематографа на широкую аудиторию» и т.д. Тема исследования соотносится с одной из рубрик издания, противоречий в данном случае нет. Анализ невербального способа передачи

информации осуществлен на примере канала Every Frame a Painting, что подкрепляет уровень новизны, работа касающихся этой контент-платформы практически нет. Считаю, что некоторые суждения, которые высказаны в тексте, можно расширить, углубить: например, «такой способ коммуникации с аудиторией невозможно было бы использовать в печатных материалах и даже кинокритике в формате видео, ведь они опираются прежде всего на вербальные объяснения автора. В печатной критике мы видим только текст, практически полностью лишённый визуальных образов (однако в некоторых статьях могут использоваться скриншоты). В видеорецензии же автор сочетает вербальные и невербальные способы передачи информации, но не может целиком убрать словесные объяснения, опираясь только на визуальный и музыкальный ряд. В противном случае рецензент рискует создать лишь монтаж со сценами из фильма без высказывания своего личного мнения». Выводы по тексту созвучны основному блоку; автор отмечает, что «в результате проведённого нами исследования в соответствии с поставленной целью и указанными в её рамках задачами были получены следующие выводы. Видеоэссе использует невербальную форму передачи информации, поскольку оно передаёт знания, которые невозможно в полной мере воспроизвести словесно. Большинство аудиовизуальных эссе сочетают вербальные и невербальные методы передачи информации – то есть словесные объяснения дополняются видеорядом и музыкой, которые могут дать дополнительный контекст и послужить иллюстрацией мыслей авторов. При этом в отдельных случаях, эссеисты могут сделать основной акцент на невербальных методах, значительно сократив или полностью убрав вербальные объяснения». Цель исследования достигнута, задачи, поставленные в начале труда, решены. Рекомендую статью «Использование невербального способа передачи информации в жанре видеоэссе» к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Винья-Тальянти Я., Сидорова Е.Н. — «Видимость» переводчика: Э. Тедза и его перевод «Гробовщика» А. С. Пушкина // Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.69092 EDN: ZYJODK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69092

«Видимость» переводчика: Э. Тедза и его перевод «Гробовщика» А. С. Пушкина

Винья-Тальянти Якопо

ORCID: 0000-0001-8449-544X

старший преподаватель, кафедра иностранных и русского языков, Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К. А. Тимирязева

127434, Россия, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49

✉ jacopo.vignataglianti@gmail.com



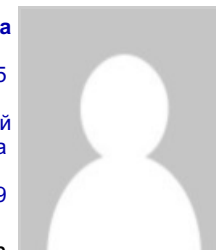
Сидорова Елизавета Николаевна

ORCID: 0000-0002-1550-1145

преподаватель, кафедра иностранных и русского языков, Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К. А. Тимирязева

127434, Россия, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49

✉ elizavetasidorova5@gmail.com



[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.69092

EDN:

ZYJODK

Дата направления статьи в редакцию:

24-11-2023

Аннотация: В статье рассматривается вопрос «видимости» переводчика на примере перевода повести «Гробовщик» А.С. Пушкина, опубликованного Э. Тедзой в литературной газете «Ateneo Veneto» в 1884 г. Данный перевод выбран авторами статьи в качестве объекта исследования по двум причинам: во-первых, он имеет важное значение в истории межкультурных отношений России и Италии, поскольку представляет собой первый перевод пушкинской повести на итальянский язык; во-вторых, автор

данного перевода – известный академик XIX в., исследования которого касались разных направлений филологии, лингвистики, компаративистики, в т.ч. перевода. Следовательно, вопреки доминирующей в то время стратегии доместикации, в переведённом тексте возможно выявить различные текстуальные элементы, отражающие личность Э. Тедзой и доказывающие его «видимость». Отправной точкой исследования стало изучение биографии переводчика, позволяющее конкретно контекстуализировать данный перевод в определённый момент жизни Э. Тедзы. Сравнительный анализ текстов оригинала и перевода позволило идентифицировать переводческие единицы, представляющие собой особый интерес для переводоведения. Следовательно, были проанализированы переводческие приёмы и стратегии, применённые в процессе их передачи на итальянский язык. Научная новизна исследования заключается в применении такого вида анализа к ранее не изученному произведению. Проведённое исследование привело авторов к следующим выводам: в переведённом тексте наблюдается общая стратегия доместикации при переводе русских реалий, что является основной характеристикой переводов конца XIX в. и чаще всего ассоциируется с концепцией «невидимости» переводчика. Однако, система очень детализированных пояснительных сносок отражает личность Э. Тедзы как этнографа, тем самым делая его «видимым». Использование широкого спектра тосканизмов в переводе указывает на биографию его автора, который в 1884 г. жил в городе Пиза. Также в тексте присутствует пример языковой интерференции с сербского языка, который свидетельствует о Тедзе как полиглоте. Таким образом, доказано, что личность переводчика при подробном анализе языковых средств и переводческих приёмов становится «видимой».

Ключевые слова:

видимость переводчика, перевод реалий, переводческие приёмы, переводческие стратегии, доместикация в переводе, история перевода, сравнительный анализ, критика перевода, анализ перевода, итальянский язык

Введение

«Почтовые лошади просвещения» – так А. С. Пушкин назвал переводчиков в известном афоризме 1830 г., имея в виду значимость их деятельности в создании литературных, культурных и деловых связей между разными странами. Сам Александр Сергеевич увлекался переводом, а его произведения переведены на десятки языков во всём мире. В Италии самый первый перевод Пушкина издан в 1841 г., когда пизанский поэт Ч. Боччелла опубликовал сборник «Четыре главные поэмы Александра Пушкина», в который вошли «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», «Цыганы» и «Братья разбойники». Первое произведение в прозе, переведённое на итальянский язык, представляет собой анонимный перевод «Капитанской дочки», опубликованный в 1876 г. в Милане [\[1-2\]](#).

С тех пор накопилось множество переводов как поэтических, так и прозаических работ Пушкина, что является отличительной чертой итальянского книжного рынка: как отмечает А. Ямпольская, перевод в Италии – это низкооплачиваемый и низко оцениваемый вид деятельности, поэтому издательству, захотевшему опубликовать новое издание уже переведённого произведения, намного выгоднее заказать новый перевод, нежели приобрести у правообладателя права на переиздание старого [\[3\]](#).

В частности, «Повести покойного И. П. Белкина» переведены на итальянский язык семь раз: в 1931 г. писателем и антифашистским политическим активистом Леоне (Львом Фёдоровичем) Гинзбургом (изд-во Славия); в 1936 г. поэтом и переводчиком Ринальдо Кюфферле (изд-во Барион); в 1946 г. «отцом» итальянской славистики, профессором и академиком Этторе Ло Гатто (изд-во Де Карло); в 1948 г. писателем и поэтом, представителем итальянского сюрреализма Томмазо Ландольфи (изд-во Бомпьяни); в 1950 г. профессиональным переводчиком Сильвио Полледро (изд-во Риццоли); в 1985 г. профессиональной переводчицей Лучаной Монтаньяни (изд-во UTET); и в 2006 г. известным писателем, журналистом и блогером Паоло Нори (изд-во Фельтринелли). Однако, уже в июне 1884 г. – чуть ли не за полвека до первого полного издания «Повестей Белкина» – вышел в литературной газете «Ateneo Veneto» отдельный перевод повести «Гробовщик», выполненный выдающимся филологом, профессором и академиком Пизанского университета Эмилио Тедзой, который является объектом данного исследования [\[4\]](#).

Как отметил Л. Вентути в одноимённой истории перевода, отличительной чертой современного рынка переводов является концепция «невидимости» переводчика, согласно которой хорошим считается тот переводчик, который остаётся незаметным на фоне «видимого» автора. Соответственно, в «хорошем» переводе читатель должен ощутить только вкус, слог и личность автора, а не переводчика. Однако, переводчик не может полностью аннулировать себя и создает языковое произведение, соответствующее собственному литературному вкусу и профессиональному мастерству, а также содержащее все особенности личной речи в плане грамматики, лексики и синтаксиса [\[3, 5-6\]](#).

За последнее десятилетие вопросы этики перевода стали всё чаще и чаще сосредоточиться на роли самого переводчика, в частности обращая внимание на ключевой вопрос о «видимости» или «невидимости» переводчика, который заменял традиционную сопоставлению между «верным» и «вольным», «дословным» и «свободным» переводом. Иными словами, если ранее центром внимания переводческих исследований был сам перевод (в частности, переведённый текст в сравнении с текстом-подлинником), теперь скорее всего рассматриваются различные аспекты процесса перевода или деятельности переводчика в целом. Возникшая парадигма обуславливает актуальность нашего исследования, в котором «видимость» переводчика представлена как отражение его биографии, его научных интересов и его подхода к своей деятельности в переведённый текст.

Для достижения цели данного исследования были идентифицированы и решены следующие задачи:

1. изучить биографию Э. Тедзы в целях контекстуализации исследуемого перевода в определённый момент его жизни;
2. сравнить текст-подлинник и переведённый текст, чтобы выявить элементы, представляющие собой особый интерес с переводческой точки зрения, в частности русских реалий;
3. проанализировать переводческие стратегии и приёмы, применённые Э. Тедзой при переводе ранее выявленных «проблемных» элементов текста-подлинника;
4. провести языковой анализ перевода с целью выявления идиолекта переводчика.

Что касается методов исследования, при изучении биографии Э. Тедзы применены методы анализа и синтеза, позволяющие выяснить основные черты его профессиональной деятельности в качестве учёного и переводчика. Метод анализа был также применён в сравнении текста-подлинника и его перевода, что позволило нам идентифицировать ключевые переводческие единицы, выяснить применённые Тедзой переводческие стратегии и приёмы, вывести из переведённого текста примеры его идиолекта.

Первичным материалом исследования является перевод «Гробовщика» А. С. Пушкина, выполненный переводчиком Эмилио Тедзой и опубликованный в 1884 г. в литературной газете «Ateneo Veneto» [4]. Дополнительные источники включают статьи онлайн и оффлайн энциклопедии, посвящённые Э. Тедзе; некролог П. Райны, опубликованном в выпуске газеты «Il Margosso» от 7 июля 1912 г.; научная работа учёных В. Крещини и К. Фрати, состоящая из биографии и полного библиографического списка трудов Тедзы [7]; статья Э. Паскуччи, посвящённая переводческой деятельности Тедзы [8]; комментарий самого Тедзы к переводу «Гробовщика» [4 с. 574].

Теоретической базой исследования послужили труды Л. Венути, Э. Пима, Р. Аррохо, К.М. Шериффа, К.Р. Эммериха, Ц. Чзан, Дж. Лааксонена и К. Коскинена, П.В. Ключина, посвящённые этике перевода и вопросу «(не)видимости» переводчика [5, 9-16]. Кроме того, работы Дж. Корбетта, И.В. Войнич Ю.Т. Богровой представляют примеры практического применения концепции «(не)видимости» переводчика по отношению к отдельным произведениям [17-19]. Важным аспектом анализа исследуемого перевода оказалась система паратекстуальных элементов (комментарий, пояснительные), которым посвящены научные труды С.Дж. Келлмана, К. Толедано Буендия, М. Подлевских Карлстром [20-22].

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по теории и практике перевода, этике перевода, переводоведению.

Результаты и их обсуждение

Как мы уже отметили, первый перевод пушкинской повести «Гробовщик» опубликован в 1884 г. в июньском выпуске литературной газеты «Ateneo Veneto» [4]. Автором данного перевода выступил венецианский филолог, этнограф и переводчик Эмилио Тедза (1831-1921). Современники описывают Тедзу как «выдающегося человека», подчёркивая разносторонность его научных интересов, объём опубликованных научных работ и переводов (с латыни и санскрита, древнегреческого, английского, французского, немецкого, шведского, окситанского, испанского, португальского, армянского, венгерского, чешского, сербского, болгарского и конечно же русского языков), количество изученных им языков (кроме вышеперечисленных, они изучал ещё китайский, японский, монгольский, а также языки коренных народов Океании и Америки и несколько креольских языков). С русского языка, помимо «Гробовщика», он перевёл поэмы «Братья разбойники» А.С. Пушкина и «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова. Согласно некрологу в газете «Il Margosso», Италия в его лице потеряла наипрекраснейшего полиглота, который в ней когда-либо жил. После работы библиотекарем в Венеции и Флоренции, в 1860 г. Тедза стал доцентом компаративистики в Болонском университете, затем профессором санскрита в Пизанском университете, в котором его выбрали дважды на должность ректора в 1880-81 и 1884-85 учебных годах. В 1891 г. стал членом

Национальной академии деи Линчеи, старейшей и самой престижной академии наук Италии [7].

Согласно Э. Паскуччи, перевод «Гробовщика» Э. Тедзы можно считать примером стратегии доместикации, поскольку он адаптирует содержание текста-подлинника к своему жизненному опыту, перемещая повесть в реальность своего времени [8 с. 212]. Такой подход заявляет сам переводчик в своем комментарии к переводу:

Il Pus'kin racconta e non declama: se non paresse, la colpa è mia. Rileggendo, veggo che ora sparisce un po' troppo il russo, e ora l'italiano: si mescola il giallo e l'azzurro, salta fuori il verde [4 с. 574].

Пушкин рассказывает, а не декламирует: если вам так не кажется, виноват – я. Перечитывая свой перевод, вижу, что где-то исчезает русский, а где-то – итальянский: смешивается жёлтый с синим, выскакивает зелёный (Здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – В. Я.)

Однако, в переводе «Гробовщика» ярко выражен другой аспект личности Э. Тедзы – его интерес к этнографическим исследованиям. Таким образом, в переводе наблюдается некий контраст между двумя противоположными подходами: с одной стороны, Тедза старается предоставить читателю текст, который в максимальной степени понятый и приятный, используя – более или менее удачно – аналогичные итальянские реалии; с другой стороны, профессионализм этнографа проявляется в системе сносок, в которых он очень подробно описывает те русские реалии, которые он заменил итальянскими, хотя данные сноски могут казаться иногда странными и, пожалуй, лишними [8 с. 214].

Первым примером этнографического подхода Э. Тедзы является перевод заголовка повести как «*appaltatore di funerali*». За исключением самого Тедзы и Л. Гинзбурга, все переводчики переводят слово «гробовщик» как «*fabbicante di bare*» (т.е. *производитель гробов*), используя максимально этимологически приближенное выражение к русскому оригиналу. Выбранное Тедзой выражение переводится буквально на русский как «подрядчик похорон»; с переводоведческой точки зрения, данный перевод является своего рода экспликацией – как показывает сама повесть, в должностные обязанности гробовщика входили не только изготовление и продажа гробов, но и всеобщая организация похорон, транспортировка гроба из траурного зала на кладбище и, наконец, погребение. Однако, этнографический подход Тедза проявляется в решении комментировать применение такого переводческого приёма сноской:

La parola, che è *grobvs'c'ik*, non si troverà in tutti i lessici: come il *grobotes* e il *grobodélja*, sarebbe il maestro che fa le casse: e così lo spiega il Dal (*Tolkovyj Slovar*). Ma la novella ne allarga l'ufficio e la dignità [4 с. 574].

Данное слово, т.е. *гробовщик*, не присутствует во всех словарях: как *гроботес* и *грободеля*, обозначает мастера, изготавливающего гробы: и так его определяет Даль (*Толковый словарь*). Однако, повесть расширяет спектр его деятельности и его достоинство.

Таким образом, выбор Тедзы может казаться оправданным, однако Э. Паскуччи отмечает, что термин «подрядчик» относится скорее к сфере общественных работ и услуг и, соответственно, не подходит для такого вида ремесленного, «семейного» бизнеса, как у главного героя повести А. Прохорова [8 с. 213].

Особый интерес для нас представляют переводческие стратегии, применённые Тедзой в

трактовке русских реалий. В наши дни, итальянские читатели уже давно привыкли к тому, что в русской классике встречаются транслитерированные термины, значение которых можно узнать либо в сносках, либо в приложенном глоссарии [8, 23]. В XIX в., однако, была намного более распространённой стратегия доместикации, при которой переводчик выбрал и заменил русские реалии на более или менее эквивалентные итальянские аналоги. Например, Тедза переводит самовар как «tettiera», т.е. «чайник», и «кивот» как «altarino», т.е. «маленький алтарь» (в итальянской традиции это небольшой столик или комод, на котором стоят иконки, свечи, цветы, фотографии или портреты погибших родственников), «гривенник» как «lira» (денежная единица Королевства Италии и потом Итальянской республики до 2000 г.) [4 с. 575, 582, 575, 579]. Переводя предметы одежды, в частности слова «кафтан», «сюртук» и «халат», Тедза применяет приём генерализации и использует для всех троих обобщённый термин «abito», т.е. «платье, костюм, вещь» [4 с. 577, 581, 582].

Однако, уникальность перевода Тедзы представляют собой сноски, в которых иногда он оправдывает свои переводческие решения и информирует читателя о реалиях, присутствующих в тексте-подлиннике. Например, ключевой персонаж повести – будочник Юрко – по нации определён как «чухонец», т.е. финн (с пренебрежительным оттенком). Тедза, однако, перевод данное слово как «d'Estonia», т.е. «эстонец», комментируя свой выбор долгой сноской:

Nel testo si ha *C'uhonec* <...> e potrebbe valere anche uomo di Finlandia. Prescelgo l'altra provincial perché dal grande lessico del Wiedemann ho la sicurezza che *Jurka* è un nome usato in Estonia e nulla potrei affermare dei finni. È noto che gli slavi diedero nome di *C'ud* alle genti altaiche che stavano, e stanno, loro accanto: e aggiungeremo, a migliore spiegazione della parola, col Safar'ick nelle sue *Antichità slave (Slovanské staroz'itnosti, V Praze 1837 p. 240)* che nel russo ant. i finni si chiamavano e *C'uchna* e *C'uhonci* e *C'uchari* [4 с. 577].

В тексте *Чухонец* <...>, что может также означать человека из Финляндии. Предпочитаю этот вариант, т.к. по лексикону Видеманна я уверен, что *Юрка* – это эстонское имя, а насчёт финнов ничего не могу говорить. Известно, что славяне называли «чудь» все алтайские народы, которые жили – и живут – рядом с ними: хочу ещё добавить, чтобы лучше объяснить данное слово, что в «Славянских древностях» Шафарика (*Slovanské starožitnosti*, Прага, 1873 г., с. 240) написано, что финнов называли и «чухна», и «чухонцы», и «чухари».

Возвращаясь домой после того, как главного героя повести подняли на смех, А. Прохоров задаётся вопросом: «Разве гробовщик гаер святочный?». И в этот раз Тедза применяет приём доместикации и переводит «гаер святочный» как «burattino», т.е. «марионетка»; однако, в сноске он снова пытается приблизить читателя к русской культуре:

Gaer svjatoc'ny: un buffone che serve di spasso nelle feste solenni [4 с. 577].

Гаер святочный: шут, который развлекает людей во время великих праздников.

Иногда доместикация некоторых слов в переводе Тедзы обусловлена общепринятыми социальными нормами его времени: именно по этой причине он переводит выражение «мертвецов православных» как «quelli che sono morti nel seno della santa chiesa», т.е. «те, кто умер в лоне святой церкви» [4 с. 579], избегая слова «ortodosso» (православный), которое – как отмечает Э. Паскуччи – в XIX в. использовалось исключительно для обозначения римских католиков [8 с. 215].

Очень интересной является переводческая находка Э. Тедзы при трактовке русского обращения «батюшка». Ю. Добровольская в своём учебнике по переводу с русского на итальянский приводит данное слово как пример «укоренившейся» ошибки, поскольку очень часто его переводят как «piccolo padre», буквально – «маленький отец» [23 с. 8]. Переводческое решение Э. Тедзы, наоборот, можно считать особенно интересным и удачным: он переводит это слово как «compare», т.е. «товарищ», когда его произносят друзья и приятели; как «sor padrone», т.е. «господин хозяин», когда к Прохорову так обращается служанка. Следует отметить, что в последнем случае служанка – в отличие от оригинала – обращается к нему на «Вы», а не на «ты» [4 с. 579, 582; 8 с. 213-214]. Таким образом, оба варианта перевода слова «батюшка» являются примерами приёма доместикации.

Другой аспект «видимости» Э. Тедзы как переводчика – это, конечно, его идиолект. В частности, перевод «Гробовщика» характеризуется в лексическом плане присутствием много диалектических вариантов, типичных для тосканского диалекта. Несмотря на венецианское происхождение, в 1884 г. Тедза жил в Пизе, поэтому можно предположить, что такими формами он хотел передать некий «местный» колорит [8 с. 212]. В следующей таблице приведены примеры тосканских форм наряду с их эквивалентами в «стандартном» итальянском языке (Таб. 1).

Таблица 1 – Тосканизмы в переводе Э. Тедзы и их эквиваленты на стандартном итальянском и русском языках

Тосканизм	Стандартный вариант	Русский эквивалент	[4]
tettiera	teiera	самовар	с. 575, 582
si appigionava	si affittava	отдается внаймы	"
canzonare	prendere in giro	смеяться	с. 578, 579
sor padrone	signor padrone	батюшка	с. 579, 582
altetti	alticci	навеселе	"
briaco	ubriaco	пьян	"
codesto	questo	это	с. 580
fiaccheraio	carrettiere	извозчик	"
in un canto	subito	тотчас	с. 581
noi si è qui	siamo qui	все мы	"
cenci	stracci	рубище	"
c'era venuto il sarto	è venuto il sarto	заходил <...> портной	с. 582
avea dato una corsa	ha fatto un salto	забегал	"
è il nome del Questore	è l'onomastico del Q.	частный именинник	"
voi dormire e dormire	continuavate a dormire	ты изволил почивать	"
noi non si è voluto	non abbiamo voluto	мы не хотели	"

Ещё одна небольшая ошибка свидетельствует о личности Э. Тедзы как переводчика. Пушкин пишет «Девушки ушли в свою светлицу», а Тедза переводит «Le ragazze entrarono nella loro camera», используя глагол «entrare», т.е. «войти», вместо «уйти» [4 с. 575]. По мнению авторов статьи, выбор неподходящего глагола при переводе данного предложения обоснован языковой интерференцией третьего языка, которым переводчик владел и с которого переводил несколько произведений, а именно сербского языка, в котором предлог (и соответствующая приставка) «у» является эквивалентом русского предлога «в».

Заключение

Общие характеристики проанализированного перевода «Гробовщика» – это domestizierung зарубежных реалий и стремление к максимальному восприятию описанной реальности как «своей» со стороны читателя. Такие характеристики, как правило, способствуют «невидимости» переводчика, приближая текст к культуре и менталитету целевой аудитории. Однако, выполнив тщательный языковой и текстуральный анализ перевода, можно прийти к выводу о том, что личность Эмилио Тедзы в тексте перевода достаточно «видимая». В соответствии с поставленными задачами, можно сформулировать следующие выводы: при переводе слов и словосочетаний, описывающих незнакомые для итальянского читателя русские реалии и, следовательно, требующих применения переводческих приёмов для передачи лингвокультурного фона повести Э. Тедза применяет общую стратегию domestizierung, которая была характерна для той эпохи и традиционно ассоциируется с «невидимостью» переводчика. Однако, научные интересы Тедзы как филолога и этнографа проявляются в системе детализированных пояснительных сносок, где каждый приём domestizierung оправдывается кратким описанием или объяснением оригинального термина или словосочетания, а также приводится транслитерированный оригинал. Личность переводчика также проявляется благодаря его идиолекту, так как языковой анализ переведённого текста выделил присутствие большого количества тосканизмов в тексте перевода. Этот факт отражает биографию Тедзы, который, как выяснилось на первом этапе исследования, в момент выполнения данного перевода проживал в г. Пизе. Ещё один элемент, указывающий на личность переводчика в тексте, – это ошибка при переводе глагола «ушли»: будучи, по-видимому, связана с явлением языковой интерференции с сербского языка, она раскрывает ещё один аспект личности переводчика, а именно его полиглотизм.

Таким образом, «видимость» переводчика не только проявляется в тексте, но может и помочь читателю узнать много интересного об Эмилио Тедзе, о его интересах и в целом о его жизни.

Перспективы дальнейшего исследования включают в себя анализ других переводов Э. Тедзы, позволяющий подтвердить отражение его личности в переводческой деятельности, а также применение разработанной методики к произведениям других переводчиков в разных языковых комбинациях.

Библиография

1. Прогожин Н.П. Переводчик Пушкина Чезаре Боччелла // Временник Пушкинской комиссии, 1978. Л.: Наука. Ленингр. Отд-ние, 1981.
2. Basella G. Alla scoperta del «genio russo» // Rivista tradurre. 2011. No. 0. URL: <http://rivistatradurre.it/2011/04/tradurre-dal-russo-2/>
3. Jampol'skaja A. Concorrenti o colleghi? Osservazioni sulle traduzioni italiane della

- letteratura russa // Quaderno del Dipartimento di Letterature Compareate – Università di Roma Tre. 2006. No. 2.
4. Teza E. Una novella di A. Pus'kin: L'appaltatore di bare; notizia letteraria / Ateneo Veneto. 1884. Serie VIII, vol. I.
 5. Newmark P. Approaches to Translation. Oxford: Pergamon Press, 1981.
 6. Venuti L. The Translator's Invisibility. A History of Translation. New York: Routledge, 1995.
 7. Crescini V. Emilio Teza; segue la bibliografia del Teza a c. di C. Frati. Venezia: C. Ferrari, 1914.
 8. Pascucci E. Note ad alcune traduzioni del Grobovščik di A.S. Puškin // Studi in onore di Ettore Lo Gatto; a c. di A. D'Amelia. Roma: Bulzoni, 1980.
 9. Venuti L. The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference. London – New York: Routledge, 1998.
 10. Pym A. Venuti's Visibility // Target. 1996. Vol. 8, No. 1.
 11. Arrojo R. The "death" of the author and the limits of the translator's visibility // Translation as Intercultural Communication: Selected papers from the EST Congress, Prague 1995; ed. by M. Snell-Hornby, Z. Jettmarová and K. Kaindl. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 1997.
 12. Sheriff K.M. Reviewing Translations: Translator's Invisibility Revisited // Translation Today. 2008. Vol. 5, No. 1-2.
 13. Emmerich K.R. Visibility (and invisibility) // Handbook of Translation Studies, vol. 4; ed. by Y. Gambier, L. Van Doorslaer. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2013.
 14. Zhang Q. Translator's Voice in Translated Texts // Journal of Literature and Art Studies. 2016. Vol. 6, No. 2.
 15. Laaksonen J., Koskinen K. Venuti and the Ethics of Difference // The Routledge Handbook of Translation and Ethics; ed. by K. Koskinen and N.K. Pokorn. New York: Routledge, 2021.
 16. Ключин П.В. Несколько слов об этике переводчика // Вестник русской христианской гуманитарной академии. Филологические науки. 2021. Т. 2, № 1.
 17. Corbett J. Now you see 'em: the visibility of Scots translators // Cadernos de Tradução. 1999. No. 1(4).
 18. Войнич И.В. Стратегия перевода и "видимость"/"невидимость" переводчика (на материале русскоязычных переводов трагедии В. Шекспира "Юлий Цезарь") // Вестник ЧелГУ. 2009. №30.
 19. Богрова Ю.Т. «Непрозрачность» текста и «фоновый шум» переводчика (на материале произведения Д. Брауна «Ангелы и демоны») // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 3.
 20. Kellman S.G. Alien autographs: how translators make their marks // Neohelicon. 2010. No. 37.
 21. Toledano Buendía C. Listening to the voice of the translator: A description of translator's notes as paratextual elements // Translation & Interpreting. 2013. Vol. 5, No. 2.
 22. Podlevskikh Carlström M. The (in)visibility of translation and translators in the Swedish publication of post-Soviet Russian literature: An analysis of peritext // Stridon. Journal of Studies in Translation and Interpreting. 2022. Vol. 2, No. 2.
 23. Dobrovol'skaja J. Il russo: l'abc della traduzione. 2a ed. Venezia: Cafoscarina, 2002.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья ««Видимость» переводчика: Э. Тедза и его перевод «Гробовщика» А. С. Пушкина», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей образа переводчика художественного произведения.

Так, автор фокусируется на переводе повести «Гробовщик» на итальянский язык, выполненный выдающимся филологом, профессором и академиком Пизанского университета Эмилио Тедзой, изданном в 1884 г.

Исследование выполнено в русле теории перевода и стилистики, опирается на теории отечественных научных школ. Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Что касается методов исследования, при изучении биографии Э. Тездзы автором применены методы анализа и синтеза, позволяющие выяснить основные черты его профессиональной деятельности в качестве учёного и переводчика. Метод анализа был также применён в сравнении текста-подлинника и его перевода, что позволило нам идентифицировать ключевые переводческие единицы, выяснить применённые Тедзой переводческие стратегии и приёмы, вывести из переведённого текста примеры его идиолекта. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом на итальянском и русском языках.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке.

Библиография статьи насчитывает 23 источника, среди которых теоретические работы как на русском, так и на иностранным языках. БОльшее количество ссылок на ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно бы усилило теоретическую значимость работы. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по теории и практике перевода, этике перевода, переводоведении. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья ««Видимость» переводчика: Э. Тедза и его перевод «Гробовщика» А. С. Пушкина» может быть рекомендована к

публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Бободжанова Л.К., Соснина М.Н. — Европейская сказочная литература: диахронический аспект // Litera. — 2023. — № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.69007 EDN: ZWHCRD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69007

Европейская сказочная литература: диахронический аспект

Бободжанова Лола Кадыровна

ORCID: 0000-0002-1238-8474

кандидат педагогических наук

Доцент, ВШИППиПЛ, Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра Великого

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

✉ tulipan@mail.ru



Соснина Мария Николаевна

ORCID: 0000-0002-6817-0933

старший преподаватель, кафедра Высшая школа лингвистики и психологии, Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого (СПбПУ)

194214, Россия, Санкт-Петербург область, г. Санкт-Петербург, ул. Луначарского, 38, кв. 222

✉ mmasha2004@inbox.ru



[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.69007

EDN:

ZWHCRD

Дата направления статьи в редакцию:

16-11-2023

Аннотация: Предметом исследования является диахронический аспект развития европейской сказочной литературы на примере итальянской, французской, немецкой, английской и испанской сказки. Объектом исследования является европейская сказочная литература как уникальный литературный феномен. Авторы рассматривают литературную сказку как самостоятельный жанр сказочной литературы, занимающий особое место в истории литературы в целом. Описаны этапы развития европейской

сказочной литературы и формирования жанра литературной сказки, особое внимание уделено истории становления итальянской, французской, немецкой, английской и испанской сказочной традиции. Сказка проанализирована как универсальный жанр со всеми ее возможностями передавать последующим поколениям накопленный опыт, отражать национальные духовные ценности, приобщать к уникальным культурам. Обоснована роль сказки как характерного социокультурного феномена, ее значение в развитии европейского общества и формирования национально-культурного сознания.

Теоретико-методологическая база исследования включает в себя следующие методы: сравнительно-исторический метод, сравнительный анализ, сопоставительный анализ, метод контрастивного анализа, культурно-исторический метод. Научная новизна исследования заключается в попытке рассмотреть итальянскую сказку как прототипический жанр европейской сказочной литературы и изучить влияние итальянской литературной сказки на формирование сказочного жанра в Европе. Проведённый анализ позволил рассмотреть сходства и различия европейских литературных сказок. Доказано, что в европейских волшебных сказках присутствуют схожие черты, благодаря которым сказки становятся доступными и понятными в рамках других лингвокультур. Сделан вывод о том, что сказочная литература является отражением национальной языковой картины мира и в значительной степени зависит от существующих в обществе национально-культурных особенностей, особенностей менталитета и мировосприятия. Уникальный жанр сказки способен передать представление о языковой картине мира и культурном своеобразии той нации, которая обрабатывает универсальный сказочный сюжет. Вклад авторов в исследование темы состоит в подробном описании этапов развития европейской сказочной литературы, истории становления итальянской, французской, немецкой, английской и испанской сказочной традиции и анализе объединяющих черт развития европейской сказочной литературы. Доказано, что сказка является неиссякаемым источником, позволяющим понять национально-культурное своеобразие, существующее в рамках различных лингвокультур, познакомиться с мировосприятием его представителей, отразить культурную идентичность, передать этнический, исторический и национальный колорит.

Ключевые слова:

европейская сказочная литература, литературная сказка, итальянская сказка, французская сказка, немецкая сказка, английская сказка, испанская сказка, культурная адаптация, национально-языковая картина мира, культурный код

Сказочная литература считается одной из самых древних форм народного творчества и является частью литературного наследия. Жанр сказки зародился довольно давно, но к нему по-прежнему обращаются писатели, развивая и обогащая его, приспособив для выражения новых идей и традиций. Сказка способна как зеркало отразить национальную жизненную философию народа, национально-культурные особенности общества, исторический и религиозный опыт: она синтезирует в себе народную мудрость, талант, воображение, она позволяет вырваться из реальности, настраивает на особый волшебный лад. Вымышленные сюжеты переносят читателей в волшебные миры, полные мечтаний и приключений, где добро торжествует над злом, а героев окружают чудеса. Сказки берут свое начало из устного народного творчества, и поэтому им удаётся невероятно самобытно и точно передать национальный колорит и культурное своеобразие народа, характерные для определенных исторических эпох. Секрет притягательности этого уникального жанра заключается в том, что сказки могут

веселыми и грустными, трогательными и насмешливыми, назидательными и сатирическими, но при этом они никогда не бывают скучными [1]. С точки зрения воспитательной функции, сказочная литература на протяжении долгих лет считается неким моральным мерилom как для взрослых, так и юных читателей. Сказки бросают вызов действительности и способны переносить в волшебный мир, они помогают отличить добро и зло, воспитывают умение любить, учат быть честными, отважными и преданными. Они формируют у юного читателя первые представления об общечеловеческих ценностях и морали. Они хранители культурного кода, состоящего из определенных жизненных идеалов, убеждений, ценностей, благодаря которым у читателей формируется система мировоззренческих универсалий, определяющих культурную самоидентификацию. Сказочная литература прекрасно иллюстрирует процесс культурной адаптации оригинальных текстов: подобные произведения изначально создаются с целью обучения, социализации и так называемой «аккультурации» читателей [2]. Наряду с другими художественными произведениями, сказки предельно точно ярко передают национальную самобытность, они являются носителями культурной и исторической информации о народе [3]. В сказочной литературе отражаются нравственные идеалы и ценности народа, что придает подобными литературными произведениями глубокий смысл в противовес наивности и простоте их назначения [4].

Невозможно точно определить, когда именно зародился жанр сказки – очевидно лишь, что это произошло очень давно, еще за тысячи лет до нашей эры. Учитывая, что первые сюжеты передавались преимущественно устным путем, в современном мире сохранилось сравнительно небольшое количество образцов древней сказочной литературы. В то же время феномен межкультурной, или внешней «миграции» жанра объясняет наличие непосредственного сюжетного сходства, обнаруживаемого в сказках разных стран. Волшебные истории пересказывались и переводились с языка на язык, подвергаясь при этом культурной обработке и адаптируясь к новой воспринимающей среде на национальном, социальном и бытовом уровнях [5]. Жанр сказки имел отражение в культуре многих народов древности (Древний Китай, Индия, Древний Египет и другие). Древнейшей сказкой, дошедшей до нашего времени, считают египетскую «Повесть о двух братьях», которая была написана на папирусе иератическим письмом в XIII в. до н. э. Сюжет сказки затрагивает темы божественного начала фараона, роли женщины в вопросах передачи престола, государственного строя и системы правления Древнего Египта. По мнению некоторых исследователей, существует определенная связь между этой сказкой о братьях Бате и Анупу и библейской легендой об Иосифе и жене Потифара [6]. Большое влияние на формирование сказочных мотивов и сюжетов оказал древнегреческий эпос: самой значительной фигурой здесь предстает Эзоп (ок. V в. до н.э.), всемирно известный баснописец родом из Древней Греции. Некоторые исследователи рассматривают фигуру Эзопа как результат определенной мистификации и склонны полагать, что под этим именем объединялись басни из разных анонимных источников. Наиболее ранние сохранившиеся коллекции басен Эзопа, переложенные на стихотворный слог Федром и Бабрием, датируются I–II вв. н. э. и насчитывают около двухсот произведений [7]. В средневековой Европе особую популярность приобрел сборник прозаических басен «Ромул», написанный на латинском языке. Эти басни воспринимались как забавные, и вместе с тем поучительные истории. Отличительной особенностью более поздних переизданий «Ромула» стало добавление в сборник элементов христианизации, поскольку морали басен обретали религиозную окраску. В дальнейшем эзопика также нашла отражение в мире литературной сказки: многие европейские писатели считали животный эпос первоисточником народной поэзии [8]. В

период между III и V вв. в Индии был создан еще один достойный упоминания литературный памятник под названием «Панчатантра», представляющий собой пятитомное собрание древних басен о животных и волшебных сказок, целью которых было воспитание благородных мужей королевских кровей. Написанная на санскрите, книга переводилась на арабский и персидский языки, а в Европу эти чудесные истории дошли через устные сказания. Примечательно, что в литературных источниках некоторых средневековых и более поздних авторов (в особенности баснописцев) прослеживаются сюжеты этого выдающегося памятника повествовательной прозы. Всемирно известный сборник арабских и персидских сказок «Тысяча и одна ночь» представляет особую ценность в мире художественной литературы, так как он отражает необыкновенную культуру Востока, пропущенную через призму накопленных веками сюжетов: вплоть до XVI века поколение за поколением обогащало восточный эпос новыми волшебными рассказами. Важно отметить, что все сказки сборника объединены одной общей сюжетной линией: жестокий султан Шахрияр убежден, что женщины по своей природе распутны, и каждую ночь заставляет новую невесту рассказывать ему увлекательные истории, а под утро велит казнить ее, подозревая в неверности. Все повторялось до тех пор, пока он не женился на дочери визиря Шахерезаде, находчивой красавице, которая умудряется перехитрить своего господина и на протяжении 1001 ночи занимает его сказками, а в конце концов и вовсе влюбляет Шахрияра в себя [7]. Каждая из сказок имеет большой объем, мотивируемый временным аспектом – история должна была быть длинной, чтобы Шахерезада могла растянуть ее до утра и избежать смерти. Исследование исторического происхождения столь масштабного старинного собрания сказок и новелл вызывает споры среди многих ученых: одни полагают, что это наследие арабской литературы, другие считают, что это произведение основано на переводе персидского сборника «Тысяча легенд», которое датируется VIII веком, который, в свою очередь, уходит корнями в древний индийский фольклор. Другое любопытное стихотворное собрание сказок, новелл и легенд «Катхасаритсагара», или «Океан сказаний», принадлежит руке придворного кашмирского поэта Сомадевы и датируется XI веком. Оно также имеет композиционное обрамление, а сюжеты сборника происходят из индийского фольклора. Мотивы многих сказок «Катхасаритсагары» встречаются и в «Тысяча и одной ночи». Все эти выдающиеся литературные памятники и их письменные переводы оказали значительное влияние на развитие европейских сказочных сюжетов. Древние истории находили отражение в европейской культуре, а их фабулы использовались писателями, в том числе и итальянскими сказочниками, считающимися основателями европейской сказочной литературы. В западном мире сюжеты из «Книги тысячи и одной ночи» пересказывались еще итальянскими купцами, но по-настоящему известной она стала только в XVIII веке благодаря французскому переводчику Антуану Галлану, издавшему двенадцатитомное собрание сказок «Les Mille et Une Nuits» (1704–1717). Именно его труды послужили основой дальнейших европейских переизданий знаменитого арабского и персидского литературного памятника [8, 9].

Рассматривая этапы развития европейской сказочной литературы и формирование жанра литературной сказки в целом, важно подчеркнуть то факт, что ключевая роль в этом процессе принадлежит средневековой итальянской литературной сказке. Она отчасти является предтечей европейской литературной сказки. История итальянской сказочной традиции невероятно богата и обширна: не всем известно, что великий Никколо Макиавелли и непревзойденный гений Леонардо да Винчи оставили в ней свой след, написав несколько итальянских новеллистических сказок, некоторые из которых позднее нашли свое отражение в сборниках европейских сказочников. В итальянской литературной сказочной традиции было принято сохранять старинные фольклорные

сюжеты, в дальнейшем эти сюжеты успешно адаптировались под культуры европейских народов и вскоре начинали восприниматься как неотъемлемая часть их литературного наследия. Жанр европейской сказки начинает формироваться задолго до времен Средневековья: первый итальянский сказочный сюжет можно найти уже во II веке – это известная легенда об Амуре и Психее из авантюрно-сказочного романа «Золотой осел» (лат. *Asinus aureus*) написанная на латинском языке Луцием Апулеем. Процесс становление итальянской сказочной литературы начинается в XIII веке, именно в этом период появляется итальянская новелла, уникальный жанр, объединивший в себе как народные, так и литературные традиции. Тогда сказка приобретает ту же популярность, что и анекдоты, и басни [10]. Нельзя не недооценивать вклад, который внес в европейскую средневековую литературу еще один гений Возрождения Джованни Боккаччо (1313–1375). Несмотря на то, что итальянские сборники рассказов в прозе были известны и до этого (самый известный, анонимный сборник «*Il Novellino*», XIII век), Джованни Боккаччо вывел данные прозаические произведения на новый художественный уровень, снискав славу жанра итальянской новеллы, которая блистательно представлена в книге «Декамерон», где описано сто разнообразных бытовых сюжетов (итал. «*Decameron*», 1348–1351). Данный сборник объединил новеллы из разных источников: часть из которых к тому времени уже составляли письменную литературную традицию, а другие были основаны на фольклорном творчестве. Важно, что рамочное повествование, которого Джованни Боккаччо придерживался в своих произведениях, в дальнейшем послужило в некоторой степени образцом для структурной композиции сборников сказок большинства европейских сказочников [11]. Особую роль в развитии литературы эпохи Итальянского Возрождения также играл многотомный трактат Джованни Боккаччо «Генеалогия языческих богов» (итал. «*Genealogia deorum gentilium*», 1360), в котором запечатлены его рассуждения об истине и магии в художественных произведениях, о культурной значимости мифологии и поэтического вымысла. Джованни Боккаччо упоминал, что вымысел есть способ изложения скрытых истин, и в зависимости от его выраженности выделял четыре типа художественной литературы. К последнему типу относились сказочные истории о феях, людоедах и ведьмах, о которых писатель отзывался с некоторой иронией, называя их «выдумками сумасшедших старух», не содержащими ни явной, ни глубинной правды. Тем не менее, гуманистические идеи Джованни Боккаччо фактически положили начало восприятию сказки как части литературного мира, поскольку они также имели определенную нарративную ценность [12]. Необходимо упомянуть что «Декамерон» на протяжении более двух веков лет был некой концептуальной и стилистической моделью для многих итальянских новеллистов: Франко Саккетти (итал. «*Il Trecentonovelle*», ок. 1395), Поджо Браччолини (итал. «*Liber Facetorum*», 1471), Мазуччо Салернитано (итал. «*Novellino*», 1476), Джироламо Морлини (итал. «*Novellae*», 1520) и Аньоло Фиренцуола (итал. «*Ragionamenti d'amore*», 1548). Писатели использовали схожие рамочные схемы повествования, сюжеты строились вокруг мотивов, продиктованных условиями жизни того времени, таких как бедность, болезни, горести, невзгоды, в них также отмечается интерес к возрождению гуманистических идей и идеалам античности [13]. Особенно стоит упомянуть Джованни Серкамби (итал. «*Il Novelliere*», 1374) и Джованни Фиорентино (итал. «*Il Pecorone*», 1390), в чьих новеллах встречаются истории со сказочными сюжетами, что иллюстрирует тот факт, что начиная с XIV века часть итальянских писателей начинает проявлять интерес к сказочному жанру. В эпоху Возрождения фольклорные сюжеты пользуются чрезвычайной популярностью в итальянской литературе, однако до середины XVI века в новеллах авторы предпочитают опираться на реалистичные сюжеты, а не на волшебные.

В качестве литературного жанра итальянская сказка начинает формироваться под влиянием творчества Джованни Франческо Страпаролы (XV–XVI вв.). Изданный им двухтомный сборник «Приятные ночи» (итал. «Le piacevoli notti», 1550-1553) объединил в себе семьдесят четыре итальянские новеллы-сказки, часть которых основана на восточных и европейских фольклорных традициях [7]. В середине XVI века его книга «Приятные ночи» пользовалась невероятной популярностью в Италии и вопреки церковным запретам переиздавалась около пятидесяти раз и была переведена на французский (1560, 1580) и немецкий языки (1791) [14]. Известно, что Джованни Франческо Страпарола является первым европейским автором, кто перенял устные сказочные сюжеты, и именно благодаря его трудам многие из них дошли до нашего времени. Он, как и другие его предшественники, взял на основу рамочную структуру «Декамерона», однако ему удалось создать особую композиционную рамку: его истории на самом деле рассказываются от лица гостей дома сеньоры Лукреции Сфорца, которые в качестве увеселения во время карнавала на острове Мурано загадывают друг другу загадки, а также рассказывают истории, сюжеты которых восходят к народным волшебным сказкам. Как и все его итальянские предшественники и европейские современники, Джованни Франческо Страпарола заимствовал многие истории из более ранних фольклорных сборников, его сюжеты отличаются большой реалистичностью описаний быта того времени, а также полны изощрённых сцен насилия и жестокости с вызывающими отвращение подробностями. И хотя писатель неоднократно заявлял об исключительной оригинальности своих сказочных сюжетов, схожие мотивы можно найти и в новеллах Дж. Морлини, Ф. Саккетти и у самого Джованни Бокаччо [10]. По мнению исследователей, беспрецедентный успех этой книги объясняется прежде всего необычностью ее содержания: благодаря ей литература эпохи Возрождения увидела волшебная сказку, полную колоритных диалектизмов, остроумных пословиц и прибауток, необычных персонажей и непобедимый народный оптимизм. [15]

В начале XVII века творчество выдающегося итальянского писателя итальянского барокко Джамбаттиста Базиле знаменует следующий этап развития жанра итальянской литературной сказки. Всемирно известный пятитомник сказок «Пентамерон» или «Сказка сказок, или Забава для малых ребят» (итал. «Lo cunto de li cunti overo lo trattenemiento de peccerille», 1634–1636) содержит пятьдесят волшебных историй, написанных на неаполитанском диалекте и объединённых одной сквозной темой. Это первый в Европе сборник переработанных народных сказаний. Он объединяет в себе причудливые и изощренные элементы, устрашающие и комичные сюжеты, комбинирует высокий и низкий стиль легенд и небылиц, которые были гениально переработаны Джамбаттиста Базиле. Необходимо отметить, что язык новелл отличается колоритными неаполитанскими ругательствами, черным юмором и пикантными подробностями. По мнению части исследователей, сборник «Il Pentamerone» был создан автором исключительно для развлечения сладострастных и праздных придворных, поэтому, возможно, автор и не думал обнародовать свое детище при жизни [13]. Сказочные истории Дж. Базиле, основанные на устной народной сказочной традиции и написанные изначально на неаполитанском диалекте, самобытно отражали различные неаполитанские реалии, уникальные местные традиции и обычаи, описывали коварные политические интриги, человеческие пороки, семейную вражду и ненависть. [14]. Они настолько увлекательны, что захватывают с первых строк и заставляют сопереживать всем: грозным чудовищам и принцессам, феям и колдуньям, бедным добрым девушкам и даже мачехам, рисуя богатую палитру человеческих чувств, стремлений и надежд. Большая часть сказок Джамбаттиста Базиле основана на индоевропейском фольклоре, который до этого в

европейской литературе не был представлен: к ним относятся сюжеты о златовласой принцессе Рапунцель, коте в Сапогах, кузенах Ниннилло и Неннелла (прототипы Гензель и Гретель), Спящей красавице, и некоторых других [\[7\]](#). Джамбаттиста Базиле также использовал прием рамочного повествования, ранее встречавшийся в сборниках Джованни Бокаччо и Джованни Франческо Страпаролы, и объединил все сказки общим сюжетным обрамлением. Моральные суждения в новеллах представлены в форме простонародных нравоучений, и сопровождаются легкой иронической усмешкой. Помещенные в пространство волшебной сказки, новеллы Джамбаттиста Базиле передают всю палитру человеческих страстей: счастье, любовь, чувство отчаяния, скорбь, мучения и т. П. Использование неаполитанского диалекта, разговорной лексики, пословиц и поговорок, метафор, иронии и тонкого юмора для описания персонажей является новаторским приемом для литературной сказки того времени. Язык рассказчиков становится составной частью раскрытия их характеров: героев характеризуют в первую очередь их поступки, мысли и диалоги. Автор постарался передать сложные конфликты эпохи и характерные особенности социальной среды, раскрыть жизнь разных слоев неаполитанского общества, описать крестьянский быт и труд простых людей. Как и у Джованни Франческо Страпаролы, повествование в сказках Джамбаттиста Базиле наполнено подробностями ужасных событий и бесчеловечных поступков персонажей. Однако многие детали (в особенности сексуального и сатанинского характера) подвергались цензуре, продиктованной Индексом запрещенных книг, иначе книга могла быть не напечатана за пределами Неаполя [\[12\]](#).

Из всего этого следует, что всемирно признанная итальянская литературная сказка начинает формироваться еще задолго до эпохи Средневековья, своим рождением она обязана ранним итальянским новеллам, которые с блеском смогли объединить в себе самобытные авторские идеи, вплетенные в национальный фольклор. При этом литературные сказки Джованни Франческо Страпаролы и Джамбаттиста Базиле пронизаны гуманистическими идеями эпохи Ренессанса: итальянским сказочникам удалось передать представления, господствующие в этот период времени и отразить его типологические черты. В основе итальянских сказочных новелл заложены традиции народной новеллы, воплотившей итальянские особенности национального характера и менталитета, карнавального сознания, для которого была характерна амбивалентность восприятия, чему посвятил множество своих научных трудов М. М. Бахтин. [\[16\]](#) Под влиянием жанра итальянской новеллы объектом сказок становится реальная жизнь во всем ее многообразии и подлинности, что отличает литературу эпохи Возрождения от Средневековой. Это был период поиска новых художественных поэтических форм, с чем итальянские авторы справились блестяще. Все вышеперечисленное позволило итальянской сказочной литературе сформироваться как самостоятельный жанр и сыграть значительную роль в последующем развитии европейской сказочной литературы.

Исследуя развитие жанра французской сказочной литературы, необходимо отметить, что жанр литературной сказки появился довольно давно. Французская сказочная традиция начала формироваться еще в эпоху Средневековья, затем активно развивалась в эпоху Возрождения, однако, лишь в XVII веке с появлением литературных салонов сказочные сюжеты обретают настоящую популярность [\[11\]](#). Французскую литературу эпохи Средневековья и эпохи Возрождения отличает более свободное, чем в других европейских литературах, обращение с фольклорной традицией [\[1\]](#). Это ярко демонстрирует роман Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (фр. Gargantua et Pantagruel, 1494-1553), создающий уникальную атмосферу и повествующий об ужасных людоедах. Он полон философских диалогов и размышлений, аллегорий, критики

общества и человеческих поступков, которые заставляют читателя задуматься над глубокими вопросами жизни и человеческой природы. Во французской литературной сказке того времени прослеживается значительное влияние итальянской сказочной традиции: произведения Джованни Боккаччо, Джанфранческо Поджо Браччолини и Мазуччо Салернитано служили образцом для произведений многих французских новеллистов. Исследование истории французской сказочной литературы тесно связано с исследованиями Джейка Дэвида Зайпса, которому удалось описать возникновение французской литературной сказки и проследить связь с фольклором в литературных сказках конца XVII и XVIII веков. По его мнению, пальму первого сказочника Шарль Перро должен поделить с женщинами-сказочниками, которые собиравались в литературных салонах Парижа, и не только обсуждали насущные проблемы, но и рассказывали сказочные истории. ^[17] Что касается жанра салонной литературной сказки, то он изначально сформировался благодаря двум выдающимся женщинам-авторам классических французских сказок: Мари-Катрин д'Онуа, издавшей два четырехтомных сборника «Волшебные сказки» (фран. «Les contes des fées», 1697) и «Новые сказки, или модные Феи» (фран. «Contes nouveaux ou les Fées à la mode», 1698), и Жанны-Мари Лепренс де Бомон, которая известна тем, что мастерски обработала хорошо известные сказочные сюжеты и создала хрестоматийную литературную версию сюжета «Красотка и чудовище» (фран. La Belle et la Bête), более известную как «Красавица и Чудовище». Собрания их сказок представляют столь внушительное многообразие фольклорных тем. Для французской литературной сказки характерно сочетание устных и книжных источников. В частности, Мари-Катрин д'Онуа в своих сказках часто ориентируется на итальянские рыцарские поэмы Людовико Ариосто и Торквато Тассо. Литературные сказки полны иронии и самоиронии, в них присутствует нарочитая детскость в сочетании с галантностью, небрежность, возведенная в творческий принцип. Отличительной чертой произведений Мари-Катрин д'Онуа является ирония, она пронизывает все ее произведения, часто используются иронические выпады в адрес человеческих пороков, политических событий и тогдашнего аристократического общества. Именно у этих писательниц черпал вдохновение великий сказочник и поэт Шарль Перро (1628–1703), внесший неоценимый вклад в развитие французской сказочной литературы. Он написал в общей сложности одиннадцать сказок, основанных на фольклоре. Довольно иронично, что самый известный сочинитель Франции того времени в действительности боялся осуждения со стороны высшего общества за то, что уделял внимание культуре «простолюдинов»: свою версию сказки «Спящая красавица» (фр. «La belle au bois dormant») Шарль Перро опубликовал анонимно, а последующий сборник «Сказки матушки Гусыни», или «Рассказы, или Сказки былых времен» (фр. «Histoires ou contes du temps passé, avec des moralités», «Contes de ma mère l'Oye», 1697), был издан под авторством его сына Пьера и посвящен племяннице Людовика XIV ^[18]. Культурные адаптации фольклорных сказок Шарля Перро были первоначально созданы для образованных аристократов эпохи Возрождения, в них сочетались традиции, национальный колорит и оттенки галантного, прециозного стиля, который в тот период времени получил широкое распространение в литературных салонах Франции. Однако, Шарль Перро преобразил «низкий» сказочный жанр. Его версии отличались от сказок итальянских предшественников, в них были исключены сцены нечеловеческого жестокости и насилия, в них делается акцент на добродетель, моральные и нравственные качества героев, показаны преимущества послушания и усердия, терпения и предусмотрительности и т. д. ^[15] Он также отказался от использования популярного возвышенного стиля письма, характерного для традиционных салонных литературных сказок, и сохранил типичные для фольклорной сказки структуру и

фольклорные формулы [19]. Шарль Перро был убеждён, что сказочный жанр должен непременно объединять и поучение, и забаву: к каждой из «Сказок матушки Гусыни» прилагается послесловие, в котором раскрывается мораль истории и которое является дидактическим наставлением для читателей [8]. К примеру, сказка «Синяя Борода» (фр. «La Barbe bleue») учит сдерживать излишнее любопытство, а сказка «Мальчик-с-пальчик» (фр. «Le Petit Poucet»), что не стоит не судить о книге по обложке. В XVIII веке литературные произведения Мари-Катрин д'Онуа и Жанны-Мари Лепренс де Бомон, вместе со сказками Шарля Перро и других французских авторов, были выпущены в антологии «Кабинет Фей» (фр. «Le Cabinet des Fées», 1786–1789), состоящей из сорока одного тома, куда также вошли переводы арабской народной прозы, известной как «Тысяча и одна ночь» [7].

Особого расцвета литературная французская сказка достигает в эпоху Просвещения: в этот период получила развитие философская сказка, известная также как философская повесть, достигшая вершин в творчестве Вольтера. Персонажей этих сказок почти всегда отличают черты исконно французского национального характера, они общительны, любознательны и порой невероятно болтливы. Произведения полны сатиры и сарказма на французское общество, и описывают быт и традиции того времени. Анатолий Франс называет этот период развития литературной сказки как «Золотой век сказки» [1]. В XIX веке в эпоху Романтизма интерес к сказочной литературе вновь усиливается, писатели интересуются фольклором, который рассматривается как неотъемлемый элемент национальной культуры. В этот период создаются новые произведения, например, Жерар де Нерваль собрал фольклорные сказки провинции Валуа, писательница Жорж Санд адаптировала сказки региона Берри (исторической провинция в центре Франции). Сказочные литературные переработки того периода полны гротеска и сатиры, пародируют фольклорные каноны, включают современные реалии того времени, а также литературные реминисценции [1].

Обобщая, можно сказать, что жанр волшебной сказки занимал важное место во французской литературе на протяжении всего периода Просвещения и важную роль в его формировании сыграли именно женщины-сказочницы. Наряду с Шарлем Перро они стояли у истоков не только французской, но и европейской литературной сказки, и оказали значительное влияние на дальнейшее формирование сказочного жанра. Однако, сравнивая их произведения со сказками Шарля Перро, необходимо отметить, что его работы гораздо ближе к фольклорным образцам, чем их непосредственные литературные источники и некоторые из них считаются архетипическими, универсальными повествовательными моделями [15]. Особо хотелось бы отметить, что многие французские сказочники заимствовали идеи своих известных итальянских предшественников: к примеру, Генриетта-Жюли де Кастельно де Мюрат в предисловии к своему сборнику «Новых сказок» (фран. «Nouveaux contes de fées») пишет, что сказочные истории написаны под влиянием Дж. Ф. Страпаролы и его «Приятных ночей». В свою очередь, Шарль Перро в своей сказке «Ослиная шкура» (фран. *Peau d'Âne*) повторяет основные сюжетные линии и элементы произведений Джанбатиста Базиле «Медведица» (итал. *L'orza*, 1634) и Джованни. Ф. Страпаролы «Дораличе» (итал. «Doralice – Notte Prima, Favola IV»). Тем не менее, в отличие от итальянской литературной сказки, во французской литературе волшебство становится неотъемлемой частью сказки. И если Джованни Франческо Страпарола только начинает вводить в сказочные истории чудесные допущения, а Джанбатиста Базиле усиливает восприятие волшебства как некой помощи, получаемой в награду за добродетель героев, то одной из ключевых особенностей французских литературных сказок становится воплощение

волшебного в образе чистой невинности, что произошло под влиянием церковных воззрений и христианских ценностей того времени [\[12\]](#).

Развитие жанра сказочной немецкой литературы совпадает с эпохой романтизма в Германии [\[9\]](#). В период с 1806 по 1814 гг. издается сборник народных песен «Волшебный рог мальчика» (нем. *Des Knaben Wunderhorn. Alte deutsche Lieder*), Клеменс Бретано де ла Рош (нем. *Clemens Brentano*) совместно с Ахимом фон Арним (нем. *Achim von Arnim*) выпускают старинные немецкие песни, увидел свет сборник народных сказок Братьев Гримм. Эрнст Гофман создает такие известные произведения, как «Щелкунчик и Мышиный король» (нем. *Nußknacker und Mausekönig*), «Золотой горшок» (нем. *Der goldne Topf: Ein Märchen aus der neuen Zeit*) и «Крошка Цахес» (нем. *Klein Zaches, genannt Zinnober*). Вышеуказанные писатели являются яркими представителями гейдельбергского романтизма (нем. *Heidelberger Romantik*). Второе поколение немецких романтиков обращались к идее культурно-исторической традиции, проблеме поиска себя и духовного единения с природой, к важности религиозного сознания. Представители движения также черпали свое вдохновение в устном народном творчестве.

Создание жанра немецкой литературы неразрывно связано с выдающимися фольклористами Якобом и Вильгельмом Гримм, которые обратились к древним преданиям, чтобы сохранить их в памяти людей. В 1806 году они начали собирать бытовавшие в народе сказочные сюжеты, обращая особое внимание на устные тексты [\[7\]](#). Якоб и Вильгельм были не первыми, кто обратился к жанру немецкой сказки, однако их новаторство заключалось в том, что они старались записать и публиковать сказки именно в «народном», неисправленном виде. Для них было чрезвычайно важно сохранить сказочные тексты в их в первоначальном виде, передать их традиционные номинальные черты, именно поэтому они избегали серьезной литературной обработки. При этом Вильгельм был сторонником литературной адаптации текстов, но старшему брату удалось переубедить его. Хотя определенная литературная обработка все же присутствовала у них при работе с текстами. Обработке подвергались места действия и поведение персонажей, было усилено красочное повествование, введены дополнительные назидательные элементы и усилена морализаторская составляющая. До сих пор не утихают споры, какое влияние сборники французских сказочников оказали на Братьев Гримм и на формирование немецкой сказки в целом. Подобные исследования можно встретить у Поля Деларю, Марка Сорьяно, Уте Хайдемана, которые в своих работах указывают на влияние таких сказок Мари-Катрин д'Онуа, как «Белая Кошка» (фран. «*La Biche au bois*»), или «Лесная лань» (фран. «*La Biche au bois*»), на братьев Гримм [\[15\]](#). Известно, что большая часть сказочных сюжетов братьев Гримм основана на известных французских сказаниях: благодаря французским корням своих рассказчиков, народные вариации французских сказок и преданий стали основой для их будущих сказочных сюжетов. Например, по рассказам Марии Магдалины Элизаветы Хассеннфлуг опубликовано одиннадцать сказок. Французская сказительница Доротея Фиман рассказала не менее семидесяти шести сказок, сорок из которых были совершенно неизвестны Братьям Гримм. Таким образом, почти все сказки Шарля Перро оказались в более поздних опубликованных сборниках сказок братьев Гримм [\[20\]](#). Сборник сказок братьев Гримм насчитывает более двухсот сказок. В них присутствуют волшебные сказки, бытовые сказки и сказки о животных. Первые выпуски сказок подверглись серьезной критике, поскольку эти сказочные истории были расценены как совершенно не подходящие для детского чтения из-за неподобающего содержания и гротескного повествования [\[21\]](#). Сказки братьев Гримм имеют большое количество схожих элементов, создающих целостную индивидуально-авторскую картину. Так, например, в

подавляющем большинстве сказок встречается тема патриотизма, идея немецкого перфекционизма, четкость и педантизм, а также уважение к родному языку и культуре [22]. Все это позволяет некоторым ученым выделить сказки братьев Гримм в отдельный поджанр немецкой сказочной литературы, характерными особенностями которого является использование в повествовании диалектизмов, уменьшительно-ласкательных слов, даже сцен жестокости и кровожадности, и всевозможные религиозные отсылки [22]. Интересно рассмотреть использование уменьшительно-ласкательных слов в немецкой сказочной Литературе. Уменьшительно-ласкательная форма в немецком языке образуется при помощи суффиксов -chen и -lein. В произведениях братьев Гримм часто встречаются подобные формы слов, например: tapfere schneidelein – храбрый портняжка, brüderchen – братик, swesterchen – сестренка, rötkepchen – красная шапочка [23]. Ещё одной особенностью немецких сказок является их целостность, которая определяется спецификой построения сюжета. Немецкая сказка, как правило, представлена в форме небольшого рассказа, все события в котором логично следуют друг за другом. В финале произведения обязательно присутствует кульминационный момент, в котором главные герои совершают судьбоносный поступок [24]. В качестве примера приведем сказку «Гензель и Гретель» (нем. Hänsel und Gretel), где основной задачей брата и сестры является благополучное возвращение домой после долгих странствий по лесу и встречи с опасной колдуньей. В финале сказки главные герои совершают подвиг и возвращаются домой, что доказывает логичность построения и целостность немецкой литературной сказки. В период с 1812 по 1814 годы братья Гримм издали два тома сборников сказок «Детские и семейные сказки» (нем. «Kinder- und Hausmärchen»), включавшие 156 сказочных историй. В 1819 году был выпущен сборник сказок под общим названием «Детские легенды» (нем. «Kinderlegenden»), в которых дополнительно вошли девять волшебных историй. Братья Гримм назвали этот сборник «учебной книгой» (нем. «Erziehungsbuch»), в ней они стремились к наибольшей достоверности, правдивости и справедливости описываемых ими волшебных историй. Позднее, когда читательская аудитория стала меняться в сторону детской, большинство неподобающих подробностей и деталей, заимствованных из народного фольклора, стали подвергаться цензуре со стороны Вильгельма Гримма, и таким образом были удалены или частично видоизменены, что соответствовало устанавливавшимся этическим нормам того времени [14]. Современная немецкая авторская литературная сказка зародилась во второй половине XX столетия. Одним из наиболее значимых произведений в данном жанре является сборник сказок «Спасение Сарагосского моря» (нем. Die Rettung des Saragossameeres) Й. Вальтера и М. Вольтера, охватывающий большое количество сказок, создававшихся во второй половине XX столетия [25]. Главными героями немецких сказок новой эпохи уже не являются короли, принцы, бедные крестьяне и благородные рыцари. На смену привычным персонажам приходят певцы, строители, спортсмены, переводчики и моряки. Такое разнообразие персонажей в сочетании с философскими проблемами, затрагиваемыми в сказках, придает жанру оттенок научной фантастики [25]. Ярким примером является сказка Р. Криста «Старик и дерево» (нем. Der alte Mann und der Baum) главным героем является консультант по посадке деревьев, а в сказке М. Стаде «Мечта курочки и петушка» (нем. Der Traum vom Hühnchen und vom Hähnchen) центральными персонажами становятся животные со своими личными проблемами и тяготами жизни.

Подводя итог вышесказанному, важно отметить, что жанр немецкой литературной сказки прошел довольно длительный путь своего становления. В эпоху романтизма господствовали сильные чувства, которые выражались либо в страстной любви, либо в

честолюбии, зависти, и жадности. В романтических сказках часто существует понятие судьбы, которая ведет героя наперекор обстоятельствам и таким образом он доказывает свою состоятельность. Идеи, свойственные романтизму, довольно скоро вступили в противоречие с прогрессивными идеями наступавшей эпохи Просвещения, и безусловно подобное противостояние не могло не оказать влияние на развитие немецкой сказочной литературы. Немецкая литература того времени довольно часто идеализировала прошлое, проявляла большой интерес к национальной истории страны, в этот период во главу угла ставились сентиментализм и борьба с обывательским материализмом. Появлялись новые писатели, которые постепенно видоизменяли жанр и привносили в него что-то новое. Однако, наиболее значимой вехой на пути развития немецкой литературной сказки является именно сборник сказок братьев Гримм, который послужил основой для формирования немецкой литературной сказки.

В фокусе эволюции жанра английская литературная сказка стоит особняком, и ее формирование как отдельного литературного направления значительно отличается от европейской сказочной литературы. Английская сказка начала свое развитие значительно позже: только в конце XIX века стали собирать и записывать различные фольклорные сюжеты, именно в этот период увидели свет самые первые сборники английских сказок. Известно, что английская сказочная традиция восходит к кельтскому фольклору. Наследие кельтского эпоса оказало непосредственное влияние на формирование фольклора народов Уэльса, Ирландии, Корнуолла, Бретани и острова Мэн. Элементы кельтской мифологии сохранялись в эпических и волшебных памятниках литературы, таких как ирландские саги Уладского цикла, легенды о Тристане и Изольде и кельтские сюжеты о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Однако свою популярность эти произведения обрели уже в отрыве от кельтского эпоса, поскольку были заимствованы и подвержены значительному влиянию французского, немецкого, английского и итальянского языков ^[26]. До середины XVIII века культура и литературное наследие древних кельтов оставались малоизученными. Во многом это было обусловлено тем, что гэльским, валлийским и ирландским языками, носителями культурных традиций древних кельтов, владело сравнительно небольшое число людей. В XIX веке появились самые ранние издания двух томов английских народных сказок (англ. «English Fairy Tales», 1890), они принадлежали перу Джозефа Джейкобса, президенту английского фольклорного клуба ^[10]. Джозеф Джейкобс известен как «спаситель» народных преданий и сюжетов, именно благодаря ему они не были утрачены безвозвратно. Важно, что он не подвергал их литературной обработке и максимально постарался сохранить изначальную форму традиционных английских фольклорных сюжетов. В своих заметках Джозеф Джейкобс сравнивал проделанную работу с трудами братьев Гримм и извинялся за «скудность» своих собраний (в них вошли 87 историй) ^[10]. Как отмечал сам автор, если при составлении сборников английских фольклорных сказок он испытывал трудности при поиске материала, то в случае с кельтскими сказками, напротив, стоял вопрос о выборе среди огромного количества текстов. Он также внес огромный вклад в дело сохранения кельтских преданий и запечатлел необыкновенные сказочные сюжеты в сборниках «Celtic Fairy Tales» (1892) и «More Celtic Fairy Tales» (1894). Уникальные валлийские и ирландские сказки также были представлены в собраниях Джереми Кэртина («Myths and Folk Tales of Ireland», 1890), Питера Генри Эмерсона («Welsh Fairy-Tales And Other Stories», 1894) и Уильяма Генри Фроста («Fairies and Folk of Ireland», 1900) ^[14]. В своем сборнике Джереми Кэртина приводит переводы сказок с гэльского на английский, передавая при этом национально-культурные особенности и колорит произведений кельтского происхождения. Наиболее авторитетное собрание «Цветные книги сказок» (англ. «The

Lang's Fairy Books», 1889–1914) было издано Эндрю Лэнгом и содержало фольклорные и литературные сказки со всего мира. Оно насчитывало 798 волшебных историй, вошедших в 12 книг, каждая из которых называлась по цвету обложки. Как писал сам Э. Лэнг, эти тома предназначались для детского чтения и представляли своего рода «нетронутую летопись зарождения культуры» [27]. Благодаря «Цветным книгам сказок» Эндрю Лэнг обрел славу в английском литературном мире и оказал значительное влияние на популярность сказок в Великобритании. Что касается литературных сказок, становление этого жанра английской сказочной литературы относят к середине XIX века. В викторианскую эпоху сказки больше воспринимаются как эффективный способ преподать юному поколению нравственные уроки. Как и большинство европейских сказочников, английские авторы создавали свои произведения как для детской, так и для взрослой аудитории [10]. Ярко прослеживается английская фольклорная традиция в сборнике Чарльза Диккенса «Рождественские повести» (англ. «The Christmas Book», 1843-1848). По сути, Чарльз Диккенс создал особый вид сказки – рождественская сказка: его сказка – это сентиментальное, трогательное произведение полное чудачков и привидений. Необходимо отметить, что английскую литературную сказку отличает особое пристрастие к сверхъестественным явлениям, inferнальным существам (сказки Оскара Уайльда), ей также присущи странные и необычные поступки героев (рождественские сказка Чарльза Диккенса) [28]. Одна из самых известных английских литературных сказок «Алиса в стране чудес» (англ. «Alice's Adventures in Wonderland»), появилась в 1865 году, ее автор профессор математики Чарльз Лютвидж Доджсон выпустил работу под псевдонимом Льюис Кэрролл. Это первая английская литературная сказка с ребенком в роли главного героя, она известна своим остроумным юмором, использованием языковой игры, отсылками к печальному и даже трагичным мотивам. Впоследствии она стала примером для многих английских литературных сказок. [29]. Таинственные сказочные миры, созданные в сборнике сказок Оскара Уайльда «Счастливый принц и другие истории» (англ. «The Happy Prince and Other Tales», 1888) отражали борьбу с табуированными социальными темами, затрагивали вопросы религии и морали, поднимали вопросы английской практики воспитания детей и их роли в обществе. Известные поучительные истории Редьярда Киплинга, собранные в «Книге джунглей» (англ. «The Jungle Book»), знакомят юных читателей с далекими экзотическими странами, их нравами, традициями и обычаями. Во многих сказках не было привычного счастливого конца, что контрастировало с общепринятыми литературными тенденциями викторианской эпохи. Особенно пессимистичными представляются сказки-притчи Оскара Уайльда, наполненные гротескными изображениями, тяжелыми философскими рассуждениями, суровыми жизненными ситуациями и конфликтами [14].

Таким образом, английские литературные сказки возникли благодаря разным источникам и сказочные сюжеты попадали на территорию Британских островов в разные временные периоды. Одни сюжеты получили свое распространение из кельтской мифологии, они адаптировались под местный фольклор, становились его частью, и впоследствии находили отражение в сборниках собирателей народных сказаний и фольклора. Часть сказочных сюжетов пришли в Великобританию уже в литературном виде через произведения известных европейских сказочников. Их последующая культурная адаптация была частью авторского творческого процесса и отчасти отражала идеи Викторианской эпохи: в английских сказках значительное внимание стало уделяться трудолюбию, хозяйственности и умеренности, добродетель ставилась во главу угла, идеи общественной морали, свойственные английскому обществу того времени все чаще транслировались в сказочных сюжетах. Необходимо отметить, что английская сказка была значительно подвержена влиянию французской сказочной литературы и долгое время

носила на себе отпечаток пуританства, ставя перед собой цель воспитать лучшие нравственные качества в юном читателе. Большинство английских авторов ставили перед собой задачу не только развлечь публику и пробудить воображение как детей, так и взрослых, но и преподнести им уроки викторианской морали. В литературной сказке того времени предпринята попытка удерживать ценности Викторианской эпохи, создать новые этические нормы, опираясь на многовековой народный опыт, который является авторитетным доказательством и обоснованием существующих общественных норм и моральных ценностей. Писатели пытаются создать некую систему общеобязательных идеалов, идей и предписаний, который способны выражать интересы определенных социальных групп и являться социальным ориентиром в Викторианском обществе.

Исторические корни испанской фольклорной сказки следует искать в противоречивой истории Иберийского полуострова. Интерес к исследованию испанской фольклористики возникает в XIX веке под влиянием новых идей эпохи романтизма, в период подъема национальной самосознания. Испанское фольклорное наследие представляет собой главное связующее звено между истоками испанской национальной культуры и ее настоящим, что дает возможность проследить развитие культурного наследия и своеобразия народа Испании. Феномен испанского фольклора заключается в том, что в Средневековье он играет значительную роль в истории мировой фольклористики, выполняя роль некоего посредника между европейской и мусульманской культурой. Традиционно под испанскими народными сказками можно понимать разнообразные фольклорные тексты, как правило, выполненные на кастильском языке в его диалектном многообразии, и которые можно встретить в текстах сказок на других языках Иберийского полуострова [30]. Так же как восточные литературные памятники оставили значительное влияние на итальянские сказочные сюжеты, так же и благодаря андалусской литературе (известная как испано-арабская литература) европейская сказочная литература познакомилась с выдающимися образцами восточной фольклорной литературы, сюжеты некоторых позднее были изменены в соответствии с национальным колоритом, традициями, менталитетом, этическими нормами и стали выдающимися образцами европейской фольклорной литературы.

Оригинальность и самобытность испанской сказочной литературы тесно связано с андалусской культурой (так ученые называют испано-арабскую литературу) [31]. Испанское устное народное творчество берет свое начало еще во времена древнейших жителей Пиренейского полуострова: иберы, кельтиберы, тартезийцы обладали высокоразвитым искусством, владели письменностью. Стоит отметить, что греческое и римское культурное наследие внесло неоценимый вклад в развитие культуры народов Иберийского полуострова: именно их литература во многом послужила основой для различных фольклорных мотивов и сюжетов [32]. Рассматривая жанр испанской народной сказки, необходимо упомянуть некоторые факты, оказавшие значительное влияние на ее содержание и развитие: различные народы, населявшие Иберийский полуостров и исторические события, произошедшие с VIII по XV века, период Реконкисты и дальнейшее формирование единого Испанского централизованного государства. Принимая во внимания эти факторы, можно утверждать, что испанская народная сказка представляет собой яркое сочетание арабских и европейских традиций, что отличает ее от остальной европейской сказочной литературы. В период с VIII по XV века в связи с арабским завоеванием Пиренейского полуострова жанр испанской народной сказки подвергся сильному влиянию арабской культуры. В XI веке король Кастилии Альфонсо VI обнаружил в библиотеках Толедо сотни тысяч арабских книг, включая переводы произведений античных авторов. Данный фактор поспособствовал развитию

переводческой деятельности в Испании. В эпоху правления Альфонсо X Мудрого (1252–1284 гг.) школа переводчиков в Толедо стала своеобразным проводником между литературным миром Запада и Востока. В это время был переведен с арабского на кастильский язык сборник сказок, басен и притч древних индийцев «Панчатантра», позднее именно из этого источника испанские сказочники черпали свои сюжеты для создания увлекательных историй. В XVI веке испанская сказка переживает свой расцвет, он связан с такими испанскими фольклористами, как Хуан де Тимонедра, Себастьян Мей, Мельчор де Санта Крус, Хуан де Аргихо и другие. Они собирают песенные и сказочные тексты и на их основе создают свои собственные литературные произведения. В Валенсии были опубликованы сборники сказок и притч Хуана де Тимонедры под названием «Сладкие яства, или отрада путников» (исп. «El Sobremesa y Alivio de Caminantes» 1563), «Добрый совет, или Собрание притч» («El buen aviso y portacuentos», 1564) и «Забавник» («El Patrañuelo», 1565). В 1613 году там же в Валенсии вышло первое иллюстрированное издание сказок для детей, написанное на кастильском языке за авторством Себастьяна Мей. Андалусский писатель и поэт Хуан де Аргихо известен не только как гениальный сонетист, произведения которого сделали его одним из образцов литературы неоклассицизма наряду с писателями эпохи Возрождения XVI века, но и как рассказчик народных сказок, анекдотов и шуток. В 1902 году они были опубликованы под названием ««Sales Españolas o Agudezas del Ingenio Nacional»». Все эти произведения были чрезвычайно популярны среди населения Иберийского полуострова. [33]

Во многом благодаря испанской литературе и переводам с испанского Европа смогла познакомиться с большим количеством выдающихся произведений средневековой литературы Востока, самыми популярными и известными из которых стали «Книга тысячи и одной ночи» (IX в.) и «Книга о семи мудрецах» (VIII–IX вв.) [34]. Народная испанская сказка смогла не только заимствовать, но и преобразовать и упорядочить унаследованные арабские ценности, традиции и обычаи, в ее сюжетах часто присутствует индийский фольклор. В средневековой Испании отмечался неподдельный интерес к сказочным мотивам и сюжетам, однако найти произведения, посвященные устному народному творчеству, было крайне затруднительно вплоть до XVIII века. С началом эпохи Романтизма во всей европейской культуре возрождается интерес к старинным преданиям и сказаниям, легендам и мифам. В середине XIX века в Испании начинается с новой силой изучаться фольклорное наследие. Знаменательно, что большое влияние на испанских собирателей фольклора оказали европейские фольклористы-романтики, и в первую очередь, всемирно известные братья Якоб и Вильгельм Гримм. Испанские фольклористы старались сохранить эстетическую и дидактическую функцию фольклора, более того, при помощи литературной обработки им удалось достигнуть еще большего «фольклорного эффекта» в своих произведениях [33]. Выдающаяся испанская собирательница фольклора Сесилия Бёль де Фабер (исп. Cecilia Böhl de Faber) известна тем, что не только собрала и адаптировала различные испанские детские народные сказочные сюжеты, но и опубликовала несколько сборников под псевдонимом Фернан Кабальеро (исп. Fernan Caballero). Наиболее известный и популярный «Народные и детские сказки, поговорки, загадки и пословицы» (исп. «Cuentos, Adivinanzas y Refranes Populares e Infantiles») увидел свет в 1878 году [31]. Этот сборник по праву можно считать первым образцом испанской детской литературы.

В XX веке число сборников с испанскими народными сказками значительно возросло, что во многом связано с деятельностью известного ученого-фольклориста Аурелио М. Эспиносы (исп. Espinosa, Aurelio M.), который представил большое количество испанских

народных сказок в виде письменных текстов и на их основе составил собственные сборники, в число которых входит один из самых крупных сборников испанских сказок – «Испанские народные сказки» (исп. «Cuentos Populares Españoles», 1926 г.). При этом ему удалось сохранить и передать стилистические и языковые особенности оригинальных фольклорных произведений [31]. Нельзя не упомянуть известного испанского фольклориста, собирателя испанских народных преданий и сюжетов Антонио Мачадо Альвареса (исп. Antonio Machado Álvarez), который опубликовал «Библиотеку народных традиций» (исп. Biblioteca de las tradiciones populares españolas, (1883-1886)), куда вошло сорок четыре сказки из различных регионов Иберийского полуострова. Кроме того, заслуживают внимания работы Антонио де Труэба и Ла Кинтана (исп. Antonio de Trueba y La Quintana), известного собирателя фольклора народов страны Басков и автора баскских народных сказок «Cuentos Populares de Vizcaya», каталонцев Франсиско де С. Маспонс и Лаброс (исп. Francisco Maspóns I Labrós), Хасинта Бердагера Сантьяго (исп. Jacint Verdaguer i Santaló). Первый выпустил три сборника известных каталонских сказок «Lo Rondallayre: Contes Populars Catalans (1871-1875)», второй прославился как автор книг «Rondalles» (1905) и «Folk-lore» (1907). Впоследствии испанская народная сказка постоянно развивалась, успешно сочетая в себе как традиции европейской, так и восточной культуры. Играя в Средние века роль важного посредника между восточной и европейской культурой, она познакомила европейское общество с лучшими образцами восточных фольклорных текстов, многие из которых позднее ассимилировала и придала им особое звучание, сделав их доступными для остального европейского сообщества. Важно, что жанр испанской народной сказки передает не только бесценный многовековой опыт испанцев и черты местной культуры, но также и национально-культурные особенности, неповторимый национальный колорит других народностей и стран, в особенности культуры Востока. Кроме всего прочего, языковое многообразие на территории Иберийского полуострова предопределяет особенности испанской народной сказки и испанского фольклора в целом.

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы: европейская сказочная литература прошла продолжительный путь развития и смена эпох оказала значительное влияние на ее становление и развитие; сказки эпохи Ренессанса отличаются от средневековых сюжетов обращением к реальным событиям, господствующим в этот период времени, местным обычаям во всем их многообразии; свободная эпоха Ренессанса дарит миру итальянскую сказку, которая закладывает фундамент европейской сказочной литературы; Романтизм возрождает интерес к фольклорному творчеству и дарит миру литературную сказку как жанр; эпоха Просвещения меняет средневековые сказочные сюжеты и сюжеты эпохи Возрождения, теперь они больше напоминают назидательные истории, которые ведут свое происхождение от древних мифов, представляя собой последовательную стилизацию под фольклорный образец с меньшей ориентацией на сказочный канон; Викторианская эпоха придает сказкам чопорность и еще больше усиливает их морализаторский характер. Литературная сказка конца XIX и начала XX века меняет устоявшиеся сюжеты, на смену привычным персонажам приходят новые, все больше внимания уделяется различным философскими размышлениями и суждениям, которые в некоторой степени придают жанру сказки оттенок научной фантастики. Важно отметить, что в европейской литературной традиции, как и в устном народном творчестве, определенные сюжеты могут повторяться и варьироваться, что доказывает близость литературной волшебной сказки по структуре к народной. Таким образом, в конце XVII века жанр сказки прочно укоренился в европейской литературе, и сказка обретает статус литературного произведения.

На примере развития итальянской, французской, немецкой, английской и испанской

сказочной литературы было выявлено множество сходств и различий; на протяжении столетий сказочные сюжеты отражают мировоззрение различных народов, их отношение к окружающему миру, самобытные традиции и обычаи, идеи общественной морали и т. п. Каждая культура, каждый автор приносили в жанр сказочной литературы нечто новое: индийские арабские и персидские сказки знакомят читателей с философией древности, итальянские сказки одновременно завораживают и пугают, утонченные французские сказки, напротив, носят возвышенный характер и ставят во главу угла нравственность и добродетель. Немецкие сказки отличаются простотой и народным характером, в свою очередь, английские сказочные сюжеты меньше опираются на свои фольклорные корни и заостряют внимание на насущных социальных заботах и проблемах. Испанская сказочная литература полна поэзии и самобытности, она удивительным образом объединила в себе европейские и восточные традиции и сюжеты, познакомив таким образом европейцев с классическими образцами восточных фольклорных текстов, и стала проводником европейских фольклорных традиций в страны Востока.

Сказка превращается в некий компас для общества, она способна фиксировать в народной памяти фундаментальные традиционные ценности, позволяет вернуться к истокам культуры, является важнейшим элементом культурного сознания. Этот уникальный и многогранный жанр литературы бережно хранит и передает богатый накопленный опыт последующим поколениям, ярко и самобытно отражает национальные духовные ценности, знакомит с самобытными и уникальными культурами других стран. В сказочных сюжетах выражена система ценностей и нравственные нормы той эпохи, в которой творит автор. Писатель не только рассказывает, но и фиксирует в своих произведениях идеалы, этические нормы и ценности своей исторической эпохи. Универсальный парадокс сказочной литературы заключается в том, что сказки создают особый художественный мир, воплощая его в особую литературную форму: созданный в сказке художественный мир живет по своим собственным вымышленным законам. Вмешав в себя разнообразные мифические сюжеты и образы, сказка постепенно обогащается новыми формами художественного вымысла, обретает часто несмешливый, иронический тон, настраивает читателей на особый лад и таким образом отвлекает их от повседневной жизни. Сказочная история трансформируется в увлекательную, поразительную, необыкновенную историю, чему способствуют традиционные инициальные, медиальные и финальные формулы, которые позволяют слушателю приобщиться к неповторимой атмосфере волшебной сказки. Особый художественный мир сказки позволяет создать необыкновенную волшебную реальность, которая способна сохранить фундаментальные ценности, свойственные как отдельному народу, так и цивилизации в целом. Все это позволяет сказкам стать основополагающим способом воспитания читателя не только в детстве, но и на протяжении всей жизни.

Библиография

1. Полторацкая Н.И. Сказки французских писателей. Л.: Лениздат. 1988.
2. Карпухина В.Н. Дискурс детской художественной литературы в процессах институализации общества // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 248–255.
3. Волкова Т.А., Зубенина М.А. Особенности реализации социокультурной и прагматической адаптации при переводе общественно-политических текстов // Социо-и психолингвистические исследования. 2015. № 3. С. 54–66.
4. Дядюченко В.П. Понятие сказки и проблема ее адаптации к другой культуре // Филологические науки: традиции и инновации. Сборник научных статей, посвященный 50-летию памяти В.В. Виноградова. 2019. С. 115–120.

5. Костикова О.И. Истинностные и ценностные аспекты перевода сказки // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2015. №2. С. 100–113.
6. Walter C. Kaiser, Jr., Paul D. Wegner. A History of Israel: From the Bronze Age through the Jewish Wars. – B&H Publishing Group, 2017.
7. Ashliman D.L. Folk and Fairy Tales: A Handbook. – Westport, CT: Greenwood Press, 2004.
8. Иванова Э.И. От сказки к творчеству. Предвестники. // Международный альманах гуманитарное пространство. 2014. Т.3. С. 81–91.
9. The Great Fairy Tale Tradition: From Straparola and Basile to the Brothers Grimm (review) Anne E. Duggan *Marvels & Tales*, Volume 16, Number 2, 2002, pp. 295-298 (Article) Published by Wayne State University Press.
10. Haase D. The Greenwood Encyclopedia of Folktales and Fairy Tales. Volumes 1-3. / Ed. by Donald Haase. – Westport, Connecticut: Greenwood Press, 2008.
11. Bottigheimer R.B. Fairy Tales Framed: Early Forewords, Afterwords, and Critical Words. – State University of New York Press, 2012.
12. Bottigheimer R.B. Magic Tales and Fairy Tale Magic: From Ancient Egypt to the Italian Renaissance. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014.
13. Bottigheimer R.B. Fairy Godfather: Straparola, Venice, and the Fairy Tale Tradition. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2002.
14. Zipes J. Fairy Tales and the Art of Subversion: The Classical Genre for Children and the Process of Civilization. – New York: Routledge, 1991.
15. «Европейская новелла Возрождения» Составители: Н. Балашов, А. Михайлов, Р. Хлодовский М.: Художественная литература, Серия: Библиотека всемирной литературы. Серия первая: Литература до XVIII века. 1974.
16. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная смеховая культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература. 1990.
17. Седова О. В. Формирование литературной сказки в салонах Франции XVII – XVIII вв. // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2011. № 4. С. 66–72.
18. Daniytorova B.A. Morality in Charles Perrault fairy-tales // International Journal of Innovations in Engineering Research and Technology. 2021. Vol. 8(04) – pp. 1–3.
19. Jean L. Charles Perrault's Paradox: How aristocratic fairy tales became synonymous with folklore conservation // *Trames Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2007. Vol.11(61/56), 3. pp. 276–283.
20. Фомина З.Е. Немецкие национально-культурные максимы в номинациях сказок братьев Гримм // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2010. № 2 (14). С. 25–36.
21. Брауде Л.Ю. Сказочники Скандинавии / Серия: из истории мировой культуры. – изд-во: Наука, Ленинград. 1974.
22. Chapelle, N. The Translator's Tale: a thesis. School of Applied Languages and Intercultural Studies, Joint Faculty of Humanities, Dublin City University. 2001.
23. Гришина И.И. Сказка в системе речевых жанров // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 1(05). С. 172–174.
24. Левицкий А.Г. Особенности цельности текстов немецких народных сказок // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. С. 178–184.
25. Селезень О.А. Языковое оформление и тематика современной немецкой литературной сказки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. С.

145–147.

26. Соболева К.А. Фольклорное и мифологическое в английской литературной традиции XX века (Дж. Р. Р. Толкин, У. Б. Йейтс): Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Москва. 2005.
27. Bottigheimer R.B. Fairy tales and folk tales // International companion encyclopedia of children's literature / ed. by Peter Hunt. Vol. 1. New York, 2004. pp. 261–274.
28. Меретукова М.М. Жанровая и художественная специфика "Рождественских повестей" ("Christmas Tales") Ч. Диккенса и английская фольклорная традиция // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Сер.: Филология и искусствоведение. 2010. Вып. 2 (58). С. 37–41.
29. Тананыхина А.О. Традиции развития английской волшебной сказки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. №2. С. 190–192.
30. Баканова А. В. Особенности языка испанских народных сказок: диссертация кандидата филологических наук: 10.02.05. Москва. 2006.
31. Плавский З.И. Литература Испании. От зарождения до наших дней. Том 1. IX–XVIII вв. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2005.
32. Охрицкая, Н.М. Исторические корни испанской народной сказки // Инновационные механизмы решения проблем научного развития: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Стерлитамак, 04 июня 2017 года. – Стерлитамак: Общество с ограниченной ответственностью "Агентство международных исследований". 2017. С. 101–103.
33. Баканова, А. В. История испанского фольклора: костюбристский период / А. В. Баканова // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака: Сборник статей по итогам VII международной конференции, Москва, 21–25 марта 2022 года. Том 7. – Москва: ООО «Издательство Спутник». 2022. С. 28–36.
34. Ершова И.В. "История Испании" Альфонса X Мудрого и начало формирования испанской прозы (к постановке проблемы) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. С. 122–134.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сказка – это особая форма, которая поистине уникальна, самобытна, оригинальна. В сказке создается особый художественный мир, который позволяет создать слушателю / читателю необыкновенную волшебную реальность, способную сохранить фундаментальные ценности, свойственные как отдельному народу, так и цивилизации в целом. Именно это позволяет сказкам стать основополагающим способом воспитания не только в детстве, но и на протяжении всей жизни. Рецензируемая статья касается европейской сказочной литературы, причем автор работы ориентирован на диахронический аспект ее рассмотрения. Собственно это и определяет новизну данного труда, верифицирует ряд актуальных магистралей оценки. Статья достаточно объема в плане наличной структуры, она информативна, полновесна, на мой взгляд, целостна, хотя остановка сделана на итальянской, французской, немецкой, английской и испанской сказочных формах. Работа методологически точна, компаративный принцип соразмерно сращивается с аналитико-эмпирическим. Автор начинает статью и завершает

ее рамочно, что весьма удачно смотрится: «сказочная литература считается одной из самых древних форм народного творчества и является частью литературного наследия. Жанр сказки зародился довольно давно, но к нему по-прежнему обращаются писатели, развивая и обогащая его, приспособливая для выражения новых идей и традиций. Сказка способна как зеркало отразить национальную жизненную философию народа, национально-культурные особенности общества, исторический и религиозный опыт: она синтезирует в себе народную мудрость, талант, воображение, она позволяет вырваться из реальности, настраивает на особый волшебный лад. Вымышленные сюжеты переносят читателей в волшебные миры, полные мечтаний и приключений, где добро торжествует над злом, а героев окружают чудеса. Сказки берут свое начало из устного народного творчества, и поэтому им удаётся невероятно самобытно и точно передать национальный колорит и культурное своеобразие народа, характерные для определенных исторических эпох». Некая огранка текста дает возможность читателям как бы консолидировать взгляд на становление и развитие европейской сказочной литературы. Большая часть работы верифицирована, фактические данные введены уместно и корректно. Например, «Невозможно точно определить, когда именно зародился жанра сказки – очевидно лишь, что это произошло очень давно, еще за тысячи лет до нашей эры. Учитывая, что первые сюжеты передавались преимущественно устным путем, в современном мире сохранилось сравнительно небольшое количество образцов древней сказочной литературы. В то же время феномен межкультурной, или внешней «миграции» жанра объясняет наличие непосредственного сюжетного сходства, обнаруживаемого в сказках разных стран», или «В средневековой Европе особую популярность приобрел сборник прозаических басен «Ромул», написанный на латинском языке. Эти басни воспринимались как забавные, и вместе с тем поучительные истории. Отличительной особенностью более поздних переизданий «Ромула» стало добавление в сборник элементов христианизации, поскольку морали басен обретали религиозную окраску. В дальнейшем эзопика также нашла отражение в мире литературной сказки: многие европейские писатели считали животный эпос первоисточником народной поэзии», или «Рассматривая этапы развития европейской сказочной литературы и формирование жанра литературной сказки в целом, важно подчеркнуть то факт, что ключевая роль в этом процессе принадлежит средневековой итальянской литературной сказке. Она отчасти является предтечей европейской литературной сказки. История итальянской сказочной традиции невероятно богата и обширна: не всем известно, что великий Никколо Макиавелли и непревзойденный гений Леонардо да Винчи оставили в ней свой след, написав несколько итальянских новеллистических сказок, некоторые из которых позднее нашли свое отражение в сборниках европейских сказочников. В итальянской литературной сказочной традиции было принято сохранять старинные фольклорные сюжеты, в дальнейшем эти сюжеты успешно адаптировались под культуры европейских народов и вскоре начинали восприниматься как неотъемлемая часть их литературного наследия» и т.д. Думается, что можно было бы дифференцировать текст на блоки, которые маркировались бы территориально, хотя и монолит как общий концептуальный извод в принципе понятен (ориентир на замысел / цель автора). Стиль исследования соотносится с собственно-научным типом, термины и понятия используются без разночтений: «Особую роль в развитии литературы эпохи Итальянского Возрождения также играл многотомный трактат Джованни Боккаччо «Генеалогия языческих богов» (итал. «Genealogia deorum gentilium», 1360), в котором запечатлены его рассуждения об истине и магии в художественных произведениях, о культурной значимости мифологии и поэтического вымысла. Джованни Боккаччо упоминал, что вымысел есть способ изложения скрытых истин, и в зависимости от его выраженности выделял четыре типа художественной литературы. К последнему типу относились сказочные истории о феях,

людоедах и ведьмах, о которых писатель отзывался с некоторой иронией, называя их «выдумками сумасшедших старух», не содержащими ни явной, ни глубинной правды» и т.д. Привлекает в работе контекстуальное поле, она по возможности то расширяется, то сбивается в некие сопоставительный грейд. Автор буквально не говорит о типологии жанров сказочной литературы Европы, но проговаривает это в ряде мест. Например, «что касается жанра салонной литературной сказки, то он изначально сформировался благодаря двум выдающимся женщинам-авторам классических французских сказок: Мари-Катрин д'Онуа, издавшей два четырехтомных сборника «Волшебные сказки» (фран. «Les contes des fées», 1697) и «Новые сказки, или модные Феи» (фран. «Contes nouveaux ou les Fées à la mode», 1698), и Жанны-Мари Лепренс де Бомон, которая известна тем, что мастерски обработала хорошо известные сказочные сюжеты и создала хрестоматийную литературную версию сюжета «Красотка и чудовище» (фран. *La Belle et la Bête*), более известную как «Красавица и Чудовище», или «жанр волшебной сказки занимал важное место во французской литературе на протяжении всего периода Просвещения и важную роль в его формировании сыграли именно женщины-сказочницы. Наряду с Шарлем Перро они стояли у истоков не только французской, но и европейской литературной сказки, и оказали значительное влияние на дальнейшее формирование сказочного жанра. Однако, сравнивая их произведения со сказками Шарля Перро, необходимо отметить, что его работы гораздо ближе к фольклорным образцам, чем их непосредственные литературные источники и некоторые из них считаются архетипическими, универсальными повествовательными моделями. Особо хотелось бы отметить, что многие французские сказочники заимствовали идеи своих известных итальянских предшественников» и т.д. На мой взгляд, цитаты могли быть сделаны точнее, формальные составляющие иногда нужно соблюдать для достоверности отсылок. В работе указан спектр основных европейских сказок, обозначен образный ряд, сюжетика, проблематика, следовательно, исследовательская цель достигнута, поставленные задачи – решены. Итоги / выводы полновесны: «европейская сказочная литература прошла продолжительный путь развития и смена эпох оказала значительное влияние на ее становление и развитие; сказки эпохи Ренессанса отличаются от средневековых сюжетов обращением к реальным событиям, господствующим в этот период времени, местным обычаям во всем их многообразии; свободная эпоха Ренессанса дарит миру итальянскую сказку, которая закладывает фундамент европейской сказочной литературы; Романтизм возрождает интерес к фольклорному творчеству и дарит миру литературную сказку как жанр; эпоха Просвещения меняет средневековые сказочные сюжеты и сюжеты эпохи Возрождения, теперь они больше напоминают назидательные истории, которые ведут свое происхождение от древних мифов, представляя собой последовательную стилизацию под фольклорный образец с меньшей ориентацией на сказочный канон; Викторианская эпоха придает сказкам чопорность и еще больше усиливает их морализаторский характер. Литературная сказка конца XIX и начала XX века меняет устоявшиеся сюжеты, на смену привычным персонажам приходят новые, все больше внимания уделяется различным философскими размышлениями и суждениям, которые в некоторой степени придают жанру сказки оттенок научной фантастики...». Материал удачно использовать при изучении истории европейской литературы, теории литературы. Серьезных замечаний к работе нет, принцип диалога с заинтересованным читателем учтен. Считаю, что статья «Европейская сказочная литература: диахронический аспект» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сидорова Е.Н., Попова Л.Г. — Лексикографическая репрезентация понятийного компонента концепта «gardening» // Litera. — 2023. — № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.68864 EDN: ZRTICY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68864

Лексикографическая репрезентация понятийного компонента концепта «gardening»

Сидорова Елизавета Николаевна

ORCID: 0000-0002-1550-1145

преподаватель, кафедра иностранных и русского языков, Российский государственный аграрный университет - Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева

127422, Россия, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49

✉ elizavetasidorova5@gmail.com



Попова Лариса Георгиевна

ORCID: 0000-0001-9400-2469

доктор филологических наук

профессор, кафедра германистики и лингводидактики, Московский городской педагогический университет

105064, Россия, г. Москва, пер. Малый Казённый, 5Б

✉ larageorg5@gmail.com



[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.68864

EDN:

ZRTICY

Дата направления статьи в редакцию:

01-11-2023

Аннотация: В данной статье особое внимание уделяется анализу лексикографической представленности концепта «gardening» (садоводство), что представляет собой предмет исследования, тогда как объект исследования заключается в изучении вербализации концепта «gardening». Концепт «gardening» рассматривается в качестве одного из ряда концептов, составляющих более комплексный концепт «Englishness». Цель статьи

заключается в определении ядра и периферии концепта «gardening», а также тщательном анализе его лексической репрезентации в различных лексикографических источниках. В настоящем исследовании авторы опирались на толковые словари и словарь синонимов английского языка, а именно его британского варианта. Новизна исследования заключается в том, что были проанализированы репрезентации лингвокультурных компонентов концепта «gardening» на материале толковых словарей и словарей синонимов с целью выяснения лексико-семантической экспликации его понятийного компонента. Изучив полученные значения синонимов и ядерной лексики концепта «gardening» на базе словарей, можно прийти к выводу о том, что понятийный компонент исследуемого концепта на материале английского языка можно представить в виде следующих околождерных признаков: изучение растений; подготовка и использование почвы для выращивания растений в саду; ландшафтный дизайн сада или парка; обустройство садов или парков; декоративное садоводство; высаживание растений; цветоводство.

Ключевые слова:

концепт, английскость, лексикография, синонимы, садоводство, концептуализация, лингвистика, английский язык, картина мира, репрезентация

В настоящее время все большую популярность приобретает представление о взаимосвязанности языка и мышления народа, которое выражается языковой концептуализации внеязыковой действительности. По словам А. Д. Шмелёва, концепт связывает смысл языкового высказывания и соответствующий ему элемент окружающего мира. За каждой единицей языка стоит концепт; в большинстве случаев, один концепт находит свою репрезентацию посредством целого ряда языковых единиц [\[12\]](#).

Анализ лексикографической представленности концепта «gardening» (садоводство) представляет собой **предмет исследования**, тогда как **объект исследования** заключается в изучении вербализации концепта «gardening».

Авторы считают целесообразным рассматривать концепт «Englishness» (английскость) в качестве лингвокультурного гиперконцепта [\[9\]](#), в силу того что в исследованиях в рамках лингвистики и культурологии имеет место различная интерпретация понимания «Englishness» [\[2; 3; 5; 6; 7; 15\]](#). Вследствие чего предлагается ввести в состав лингвокультурного гиперконцепта «Englishness» концепты меньшей величины, которые можно представить в виде следующей схемы:

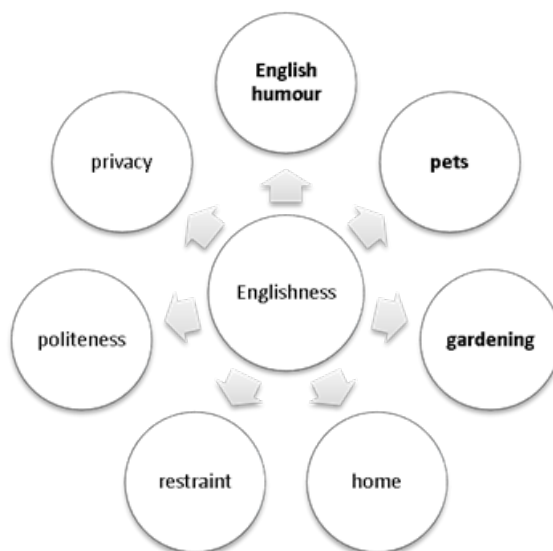


Рис.1 Состав гиперконцепта «Englishness»

Гиперконцепт «Englishness» состоит из таких малых лингвокультурных концептов, как «English humour», «pets», «privacy», «home», «restraint», «gardening», «politeness».

Так как концепты «politeness», «restraint», «home», «privacy» довольно подробно изучены в лингвистике [\[2; 3; 5; 6; 7; 15\]](#), в рамках данной статьи мы считаем целесообразным проанализировать представленность в английском языке менее изученного концепта «gardening».

Считаем целесообразным проанализировать репрезентации лингвокультурных компонентов концепта «gardening» на материале толковых словарей и словарей синонимов с целью выяснения лексико-семантической экспликации понятийного компонента [\[4\]](#). В качестве лексикографических источников были использованы толковые, идеографические словари английского языка и словарь синонимов [\[14; 16; 17; 18; 19; 20\]](#), так как необходимо определить те лексемы, посредством которых в художественных текстах можно эксплицировать понятийный компонент вышеуказанного концепта.

Обращение к идеографическим словарям английского языка [\[19\]](#) позволило нам выяснить, что ядерной лексемой лингвокультурного концепта «gardening» является лексема «gardening» [\[19\]](#).

Согласно англо-русскому словарю В. К. Мюллера [\[8\]](#) лексема «gardening» переводится как «садоводство», в то время как в идеографическом словаре английского языка П. Роже «садоводство» рассматривается в рамках понятий «сельское хозяйство» (agriculture) и «красота» (beauty), то есть:

Сельское хозяйство (Agriculture) – сущ. земледелие, культивирование, ведение сельского хозяйства; обработка почвы, агрономия, **садоводство (gardening)**, виноградарство; цветоводство; ландшафтное садоводство. Земледелец, садовод, огородник, цветовод; агроном; йомен, фермер, лесоруб, лесник; управляющий фермой, винодел, виноградарь; Триптолем (герой греческого мифа, жрец богини земледелия). Поле, луг, **сад (garden)**; ботанический сад, зимний сад, декоративный сад, цветочный сад, огород, участок для товарного производства овощей или фруктов, хмельник; питомник растений; теплица, оранжерея; грядка, бордюр, посевной участок; лужайка

(grassplot†, grassplat†); парк (площадка для отдыха); партер, кустарник, плантация, аллея, дендрарий, пинерит†, сосновое насаждение, фруктовый сад [19].

Красота – сущ. прекрасное. [Наука о восприятии красоты] эстетика. [- красота людей] миловидность, форма, изящность, грация, красота без прикрас, естественная красота; симметрия; приятность; лоск; хорошее впечатление, хороший вид; цветение, блеск, сияние, великолепие, роскошь; возвышенность, утонченность†, деликатность, изысканность; очарование, стиль. Венера, Афродита, Геба, Грации, Пери, Ури, Купидон, Аполлон†, Гиперион, Адонист†, Антионий†, Нарцисс. Павлин, бабочка; **сад (garden)**; цветок, роза; украшение; драгоценность; произведение искусства. Цветок, [цветы: список] дикий цветок; роза, лилия, ветреница, златоцветник, лютик, герань, нарцисс, тюльпан, тигровая лилия, лилейник, бегония, бархатцы, ландыш, рододендрон, анемон. Благоустройство; озеленение, **садоводство (gardening)** [19].

Проанализировав информацию, представленную в идеографическом словаре, можно прийти к выводу о том, что в рамках данной статьи, концепт "gardening" рассматривается в большей степени в ключе сельского хозяйства.

Обращение к толковым словарям английского языка [14; 16; 17; 18] позволило установить следующий состав лексемы «gardening»:

1. Деятельность, направленная на планировку сада и заботу о нем [17].
2. Деятельность, направленная на работу в саду, выращивание растений и пр. [16].
3. Планирование и выращивание сада [14].
4. Деятельность, направленная на работу в саду и вызывающая удовольствие [18].

Обратимся к словарю синонимов для выяснения круга синонимов указанной ядерной лексемы «gardening». Этими синонимами являются: *horticulture, cultivation, tillage, landscaping, landscape gardening, planting, floriculture* [20].

Каждый из перечисленных синонимов следует уточнить в плане состава его значений. Синоним «horticulture», согласно толковым словарям английского языка имеет следующие значения:

Садоводство – деятельность, направленная на выращивание и изучение садовых растений [14; 17].

Практическая деятельность или наука, связанная с выращиванием цветов, фруктов и овощей [16; 18].

Что касается синонима «cultivation», то он в толковых словарях британского варианта английского языка имеет следующий ряд значений:

Разведение – процесс выращивания сельскохозяйственных культур или растений [14; 17].

Посадка и выращивание растений и сельскохозяйственных культур [16].

Возделывание (земли) – подготовка и использование почвы для выращивания сельскохозяйственных культур [16; 18].

Намеренное развитие определенных отношений, качеств или навыков [\[18\]](#).

У синонима «tillage» в толковых словарях отмечается следующий перечень значений:

Обработка почвы – процесс подготовки земли к посадке сельскохозяйственных культур [\[14; 16; 17; 18\]](#).

Земля, используемая для выращивания сельскохозяйственных культур [\[18\]](#).

Следующим синонимом ядерной лексики является «landscaping». Он в толковых словарях имеет следующие значения:

Ландшафтный дизайн – деятельность, направленная на проектирование или благоустройство садов и прилегающих к зданиям территорий для придания им привлекательного вида [\[14\]](#).

Ландшафтный дизайн – процесс, в результате которого человек придает привлекательность саду или другому участку земли посредством изменения его дизайна, добавления новых характеристик, посадки деревьев и др.; особенности (такие как деревья, камни), которые добавили для того, чтобы сделать участок земли красивее [\[18\]](#).

Другим синонимом ядерной лексики является «landscape gardening», представленный в толковых словарях следующим образом:

Декоративное садоводство – профессия или искусство, направленное на обустройство садов и парков так, чтобы они выглядели эстетично и интересно [\[16\]](#).

Декоративное садоводство – работа, связанная с разработкой и планировкой привлекающих посетителей садов и парков [\[18\]](#).

Декоративное садоводство – искусство планировки территорий, приближенное к природным пейзажам [\[14\]](#).

Декоративное садоводство – профессия или деятельность, направленная на создание более привлекательного сада или участка земли путем добавления деревьев, растений и пр. [\[17\]](#).

Следовательно, данный синоним имеет словарное значение: работа/ профессия, связанная с планированием; направленная на создание привлекательной территории в виде сада/парка для собственного пользования или для посетителей.

Следующим синонимом является синоним «planting». Он обладает следующим перечнем словарных значений:

Высаживание – процесс посадки семян, сельскохозяйственных культур и т.д. в землю для дальнейшего выращивания [\[14\]](#).

Высаживание – процесс посадки чего-либо; то, что только что было посажено [\[18\]](#).

Итак, указанный синоним обладает словарным значением: процесс посадки растений с целью дальнейшего их выращивания.

Синоним «floriculture» по данным толковых словарей английского языка может обладать следующими значениями:

Цветоводство – выращивание цветковых растений [14].

Таким образом, указанный синоним выражает значение: цветоводство, то есть выращивание цветов.

В результате анализа полученных значений указанных синонимов и ядерной лексики на базе словарей можно прийти к выводу о том, что понятийный компонент исследуемого концепта на материале английского языка можно представить в виде следующих окооядерных признаков: изучение растений; подготовка и использование почвы для выращивания растений в саду; ландшафтный дизайн сада или парка; обустройство садов или парков; декоративное садоводство; высаживание растений; цветоводство.

Библиография

1. Воркачев С.Г. Базовая семантика и лингвоконцептология: на стыке парадигм гуманитарного знания /С. Г. Воркачев// Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 540 с.
2. Джигоева А. А. Английский менталитет сквозь призму языка: концепт "privacy" // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 1. – С. 41-59.
3. Караваева Д. Н. Английская идентичность и ее дискурс: Британия – Англия – Северная Англия // Екатеринбург: УрО РАН, 2016. - 344 с
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст]. М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
5. Кононова И. В. Репрезентация британского морально-этического концепта «Reserve/restraint» в лексико-фразеологической системе современного английского языка [Электронный ресурс] // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-britanskogo-moralno-eticheskogo-kontsept-a-reserve-restraint-v-leksiko-frazeologicheskoy-sisteme-sovremennogo-angliyskogo-yazyka>
6. Латынина М. И., Хренова Н. Ф. Национальные аспекты менталитета англичан / М. И. Латынина, Н. Ф. Хренова [Электронный ресурс] // Инновации в науке. 2018. №11 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-aspekty-mentaliteta-anglichan>
7. Меркулова М. Г. "Английскость" в отечественном литературоведении: теоретическое осмысление и изучение понятия / М. Г. Меркулова, Е. Г. Сатюкова // Гуманитарные исследования. – 2010. – № 4(36). – С. 221-226.
8. Мюллер В.К. Англо – русский словарь . 70 000 слов и выражений . Изд . 14-е . М .: Советская энциклопедия , 1969. С. 912.
9. Сидорова Е.Н. Экспликация понятийного компонента концепта «gardening» в британских детективах XIX века [Электронный ресурс] // Litera. – 2023. – № 5. – С. 240 – 248. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40815
10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация // М.: Издательство Московского государственного университета, 2008. – 352 с.
11. Чупрына О. Г. Судьба как концепт в языке и культуре / О. Г. Чупрына, К. М. Баранова, М. Г. Меркулова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. № 3(56). – С. 120-125.
12. Шмелев А.Д. Язык и культура: есть ли точки соприкосновения? // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2014. № 1. С. 36-119.
13. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград : Перемена, 2004. – 340 с.

14. Collins Online Dictionary [Электронный ресурс] URL: <https://www.collinsdictionary.com/>
15. Fox K. Watching the English. – London: Hodder and Stoughton. – 2004. – 157 p.
16. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс] URL: <https://www.ldoceonline.com/>
17. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс] URL: <https://www.macmillandictionary.com/>
18. Oxford Learner's Dictionary [Электронный ресурс] URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
19. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases [Электронный ресурс] URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/10681/pg10681-images.html>
20. Synonyms and Antonyms of Words [Электронный ресурс] URL: <https://www.thesaurus.com/>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Лексикографическая репрезентация понятийного компонента концепта «gardening», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей реализации концепта «gardening», подспудно решая одну из важных задач лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Анализ лексикографической представленности концепта «gardening» (садоводство) представляет собой предмет исследования, тогда как объект исследования заключается в изучении вербализации концепта «gardening».

С учетом интереса к изучению теории концепта в целом, работа является актуальной и призвана восполнить те лакуны, которые имеются.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы, а именно к сравнительно-историческому методу, методу обобщения и методу семантического анализа. Практическим материалом явились лексикографические источники, а именно: использованы толковые, идеографические словари английского языка и словарь синонимов.

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и иностранном языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных

исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по концептологии и лексикографии, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Лексикографическая репрезентация понятийного компонента концепта «gardening» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан М. — Русские фразеологизмы с концептом «Родина» во фразеологических словарях // Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.68971 EDN: ZSXDUQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68971

Русские фразеологизмы с концептом «Родина» во фразеологических словарях

Чжан Минь

аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1042218111@pfur.ru



[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.68971

EDN:

ZSXDUQ

Дата направления статьи в редакцию:

14-11-2023

Аннотация: Предметом исследования являются русские фразеологизмы с концептом «Родина» и его ассоциативные образы в русском языке. Выступая в качестве особых значимых языковых единиц с национально-культурной семантикой, данные фразеологизмы играют роль в истории, культуре и отражают душу русского народа. Объединяющее сердца и мысли людей разных национальностей страны в единое целое, слово «Родина», имеющее священный смысл, представляет собой внутреннюю и духовную связь между народами. В статье проанализированы лексические значения, синонимы, концепт этого слова в русской фразеологии. Цель данной работы заключается не только в выделении фразеологизмов с этим концептом в русских фразеологических словарях, но и в том, чтобы через их семантику понять национальный характер, душу русского человека. Для достижения поставленной цели в данной статье используются описательный, ассоциативный методы, методы классификации и группировки, синтеза и обобщения, лингвокультурного и концептуального анализа. При выделении и анализе русских фразеологизмов с концептом «Родина» отмечается то, что они обладают положительным и отрицательным аспектами. Во фразеологических

словарях русского языка в основном представлены языковые примеры, демонстрирующие положительное отношение русского народа к своей родине, например, чувство ответственности/верности/любви к своей стране, самопожертвование за родной край, чувство гордости/принадлежности к отечеству и т.д. Более того, слово «Родина» в русской лингвокультуре, ассоциирующееся с образами «отечество», «дом», «земля», «мать», «береза» и т.д., имеет важное значение в сознании русского народа. Исследование фразеологизмов русского языка с этим концептом в русских фразеологических словарях позволяет носителям иной лингвокультуры понять содержащиеся в них образы, духовные ценности носителей данного языка.

Ключевые слова:

русский язык, фразеологизмы, русская фразеология, концепт, национальное сознание, ассоциативные образы, русский народ, родина, мать, природа

Введение

Фразеологизмы русского языка, содержащие национальную и культурную информацию русского человека, представляют собой особые важные языковые единицы. Слово «Родина», имеющее сакральное значение для каждого из нас, в любом языке в истории каждого народа играет значительную роль. Объединяющая сердца и мысли людей разных национальностей страны в единое целое, Родина – это внутренняя духовная и психологическая связь между народами.

Изучение значимых русских фразеологизмов с концептом «Родина» позволяет носителям других лингвокультур глубже понять характер, душу, национальную культуру русского человека.

Понятие слова «Родина» и его синонимы

Слово «Родина» имеет несколько значений. Во-первых, данное слово понимается как родимая земля, открытая нашими предками и передаваемая из поколения в поколение. В своем родном крае люди рождались, умирали, укоренялись, и вместе с тем, родная земля их кормила. Народы ее берегут, любят и защищают всей душой. Чувства народов к своей родине разнообразны, в том числе ответственность к национальному суверенитету, любовь и гордость за родную землю, культуру и соотечественников и т.д. Во-вторых, родина определяется как страна/государство. Необходимо обратить внимание на то, что родина для каждого имеет как общее значение, так и индивидуальный и глубокий смысл.

Синонимы слова «Родина» перечисляются следующим образом: *мать, отечество, отчизна, колыбель, (родная) страна, родная сторона, родная земля, родной дом, родные палестины, домашний очаг, родной край, родимое гнездо (родовое гнездо)* [\[10, с. 331\]](#) и т.д. Следует отметить, что не только в вышеуказанных примерах, но и во фразеологических словарях очевидно наблюдается следующее: среди данных синонимов их большинство представляют собой отдельное слово или обычное словосочетание, а фразеологизмов не так много. Например, во фразеологических словарях можно найти следующие фразеологизмы, связанные с корнем «род»: *родимое/родовое гнездо, родиться в рубашке/сорочке, род человеческий, родиться под счастливой звездой, родственная душа, родимое пятно, род людской* и т.д. Отмечается, что среди данных фразеологизмов непосредственно связанных со словом «Родина» не так много. Среди них по лексическому значению фразеологизмы «*родимое/родовое*

гнездо», обозначающие место, где люди родились и выросли, совпадают с концептом «Родина», т.к. в слове «Родина» первоначальное значение – это место рождения человека.

Требует анализа и то, что поиск и подбор соответствующих примеров из русских художественных и публицистических текстов, фразеологических словарей, а также выделение значимых фразеологизмов русского языка с концептом «Родина» вызывают затруднения у носителей иной лингвокультуры. Кроме того, в ходе исследования отличие обычных русских словосочетаний от фразеологизмов вызывает у инокультурных носителей трудности, например, такие обычные словосочетания в русском языке, как *отчий край, отчая земля, домашний очаг, родной дом, родные палестины и т.д.*, не только по структуре, но и по лексическому значению, в определенной степени похожи на русские фразеологизмы. Но в общем и целом, с помощью фразеологических словарей русского языка на основе классификаций фразеологизмов В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, А.И. Молоткова, А.И. Федорова, В.М. Мокиенко и других исследователей, анализ и понимание лексических значений таких выражений в контексте помогают преодолеть эти трудности.

Концепт «Родина» в русском языке и его ассоциативные образы

Как известно, слово «Родина», занимающее существенное место в любом языке, дорого, мило и свято каждому человеку по-своему. Анализируя данный концепт в русском языке, Е.М. Приорова, Е.П. Савченко, Е.М. Фильчакова указывают на четыре аспекта его языковой реализации в русской фразеологии: во-первых, защита родины, борьба за свою страну; во-вторых, ностальгия; в-третьих, противоположность родины чужбине; в-четвертых, гордость за свою родину [\[9, с. 161\]](#). Т.И. Колабинова имеет сходное мнение. При исследовании этого концепта в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» она рассматривает частотность использования данного слова, и выделяет шесть логем: 1) необходимая защита родины; 2) предательство родины – страшное преступление; 3) долг человека перед родиной; 4) любовь к родине; 5) тоска по родине и стремление к возвращению на родную землю; 6) психологическая и моральная подготовка умереть за свою родину [\[6, с. 180-183\]](#). Опираясь на вышеизложенные мысли можно свести их к следующим двум главным аспектам: 1) чувства ответственности/верности/любви к своей стране, дух самопожертвования за нее, например, *положить голову/живот/жизнь за родину, платить кровью за отечество, стоять на страже интересов своей страны и т.д.*; 2) чувство принадлежности к отечеству, национальности, семье, и чувство гордости за свою нацию, родину, например, *«Дым отечества светлее чужого огня», «На чужой сторонushке рад своей воронушке», «Где сосна выросла, там она и красна», «Ищи добра на стороне, а дом люби по старине»* [\[8, с. 285-288\]](#) и др.

При рассмотрении значения концепта «Родина» в русской лингвокультуре Л.М. Довлеткиреева, С.И. Гехаева, А.А. Джантамирова, А.М. Исмаилова подчеркивают его значение для русского человека, чувство патриотизма для носителей русского языка, отраженное во многих русских пословицах и поговорках. Более того, на примере ряда пословиц и поговорок о родине и матери исследователи показывают их существенную ассоциативную связь [\[5, с. 251\]](#). Анализируя семейный/фамильный код образных компонентов в русских фразеологизмах о родине, Л.К. Байрамова отмечает, что данный тип фразеологизмов связывается с членами семьи, в том числе с матерью, отцом, родителями и т.д. [\[1, с. 35-36\]](#)

Очевидно, любовь к родине представляет собой значимую и ценную характерную черту

русского народа [\[5, с. 251\]](#), при этом лексема «Родина», ассоциированная с образом матери, вызывает у русского человека сильную эмоцию. Например, скульптура «Родина-мать зовет!» на Мамаевом кургане в Волгограде, раскрывает эмоции русского народа, показывает его национальный характер, историю, память.

Сравнивая русские фразеологизмы о родине с английскими, Л.К. Байрамова считает, что понятие «Родина» в русском языке связывается с родным домом, например, *родные пенаты*. При этом исследователь приводит интересное мнение о русском романтическом образе родины, т.е. данный образ связан с природой России – растительностью – березой, например, *березовая Русь* [\[2, с. 43-44\]](#).

Тема «Родина» присутствует также в словаре пословиц русского народа. Например, в темах «Родина – Чужбина» и «Русь – Родина» выделяются следующие образы, связанные с Родиной: 1) конкретные образы, в том числе дом, народ, птичье гнездо, земля, весна, мать и т.д., например, *«Хвали заморье (чужую сторону), а сиди дома!»*, *«В каком народе живешь, того и обычья держись»*, *«Глупа та птица, которой гнездо свое не мило»*, *«Своя земля и в горсти мила. Своя земля – свой прах»*, *«Велика святорусская земля, а везде солнышко»*, *«На чужой стороне и весна не красна. Наша весна красным красна»*, *«Родимая сторона – мать, чужая – мачеха»*, *«Русь святая, православная, богатырская, мать святорусская земля»*, *«Новгород – отец, Киев – мать, Москва – сердце, Петербург – голова»*; 2) абстрактные эмоции человека (печаль, горе, радость, веселье и т.п.), например, *«За морем веселье, да чужое, а у нас и горе, да свое»*, *«Своя печаль чужой радости дороже»*, *«За морем теплее, а у нас светлее (веселее)»* [\[8, с. 285-290\]](#) и др. Таким образом, эмоции и чувства русского народа к своей Родине сложны и глубоки.

При рассмотрении патриотизма Л.К. Байрамова отмечает не только его положительный (священный долг патриота) – преданность/любовь к родине, готовность к смерти за отечество, например, *лечь костью, пасть смертью храбрых*, но и отрицательный аспекты – ложный патриотизм, например, *квасной патриотизм* [\[2, с. 45-46\]](#). Она выделяет восемь тем, касающихся представления «Родина». Среди них по количеству темы «родина», «символы родины/культуры», «умереть, защищая родную землю» и «отчий дом» занимают первые четыре места, а «ложный патриотизм» (только 1 ФЕ) занимает последнее место [\[2, с. 46\]](#).

В.М. Шаклеин, М.А. Карелова, С.С. Микова также указывают на бинарное свойство (положительный и отрицательный аспекты) концепта «Родина» в русском языке, связанное с его оппозицией «Родина/Чужбина». Исследователи полагают, что с точки зрения аксиологического компонента данный концепт обладает положительной коннотацией. Согласно их мнению, слово «Родина» ассоциативно не только с такими позитивными эмоциями, как радость, веселье, счастье, красота и т.д., но и с природными явлениями, в том числе со «снегом», «дождем», «рассветом» [\[13, с. 55-59\]](#) и др.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что, с одной стороны, фразеологизмов в узком смысле, прямо связанных с концептом «Родина» во фразеологических словарях русского языка не так много, но это не говорит о том, что слово «Родина» в сознании и душе русского народа не имеет существенного значения. С другой стороны, встречается много фразеологизмов в широком смысле со значением «Родина», включающих поговорки, пословицы, крылатые слова и выражения.

В целом, русские фразеологизмы с концептом «Родина» обладают положительными и

отрицательными аспектами. Во фразеологических словарях русского языка, в основном, наблюдаются такие положительные свойства русского народа, как чувство ответственности/верности/любви к своей стране, самопожертвование за родную землю, чувство гордости/принадлежности к отечеству и т.д. При этом в редких случаях отражается отрицательный аспект – ложный патриотизм. Более того, слово «Родина» имеет разные значения. Его концепт в русском языке связан с образами, например, матерью, домом, природными явлениями и т.д.

Таким образом, выделение и анализ значимых фразеологизмов с концептом «Родина» в русских фразеологических словарях помогают не только понимать значение родины в сознании русского человека, но и глубже знакомиться с внутренним миром русского народа, его душой, характером, духовными ценностями.

Библиография

1. Байрамова Л.К. Лингвокультурологические коды образных компонентов фразеологизмов о родине // Казанская наука. 2019. № 8. С. 35-39.
2. Байрамова Л.К. Русские и английские фразеологизмы о родине // Казанская наука. 2018. № 7. С. 43-47.
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Большой фразеологический словарь русского языка / Под ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс, 2006. 784 с.
5. Довлеткиреева Л.М., Гехаева С.И., Джантамирова А.А., Исмаилова А.М. Актуализация общечеловеческих концептов "родина", "знание" и "семья" в русском, чеченском и английском языках // Язык и литература в образовательном и культурном пространстве юга России и Кавказа. Том 2. Грозный: Чеченский государственный педагогический университет, 2019. С. 250-255.
6. Колабинова Т.И. Репрезентация концепта Родина в романе М.А. Шолохова "Тихий Дон" и в русской концептосфере // Вестник ТГГПУ. Филологические науки: литературоведение. Литература и идеология. 2011. № 2(24). С. 180-183.
7. Новикова Ю.Н., Атанова Г.Ю. Лексико-семантическая интерпретация русских фразеологизмов с компонентами-антропонимами // Вестник Донбасской национальной академии строительства и архитектуры. 2017. № 1(123). С. 69-73.
8. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. I. / Вступ. слово М. Шолохова; Худож. Г. Клодт. М.: Худож. лит., 1989. 431 с.
9. Приорова Е.М., Савченко Е.П., Фильчакова Е.М. Концепт "родина" в английской и русской лингвокультурах. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 1. С. 159-163.
10. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов. / Под редакцией А.С. Гавриловой. М.: Аделант, 2014. 800 с.
11. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 828 с.
12. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1987. 543 с.
13. Шаклеин В.М., Карелова М.А., Микова С.С. Явления природы в русских художественных текстах 1941 – 1945 годов: монография. М.: ФЛИНТА, 2019. 176 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Русские фразеологизмы с концептом «Родина» во фразеологических словарях», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению значимых русских фразеологизмов с концептом «Родина», что отражает в той или иной мере те воспитательные и образовательные задачи, которые ставятся перед педагогами сегодня.

Одной из задач, стоящей перед автором был анализ, поиск и подбор соответствующих примеров из русских художественных и публицистических текстов, фразеологических словарей, а также выделение значимых фразеологизмов русского языка с концептом «Родина», которые вызывают затруднения у носителей иной лингвокультуры.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы, а именно к сравнительно-историческому методу, методу обобщения и методу семантического анализа.

К сожалению, автор не указывает объем корпуса исследования, а также принципы его выборки.

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 13 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке.

Считаем, что обращение к работам зарубежных исследователей несомненно, обогатило бы рецензируемую статью.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

В тексте статьи выявлен ряд опечаток, к примеру,

... русского языка с концептом «Родина» вызывают затруднения... (вероятно «вызывающее», иначе идет рассогласование); Кроме того, в ходе исследования отличие (?отличия? от чего?) обычных русских словосочетаний от фразеологизмов вызывает у и тому подобное по тексту.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в

возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по фразеологии и лексикографии, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Русские фразеологизмы с концептом «Родина» во фразеологических словарях» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

У С. — Образ «новой женщины» в романе И. С. Тургенева «Новь» и в рассказе Лу Синя «Скорбь по ушедшей» // Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.68968 EDN: ZLOZBJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68968

Образ «новой женщины» в романе И. С. Тургенева «Новь» и в рассказе Лу Синя «Скорбь по ушедшей»

У Сяотин

аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1042208147@pfur.ru

[Статья из рубрики "Литературный герой"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.11.68968

EDN:

ZLOZBJ

Дата направления статьи в редакцию:

13-11-2023

Аннотация: Объектом данной статьи является образ «новой женщины» в русской и китайской литературе. Предмет исследования – соотношение характеров двух героинь, Цзыцзюнь и Марианны, являющихся носительницами нового женского самосознания, в рассказе «Скорбь по ушедшей» Лу Синя и романе «Новь» И. С. Тургенева. Цель исследования – выявить основные факторы, которые определили разные итоги сюжетных линий этих персонажей, несмотря на схожесть их судеб. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач: 1) раскрыть черты характера двух героинь, проанализировав их жизненный путь, а также начало и конец их соответствующей любви; 2) проанализировать авторский замысел, основываясь на социально-историческом контексте периода создания двух произведений. В ходе проведения исследования были использованы следующие методы: сравнительно-сопоставительный метод, метод целостного анализа литературного произведения, а также культурно-исторический метод. Научная новизна работы заключается в том, что в статье впервые предпринята попытка сопоставления рассказа Лу Синя «Скорбь по ушедшей» с романом И. С. Тургенева «Новь», при этом особое внимание обращается на

противоположные развязки историй Цзыцзюнь и Марианны. На основании проведенного анализа делается вывод о том, что итоги судеб этих героинь напрямую связаны с их восприятием жизни и любви, которое обуславливается, в свою очередь, разными замыслами авторов относительно логики развития их персонажей. Научная значимость исследования состоит в том, что полученные данные не только дополняют представления об образе «новой женщины» в целом, но и способствуют глубокому сопоставлению анализируемых произведений, что может внести вклад в область сравнительного литературоведения между Россией и Китаем.

Ключевые слова:

образ новой женщины, авторский замысел, Новь, Скорбь по ушедшей, Тургенев, Лу Синь, Марианна, Цзыцзюнь, любовь, трагедия

Введение

«...Китай в начале XX в. и Россия во второй половине XIX в. находились в сходном социальном контексте» [\[1, с. 10\]](#). По мере развития общества двух стран и распространением идей освобождения в них многие женщины того времени, особенно из интеллектуальной среды, приняли решение освободиться от влияния институтов семьи и брака, чтобы реализовать свои собственные цели и амбиции. Эти процессы, имевшие место как в истории Китая, так и России, дали импульс эмансипации женщин. Так, женский вопрос стал важной темой в русской литературе XIX в. и в китайской литературе 1920-х гг. [\[2, с. 10; 3, с. 240\]](#). И. С. Тургенев (1818-1883) и Лу Синь (1881-1936), несмотря на то, что жили в разные века и в разных странах, оба были озабочены положением женщин своего времени и переживали за их судьбу. В единственном рассказе Лу Синя о любви «Скорбь по ушедшей» (1925) и в последнем романе Тургенева «Новь» (1877) показаны образы такой «новой женщины». Героини обоих произведений — образованные женщины, вдохновленные идеями свободы личности, которые восстали против устоявшихся запретов и ограничений и осмелились на серьезный шаг, сбежав из семьи со своими возлюбленными. Однако любовь обеих героинь имела трагический конец. И хотя их судьбы в высшей степени похожи, итоги их путей различны: Цзыцзюнь умерла, а Марианна начала новую жизнь. В данной статье будут проанализированы как образы главных героинь, так и намерения писателей относительно развития их персонажей, что необходимо для определения причин, обусловивших разные финалы произведений.

Основная часть

Образ двух героинь может быть проанализирован в двух аспектах: их отношение к личной судьбе и понимание любви.

История рассказа «Скорбь по ушедшей» разворачивается на фоне движения «Четвертое мая». Цзюаньшэн, возлюбленный Цзыцзюнь, был одним из тех молодых людей, которые «прошли крещение» новым мышлением этого периода. В убогой комнатухе землячества Цзюаньшэн с энтузиазмом рассказывает Цзыцзюнь про «...деспотизм семьи, необходимость уничтожения старых обычаев...», «...о равноправии женщин, об Ибсене, Тагоре, Шелли...», а Цзыцзюнь в ответ «...улыбается и кивает головой...А в глазах у нее светится чисто детское любопытство» [\[4, с. 253\]](#). Через полгода после их знакомства Цзыцзюнь наконец выкрикнула такое же громкое самостоятельное заявление: «Я

принадлежу самой себе, и никто не праве вмешиваться в мою жизнь...» [4, с. 253]. Подобный лозунг, знаменующий личное пробуждение, был высказан еще Норой в пьесе «Кукольный дом» (1879) Генрика Ибсена: «Я разумный человек, как и ты — поэтому я должна быть независимой и самостоятельной, несмотря ни на что» [5, с. 101-102]. Вопрос о влиянии Норы на развитие женских персонажей в китайской литературе заслуживает отдельного внимания, о чем будет сказано ниже.

Очевидно, что мышление и взгляды Цзюаньшэна сыграли важную роль в просветлении разума Цзыцзюнь. Определив свой путь свободной личности, Цзыцзюнь разорвала отношения с семьей, приверженцами старых феодальных порядков, и, невзирая на взгляды окружающих, переехала к Цзюаньшэну. После своего переезда Цзыцзюнь и в новых условиях заняла традиционную женскую нишу некой «хранительницы очага», фактически домохозяйки. Спустя всего лишь три недели Цзюаньшэн начал тосковать по ее былому бесстрашию, свободе в выражении своих мыслей, подмечая, что «...в последнее время она стала боязливой» [4, с. 258]. Постепенно Цзюаньшэн даже стал охладевать к Цзыцзюнь, тайно желая, чтобы она ушла от него и начала жить самостоятельно. Цзыцзюнь, почувствовав это, молча приняла «уговоры» Цзюаньшэна и в итоге умерла после их расставания.

Все указывает на то, что с самого начала любовных отношений и до их разрыва, Цзюаньшэн всегда занимал в них лидирующую позицию, а Цзыцзюнь играла роль последователя Цзюаньшэна, роль ученика своего просвещенного учителя, постепенно теряя «право на высказывание», что также отображается формой повествования рассказа — записки Цзюаньшэна. Кроме того, заявление Цзыцзюнь, символизирующее ее личное пробуждение, по сути, «...является сменой установки личности с "я принадлежу своему отцу" на "я принадлежу Цзюаньшэну"» [6, с. 90].

В отличие от Цзыцзюнь, Марианна, выросшая не в своей родной семье, не позволяет традиционным семейным устоям подавлять ее индивидуальность и сосредоточивается на собственном развитии: занимается естественными науками, интересуется женским вопросом. Описание внешности Марианны в романе также хорошо дополняет и передает образ революционно настроенной женщины. Во времена господства в России женского образа традиционного типа важную роль играла привлекательная внешность, своеобразный «...ресурс, капитал девушки, женщины, укрепляющий ее положение на "рынке невест" и эквивалентный социальным достижениям мужчины» [7, с. 75], а Марианна, например, «...стригла свои русые густые волосы...» [8, с.165], которые нравились ее поклоннику Калломейцеву. Эта деталь указывает ее равнодушие к одобрению со стороны мужского пола. В вопросах замужества для Марианны первостепенной остается самодостаточность ее жизни: она не поддавалась желанию тети Сипягиной засватать ее за помещика Калломейцева, отказалась от предложения брата тети Маркелова и решительно выбрала в спутники революционера Нежданова. Сбежав из семьи, Марианна не ограничивает себя рамками семьи, как это сделала Цзыцзюнь, а активно участвует в подготовительной революционной работе, готова на жертвы во имя общего дела: «...мыла чумичкой горшки, и кур щипала, и даже расчесала какому-то мальчику его вихрястую голову» [8, с.322]. Можем отметить, что Марианна не только идеологически свободна от оков традиции — ее действия также показывают, что она независимая и самостоятельная женщина, судьба которой находится в ее собственных руках.

Для раскрытия образа главной героини важную роль также играет тема любви.

Различное представление двух героинь о ней является важным фактором, определившим итоги их путей. Чтобы лучше понять психологию Цзыцзюнь, необходимо обрисовать культурный фон, так или иначе определивший ее характер. Конфуцианство, существующее в Китае уже более двух тысяч лет, занимает важное место в китайской культуре. Норма женского поведения в конфуцианстве определяется формулой «троякая покорность и четыре достоинства». Это значит, что женщина должна «...быть добродетельной, скромной в речах, женственной, трудолюбивой и послушной» [\[9, с. 208\]](#). Существуя как принцип конфуцианских традиций в феодальном обществе, регулируя женщин с точки зрения морали и ожидаемого поведения, это утверждение оказало сильное влияние на женское мышление в Китае. Очевидно, что Цзыцзюнь еще не совсем освободилась от оков традиционной культуры. После бегства из своей патриархальной семьи Цзыцзюнь полностью погрузилась в любовное чувство, она отодвинула на задний план собственное развитие: «...ежедневные заботы о пропитании, которым Цзыцзюнь всецело себя посвятила. <...> А еще приходилось кормить собаку и цыплят. Цзыцзюнь, казалось, забыла обо всем, чем интересовалась раньше», и «к книгам она давно уже не притрагивалась» [\[4, с. 259, 262\]](#). Под влиянием старых ценностей любовь к Цзюаньшэну стала краеугольным камнем новой жизни Цзыцзюнь. В своем чувстве она дошла до одержимости, проявляющейся в том, что любовь — самое важное в жизни. В том случае, если любовь по какой-то причине будет потеряна, мотивация к жизни и ее ориентация в ней также будут потеряны.

В свою очередь «...Марианна стремится реализовать себя сразу в двух сферах — любви и практической деятельности» [\[10, с. 47\]](#). Для «новой женщины» жизненные амбиции в любом случае занимают доминирующее место, любовь же в таком случае — только часть жизни, а не ее смысл. В любовной линии «Нови» это можно проследить через следующие особенности отношений Марианны и Нежданова. Во-первых, в зарождении их взаимного чувства немаловажную роль сыграла увлеченность идеями революции, что не раз подтверждается в романе. Показательны следующие цитаты: «...они оба, эта угрюмая девушка и он, — одних убеждений и одного пошиба»; «...снова убедился, что будет с ней как товарищ...»; «в нашем сближении личное чувство играло роль... второстепенную — а соединились мы безвозвратно. Во имя дела? Да, во имя дела» [\[8, с. 174, 176, 222\]](#). Во-вторых, хотя на первый взгляд, бегство Марианны и Нежданова — жест протеста против традиционных патриархальных ценностей, но, по сути, оно было осуществлено для того, чтобы иметь возможность проявить себя на революционном поле в полной мере. В-третьих, сбежав из дома дяди Сипягина, Марианна не полагается всецело на Нежданова, но поддерживает его как товарищ, а также сама принимает активное участие в подготовке революции, реализовывая тем самым собственные цели.

«Мир произведения — это художественно освоенная и преображенная реальность» [\[11, с. 195\]](#). Это утверждение приложимо к рассматриваемым произведениям. Художественные миры «Скорби по ушедшей» и «Нови» наглядно изображают дух революционного движения того времени и настроения, царившие в обществе: в «Скорби по ушедшей» зафиксирован переломный культурно-исторический для Китая момент, движение «Четвертое мая» (начало XX в.), а в «Нови» — народническое движение 1870-х гг. в России. Стоит добавить к этому и то, что «...по сути, литература — это экстернализация внутреннего мира поэтов и писателей, результат эмоционального излияния, продукт субъективных чувств и переживаний» [\[12, с. 25\]](#).

В начале XX в., с распространением в Китае идеи освобождения личности в рамках движения «Четвертое мая», появление в Китае пьесы Генрика Ибсена «Кукольный дом»

вызвало волну «лихорадки Норы», что не только привлекло внимание общества к темам женской эмансипации и свободы брака, но и привело к тому, что Нора, героиня пьесы, сбежавшая из семьи, стала образцом женской эмансипации, которому подражали одна за другой китайские женщины. А бегство Цзыцзюнь в рассказе «Скорбь по ушедшей» — это отражение Лу Синем этих реальных фактов. При этом Лу Синь излагает и свои размышления по поводу этого явления. Еще в конце 1923 г. в своем выступлении с речью на тему «Что случится с Норой после ее бегства» Лу Синь отмечал, что предстоит Норе только два пути: либо опуститься в проституцию, либо вернуться к семье [\[13, с. 166\]](#), тем самым раскрывая дилемму, с которой сталкивается эмансипация женской индивидуальности в социально-исторической обстановке Китая того времени. Последующая публикация рассказа «Скорбь по ушедшей» является лучшей интерпретацией этой точки зрения Лу Синя.

Финал героини «Нови» также подспудно содержит размышление писателя о судьбе народнического движения. С одной стороны, Тургенев высоко оценивает самоотверженность народников и выражает им сочувствие, с другой, по словам идеолога народничества П. Л. Лаврова, Тургенев не одобрял их попыток пробудить народ к восстанию против правительства путем сближения с народом и не возлагал на них надежд [\[8, с. 485\]](#). И по мнению Тургенева, Соломин «...ближе и понятнее мне, ближе к моим понятиям и представлениям...» [\[14, с. 419\]](#). То есть «с Соломиным — человеком дела, наделенным знанием и волей, Тургенев явно связывает какие-то надежды, свое видение пореформенной России...» [\[15, с. 78\]](#). Поэтому «окончательный выбор Марианы в пользу Соломина был, по Тургеневу, исторической необходимостью» [\[16, с. 90\]](#).

Заключение

В результате проделанной работы можно сделать следующие выводы.

Если говорить о Цзыцзюнь, то в ее времена свобода в проявлении любви сама по себе была революцией, поэтому она была прогрессивной женщиной в этом смысле. Однако ее представление о любви, основанное на том, что все стремления личности концентрируются на объекте чувства к другому, можно назвать нездоровым. Кроме того, Цзыцзюнь, хоть и освободилась от патриархальной власти, но вслед за этим моментально погрузилась в трясину власти супружеской. Не до конца осознавая, что женщина — независимая личность, Цзыцзюнь определяет себя в качестве некоего приложения к мужскому началу. Это и послужило неизбежными факторами ее трагедии. В отличие от Цзыцзюнь, Марианна — настоящая эмансипированная женщина и хозяйка своей судьбы. Ни от кого не завися, она нацелена на самосовершенствование и активное участие в общественной жизни. И поэтому, несмотря на трагическую развязку отношений с Неждановым, вызванную его самоубийством, Марианна смогла вернуться к жизни благодаря вере революцию и продолжить «общее дело» уже вместе с Соломиным. Подводя итог, можно сделать вывод, что любовь не может послужить окончательным выходом личности из «старого мира»; самообразование в широком смысле — необходимое условие для пробуждения женского сознания; только таким образом женщины могут освободиться от оков традиционных патриархальных ценностей, отказаться от гнета семьи и общества, и избежать ту трагическую судьбу, примером которой может служить история Цзыцзюнь.

Говоря об авторских интенциях, очевидно, Лу Синь использует трагедию Цзыцзюнь как возможность проиллюстрировать, что «освобождение индивидуальности» и «свобода брака», проповедуемые движением «Четвертое мая», обречены остаться пустыми

лозунгами без раскрепощения сознания всех слоев населения. А разрыв любви Марианны с народником Неждановым и обращение Марианны к Соломину, выступавшему за постепенные перемены «снизу вверх», по сути, являются мнением и смелым предсказанием Тургенева о будущем ходе реформы России.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в более детальном и целостном рассмотрении образа «новой женщины» в русской и китайской литературе, что связано с историческим процессом женской эмансипации в России и в Китае соответственно.

Библиография

1. 王希宇. 论屠格涅夫与鲁迅作品中的悲观主义哲学[J]. 名作欣赏, 2016, (21):10-12+15. (Ван Сиюй. О философии пессимизма в произведениях Тургенева и Лу Синя // Шедевры литературы. 2016. № 21. С. 10-12+15).
2. 方英. 1920年代小说中的闺阁女性形象研究[D]. 湖南大学, 2021. (Фан Ин. Исследование образа женщин в «терему» в романах 1920-х гг.: магист. дисс. Хунань, 2021).
3. Смирнов К. В. Нигилистическое лицедейство Анны Сергеевны Одинцовой (о романе И. С. Тургенева «Отцы и дети») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 1(144). С. 240-243.
4. Лу Синь. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1971.
5. 亨利克·易卜生. 玩偶之家 易卜生戏剧选. 南京: 译林出版社, 2022. (Генрик Ибсен. Избранные пьесы Генрика Ибсена: Кукольный дом. Нанкин: Илин, 2022).
6. 黄敏. 比较鲁迅《伤逝》与亦舒《我的前半生》女性观之异同[J]. 哈尔滨学院学报, 2006, (03): 88-91. (Хуан Минь. Сравнение сходств и различий между произведениями Лу Синя «Скорбь по ушедшей» и «Первая половина моей жизни» Ишу во взгляде на женщин // Вестник Харбинского института. 2006. № 3. С. 88-91).
7. Клецина И. С. Нормы женского поведения: традиционная и современная модели // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 72-90.
8. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. М.: Наука, 1982. Т. 9.
9. Наумова К. М. К вопросу об изменении китайской языковой картины мира на примере функционирования лексем 家 цзя/ 家庭 цзятин 'семья, дом'// Litera. 2022. № 5. С. 198-212.
10. Бельская А. А. "Новь" И. С. Тургенева: одоропэтика женских образов романа // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 4 (77). С. 44-53.
11. Хализеев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002.
12. 童庆炳. 文学理论新编. 北京: 北京师范大学出版社. 2010. (Тун Цинбин. Новое издание литературной теории. Пекин: Пекинский педагогический университет, 2010).
13. 鲁迅. 鲁迅全集: 全18册. 北京: 人民文学出版社, 2005. 第1卷. Лу Синь. Полн. собр. соч. Лу Синя: в 18-ти т. Пекин: Издательство народной литературы, 2005. Т. 1.
14. Петров С. М., Фридлянд В. Г. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 1.
15. Жукова О. А. Новые люди в российской истории (Новь Ивана Тургенева) // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 1. С. 71-84.
16. 谷兴亚. 重读《处女地》[J]. 名作欣赏, 2020(7):88-92. (Гу Синя. Перечитывая «Новь» // Шедевры литературы. 2020. № 7. С. 88-92).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья Образ «новой женщины» в романе И. С. Тургенева «Новь» и в рассказе Лу Синя «Скорбь по ушедшей», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей становления образа женщины в китайской и русской литературе. Так, автор обращается к рассказу Лу Синя о любви «Скорбь по ушедшей» (1925) и роману Тургенева «Новь» (1877), в которых показаны образы такой «новой женщины».

С учетом интереса к изучению китайского языка и культуры в наше время, работа является актуальной и призвана восполнить те лакуны, которые имеются, в том числе в сравнительном литературоведении.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 15 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и иностранном языках.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвященным связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Образ «новой женщины» в романе И. С. Тургенева «Новь» и в рассказе Лу Синя «Скорбь по ушедшей» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Алексеева А.С. — Сисиниева легенда в Codex Sturdzanus: текст и язык // Litera. – 2023. – № 11. DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.68979 EDN: ZMSUGI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68979

Сисиниева легенда в Codex Sturdzanus: текст и язык

Алексеева Алина Сергеевна

ORCID: 0000-0001-8584-4613

младший научный сотрудник, ИРЯ РАН

119019, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Волжонка, 18/2

✉ alevtina.sergeevna@gmail.com[Статья из рубрики "Фольклор"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.11.68979

EDN:

ZMSUGI

Дата направления статьи в редакцию:

14-11-2023

Аннотация: В статье представлены результаты изучения двух южнославянских редакций Сисиниевой легенды, Молитвы архангела Михаила и Молитвы св. Сисина, включенных в рукопись, известную под названием Codex Sturdzanus (Библиотека Румынской академии, Ms. rom. 447). Сюжет о сакральном персонаже, защищающем рожениц и младенцев от гибели, становился предметом внимания многих исследователей, однако в настоящей работе впервые предложен полный анализ текстуальных и языковых особенностей Молитвы архангела Михаила и Молитвы св. Сисина в данной рукописи в контексте всей южнославянской традиции Сисиниевой легенды. Особое внимание уделяется грекоязычным молитвам, источникам Молитвы архангела Михаила и Молитвы св. Сисина, что позволяет выявить особенности архетипа перевода и описать работу книжников над редакциями, зафиксированными в Codex Sturdzanus. Применение лингвистического и текстологического методов исследования позволило описать редакторские стратегии книжников и языковые особенности редакций. Автор статьи описывает историю сложения и язык редакций Молитвы архангела Михаила и Молитвы св. Сисина, которые дошли до нашего времени в составе Codex Sturdzanus. Обе редакции можно охарактеризовать как стилистические, а изменения, внесенные редакторами, как расширяющие и уточняющие отдельные элементы сюжета. Комплекс орфографических,

фонетических и морфологических особенностей (рефлексы *ѣ, *ѥ, *dj, отражение перехода *у > [i], написание слоговых плавных, а также склонение существительных и прилагательных), представленных в редакциях Молитвы архангела Михаила и Молитвы св. Сисина в Codex Sturdzanus, приводит к выводу, что они составлены на среднеболгарском изводе церковнославянского языка, который использовался в качестве письменного языка в княжествах Валахии, Молдавии и Трансильвании.

Ключевые слова:

Codex Sturdzanus, Сборник попа Драголя, Сисиниева легенда, Молитва архангела Михаила, святой Сисиний, рукописная книжность, лингвотекстология, южнославянский фольклор, апокрифическая молитва, тайнопись

Комплекс сюжетов о сакральном персонаже, борющемся с демоном в женском обличье, — т. н. Сисиниева легенда (далее СЛ) — фиксируется в устных и письменных источниках арамейской, еврейской, коптской, эфиопской, арабской, сирийской, греко-византийской, новогреческой, армянской, южнославянской, румынской и восточнославянской традициях. Исследователи выделяют два сюжетных типа: *Michael-type* и *Sisinnios/Melitene-type* (обозначение Р. Гринфилда [12, с. 83–141]), которые обнаруживаются как вместе, так и по отдельности в культурах разных народов. В Южной Славии отмечаются оба типа, представляющие собой переводы греко-византийских *Michael-type* и *Sisinnios/Melitene-type*, — Т. А. Агапкина, подготовившая наиболее полное исследование этих текстов, называет их *Молитвой архангела Михаила* (ММ) и *Молитвой св. Сисина* (МС) соответственно [1].

Предметом внимания в настоящей статье будут ММ (лл. 57–63) и МС (лл. 123–124об.) в Codex Sturdzanus, рукописи из Библиотеки Румынской академии (Ms. rom. 447), большинство изданий которой находится в книгах на румынском языке [16, 11, 14, 15] — счастливым исключением является недавняя работа М. Мазилу и Э. Тимотин в коллективном труде об истории СЛ [5]. Рукопись, как установлено, переписана между 1580 и 1619 гг. священником Григором из Махачени (Трансильвания) и является сборником апокрифических текстов, причем часть из них записана на славянском, другая — на румынском, а третья — на двух языках одновременно. Редакции ММ и МС, рассматриваемые в исследовании Т. А. Агапкиной под сиглами Хаш281 и Хаш284, написаны разными почерками. Первый текст, приведенный с переводом на румынский язык, переписан вместе с Апокалипсисом Павла, Апокалипсисом Богородицы и погребальной проповедью между 1590 и 1602 гг. на севере Хунедояры, а второй, вместе с другими молитвами (в т. ч. с именем Сисина), — еще одним писцом после 10-го мая 1619 г. [13, с. 192, 200].

Ниже будут рассмотрены текстуальные и языковые особенности ММ и МС в Codex Sturdzanus на фоне других южнославянских списков и реконструированного нами архетипа, описанию которого будет посвящена отдельная работа. Цитаты из источников приводятся по рукописям; в круглых скобках находятся выносные буквы, в квадратных — восстанавливаемые; для обозначения йотированной буквы «азъ» использовано сочетание *ja*.

1. Молитва архангела Михаила

Сюжет строится вокруг диалога архангела Михаила с южнославянской ведьмой вештицей (см. подробнее в [3, с. 367–368]) и последующего ее наказания за попытки нанести вред роженицам — даже самой Богородице. Вештица, принужденная архангелом Михаилом, приносит клятву не губить женщин и младенцев и раскрывает список своих имен, знание которых позволяет спастись.

Первая правка редактора находится уже в начале текста: он открывается перволичным нарративом, который сменил третьеличный нарратив архетипа. См.: *азъ архаггль мих[аиль] ходи(х) по гор[у] еле[н]ност[и] и [б]р[а]хъ в[ѣ]щицъ имени(м) авизою и реко(х) [еи] ти еси злопле(н) и проклетое в[ѣ]щице [и] на бо б[о]ще простр[ѣ]ла власи[вои] до пет[р]* [2, л. 123]. Упомянутая редакция — единственная, сохраняющая во вступлении имя Авизу (греч. *Αβιζοῦ*), в записи которого буквально передан греческий дифтонг *ou*; буква *ѣ* (*вѣщицъ*) появляется на месте диграфа «ук» (*ѣ*) по ошибке. В качестве параллели приведем наиболее близкую редакцию ММ в Сборнике попа Драголя (СПД4; 2 пол. XIII в.): *Азь сисинь сходе [и] си[н]ьски[и] горы. ср[ѣ]тохъ в[ѣ]щицоу. имоущю власы д[о] земле. ичи [и] б[ѣ]ста и гнѣнь. и рѣхъ [и] кто ты [и] си. камо ли идеши [и] к[ѣ] ли [и] си страны* [7, л. 59].

Как видно, в Хаш281 не сообщается об огненных глазах вештицы (чтение присутствует в архетипе, куда попадает из греко-византийской версии молитвы), что является ошибкой переписчика или редактора. Описывая волосы вештицы, он заменяет причастную форму *имоущи*, которая является точным переводом греч. причастия *ἰοῦσαν* (ср. с греч.: *Κατερχόμενος Μιχαήλ* [λ] [и] *Ἀρχάγγελος* [и] *το* [и] *ῥους* *το* [и] *Σιν* [и] *ἡ* *ρε* *τ* *ν* *Αβιζου* *ἰοῦσαν* *τ* *ριχα* [ς] *α* *τ* *ς* [и] *ως* *τ* *ν* *πτερν* *ν* *α* *τ* *ς* *κα* *το* *πυρρ* *α* *τ* *ς* *πεπυρομένους* *σφόδρ* 'Когда спустился Михаи[л] архангел с [г]оры Синая, повстречал Авизу, у которой воло[сы] были до пят и гла[за] ярко горящие огнем' [10, с. 271–272]), формой плюсквамперфекта, причем от другого, менее частотного глагола *простр[ѣ]ти* 'простереть'. При этом упоминание портретной черты должно предшествовать реплике архангела Михаила, которая занимает не свое положение. Эти слова, как представляется, попали вверх из заклинания архангела (см. далее), чему способствовали введение реплики через глагол говорения *рещи*, наличие личного местоимения и глагола *быти* в форме 2 л. ед. (ср. Хаш281 и СПД4: *реко(х) [еи] ти еси / и р[ѣ]хъ [и] кто ты [и] си*) Исходя из сделанных наблюдений, мы предложили бы реконструировать вступление текста редакции следующим образом: *азъ архаггль михаиль ходихъ по гор[у] [и] ле[н]ност[и] и [б]рѣхъ вѣщицъ именемъ авизою ина бо б[о]ше прострѣла власы свои до пет[р]* <сообщение об огненных глазах> *и рекохъ [и] к[ѣ]то ты [и] си*.

В редакции из Хаш281 отсутствует длинный рассказ вештицы об ее вредоносных способностях, что может быть объяснено только порчей текста в протографе: например, выпадением листа, исписанного с двух сторон. В механическом характере лакуны убеждает и разнообразный нарратив: если изначально глагол *рещи* употребляется в форме 1 л. ед. (*рекохъ [и] к[ѣ]то ты [и] си*), то далее, перед заклинанием архангела, следует форма 3 л. ед. (*и рече ей. архаггль михаи(ль) н[е] и[ма] (м) поустити. аще ми с[и] не кльне[ши] и пов[ѣ]ж(д)и ми родѣ своемѣ. и име.*), появление которой должно быть мотивировано в упущенном отрывке:

Следующий ниже фрагмент — перечень имен и окончание клятвы: *же ре(ч) емѣ на(ш) род мои(м). а мора. в вѣщица. [а]хоха. д[и] пла(д)ница. е[и] ле(к)та s. члкоу[...]дица э[и] полонощница. и све(л)а [и] д[и]и [и] дава[и]ща [и] не(рад)остна. а[и] чрѣн[и]... нигде да не са(м) би(л) кльноутис[и]. архаггль м[и]х[и]аи(ле). идеже стои(т) млтви с[и]е въ домѣ бж[и]ю или инѣ и [и] новѣ милѣ[и] так! да нигде[и] ... куй ни мора ни вѣщица. ни ди[и]во(л)* Центральный элемент молитвы — клятва престолом Господа и высокой мышцей — отсутствует, что

также объясняется порчей списка. Это предположение подтверждает частица *же* в начале отрывка: в неповрежденном протографе ей должно предшествовать местоимение *она*. Что касается перечня имен, он близок ряду других списков — приведем в качестве примера цитату из НБС454 (перв. четв. XVIII в.): *а име мора в вещица г визѣса д макарила е сијана с евегелоса з наварьдѣлија и живи гнь г пладьница і детодавица аі ѝзима мла(д)еньцемь млеко ві преласни дијаволь* [6, л. 46 об.].

Гарантом защиты дома, согласно рассматриваемой редакции, является нахождение молитвы в его стенах: *идеже стои(т) млтви сїе въ домѣ бжїю или инѣ и новѣ милѣ [так!] да нигд[е ...]куй ни мора ни вѣщица. ни ди(во)л. идеже нбо и землѣ. скончаец* Последующие слова можно посчитать отдельной молитвой, слившейся с ММ — приведем отсутствующий в публикации Б. Хашдеу фрагмент записи: *във [так!] начѣло бѣ слово и слово бѣ бѣ и бѣбѣ слово се бѣ искони къ боу. и въсѣ тѣ(м)ише и без негоже ни(чи)соже би(с) въ то(м) живо(т) [...]рѣ въ тѣмѣ свѣтис[так!] и тѣма его не (ве)т [так!]. [б]ы(с) члкъ посла(н) бѣ имѣ емоу съ прїидѣво свѣте(л)ство[так!]. да засвѣ(д)ете(л)ствове(т). и свѣ[...]. да въси вѣрѣ емѣ имѣ(т). + а се (и)на кто и(х) носи(т) чисто съ собоѣ. то да не боитсѣ. бѣса ни стрѣли. ни инѣ(и)жи(т) гнь аротир о миа сававѣ [т]еу(с) па(н)дократѣр оузи_ки и(с) елш(д) //124 об.// гора(х). заблѣди(т). ни въ водѣ ѣтоѣнеть] ни злоу сѣмртїю ни оумре(т) ни (т) огнѣ изгори(т) ни нисоже[так!] рану прїиме(т) н[и ко]пїѣ. ни меча ни стрѣли. ни [вѣда] орѣжїа рани не прїиме(т) нѣ въсегда бѣде(т) въвѣкы ами(н).* Текст начинается с цитаты Ин 1.1–7, которая продолжена списком божественных имен и наименований на греческом и древнееврейском языках: *аротир о миа сававѣ(с) па(н)дократѣр оузи_ки (с) елш[ада](и) — протѣр ѣлш[ада] (səbā'wōḏ) [θ]εός παντοκράτωρ οὐσεία καὶ ὁ παντοκράτωρ (ʾēl š[ada]y) 'Отец мой Саваоф Бог Вседержитель Сущий и Всемогущий'.* Представляется, что выбор цитаты из первой главы Евангелия от Иоанна обусловлен тем, что в ней упоминается *и м я* самого евангелиста, а присоединению краткой молитвы к ММ способствовали прагматика (оберег) и сходная модель защиты (перечень имен).

Язык редакции по списку Хаш281 отличается следующими особенностями. Орфография двуеровая (*ь* появляется преимущественно на конце слов, а *ъ* в середине, исключая написания предлогов *въ* и *съ*) и двуюсовая, причем для обозначения [ja] используется не только *ја* (*оузија* 'Сущий'), но и *ѣ* (*диаво(л)*). Можно отметить черты, характерные для южнославянских (1) и южно- и восточнославянских (2) языков:

1) переходы **ę* > [e] (*проклетое, до петѣ*) и [y] > [i] (*ти, рани* 'раны', *би(с)*), смешение *о* / *у* (*засвѣ(д)ете(л)ствове(т), полоношница* в последнем примере также возможно написание второго *о* под влиянием соседних слогов), запись слогового плавного *t[r]t* (*чръни[...]*) и отсутствие йотации (*орѣжїа*),

2) переход **ǫ* > [u] (*вѣрѣ*).

Написание *имени(м)*, как кажется, отражает редукцию заударного гласного, что наблюдается в румынском языке. Извод церковнославянского языка можно описать как среднеболгарский, что соответствует языковой ситуации княжеств Валахии, Молдавии и Трансильвании (подробнее см. в работе [4]).

2. Молитва св. Сисина

В архетипе перевода МС три брата-воина, святые Сисин, Синадор и Феодор, отправляются к сестре Мелентии, чтобы спасти ее новорожденного ребенка от дьявола. Однако он, обернувшись зернышком под копытом лошади, проникает в дом и похищает

дита, что вынуждает братьев отправиться на их поиск. Встреченные братьями деревья либо сбивают их с пути, либо помогают найти дьявола, который обещает вернуть детей, если воины выблуют материнское молоко. Помолившись Богу, братья исполняют требуемое — дьявол возвращает детей и приносит клятву не вредить людям, в состав которой входят имена самого дьявола.

Список Хаш284 содержит вариант редакции, второй список (с некоторыми отличиями) которой находится в Сборнике попа Драголя (СПД1). Главной инновацией редакции является сокращение числа героев до одного — св. Сисина, — что отражено уже в заглавии: *млтва стго сїсина □ дїавола проклета* (Хаш284) и *млитвы стго си[сина] □ зла дїа* (СПД1). Оба списка по сравнению с предшествующим этапом редактирования также объединяют три других подновления: а) слова ангела распространяются фразой 'чтобы через тебя Господь изгнал дьявола' (фраза дублируется, когда Сисин убеждает сестру открыть ворота), б) информация о приготовлении ужина отсекается, в) дьявол сразу, едва войдя в дом, убегает с ребенком. Ниже мы рассмотрим особенности варианта редакции в Хаш284 по сравнению с архетипом редакции и другим ее вариантом — СПД1.

Составитель варианта Хаш284 добавляет, что Сисин, возвратившись в Аравию с востока, возносит молитву Господу, а ангел является ему во сне (не на охоте, как в СПД1): *ег(д)а млтвѣ твораше възвратись сти сїсинь □ въстока въ равїю. и прїиде къ нем(ѣ) агїль. г(с)їднѣ въ снѣ*. Сообщая о Мелентии, книжник отсекает информацию о ее житье на площади, где продается медь, а сама женщина названа Мелентиной: *мели(н)їна же сестра сво(а) [вм. твоа — А. А.] роди [доб. по ошибке — А. А.] сътвори стлїѣ. мраморень. и заковала гв(о)здїемъ. и □ловомъ зилиїана [вм. залиїала]. пое(т) .В. □троковице на слѣ(ж)бѣ себе бра(ш)но за летъ*. Сближение имени с его греч. вариантом (*Μελετινῆ*) вторично, т. к. Хаш284 отстоит от архетипа, а других следов привлечения иноязычной версии при редактировании молитвы нет.

Сестра не открывает Сисину ворота, ссылаясь на подстерегающую ее опасность: *□на (ж) ре(ч) не сме□ю[так!] ти □врѣсти. јако(ж) бо□се врага вараха* (в румынской версии эквивалентом чтения *вараха* является *dracul* 'дьявол'). На наш взгляд, *вараха* — это записанное тайнописью слово *сатана*. Подобную систему записи с видеоизменением букв, используемую протопсалтом из румынского Путненского монастыря Евстафием (ок. 1511 г.), описывает М. Н. Сперанский [9, с. 11–14]. Ниже представляем образцы начертания букв *с*, *а*, *т*, *н* из издания (Рис. 1). Как видно, первая и третья соответствуют начертаниям из последнего столбца, напоминающим буквы *в* и *р*, в то время как *а* из первой и второй системы походит на обычное кириллическое *а*. Начертание буквы *н*, которое можно было бы спутать с *х*, — находится в последнем столбце: она менее всего похожа на самостоятельную кириллическую букву, поэтому желание «достроить» ее понятно — достаточно лишь провести еще одну диагональ для того, чтобы получилась буква *х*. Смешение нескольких систем, по словам М. Н. Сперанского, Евстафий действительно употреблял в своих записях — правда, никогда в рамках одного слова, но тайное написание в Хаш284 может быть исключением из правил. Подчеркнем, что речь идет только об использовании типа тайнописи — нет достоверных данных за то, чтобы признать составление варианта редакции с личностью Евстафия.

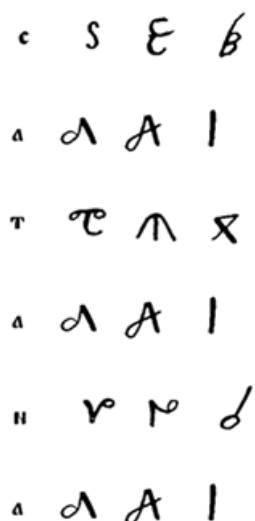


Рис. 1

Указание на зиму и бурю в качестве аргумента отворить дверь перемещается из первой реплики Сисина во вторую (□тврѣзи ми стлѣпъ да вѣнидѣ ја(к) велѣа е(с) вѣнѣ зима. и велѣа вѣалица. не(с) главѣ по(д)клонити), делая эту просьбу более настойчивой. В архетипе перевода после бегства дьявола Сисин с братьями берет в руки оружие и садится на выдыхающего пламя коня, который воплощает связь человека со сверхъестественным миром [8, с. 590-594] — ввиду того, что переводчик снимает указание на маршрут (в греч. — Ливанские горы), можно предположить, что дьявол уводит воина за собой на другой свет. В Хаш284 этот образ подвергается еще одной трансформации: конь не только дышит пламенем, а весь является огненным, как и копье, взятое в руки воином (поте(ч) въ сле(д) дѣволѣ то(г). ко(н) же е(г) пламено(м) диха(ш) имееи въ рѣка(х) пламено копѣе). Сисин намеренно гонит к вербе, а маслина, как уточняет редактор, стоит у моря (виде маслинѣ прѣ мора стоеща) — благодарность дереву заключает в себе лишь пожелание использоваться в церкви (да и си бл(с)венно и □сщен□но древо бжїи маслин(ѣ). и бѣ(де)ши вѣсе(м) □црква(м) на прос□щенїе. (а) □лко(м) на сп□сенїе), в то время как в архетипе перевода и части списков герой пророчит маслине плодovitость. Далее, мотив превращения в рыбу в списке отсутствует — его заменяет фраза о погружении в море, которая содержит сербизм *поринутиса* 'погрузиться' (въ морю по(ри)ношасе).

Вытащив дьявола на берег при помощи сети и удочки, Сисин бьет его 72 палицами: *прїиде къ м(о)рю и вѣрже ѡн□дицѣ свою въ море. извлече(ч) мреж□ вра(г) на сѣхо. и наче(т) его ѡбити .□в. пали(ц)ю железнаю* В православии и народной культуре это число не имеет символического значения (если речь не идет о переводе Септуагинты, что скорее всего было неизвестно писцу), поэтому можно предположить, что книжник использовал цифру, обозначающую лишь множественность. Воин уточняет, что дьявол должен изbleвать 6 детей Мелентии, чье имя снова изменяется по сравнению с протографом: теперь она названа Мелинтианой и Мелинтиянией (да(ж)дѣ ми .s. дети мѣли(н)тїани сестре мои... тог(д)а д(ї)аволь изблюва .s. дѣти мели(н)тїанїи).

Порядок реплик в диалоге Сисина и дьявола соответствует предшествующему этапу редактирования, но в конце разговора слова 'поклонись, дьявол!' и его клятва дублируются: и ре(ч) и(м) сиси(н). живѣ гѣ бѣ на(ш) нб(с)ы и на земле. не има(м) и пѣстити дѣяволе докле ми съ не кльниши. и начеть дијаво(л) клети(с). тако ми си(л) страшнаго пр(с)тола. идеже млтва сїија [так!] глетс□ им(е) мое вѣс□помицанїе те ѣ дѣаволь не настигне(т). живѣ гѣ бѣ нашѣ нб(с)ни и на земле. не има(м) те(б) пѣстити

дѣволе. аще не кльни(ш) ми съ. и наче(т) дѣволь съ слъсами клети (с). тако (ми) си(л) страшнаго прѣстола и мищца висока̑(го)]. и чи(с)таго по(р)фѣра ꙗсьнеиши прѣч(с)ти[его врь(х). и си(л) тѣ(х) .м. поповь иже ꙗбстоить вишни ѿеросали(м). и млтѣ твори(т) днь и но(щ). иде(ж) млтва сѣа глѣце име твое въ(с)поминанїе те. стое ти никоторїи дѣволь не настгнѣ(т). ни къ дѣмѣ [так!] бжѣ[ї]ю. м(р). Наконец, Сисин отправляет дьявола во мрак, что является инновацией Хаш284: абїе посла его по(д) мрако(м). а з(д)е славитсѣ име щѣа и сѣа. и стѣо дѣа и ннѣ [так!] и пр(с)но и въ веки веко(м) ами(н).

Отдельный интерес представляют языковые особенности Хаш284. Орфография — двуеровая и двуюсовая. Редуцированные употребляются в соответствии с этимологией (въстока, съса(л), въ съне), смешиваются (въсхити, вънидѣ, воинь), утрачиваются в слабой позиции (страшнаго) или появляются в неэтимологической позиции в окончании возвратного местоимения себе (възвратись, съ 'себя'). Что касается юсов, в рукописи отмечены несколько примеров этимологического употребления (бѣ(д)ть, на (д)ланѣ, глѣтсѣ) и их мены (на (д)ланѣ, боꙗсѣюсь), а также написания с ж на месте [е] < *ѣ (тѣ(х) 'тех'). В некоторых написаниях обнаруживается отсутствие йотации: велѣа, твораше, зб(л)ѣва (но есть изблюва).

Можно отметить рефлексy, характерные для южнославянских (1) и южно- и восточнославянского языков (2). Также присутствует написание ц на месте *tj (3), что может быть польским рефлексом или, что более вероятно, опиской, т. к. написание ц и щ различаются лишь одной чертой:

1) *ѣ > [e] (стоеща, проклета), *у > [i] (мищца, би(с), но есть и написание, сохраняющее этимологический гласный — бы(с)], написание слоговых плавных (стлѣпѣ, врьже, прѣво, врь(х)), *tj > [št] (хоще(т), просѣненїе), *dj > [žd] (да(ж)дѣ),

2) *q > [y] (млѣвѣ), *ѣ > [e] (цвете(ш), бежеща; один раз на месте *ѣ отмечается буква ѣ (въалица), которая могла появиться из-за неверного прочтения ѣ в протографе),

3) *tj (глѣце).

В области грамматики следует отметить употребление Р. п. и В. п. (одуш.) с окончанием -у (-ю) (по(д) копито(м) коню, ꙗтроѣ носеща), а также Р. ед. с окончанием -а (прї мора). Отмечаются сербизмы в области морфологии — окончания сущ. *а-скл.: -и в Д. п. (къ сестри) и -е в Р. ед. (сестре), а также флексия -омъ у сущ. бывшего консонантного типа в Т. ед. (пламено(м)). Форма имени женщины (иди сисине къ сестри свое мелинѣтию), напротив, отражает распад склонения существительных — аналогичный процесс затрагивает местоименное склонение (дети мѣли(н)їани сестре мои).

Лексемы мышца и порфира меняют род на мужской, что также связано с изменениями в именном склонении: тако (ми) си(л) страшнаго прѣстола и мищца висока̑(го)]. и чи(с)таго по(р)фѣра. В двух случаях появляется написание те, напоминающее болгарский артикль мн. ч.: им(е) мое въсѣпоминанїе те, име твое въ(с)поминанїе те. Обращает на себя внимание расположение энклитик, характерное для сербского и болгарского языков: докле ми съ не кльниши (союз встречается и в болгарском, и в сербском языке), аще не кльни(ш) ми съ. Что касается лексики, можно отметить сербизмы подмицати се 'подкладываться, подсовываться' (дѣаво(л) же по(д)миче(с) [буква е испр. из и — А. А.] просеною лоспою по(д) копито(м) коню сисина) и поринутисѣ 'погрузиться' (въ морю по(ри)ношасе) и болгаризмы лоспа (ср. с совр. люспа 'шелуха') и ундица (врьже ѣнѣдицѣ свою въ море).

Таким образом, в Хаш284 отражаются фонетические и грамматические черты,

характерные для среднеболгарского, сербского и, вероятно, польского изводов церковнославянского языка.

3. Выводы

Рукопись *Codex Sturdzanus* подтверждает, что к рубежу XVI/XVII вв. Сисиниева легенда достигает княжеств Валахии, Молдавии и Трансильвании в двух сюжетных типах. Источник фиксирует единственный список редакции ММ и один из вариантов МС, сопровождаемый параллельным переводом на румынский язык, изучение которого было проведено М. Мазилу и Э. Тимотин [\[13, с. 509–513\]](#). Обе славянские редакции, как показало исследование, являются стилистическими, а язык молитв можно описать как среднеболгарский извод церковнославянского, используемый в румыноязычной среде как письменный язык. Однако ММ — возможно, в силу фрагментарности текста — содержит меньше региональных черт, чем МС.

Библиография

1. Агапкина Т. А. Сисиниева молитва у южных славян // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. Под ред. А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2017. С. 429–443.
2. Библиотека Румынской академии, Ms. rom. 447. XVI–XVII вв. 124 л.
3. Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Вещица // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 367–368.
4. Джамо Л., Стойкович О., Осман М., Линца Е., Миту М. Характерни черти на книжнославянски език румънска редакция (XIV–XVI в.) // *Romanoslavica*. 1963. №9. С. 109–161.
5. Мазилу М., Тимотин Э. Легенда о святом Сисинии в румынской традиции // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. Под ред. А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2017. С. 507–552.
6. Национальная библиотека Сербии, №454. Перв. четв. XVIII в. 83 л.
7. Национальная библиотека Сербии, № 651. Втор. пол. XIII в. 272 л.
8. Петрухин В. Я. Конь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 590–594.
9. Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1929. 165 с.
10. Чёха О. В. Сисиниева молитва в византийской традиции // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. Под ред. А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2017. С. 242–304.
11. Chivu G. *Codex Sturdzanus, studiu filologic, studiu lingvistic, ediție de text și indice de cuvinte*. București: Editura Academiei Române, 1993, 522 p.
12. Greenfield R. Saint Sisinnios, the Archangel Michael and the Female Demon Gylou: The Typology of the Greek Literary Stories, in: *Byzantina*, 1989, Vol. 15, pp. 83–141.
13. Mazilu M., Timotin E. The Romanian Tradition of The Sisinnios Legend (the 16th–19th centuries): Typology and Manuscript Variation, in: *Revista de etnografie și folclor*. № 1–2, 2018, pp. 190–218.
14. Mareș A. Datarea unor texte din Codicele Sturdzan, in: *Limba română*, 1985, No 34., pp. 46–52.
15. Mareș A. *Crestomația limbii române vechi*. Vol. I. 1521–1639. București: Editura

Academiei Române, 1994, 246 p.

16. Petriceicu-Hăşdeu B. Cărţile poporane ale Românilor în secolul XVI în legătură cu literatură populară necrisată. Bucureşti: Noua Tipografie Naţională C. N. Rădulescu, 1879, 766 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Сисиниева легенда в Codex Sturdzanus: текст и язык», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению текстуальных и языковых особенностей Молитвы архангела Михаила (ММ) и Молитвы св. Сисина (МС) в Codex Sturdzanus на фоне других южнославянских списков и реконструированного автором архетипа.

Автор обращается к комплексу сюжетов о сакральном персонаже, борющемся с демоном в женском обличье, — т. н. Сисиниева легенда — фиксируется в устных и письменных источниках арамейской, еврейской, коптской, эфиопской, арабской, сирийской, греко-византийской, новогреческой, армянской, южнославянской, румынской и восточнославянской традициях.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы, а именно к сравнительно-историческому методу, методу обобщения и методу семантического анализа.

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования.

Предметом внимания в настоящей статье будут ММ (лл. 57–63) и МС (лл. 123–124об.) в Codex Sturdzanus, рукописи из Библиотеки Румынской академии (Ms. rom. 447).

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых представлены работы на русском и иностранных языках.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по истории языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым

связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Сисиниева легенда в Codex Sturdzanus: текст и язык» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Куликов Е.А. — Урбанистические феномены как «места памяти» в романе Теджу Коула «Открытый город» // Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.68953 EDN: ZMYRZJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68953

Урбанистические феномены как «места памяти» в романе Теджу Коула «Открытый город»

Куликов Евгений Андреевич

ORCID: 0000-0001-5037-7226

кандидат филологических наук

доцент, кафедра зарубежной литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

✉ kulikov@ff.unn.ru

[Статья из рубрики "Всемирная литература"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.68953

EDN:

ZMYRZJ

Дата направления статьи в редакцию:

12-11-2023

Аннотация: Цель работы – анализ автофикционального романа современного американского писателя Теджу Коула «Открытый город» (Open City, 2011) с точки зрения memory studies. Актуальность обеспечивается обращением к одному из важнейших жанров современной литературы, автофикшну, совмещающему и принципиально не разграничивающему документальный и вымышленный дискурсы, и использованием методологического аппарата кросс-дисциплинарной сферы memory studies. Предмет исследования – урбанистический хронотоп Нью-Йорка после теракта 11 сентября и его конкретные мемориальные локусы, посвященные разнообразным историческим событиям или личностям. Художественный текст в данном случае выступает в качестве медиальной репрезентации реальности, а городское пространство в нём воспринимается и может анализироваться как текст, то есть как семантически организованная последовательность знаков, вслед за академиком В.Н. Топоровым. Одним из основоположников исследований памяти является французский учёный Пьер

Нора, чей термин «места памяти» становится базовым в данной работе. Новизна работы заключается в литературоведческом вкладе в поле исследований памяти. Нарратор романа «Открытый город», Джулиус, в процессе планирования по Нью-Йорку воспринимает город как семиотическое пространство, считывая маркеры урбанистического хронотопа как памятные и/или исторические знаки. «Места памяти», располагающиеся на стыке живой памяти и застывшей истории, становятся важнейшими локусами, фиксирующими индивидуальную и коллективную коммеморацию социальной истории, оказываясь при этом вытесненными из сферы актуального в сферу забытого, в то время как нарратор романа занимает промежуточное положение благодаря способности к реактуализации исторических событий и мемориальных нарративов, пусть и только на личностном уровне. Подобное сопоставление "я" и "других" позволяет обратиться к вопросу национальной идентичности и выявить специфику американской нации как ориентированной на будущее, а не на прошлое, и стирающей "места памяти" из современности.

Ключевые слова:

Пьер Нора, места памяти, память, исследования памяти, городской текст, урбанизм, Теджу Коул, автофикшн, Открытый город, хронотоп

Работа выполнена в Научно-исследовательской лаборатории «Изучение национально-культурных кодов мировой литературы в контексте межкультурной коммуникации» Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского в рамках Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» (тема Н-457-99_2022-2023).

Конец XX столетия в общественном сознании ознаменовался новым обращением к вопросам истории и памяти, ставшим основополагающим элементом социального конструкта «национальной идентичности». Будучи безусловно не новым вопросом, феномен памяти вновь актуализировался в 1980–90-е годы, предпосылками к чему являлись: социальные факторы, связанные с «радикальными изменениями структуры общества эпохи глобализации и постколониализма» [\[1, с. 23\]](#); критика идеологий предшествующих десятилетий, которые воспринимали «использование образов и репрезентаций (в том числе, образов прошлого) исключительно в негативном ключе как средство внушения «ложного сознания»» [\[1, с. 24\]](#); постепенный уход из жизни «поколения очевидцев тяжелейших в анналах человеческой истории преступлений и катастроф» [\[2, с. 11\]](#), требующий фиксации памяти о травматическом прошлом, находящемся на грани исчезновения именно в своём живом, неприукрашенном и немусеифицированном обличье; стремительное изменение общественно-политического строя в странах Европы («перестройка» и последующий распад СССР, падение Берлинской стены и многое другое); наконец, техническая революция и стремительное развитие компьютерных технологий, делающих возможным достоверную и почти или полностью синхронную фиксацию действительности (например, об электронной памяти, отличающейся от человеческой «очень высокой стабильностью» и становящейся «помощником и слугой памяти и разума человека», пишет Жак Ле Гофф в книге «История и память» [\[3, с. 124–126\]](#)). Отдельно мы считаем нужным акцентировать внимание именно на обращении к теме памяти для последующего конституирования национальной/этнической идентичности и/или идеологии, о чём пишет, например,

ирландский социолог Бенедикт Андерсон [\[4\]](#) или немецкий историк Фритьоф Беньямин Шенк: «формирование в сознании "мест памяти" – общий феномен процессов развития "мы-групп". Идея общего героического прошлого принципиально важна, например, для самосознания этнических меньшинств, религиозных групп, городов, регионов и даже классов» [\[5\]](#). Делая акцент на необходимости памяти именно для этих групп, Шенк тем не менее подчёркивает, что «представление об общем прошлом» важно для любой «коллективной идентичности» [\[5\]](#).

В этой связи продуктивным представляется обращение к художественной литературе, отражающей реальность и служащей, как называет это немецкий антрополог и культуролог Алейда Ассман, «медиаальной репрезентацией» коллективной истории, памяти и травмы, существующей в виде «культурных конструкторов внутри определённых социальных рамок» [\[6, с. 168\]](#). Безусловно, литературный текст никогда не равен самой действительности, однако множественные способы коммеморации, кодифицированные художественными полотнами, составляют общественный дискурс при обращении к истории и/или памяти. Ещё более показательным является исследование творчества, которое, во-первых, представляет собой интенциональное обращение к данным вопросам, во-вторых, создано на стыке факта и вымысла. Как отмечает В.И. Тюпа, «стирание границ между нарративными практиками fiction и non-fiction» [\[7, с. 35\]](#) становится одним из доминирующих принципов современной литературы. Поэтому мы обращаемся к творчеству современного американского писателя нигерийского происхождения Теджу Коула как показательному в рамках интересующих нас (и самого писателя) тем с использованием оптики, предложенной историком Пьером Нора, до сих пор остающейся актуальной в современных memory studies. Объектом настоящего исследования становится роман Т. Коула «Открытый город», предметом – «места памяти», составляющие городской текст в данном романе. Актуальность данной работы связана, во-первых, с ростом интереса к жанру «автофикшн», в рамках которого создан «Открытый город», во-вторых, с важнейшей темой национальной и индивидуальной идентичности как социального конструкта, поднимаемой в данном тексте с позиции пост- и деколонизма; новизну работе обеспечивает отсутствие исследований, посвящённых данному аспекту романа.

Как уже было сказано выше, методологической базой настоящего исследования становятся memory studies и конкретно понятийный аппарат, разработанный французским учёным Пьером Нора. Он внёс значительный вклад в исследование феномена памяти, введя в научный дискурс понятие lieux de memoire (места памяти) и выпустив одноимённую семитомную энциклопедию объёмом в пять с половиной тысяч страниц в 1980-90-е годы. Разводя понятия «памяти» и «истории», Нора осмысляет «места памяти» как рубежные феномены, пограничные явления, связывающие две этих сферы человеческого знания. «Места памяти» возникают там, где необходимо остановить превращение памяти (живой, актуальной, эволюционирующей) в историю (репрезентирующую, реконструирующую, интеллектуальную). «Если бы мы сами продолжали населять нашу память, нам было бы незачем посвящать ей особые места. Они бы не существовали, потому что не было бы памяти, унесенной историей» [\[8, с. 19\]](#), – пишет Нора в предисловии к первому тому своего глобального исследования, говоря о тенденции превращения «целостной», «истинной» и «спонтанной» памяти в «миф», воспринимаемый как наследие, но предельно далёкий от категории эмоционального переживания и проживания. Затрудняясь дать чёткую дефиницию созданного им термина, Нора определяет его как места, где «память кристаллизуется и находит свое

убежище» [8, с. 17], как «останки» и «иллюзии вечности» [8, с. 26], как «ракушки, оставшиеся лежать на берегу после отлива моря живой памяти» [8, с. 27]. Лишь после создания трёх всеобъемлющих частей – Республика, Нация и Франция – исследователь постфактум приходит к осмыслению использованного им и множеством его коллег инструментария, изначально вошедшего в обиход интуитивно и «спонтанно» [8, с. 72]. В главе «Как писать историю Франции?» в третьем томе антологии он даёт следующее определение: «места памяти – всякое значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратила в символический элемент наследия некоторой общности» [8, с. 79]. Важнейшим, на наш взгляд, компонентом является именно его символическое значение, поскольку символ, как известно, – понятие многозначное. Место памяти – не постоянное, зафиксированное во времени и однозначное явление, во все века и эпохи имеющее стабильную семантику и коннотацию; напротив, место памяти – подвижное образование, наделяемое новым прочтением и значением в зависимости от реципиента и социокультурных, политических, экономических и многих других условий, в которых тот находится, а также социальных и других идентичностных групп, к которым он принадлежит. Как верно подчёркивает Светлана Александровна Шейпак, «основной характеристикой “мест памяти” для Нора является их способность к метаморфозе, постоянному обновлению значений, внезапному появлению новых производных уже устоявшихся значений. Динамика значений “мест памяти” позволяет выявить изменения в структуре национальной коллективной памяти <...> значение каждого “места памяти” в момент его актуализации будет неразрывно связано с субъектом воспоминаний» [9, с. 1220]. Именно с точки зрения специфики воспринимающего (т.е. вспоминающего) сознания и его связей с социальной и «коллективной памятью» нам бы хотелось обратиться к роману Теджу Коула «Открытый город».

Т. Коул (*Teju Cole*) родился в 1975 году в США в семье студентов-нигерийцев, вернувшихся с маленьким Теджу на родину по окончании своего обучения. Воспитывавшийся в Нигерии, он успел впитать родную культуру, прежде чем переехать в Америку в семнадцатилетнем возрасте ради в последствии брошенного обучения медицине в Мичиганском университете и дальнейшего образования по программе «восточных и африканских исследований» в Лондоне и получения Ph.D. в Колумбийском университете по истории искусств. Сейчас Т. Коул – профессор писательского мастерства в Гарварде, фотограф, колумнист *New York Times* и многих других изданий, а также автор, получивший стипендию Гуггенхайма [10], Премию Национального круга книжных критиков (*National Book Critics Circle Award*) [11] и Премию ПЕН фонда Хемингуэя за свой дебютный полноценный роман «Открытый город» (*Open City*), выпущенный в 2011 году. Роман написан в жанре «автофикшн», становящемся сейчас одним из основополагающих жанров современной зарубежной литературы (можно отметить творчество Оливии Лэнг, Рэйчел Каск, Шилы Хети, Карла-Уве Кнаушгора, Эми Липрот, а также Анни Эрно, Нобелевской лауреатки 2022 года). Автофикшн – жанр, созданный на пересечении художественной и документальной литературы, исследующий предельно частные истории и демонстрирующий значимость отдельно взятой личности, доказывая, что любой человек достоин интереса и внимания. Как говорит Е.А. Ермолин, автофикшн – это «радикальное самопредъявление личности в современном повествовательном дискурсе. <...> [Он] связан с особым пониманием достоверности, он чужд традиционным критериям героики и этической полноценности, которые могут восприниматься как орудия и средства отчуждения, как неприемлемая подмена личной сути заданной нормой <...> Автофикшн – самопостижение автора в тех пределах,

которые он сам для себя определил, отождествив их с пределами подлинности в своем ее понимании, основанном на попытке нащупать неуловимую грань личного присутствия в зыбком, текучем мире» [\[12, с. 71\]](#).

Чаще всего в автофикциональном дискурсе невозможно провести чёткую демаркационную линию между автором и его персонажем, поскольку автофикшн в принципе во многом имеет терапевтическую функцию – переживание, рефлексия, обдумывание значимых для автора событий зачастую совпадает с известной нам биографией писателя. Т. Коул, однако, эту границу очерчивает достаточно чётко, называя своего персонажа другим именем – Джулиус, что, впрочем, как будто является продолжением имени автора Теджу – причём и одно, и другое не имеют ничего общего с данным ему при рождении именем: Obayemi Babajide Adetokunbo Onafuwa. Подтверждением этой гипотезы становится то, что Джулиус – студент-медик, оканчивающий обучение в ординатуре, проходящий постоянную практику в университетской клинике и готовящийся стать полноценным самостоятельным практикующим психиатром (напомним, что сам Т. Коул это обучение бросил). Писатель как будто использует в своём повествовании приём жанра альтернативной истории, повествуя о событиях, которые могли бы с ним произойти, не отчислись он из Мичиганского университета (отсюда и замена неформального Теджу на официальное и, что самое главное, привычное американскому уху имя Джулиус, более приличествующее уважаемому доктору). Привычный нам сюжет в романе отсутствует – рассказчик гуляет по городу, слушает музыку, общается с людьми (хотя, скорее, тут тоже лучше использовать слово «слушает», потому что говорят в основном его собеседники, а свои мысли Джулиус проговаривает внутри себя). Единственная нить, похожая на сюжетную и уводящая героя из Нью-Йорка в Брюссель – желание найти свою бабушку по материнской линии, следы которой затерялись несколько лет назад именно в Бельгии. Впрочем, оказавшись там, рассказчик не предпринимает практически никаких усилий для её поисков, продолжая вести рутинную жизнь наблюдателя. Неслучайно в заглавие вынесен именно город – скорее он тут является главным героем и центром повествования, а не рассказчик, хотя, конечно, специфика воспринимающего урбанистические локации сознания в данном романе очень важна.

Действие «Открытого города» происходит несколько лет спустя катастрофы «одиннадцатого сентября». Важнейшим локусом, определяющим общий топос Нью-Йорка, становится площадка, на которой когда-то стояли Башни-близнецы, разрушенные в результате террористической атаки. Теракт 2001 года оказал большое влияние на смену политических и социальных воззрений, заставил обратиться к проблемам расизма и религиозной ненависти, показал американцам хрупкость их жизни и общественного устройства – и зияющее пространство на месте бывшего ансамбля Всемирного торгового центра продолжает напоминать о террористическом акте. Более того, этот террористический акт оказал воздействие не только на американский народ, но и на человечество в целом: например, французский философ, антрополог и социолог Жан-Пьер Дюпюи в своём исследовании антропогенных и природных катастроф «Малая метафизика цунами» пишет об этих событиях следующее: «11 сентября 2001 года на американской территории произошло апокалиптическое событие. <...> 11 сентября весь мир остолбенел, когда перед ним был явлен – если не сказать «создан» – впечатляющий облик зла» [\[13, с. 84\]](#). Тем удивительнее, что спустя всего несколько лет после катастрофы данный локус, должный быть ещё свежим напоминанием о нанесённой Америке ране, уже стал «местом памяти», то есть пространством не эмоционального отклика и глубокого переживания, а историческим памятником, мемориалом, не вызывающим острой реакции: «Вокруг меня офисные работники трюхали своей дорогой,

сгорбившись, глядя под ноги, все поголовно в чёрном и сером. Я чувствовал, что на меня косятся, – во всей толпе я один остановился посмотреть с моста на стройплощадку. Все остальные шли, глядя прямо перед собой, и ничто не отделяло их – ничто не отделяло нас – от тех, кто в день катастрофы находился на рабочих местах тут рядом, на другой стороне улицы» [13, с. 58]. Изначально герой сам сомневается в том, что видит, однако он стремится к познанию окружающего его урбанистического хронотопа, поэтому переживает момент узнавания: «Справа был пешеходный мост, соединявший некое здание не с другим зданием, а с земной поверхностью. И снова то же самое пустое пространство, и теперь-то, приглядевшись, я всё же признал очевидное объяснение верным: да это же руины Всемирного торгового центра» [14, с. 52]. Однако визуальному эффекту остранения подвергается только Джулиус, обращающий внимание на зияние пустого пространства, для остальных оно уже перешло в область забытого, то есть в область истории. Для усиления данного контраста Т. Коул вводит в повествование вспоминаемый Джулиусом макет Нью-Йорка в Музее искусств Куинса, на котором есть «пара серых коробок на южной оконечности Манхэттена, каждая примерно в фут высотой: в мире макета (то есть в мире истории, *примечание наше – Е.К.*) они символизируют незыблемость башен Всемирного торгового центра, в реальном мире уже разрушенных» [14, с. 148-149]. Это открытие привело нарратора к осознанию палимпсестной природы Нью-Йорка, поскольку подобное исчезновение объектов из действительности, как произошло с Башнями-близнецами, не является чем-то выходящим за пределы парадигмы обыденности для городского жителя. Происходит то, что Яэль Зерубавель в своей статье «Динамика коллективной памяти» называет «коллективной амнезией» [15, с. 19], что, в свою очередь, возвращает нас к словам Пьера Нора, полагавшего, что именно память, унесённая историей, и формирует места памяти.

Одним из наиболее вероятных объяснений этому процессу нам представляется обращение к теории «травмы» и «травматического опыта», переживаемого не только индивидом, но и целой нацией. Механизм вытеснения травмирующего опыта – и есть забвение, «коллективная амнезия», которому противостоит коммеморативная практика, поскольку явление памяти и интерес к ней, как справедливо замечает М.М. Фёдорова, связан «с необходимостью осмысления во многом жестокого опыта человечества в XX в., длительное время замалчиваемого и скрываемого. Речь идет прежде всего о тоталитарных режимах и диктатурах, о злодеяниях фашизма, о геноциде целых народов или их насильственном переселении» [16, с. 112]. Террористические атаки органично вплетаются в этот ряд коллективных потрясений и травм. Об этом же пишет Алейда Ассман: «как и память, понятие травмы с 1980-х годов прочно вошло в сознание западного человека и глубоко изменило его интуицию, его ценности и эмоциональность. Кровавые завоевания и разрушительные войны западных империй и народов конституируют «горячее прошлое», которое не исчезает автоматически лишь в силу уходящего времени, но остается с нами в нашем настоящем на «кровавых полях» Европы и во многих других местах по всему миру» [17]. Однако специфика памяти заключается в том, что она «уживается только с теми деталями, которые ей удобны», а также «память по своей природе множественна и неделима, коллективна и индивидуальна» [8, с. 20]. Всё это приводит нас к осознанию того, что Т. Коул показывает разрыв между социальной (то есть коллективной, условно всеобщей) памятью и памятью индивидуальной, окрашенной спецификой восприятия реципиента и представляющей важность для личности, но не для всего социума. Сам П. Нора в своей работе фиксирует этот переход, знаменующий собой возникновение мест памяти, которые создаются, как мы уже отмечали, на стыке двух ментальных пространств памяти и истории. «Вместо исторического –

психологическое, вместо социального – индивидуальное, вместо всеобщего – субъективное» [8, с. 34] – именно это мы видим в «Открытом городе» применительно к катастрофе 11 сентября.

Кстати говоря, метафора города как палимпсеста играет и другую роль (и неслучайно Т. Коул называет эту пустоту, оставшуюся от разрушенных башен, стройплощадкой): спустя несколько лет на этом месте появится новый небоскрёб, ещё более высокий и выделяющийся на фоне города, получивший символическое название «Башня Свободы». Однако Джулиусу, потомку нигерийских мигрантов, важнее даже не травматический опыт, пережитый всеми гражданами США после атаки на Всемирный торговый центр, а то, что «это был не первый случай, когда в этой географической точке что-то изгладили бесследно. До строительства башен здесь была целая сеть улочек, где кипела жизнь. Робинзон-стрит, Лоренс-стрит, Колледж-плейс: в шестидесятых их сровняли с землёй, освобождая место для зданий Всемирного торгового центра, и теперь все они позабыты. Исчезли также старый Вашингтонский рынок, действующие пристани, торговки рыбой, анклав сицилийских христиан, возникший здесь в конце XIX века. Сирийцев, ливанцев и прочих выходцев с Леванта вытеснили за реку, в Бруклин, где они пустили корни на Атлантик-Авеню и в Бруклин-Хайтс. А ещё раньше? Какие тропы племени ленапе погребены под обломками? Стройплощадка – палимпсест, да и весь город – тоже: написан, стёрт, переписан заново» [14, с. 59].

Джулиус чувствует тесную связь со всеми мигрантами, при этом не отождествляя себя с ними полностью (подробнее об этом мы писали ранее [18]), однако помня об их жертвах, травмах и пережитом насилии, рабском положении, давно отменённом, но по-прежнему становящимся предметом внимания в современности. Например, подобным местом памяти, создающим яркую антитезу между настоящим и прошлым, для Джулиуса становится Бродвей: «Парк переполняли голоса детей, совсем маленьких, дошкольного возраста. Вокруг детей на игровой площадке суетились матери. В середине XIX века здесь бурлил торговый квартал. С 1820 года работоторговля квалифицировалась в США преступлением, за которое полагалась смертная казнь, но Нью-Йорк ещё долго оставался важнейшим портом для строительства, оснастки, страхования и отплытия судов работоторговцев» [14, с. 160]. Контраст создаётся не только на основе мирного и спокойного настоящего с печальным прошлым, но и благодаря яркому несоответствию между работоторговлей и одним из главных символов демократической Америки, находящихся в пределах одного локуса.

Ещё более важным представляется нам соотнесённость прошлого и настоящего другого «места памяти» рядом с Бродвеем. Если в предыдущем отрывке мы можем хотя бы вычленить значение локуса в настоящем (судя по всему, это Центральный парк), то в следующей сцене настоящее «места памяти» неидентифицируемо даже для героя романа: «на другой стороне улицы, перед самым громадным из федеральных административных зданий, выстроилась очередь, вьющаяся, как змея. <...> Выйдя из закусочной, я увидел, что это, похоже, толпа потенциальных иммигрантов; альтернативным вариантом была бы толпа потенциальных присяжных заседателей: в таких зданиях – одно из двух» [14, с. 214]. Неслучайно Джулиус делает акцент на национальной и этнической принадлежности людей в очереди («много бангладешцев», «необычайно много пар смешанной расы. Одна пара состояла, по моим догадкам, из афроамериканки и вьетнамца», «мать с двумя детьми, судя по внешности, латиноамериканцы» [14, с. 214–215]), которых заставляют проходить через унижительные процедуры («люди стараются продемонстрировать готовность к предстоящим допросам»,

«в очередной раз проверяли, в порядке ли у них бумаги», «всем приказывали снять украшения, обувь и ремни, вынуть из карманов ключи и монеты» [14, с. 214–215]) ради возможного получения разрешения на пребывание в США; неслучайно и то, что это здание охраняет та же частная фирма, «которая стерегла иммигрантов в центре временного содержания в Куинсе» [14, с. 214] (по сути – тюрьме для нелегально пересекших границу). Официальная система создаёт максимально некомфортную атмосферу для BIPOC-людей (термин, у которого нет аналога в русском языке, расшифровывается как Black, Indigenous, People of Color) в том же самом месте, где Джулиус обнаруживает максимально коррелирующее с ситуацией «место памяти» – «мемориал на месте кладбища, где хоронили африканцев» [14, с. 216], занимавшим пару веков назад 6 акров площади и на котором было похоронено до 20 тысяч чернокожих. «Тела, эксгумированные на Негритянском кладбище, как оно в своё время называлось, и в других похожих местах в приморской части на востоке острова, несли на себе следы мучений: травм от ударов тупыми предметами, тяжких телесных повреждений. У многих скелетов переломы костей – улики прижизненных мытарств. Болезни тоже были обычным явлением: сифилис, рахит, артрит» [14, с. 217]. Для Джулиуса важно помнить об этом: он не подвержен «коллективной амнезии», он считает, что несправедливость, с которой так долго боролись его предки, боль и страдания, которые они переносили, значимы не только в историческом диахроническом аспекте, но и в синхронии: имперское государство всегда устремлено в будущее, поэтому старается очиститься от прошлого, поскольку «имперская идеология в значительной степени блокирует память как таковую» [19, с. 84], однако это невозможно сделать, если история повторяется и в современности и обнаруживается в синхронии. Исторический параллелизм очевиден, и оттого ещё заметнее становится диссонанс между декларируемым и реальным. В идеальных местах памяти «ассоциативная связь содержимого памяти с пространственными объектами, будь то географические локации, улицы, расположение комнат в здании, позволяла упорядочивать хранение знаний» [20, с. 36], однако в данном случае мы видим критический разрыв между пространственным объектом и его семантикой, подчёркиваемый как бесстрастным голосом нарратора: «но затем участок застроили, и жители города позабыли, что тут было кладбище», так и самим коротким описанием локуса: никем не охраняемый «поросший травой клочок земли» [14, с. 216].

Подобный же разрыв между социальным и индивидуальным мы видим и при анализе других встречающихся в романе «мест памяти»: абсолютно пустого Американского музея народного искусства [14, с. 36–40]; памятника Александру Гамильтону около церкви Троицы, который настолько выделяется на фоне остального прилегающего к церкви кладбища, что будто делает жизни и смерти остальных похороненных там людей незначимыми (но Джулиус их замечает: «а ещё – множество женщин, умерших на протяжении нескольких столетий с тех пор, как европейцы поднялись по Гудзону и обосновались на этом острове, Элиза, Элизабет, ещё одна Элизабет – вот имена тех женщин. Одни умерли в преклонном возрасте, другие – в молодости, часто при родах, третьи – совсем маленькими, от детских болезней. Детей там похоронено много» [14, с. 48–49]); острова Эллис, символа европейских беженцев, на котором не позволялось высаживаться африканцам [14, с. 54–57]; Юнайтед Пэлс, раньше называвшегося «Театром Лоу на 175-й улице» и бывшего «шикарным» «массивным зданием диковинной архитектуры», а затем ставшего прибежищем для нескольких неортодоксальных христианских общин (по сути, сект и культов), и сейчас выглядящего «чужеродно» и «ни к селу ни к городу, в архитектурном отношении бесконечно далёким от окрестных

лавчонок, его пышные колонны и арки неинтересны усталым иммигрантам, редко поднимающим глаза вверх» [\[14, с. 229-230\]](#).

Однако наиболее очевидно этот контраст проявляется в образе Статуи Свободы. Джулиус видит её 3 раза на протяжении романа, причём с каждым разом она постепенно приближается к нему (как сама статуя, так и то, что она означает): если сначала «статуя Свободы казалась фосфорно-зеленой крапинкой на фоне неба» [\[14, с. 54\]](#), затем – «за водной гладью виднелась мерцающая зелёная фигурка статуи Свободы» [\[14, с. 160\]](#), то в конце романа, в его метафорическом финале, когда Джулиус как заблудшая душа на лодке Харона совершает прогулку на речном кораблике, он сталкивается с главным американским «местом памяти» вплотную, причём изображение представляется нам достаточно зловещим: «зелёный призрак во мгле, очень быстро сделавшийся материальным и нависший над нами; памятник, достойный своего звучного имени; массивные складки одеяния статуи величественны, как колонны» [\[14, с. 252\]](#). Символ, имеющий принципиальное значение для американской нации, предлагающий основу для идеологии американской демократии и мечты, маяк, к которому стремилось множество переселенцев в поисках лучшей жизни, в конце романа Коула воспринимается совсем иначе. Через скрытое сравнение иммигрантов с птицами автор показывает крушение надежд и манящий свет, оборачивающийся трагедией и гибелью: «Тогда огонь ее факела указывал кораблям путь в гавань Манхэттена; и тот же свет, особенно в ненастье, роковым образом сбивал с пути птиц. Птицы – а у многих из них хватало ума огибать скопление небоскребов в городе – по неизвестной причине теряли ориентацию в пространстве, увидев один-единственный монументальный факел. Так рассталось с жизнью очень много птиц» [\[14, с. 253\]](#). Продолжая исследование данной метафоры, мы можем обнаружить параллель этих «птиц» с судьбой африканцев, которых хоронили на «Негритянском кладбище». «За телами чернокожих часто охотились похитители трупов, поставлявшие их хирургам и анатомам» [\[14, с. 217\]](#). То же в итоге происходит и с тушками птиц, разбившихся о Статую Свободы: «полковник Тассэн, военный комендант острова, стал решительно добиваться, чтобы мертвых птиц, всех до одной, передавали на нужды науки, а не продавали. Тушки – всякий раз, когда наберется не меньше двухсот, – следовало отправлять в Вашингтон, в Национальный музей естественной истории, Смитсоновский институт и другие научные учреждения» [\[14, с. 253\]](#). Эта аналогия явно подчёркивает амбивалентность данного «места памяти», причём если для всего мира Статуя Свободы – туристический объект, для американцев – символ национальной идеологии, то для Джулиуса – это коварный маяк, заманивающий своим лживым светом «водяных пастушков, крапивников, дроздов и козодоев», сталкивающихся со статуей и гибнущих – что, впрочем, является составляющей только индивидуальной памяти героя, оказываясь вытесненным из памяти социальной.

Итак, в своём исследовании мы остановились только на одной – материальной – разновидности «мест памяти» (Нора выделяет также нематериальную и идеальную). «Места памяти» возникают как следствие пересечения памяти и истории, что приводит к экстерииоризации первой «в форме публичных учреждений и коммеморативных жестов, призванных сохранять репрезентации прошлого, раз живая связь с ними утрачена» [\[1, с. 68\]](#). Специфика восприятия этих мест памяти в романе «Открытый город» подчёркивается противопоставлением его героя-рассказчика, Джулиуса, остальной безликой толпе: для них данные локусы – не более чем, возвращаясь к определению Нора, «останки», редко замечаемые и ещё реже вызывающие желание не просто смотреть, но и видеть, в то время как Джулиус неразрывно связывает «места памяти» как с прошлым, так и с

настоящим. Пусть его восприятие и изобилует историческими знаниями и конкретными данными, оно гораздо ближе именно к памяти, поскольку живо и эмоционально, а также не воспринимает прошлое как «миф». Его восприятие – это то, что Нора называет «памятью-долгом» [8, с. 35], то есть это индивидуальная и предельно психологизированная память о прошлом, граничащая с установкой на обязательность запоминания. Две других составляющих триады памяти у Нора в «Открытом городе» тоже функционируют: «память-архив» создаётся бесконечными политическими и социальными службами, множасими «места памяти» не с функциональной или коммеморативной целью, а просто ради сохранения свидетельств прошлого, а окружающие Джулиуса люди становятся носителями «памяти-дистанции», означающей «радикальный разрыв с прошлым» [1, с. 70]. Роман Теджу Коула полностью подтверждает теорию Пьера Нора, демонстрируя, как «места памяти» «означаются» только субъектом, поэтому любое их прочтение не может быть всеобщим, а только индивидуализированным либо же коллективным на базе определённых социальных групп, объединённых общим видением – впрочем, они в романе Коула скорее подвержены «коллективной амнезии», чем способностью к эмоциональной и интеллектуальной рецепции.

Библиография

1. Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 224 с.
2. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Ле Гофф Ж. История и память. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 303 с.
4. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково Поле, 2016. 416 с.
5. Шенк Ф.Б. Концепция "lieux de memoire" // Commentarii de Historia. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.hist.vsu.ru/cdh/Articles/02-11.htm> (дата обращения: 08.11.2023).
6. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 328 с.
7. Тюпа В.И. Автор и нарратор в истории русской литературы // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 22–39.
8. Нора П. Франция–память. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1999. 328 с.
9. Шейпак С.А. Реконструкция «мест памяти» в художественном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1219-1227. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1219-1227.
10. Teju Cole // John Simon Guggenheim Memorial Foundation. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gf.org/fellows/teju-cole/> (дата обращения: 08.11.2023).
11. Teju Cole's mesmerizing 'Open City' up for the NBCC fiction award // Cleveland.com. 04 March, 2012. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.cleveland.com/books/2012/03/teju-coles_mesmerizing_open_ci.html (дата обращения: 08.11.2023).
12. Ермолин Е.А. Автофикшн как медийная стратагема // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 71–79. <http://dx.doi.org/10.20323/2499->

9679-2022-2-29-71-79.

13. Дюпюи Ж.-П. Малая метафизика цунами. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. 168 с.
14. Коул Т. Открытый город. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. 256 с.
15. Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сборник статей. М.: Новое издательство, 2011. С. 10–29.
16. Фёдорова М.М. История/память: «трудная» дилемма // История философии. 2018. Т. 23. № 1. С. 108–121.
17. Ассман А. Трансформации нового режима времени // Новое литературное обозрение. 2012. № 116. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20180116004241/http://www.nlobooks.ru/node/2522#_ftnr ef41 (дата обращения: 08.11.2023).
18. Куликов Е.А. Кросс-культурное взаимодействие и репрезентация сообществ в романе Теджу Коула «Открытый город» // // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 124–130. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-124-130.
19. Барышников В.Н., Заостровцев Б.П., Филюшкин А.И. Империя, память и «места памяти» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Сер. 2. Вып. 3. С. 84–89.
20. Сабанчеев Р.Ю. Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1. С. 33–38. DOI [dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/33-38](https://doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/33-38)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена анализу урбанистического феномена в романе Теджу Коула «Открытый город». Как отмечает автор, «актуальность данной работы связана, во-первых, с ростом интереса к жанру «автофикшн», в рамках которого создан «Открытый город», во-вторых, с важнейшей темой национальной и индивидуальной идентичности как социального конструкта, поднимаемой в данном тексте с позиции пост- и деколонизализма; новизну работе обеспечивает отсутствие исследований, посвящённых данному аспекту романа». Пожалуй, с этим можно согласиться, принять как данность. Методологической базой исследования становятся «memory studies» и конкретно понятийный аппарат, разработанный французским учёным Пьером Нора. Он внёс значительный вклад в исследование феномена памяти, введя в научный дискурс понятие *lieux de memoire* (места памяти) и выпустив одноимённую семитомную энциклопедию объёмом в пять с половиной тысяч страниц в 1980-90-е годы. Таким образом, предметная область соотносится с одной из рубрик журнала, материал однозначно интересен, нов, актуален. Необходимая справка о Т. Коуле дана, аналитическая развёрстка романа «Открытый город» также сделана: «Т. Коул (Teju Cole) родился в 1975 году в США в семье студентов-нигерийцев, вернувшихся с маленьким Теджу на родину по окончании своего обучения. Воспитывавшийся в Нигерии, он успел впитать родную культуру, прежде чем переехать в Америку в семнадцатилетнем возрасте ради в последствии брошенного обучения медицине в Мичиганском университете и дальнейшего образования по программе «восточных и африканских исследований» в Лондоне и получения Ph.D. в Колумбийском университете по истории искусств. Сейчас Т. Коул – профессор писательского мастерства в Гарварде,

фотограф, колумнист New York Times и многих других изданий, а также автор, получивший стипендию Гуггенхайма, Премию Национального круга книжных критиков (National Book Critics Circle Award) [11] и Премию ПЕН фонда Хемингуэя за свой дебютный полноценный роман «Открытый город» (Open City), выпущенный в 2011 году». Стиль работы соотносится с собственно научным типом: например, «кстати говоря, метафора города как палимпсеста играет и другую роль (и неслучайно Т. Коул называет эту пустоту, оставшуюся от разрушенных башен, стройплощадкой): спустя несколько лет на этом месте появится новый небоскрёб, ещё более высокий и выделяющийся на фоне города, получивший символическое название «Башня Свободы». Однако Джулиусу, потомку нигерийских мигрантов, важнее даже не травматический опыт, пережитый всеми гражданами США после атаки на Всемирный торговый центр, а то, что «это был не первый случай, когда в этой географической точке что-то изгладили бесследно...» и т.д. Выводы соотносятся с основным блоком: «итак, в своём исследовании мы остановились только на одной – материальной – разновидности «мест памяти» (Нора выделяет также нематериальную и идеальную). «Места памяти» возникают как следствие пересечения памяти и истории, что приводит к экстериоризации первой «в форме публичных учреждений и коммеморативных жестов, призванных сохранять репрезентации прошлого, раз живая связь с ними утрачена». Специфика восприятия этих мест памяти в романе «Открытый город» подчёркивается противопоставлением его героя-рассказчика, Джулиуса, остальной безликой толпе: для них данные локусы – не более чем, возвращаясь к определению Нора, «останки», редко замечаемые и ещё реже вызывающие желание не просто смотреть, но и видеть, в то время как Джулиус неразрывно связывает «места памяти» как с прошлым, так и с настоящим...». Список источников полновесен, его можно использовать далее при формировании смежно-тематических исследований. Рекомендую статью «Урбанистические феномены как «места памяти» в романе Теджу Коула «Открытый город» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Языкова Ю. — Лексико-стилистические особенности выражения возмущения в литературном произведении и его экранизации: сопоставительный анализ // Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.68867
EDN: ZTZPOF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68867

Лексико-стилистические особенности выражения возмущения в литературном произведении и его экранизации: сопоставительный анализ

Языкова Юлия

ассистент, кафедра иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарной медицины

196084, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Черниговская, 5

✉ avokyzja@hotmail.com



[Статья из рубрики "Вымысел"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.68867

EDN:

ZTZPOF

Дата направления статьи в редакцию:

02-11-2023

Аннотация: Предметом исследования являются лексические средства выражения возмущения. Объектом исследования являются высказывания с интенцией возмущения. Теоретической базой исследования является представление о возмущении как о составной части конфликтного общения. В исследовании выявляются наиболее общие закономерности изменения высказываний с интенцией возмущения при экранизации художественной литературы. Анализ проводится в сопоставительном аспекте высказываний персонажей литературного произведения с высказываниями персонажей экранизации литературного произведения. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как лексические изменения текста произведения художественной литературы при его экранизации. Особое внимание уделяется причинам изменения текста произведения художественной литературы при его экранизации. Новизна исследования заключается в том, что впервые проводится сопоставительный анализ высказываний с интенции возмущения, анализ проводится в сопоставлении текста художественной литературы с его экранизацией. Были выявлены следующие трансформации: дословное сохранение

лексического состава, опущение лексических единиц, добавление лексических единиц и замена лексических единиц. Основными выводами проведенного исследования являются причины выявленных трансформаций, которые обусловлены: во-первых, желанием создателей экранизации оказать большее эмоциональное воздействие на зрителей – по этой причине персонажи экранизации более эмоциональны в выражении своих чувств и переживаний, их высказывания более категоричные, а также в экранизации больше речевой агрессии. Во-вторых, трансформации происходят ввиду изменения деталей содержания ситуаций. Наконец, экранизация имеет больше черт, свойственных устной разговорной речи: в экранизации больше разговорной лексики, а также персонажи говорят более кратко, поскольку это обусловлено общей тенденцией устной разговорной речи к экономии речевых средств.

Ключевые слова:

возмущение, конфликт, художественная литература, экранизация, стратегия, тактика, тактический шаг, сопоставительный анализ, лексические трансформации, устная речь

Конфликт как неотъемлемая составляющая человеческого взаимодействия изучается многими исследователями в разных областях научного знания: в психологии, социологии, политологии, философии, лингвистике и др. Так, в лингвистике в рамках конфликтного общения исследователи рассматривают речевую реализацию интенции возмущения [\[11\],\[17\],\[19\],\[21\]](#). Материалом исследователей, рассматривающих возмущения, часто становятся произведения художественной литературы и кинематографического искусства, однако исследователи не разграничивают и не сопоставляют речевую реализацию интенции возмущения в тексте художественной литературы и в кинематографе (экранизации). Также отметим, что интерес исследователей к теме экранизации произведений художественной литературы достаточно высок [\[2\],\[4\],\[15\],\[18\]](#). Все это обуславливает актуальность обращения к выбранной теме.

Настоящая работа ставит своей целью выявление наиболее общих закономерностей изменения высказываний с интенцией возмущения при экранизации художественной литературы. Визуальные и иные звуковые составляющие экранизации, среди которых невербальная коммуникация, музыкальные вставки и другие звуковые эффекты, не были рассмотрены. Исследование сосредоточено на лексических трансформациях диалогов персонажей с интенцией возмущения в произведениях художественной литературы и их экранизациях. Лексические трансформации понимаются как преобразования элементов исходного текста (текста художественной литературы) при перенесении их во вторичный текст (экранизацию).

В качестве материала были использованы фильмы, вышедшие с 2009 по 2019 гг. и являющиеся экранизациями произведений современной художественной литературы. Для анализа были выбраны произведения художественной литературы, созданные авторами с 1991 по 2019 гг.

Критерии отбора фильмов (производились по сайту kinopoisk.ru): 1) рейтинг фильма больше 6,5; 2) голосов, отданных фильму, больше 20000; 3) наличие хотя бы одной награды; 4) время действия в фильме – с 1970-х гг. по наше время. Не использовались эксцентрические комедии – фильмы, основанные на утрировании действий и черт характера персонажей, поскольку это создает комический эффект, несвойственный

коммуникативному взаимодействию людей в реальной жизни. Таким образом, были учтены: художественная ценность фильма, признание фильма большим числом зрителей и приближенность коммуникативного поведения персонажей к реальному общению. Текст литературного произведения сравнивался с вербальной составляющей фильма, вышедшего в прокат. Отметим, что изначальный сценарий фильма и его последующее воплощение на экране могут отличаться друг от друга по разным причинам, поэтому нам представляется целесообразным рассматривать фильм как законченное произведение.

Возмущение понимается как «крайнее недовольство, негодование, гнев» [\[1, с. 144\]](#). Возмущение является сильной эмоциональной реакцией адресанта на действия (речевые и неречевые) адресата. В настоящей статье возмущение рассматривается как тактика, реализующая конфронтационную стратегию. Тактика возмущения реализуется в различных тактических шагах, которые в исследовании берутся за единицу анализа. Лексические трансформации рассматриваются в совпадающих тактических шагах в тексте произведения художественной литературы и в экранизации. Тактический шаг (коммуникативный ход, речевой ход, коммуникативный шаг) – «прием, выступающий в качестве инструмента реализации той или иной речевой тактики» [\[5, с. 117\]](#). Речевая тактика является более крупным элементом по масштабу рассмотрения в сравнении с тактическим шагом, она подчиняется общей стратегии речевого поведения, под которой понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [\[5, с. 54\]](#).

Исследование сосредоточено на лексических трансформациях диалогов персонажей произведений художественной литературы и их экранизаций. Лексические трансформации были распределены на следующие группы:

1. Сохранение лексического состава. В данной группе экранизация полностью заимствует слова персонажей литературного произведения без каких-либо лексических изменений. Пример из произведения художественной литературы [\[14, с. 30\]](#):

– <...> Второй год на бритвах учишься. Чтоб тебе все эти бритвы в горло всадили!

Пример из экранизации [\[7\]](#):

А: Второй год на бритвах учишься // Чтоб тебе все эти бритвы в горло всадили!

Другой пример из произведения художественной литературы [\[16, с. 106\]](#)

– И что?! Что ты о ней знаешь?

Пример из экранизации [\[8\]](#):

А: И что // Что / Ты знаешь о ней?

В приведенных примерах слова персонажей из произведений художественной литературы произносятся персонажами фильмов с полным сохранением лексического состава. Однако в большинстве случаев тактический шаг возмущения претерпевает некоторые изменения.

2. Опускание лексических единиц. В данной группе в экранизации отсутствуют некоторые лексические единицы, употребленные в тексте произведения художественной литературы. Пример из произведения художественной литературы [\[16, с. 106\]](#):

– Мы с тобой родились на этих костях, ходим, ездим, трахаемся на костях. Кофе твое из костей, а ты... ты... ты хочешь, чтоб у меня стояло после этого?

Пример из экранизации [8]:

А: Ты хоть понимаешь // Что мы / родились на этих костях // Трахаемся на этих костях // Даже кофе твой / Из этих костей // А ты их даже считать не научилась // Ты хочешь чтоб у меня / После этого стояло?

В примере выше в экранизации отсутствуют указанные лексические единицы. Опускания «с тобой» и «ходим, ездим» объясняются стремлением устной разговорной речи к лаконичности. Диалоги из литературного произведения и экранизации являются стилизованной устной разговорной речью, однако экранизация имеет больше черт, свойственных устной разговорной речи. Опускание «ты... ты...» в данном случае можно объяснить иным замыслом создателей фильма: в произведении художественной литературы адресант подбирает слова, он потрясен, в то время как в экранизации адресант говорит уверенно.

3. Добавление лексических единиц. В данном виде трансформации в экранизации добавляются лексические единицы, отсутствующие в литературном источнике. Пример из произведения художественной литературы [3, с. 86]:

– Кого я найду в этой дыре?!

Пример из экранизации [6]:

А: Да кого я себе найду в этой дыре-то?

В приведенном примере обратим внимание на добавление частицы «-то», которая используется при объяснении причины невозможности какого-либо действия, факта [10, с. 470], частица «да» используется для придания высказыванию большей силы и эмоциональности [10, с. 476].

Другой пример из произведения художественной литературы [16, с. 106]:

– Ты понимаешь, где ты живешь?! – закричал он.

Пример из экранизации [8]:

А: А ты хоть понимаешь / Где ты живешь?

В приведенном примере в экранизации добавляется частица «хоть», которая употребляется для усиления слова, к которому относится [1, с. 1452], следовательно, акцент делается на слове «понимаешь», что подчеркивает возмущение адресантом непонимания адресата. Союз «а» употребляется для усиления выразительности [1, с. 23], т.е. добавление союза «а» делает высказывание более эмоциональным.

Другой пример из произведения художественной литературы [3, с. 86]:

– Ты чего в моем белье роешься?! – заорала она.

Пример из экранизации [6]:

А: Ты чего в моем белье роешься / Урод!

В примере выше в экранизации добавляется инвективная лексема «урод», что придает реплике больше речевой агрессии. Речевая (вербальная) агрессия – это «обидное общение; словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в оскорбительной, грубой, неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [22, с. 9]. Исследователи также указывают на то, что инвективная лексика является характерной чертой для возмущения [21, с. 99]. В других примерах добавляются инвективные лексемы «сука», «придурок», «подлец» и др.

Другой пример из произведения художественной литературы [14, с. 32]:

– Румянняяной зарей... – приговаривала она. – Чтоб ты уже никакой зари не увидел!

Пример из экранизации [7]:

А: Румянняяной зарей // Чтоб ты уже больше никогда / Никакой зари / Не увидел // Гад!

Обратим внимание в примере на добавление слов «больше никогда». Данное добавление делает высказывание более категоричным.

4. Замена лексических единиц. Многие лексические единицы в экранизации заменяются на синонимичные. Приведем пример из произведения художественной литературы [14, с. 11]:

– Мой руки снова! Этим полотенцем вытирался вчера этот вонючий старик, а у него грибок на ноге!

Пример из экранизации [7]:

А: Этим полотенцем вчера этот вонючий старик вытирался / У него же грибок на ноге // Перемывайся!

В приведенном примере слова «мой руки снова» заменяются на «перемывайся». Данную замену можно объяснить стремлением устной разговорной речи к экономии речевых средств. Также в литературном произведении союз «а» заменяется на частицу «же» в экранизации, подобная замена рассматривается как синонимичная [12, с. 5].

Обратимся к другому примеру из произведения художественной литературы [3, с. 62]:

– Я тебе домохозяйка, что ли? – возмутилась Надя.

Пример из экранизации [6]:

А: Я те что / Домохозяйка / Будкин?

В данном примере местоимение «тебе» заменяется на сниженное «те». Часто подобные замены происходят за счет усечения. Другие замены: «что/чего» на «че», «ничего» на «ниче» и нек.др.

Другой пример из произведения художественной литературы [3, с. 14]:

– Ха! – возмутился Служкин.

Пример из экранизации [6]:

А: Здрасьте!

Обратим внимание на междометие «ха», выражающее «несогласие, сомнение, негодование» [1, с. 1438], и междометие «здрасьте»: просодико-интонационная форма «здрасьте» обозначает недовольство каким-либо неожиданным событием (Здрасьте, только этого не хватало) [20, с. 150]. Междометие «здрасьте» мы относим к более экспрессивным формам выражения возмущения.

Обратимся к другому примеру из произведения художественной литературы [13, с. 239]:

– Кто Лебеда последний раз сводил?

Пример из экранизации [9]:

А: Кто последний Иванова сводил?

В приведенном примере происходит замена имен собственных ввиду изменения содержания экранизации. В иных случаях замена ввиду содержания имеет и дополнительные характеристики. Приведем пример из произведения художественной литературы [3, с. 210]:

– <...> вам вообще ничего не нужно, кроме жратвы, телевизора и сортира...

Пример из экранизации [6]:

А: <...> вам вообще ничего не надо // Кроме мобильников / Порнухи / И наркоты.

В приведенном выше примере «жратва, телевизор и сортир» заменены на «мобильники, порнуху и наркоту», т.к. создатели экранизации изменили содержание произведения: действие романа происходит в 90-е гг., а действие экранизации – в современной России (на момент выхода фильма – 2013 год). По этой причине телевизор, просмотр которого был привычным времяпрепровождением в 90-е гг., а сейчас потерял свою актуальность, заменен на мобильные телефоны (в экранизации разговорное «мобильники»), а слова «порнуха» и «наркота» являются более провокационными лексическими единицами.

Таким образом, мы выделяем четыре группы лексических трансформаций высказываний с интенцией возмущения при экранизации произведений художественной литературы: дословное сохранение лексического состава, опущение лексических единиц, добавление лексических единиц и замена лексических единиц. Данные трансформации происходят ввиду следующих причин: во-вторых, для эмоционального воздействия на зрителей – по этой причине персонажи экранизации более эмоциональны в выражении своих чувств и переживаний, их высказывания более категоричные, а также в экранизации больше речевой агрессии. Во-вторых, трансформации происходят ввиду изменения деталей содержания ситуаций. Наконец, экранизация имеет больше черт, свойственных устной разговорной речи: в экранизации больше разговорной лексики, а также персонажи говорят более кратко, поскольку это обусловлено общей тенденцией устной разговорной речи к экономии речевых средств.

Библиография

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: НОРИНТ, 2000.
2. Дмитрук Т.И. Текст и экранизация: варианты их соотношения (на материале романа Т. Мэлори «Смерть Артура» и его киноадаптации) // Знак: проблемное поле

- медиаобразования. Челябинск. 2019. № 1. С. 96-101.
3. Иванов А. Географ глобус пропил. М.: Вагриус, 2003.
 4. Игнатов К.Ю. От текста романа к кинотексту: языковые трансформации и авторский стиль. Канд. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
 5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
 6. Кинофильм «Географ глобус пропил», режиссер Велединский А., 2013.
 7. Кинофильм «Похороните меня за плинтусом», режиссер Снежкин С., 2009.
 8. Кинофильм «Рассказы», режиссер Сегал М., 2012.
 9. Кинофильм «Generation П», режиссер Гинзбург В., 2011.
 10. Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / Под ред. А.В. Величко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 648 с.
 11. Лушникова Г.И., Якищенко Е.А. Лексические средства выражения эмоции возмущения (на материале англоязычных художественных текстов) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-2. С. 106-109.
 12. Николаева Т.М. Сочинительные союза А, НО, И: история, сходства и различия // Славянские сочинительные союзы. М.: 1997. Стр. 3-24.
 13. Пелевин В. Generation 'П'. М.: Вагриус, 1999.
 14. Санаев П.В. Похороните меня за плинтусом. М.: ЗАО МК-Периодика, 2003. 184 с.
 15. Сараскина Л.И. Литературная классика в соблазне экранизации. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 584 с.
 16. Сегал М. Рассказы. М.: АСТ, 2013. 317 с.
 17. Соловьева Е.В. Речевой акт возмущения как средство самопрезентации в политическом дискурсе (на примере текстов дебатов в Бундестаге) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2012. С. 65-70.
 18. Филиппова И.Н. Интерсемиотический перевод: экранизация как трансформация авторского текста в поликультурном аспекте // Теория языка и межкультурная коммуникация. Курск. 2019. № 1. С. 204-211.
 19. Чапаева Е.О. Коммуникативная ситуация возмущения. Канд. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2010.
 20. Шкапенко Т.М. Основы интеракционно-прагматической теории междометия: монография. Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2017.
 21. Щербакова И.В., Евсюкова Т.В. Вербальные и невербальные средства объективизации эмоции возмущения в художественном дискурсе (на материале русского и немецкого языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2017. № 3. С. 97-102.
 22. Щербинина Ю.В. Русский язык: речевая агрессия и пути ее преодоления. М.: Флинта, 2004.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Лексико-стилистические особенности

выражения возмущения в литературном произведении и его экранизации: сопоставительный анализ», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса исследователей к теме экранизации произведений художественной литературы.

Рецензируемая работа ставит своей целью выявление наиболее общих закономерностей изменения высказываний с интенцией возмущения при экранизации художественной литературы.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

Практическим материалом исследования явились фильмы, вышедшие с 2009 по 2019 гг. и являющиеся экранизациями произведений современной художественной литературы. Для анализа были выбраны произведения художественной литературы, созданные авторами с 1991 по 2019 гг.

Автор указывает четкие критерии отбора практического материала.

Все теоретические положения проиллюстрированы языковым материалом на русском языке.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Однако, отметим, что в вводной части автор не приводит историографии вопроса, что не позволяет в полной мере выделить новизну работы.

Выводы в полной мере отражают содержание работы и задачи, поставленные автором.

Библиография статьи насчитывает 22 источника, среди которых представлены научные труды исключительно на русском языке.

Считаем, что обращение к работам зарубежных исследователей по смежной тематике, несомненно, обогатило бы представленную к рецензированию работу.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по стилистике, теории литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвященным связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Лексико-стилистические особенности выражения возмущения в литературном произведении и его экранизации: сопоставительный анализ» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Бавула Ю.И. — Потенциал глаголов мышления в реализации модального значения желательности, возможности в медиадискурсе // Litera. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.11.44183 EDN: ZJSTFM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44183

Потенциал глаголов мышления в реализации модального значения желательности, возможности в медиадискурсе

Бавула Юлия Ивановна

преподаватель, кафедра русского языка, Филиал Военного учебно-научного центра Военно-Морского Флота "Военно-морская академия" в г. Калининграде

236022, Россия, Калининградская область, г. Калининград, ул. Советский Проспект, 82

✉ bavula07@mail.ru



[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.11.44183

EDN:

ZJSTFM

Дата направления статьи в редакцию:

01-10-2023

Аннотация: В статье на материале медиатекстов рассматриваются глаголы мышления думать, мыслить, решать и их дериваты. Предметом исследования выступают значения ситуативной модальности – значение желательности, возможности, реализуемые глаголами мышления. Цель работы – раскрыть специфику модального функционирования глаголов думать, мыслить, решать и их дериватов. Достижению поставленной цели способствует решение следующих задач: 1) выявить модальные значения, реализуемые глаголами думать, мыслить, решать и их дериватами; 2) определить условия модального функционирования вышеуказанных глаголов. Цели и задачи настоящей работы обусловили выбор комплексной методики исследования, включающей следующие методы: функционально-семантический, контекстуальный, описательный. В результате проведенного исследования было установлено, что глаголы мышления думать, мыслить, решать и их дериваты способны реализовывать модальное значение желательности (вариантное значение намерения), возможности, а в ряде случаев комплексное значение «желательность + возможность». Материалы статьи могут быть использованы в вузовских семинарах по актуальным вопросам категории языковой модальности.

Научная новизна статьи определяется материалом и предметом исследования. Анализ медиатекстов позволил: 1) установить лексико-грамматическую основу модального функционирования глаголов мышления, в семантике которых имплицитно содержится модальный компонент; 2) определить синтаксические условия реализации значений ситуативной модальности, которые заключаются в наличии при глаголе зависимого (субъектного) инфинитива; 3) сделать вывод о том, что наиболее частотным модальным модификатором в медиадискурсе является глагол решать и его дериваты. Наблюдения и выводы, полученные в результате исследования, стимулируют дальнейшее изучение специфики и условий модального функционирования глаголов мышления в разных сферах жизни общества.

Ключевые слова:

категория модальности, ситуативная модальность, значение желательности, значение возможности, глаголы мышления, несобственно модальные глаголы, модальный экспликатор, зависимый инфинитив, модальные глаголы, медиадискурс

Язык многогранно и многообразно «вписывается» во все сферы жизни современного общества, одновременно является хранилищем традиций и гибкой системой, фиксирующей в динамике «особенности речевого поведения, мировоззрения, аксиологии, этики, эстетики каждой нации» [\[1, с. 26\]](#), выполняет «интеллектуальную и эмоционально-волевою функцию» [\[2, с. 55\]](#).

В современной науке о языке широко распространено мнение о том, что одной из главных форм существования современного социума является язык средств массовой информации, то есть язык массмедиа. «Информируя человека о состоянии мира и заполняя его досуг, средства массовой коммуникации оказывают влияние на его сознание, на мировосприятие, на тип культуры сегодняшнего дня» [\[3, с. 10\]](#). Лингвисты активно рассматривают концепцию медиацентричности русской культуры [\[4, с. 345\]](#), концепцию массмедийной речи, выдвигают гипотезу о формировании медийного варианта всего литературного языка, который объединяет все стили в пространстве массмедиа, подчиняя их своим законам [\[1, с. 27\]](#). Именно поэтому «газетно-публицистический стиль, шире – язык журналистики, массовой коммуникации выступает в качестве приоритетного и полноправного представителя литературного языка» [\[5, с. 52\]](#). На материале медиатекстов разных хронологических периодов проводятся многоаспектные лингвистические исследования. Медиадискурс, в том числе газетный, «оперативно реагируя на самые последние события в экстралингвистической действительности, отражает происходящие изменения в языковой картине мира, сохраняя при этом глубокую антропоцентричность» [\[6, с. 69\]](#). В научной периодике, уточняет И. Ю. Кукса, газетный текст «традиционно квалифицируется как коммуникативное явление», характеризуется «коммуникативной направленностью к читателю» [\[7, с. 158\]](#), выполняет локутивную, иллюкутивную, перлокутивную функции, что в числе прочего обуславливает интерес к понятийно-семантической категории модальности, «обеспечивающей живую связь высказывания с внеязыковой действительностью и устанавливающей его коммуникативный потенциал» [\[8, с. 4\]](#). Категория модальности в языках европейской системы, в том числе и в русском языке, «охватывает всю ткань речи» [\[2, с. 57\]](#), является «душой предложения», «образуется в

результате активной операции говорящего» [9, с. 44], «обладает целым комплексом модальных значений» [8, с. 4], «охватывает широкий круг разнородных языковых явлений» [10, с. 332], рассматривается с позиции трех уровней модальных отношений [11, с. 141 – 147].

В настоящей работе фокус внимания сконцентрирован на отношениях третьего уровня – «отношениях между субъектом действия (носителем признака) и действием (предикативным признаком) [6, с. 11], в частности на выражении и реализации значения желательности, возможности, комплекса значений «желательность + возможность» глаголами мышления *думать, мыслить, решать* (и их дериватами) в медиадискурсе. Рассматривается один из важнейших содержательно-структурных компонентов категории модальности – ситуативная модальность (в иной терминологии внутрисинтаксическая модальность, предметная модальность, субъектная модальность), посредством которой автор дифференцирует «положение дел» с точки зрения возможности, необходимости, желательности» [6, с. 77; 8, с. 4 – 7]. Глаголы мышления являются важным компонентом речемыслительного процесса, относятся к числу лексических средств выражения ситуативной модальности. Реализация глаголами мышления значения желательности, возможности, комплексного значения «желательность + возможность» в языке современной периодики представляет особый исследовательский интерес, обусловленный недостаточной изученностью вопроса, а также повышенной психологичностью желательности, затрагивающей разные сферы потребностей человека.

Вышесказанным определяется актуальность настоящей работы, объектом которой являются глаголы мышления современного русского языка, регулярно используемые в процессе коммуникации, в том числе в массмедиа, а предметом исследования выступает их модальное значение.

Научная новизна статьи определяется материалом и предметом исследования.

Целью настоящей работы является раскрытие специфики модального функционирования указанной группы глаголов в медиадискурсе.

Достижению поставленной цели способствует решение следующих задач: 1) выявление модального значения, реализуемого глаголами данной лексико-семантической группы (ЛСГ) в массмедиа; 2) определение условий модального функционирования рассматриваемой ЛСГ.

Цели и задачи настоящего исследования определили выбор комплексной методики, включающей следующие методы: функционально-семантический, контекстуальный, описательный.

Теоретическая значимость данной работы заключается в том, что наблюдения и выводы, полученные в результате исследования, позволяют расширить теоретические сведения о функционально-семантической, коммуникативно-прагматической категории модальности, а также стимулируют дальнейшее изучение специфики и условий модального функционирования глаголов мышления.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее материалы могут быть использованы в вузовских семинарах, на практических занятиях по актуальным вопросам языковой модальности.

Материалом для анализа послужили предложения-высказывания, в составе которых

находятся глаголы думать, мыслить, решать и их дериваты, а также конструкции «глагол мышления + инфинитив». Примеры были извлечены из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) методом сплошной выборки.

Категория модальности активно изучается более 70 лет. Существует многочисленный ряд научных работ, посвященных теоретическим проблемам языковой модальности (Виноградов 1950, 1975, 1986; Балли 1955; Бенвенист 1974; Золотова 1962, 1973; Гак 1985; Зеленщиков 2009; и др.), посвященных исследованию модальности в диахроническом аспекте (Черепанова 1965; Озолина 1970; Дронова 2002; Ваулина 1988, 2005, 2018; Капрэ 2011; Бавула, Ваулина 2023), разработан функционально-семантический подход к изучению модальности (Бондарко 1971, 1983, 1984, 1996, 2001; Беляева 1985; Гехтляр 1986; Ваулина 1988, 1993, 2010; Павловская 2001); в том числе в теории взаимодействия уровней языка (Щерба 1972; Якобсон 1972; Бенвенист 1974), написан ряд диссертационных исследований, посвященных изучению ситуативной модальности (Загородская 2003; Островерхая 2004; Гапонова 2007; Подручная 2010; Ткаченко 2011), проведен функционально-семантический анализ ситуативной модальности (Шишкина 2001; Алтабаева 2002; Лопатюк 2009; Хюник 2009; Грива 2020 и др.), однако, вопрос реализации значений ситуативной модальности глаголами мышления остается малоизученным (Васильев 1981; Ваулина 1988, 2007; Морослин 2005; Бавула, Ваулина 2023; Бавула 2023).

Значимыми являются следующие положения. В русском языке достаточно частотным средством выражения категории модальности является группа модальных глаголов – модальных модификаторов, выполняющих служебную функцию, способных в сочетании с зависимым инфинитивом выражать основные значения ситуативной модальности: действительность, возможность, необходимость, желательность (например, глаголы мочь, следует, хотеть, желать, намереваться и др.) (см., например: (Золотова 1973; Виноградов 1975; РГ – 1980; Ваулина 1988, 1993; Магдалинская 2015 и др.). Однако «у лингвистов нет единства мнений о составе данной группы лексики в русском языке, принципах ее выделения и описания» [\[12, с. 674\]](#), отсутствие которого обусловлено рядом объективных причин [\[13, с. 32\]](#).

Аналогичную модальную функцию могут выполнять рассматриваемые в статье глаголы мышления *думать, мыслить, решать* и их дериваты. Вышеуказанные глаголы квалифицируются как несобственно модальные (см., подробнее: Ваулина 1988, 1993, 2007), выполняют «функцию модальных экспликаторов лишь в части своих употреблений в сочетании с субъектным инфинитивом. В других случаях они являются семантически полноценными лексемами, обладающими самостоятельными вещественными значениями» [\[12, с. 674 – 675\]](#).

Обратимся к словарным данным. Глагол *думать* имеет три основных значения «1. Размышлять, предаваться раздумью». 2. «Полагать, считать, предполагать. 3. Намереваться, собираться делать что-л.» [\[14\]](#). Из приведенных дефиниций глагола *думать* становится очевидным, что в первом значении он выступает в своей самостоятельной, немодальной, функции, а во втором и третьем значениях выполняет роль модального модификатора в сочетании с зависимым инфинитивом. Подтверждение тому находим в текстах массмедиа (печатной прессе) из НКРЯ [\[15\]](#).

Ср. соответствующие примеры из НКРЯ:

«... депутат *думал*, что у его друзей имелся такой документ» (Главные события 2021 года

// Парламентская газета, 2021.12.31); «Насколько я знаю, даже Wayfair в Америке, который создавался с самого начала как [мебельный] онлайн-ритейлер, *думает* над открытием физических магазинов» («Нельзя всю инфляцию перекладывать в цены» // Ведомости, 2021.12.22); «Поэтому, замечает ученый, в Европе здраво *думают* о расширении ПХГ, а наполнять их наиболее выгодно летом, когда цены на газ ниже» (Ради борьбы с импортным газом ЕС готов пожертвовать Третьим энергопакетом // Ведомости, 2021.12.14).

Ср.: «Он *думал* после этого *основать* собственный стартап» = он *хотел, желал, намеревался основать* стартап (Основатель бразильского Nubank не зря брал пример с «Тинькофф банка» // Ведомости, 2021.12.20); «Географию последней программы, кстати, *думают расширить* до всего бассейна реки» = *хотят, желают, намереваются расширить* (Трансграничные реки переведут в «цифру» // Парламентская газета, 2021.05.27); «*Думала встретить* там нищету, болезни, слезы» = *намеревалась (хотела) встретить* (О чем умалчивают голоса «Радиоголоса». Правда всегда права // Аргументы и факты, 1984.06.05).

Обратимся к словарным данным глагола *мыслить*. Так, в Малом академическом словаре указаны следующие значения глагола *мыслить*: «Мыслить 1. Рассуждать, сопоставлять явления объективной действительности и делая выводы. 2. Представлять в мыслях, мысленно воображать. 3. Рассчитывать, предполагать» [14]. Из словарных дефиниций глагола *мыслить* следует, что в первых двух значениях он выступает в своей самостоятельной, немодальной, функции, а в третьем значении выполняет роль модального модификатора в сочетании с зависимым инфинитивом.

Ср. соответствующие примеры из НКРЯ:

«...сделать альянс площадкой для политического диалога всех стран, которые *мыслят* одинаково с НАТО, чтобы противостоять России и Китаю...» (В НАТО намерены обновить стратегическую концепцию для сдерживания России // Ведомости, 2021.02.17); «Люди быстрее *мыслят*, быстрее соображают, быстрее выполняют те или иные технические действия» («Со «Спартаком» удалаться нельзя» // Известия, 2020.12.23); «...для ВМФ России в Крыму (он) *мыслит* категориями одной из стран-агрессоров...» (Источник оценил идею украинского политолога о «Перл-Харборе» для России // РИА Новости, 2020.12.22).

Ср.: «Впрочем, и продолжать-то уже абсолютно нечего, словно все, что еще трепетно *мыслил сказать*, тоже вдруг переметнулось...» = *хотел, намеревался, пытался сказать* (Валерий Володин. Напрасные похороны, напрасный покойник (промашка смерти) // Волга, 2010); «Ельцин... получил от разведки информацию, что «республиканцы *замыслили внедрить* в Белый дом красивую молодую женщину, чтобы она соблазнила Клинтона...» = *захотели, намеревались внедрить* (Книги // Русский репортер, 2014).

Обратимся к словарным дефинициям глагола *решить*¹: 1. После размышления, обдумывания прийти к какому-либо выводу, заключению относительно чего-л. Назначить, наметить к осуществлению. 2. В результате обсуждения вынести заключение, принять постановление. 3. Найти требующийся ответ, определить искомое. Найти разрешение чему-л., объяснив или выполнив что-л. *Устар.* Устранить, рассеять. Найти способ осуществления, использования чего-л. 4. Стать определяющим, наиболее существенным в чем-л. 5. *Устар.* Закончить, довести до конца. 6. *Прост.* Лишить чего-л. Убить; *решить*²: *Книжн. устар.* Развязывать; полная непререкаемая власть [14]. Глагол *решать* имеет те же словарные значения [14]. Следует отметить, что в первом, втором, четвертом, пятом значениях он реализуется как самостоятельный, лексически

полноценный глагол, а в третьем и шестом значениях в сочетании с зависимым инфинитивом выступает в качестве модификатора инвариантного значения желательности (с его вариантным значением намерения), возможности. Л. М. Васильев убежден в том, что «акт формирования в процессе размышления каких-либо намерений обозначают глаголы с опорным словом *решать* с инвариантным значением «мысленно останавливаться на каком-либо намерении», что является тождественным значению «приходить в результате затраченных умственных и волевых усилий к какому-либо намерению, плану действий» [\[16, с. 137\]](#).

Ср. соответствующие примеры из НКРЯ:

«Сама идея очень давно назрела и решает целый комплекс проблем сельхозпроизводителей, минимизирует их убытки и даёт возможность легально повышать плодородие почв», — сказал он «Парламентской газете» (Навоз предлагают считать товаром, а не отходами // Парламентская газета, 2021.12.27); «В новом году особое внимание палата регионов будет уделять документам, которые позволят слаженно работать всем уровням публичной власти, повысят финансирование лесной отрасли и окончательно решат проблемы с оказанием медицинской помощи на местах» (Сколько денег удалось «выбить» сенаторам на школы и дороги // Парламентская газета, 2021.12.24); «Этой категории выезд разрешат только после получения результатов более тщательной проверки, решили власти КНР» (Населению приграничных и портовых городов Китая запретили выезд без теста на COVID-19 // Парламентская газета, 2021.12.11).

Ср.: «Важно, что в среде открытого банкинга пользователи сами управляют своими данными, добавляет она: решают, какой информацией и с какой компанией поделиться, на какой срок разрешить доступ, и могут отозвать согласие в любой момент» = хотят, намереваются поделиться (ЦБ регулирует открытые API // Ведомости, 2021.12.12); «GBFoods, производитель продуктов для быстрого приготовления под брендом Galina Blanca, решил уйти из России» = захотел, намерен уйти (Производитель Gallina Blanca продаст предприятие в России // Ведомости, 2021.12.30); «Apple решила бороться с утечкой кадров при помощи крупных премий» = хочет, намеревается, может бороться (Apple решила бороться с утечкой кадров при помощи крупных премий // Ведомости, 2021.12.29); «Химик Сергей Лебедев, который уже много лет занимался проблемой полимеризации, решил принять участие в конкурсе» = хочет, может, намерен принять участие (Как появился синтетический каучук // Парламентская газета, 2021.12.30).

Обратимся к словарным дефинициям возвратного глагола *решиться*: 1. Остановиться на каком-либо намерении в результате размышления, обдумывания чего-либо. Осмелиться что-либо сделать, отважиться. 2. Получить то или иное разрешение. Окончательно определиться. 3. Прост. Прийти в полную негодность, перестать существовать. Умереть. 4. Прост. Потерять что-л., лишиться чего-л. [\[14\]](#). Следует отметить, что в первом значении глагол *решиться* в сочетании с инфинитивом выполняет функцию модального модификатора, реализующего модальное значение намерения, а в других значениях в аналогичных синтаксических условиях – значение возможности.

Обратимся к примерам из НКРЯ:

«Пекинский культуролог Ши Вэньсюэ рассказал ресурсу, что сам недавно решился на вступление в сетевой «общественный комитет» (В Китае чистотой Интернета займются цифровые «общественные комитеты» // Парламентская газета, 2021.09.01); «Таким образом, наша страна стал первой, кто решился на разработку столь масштабного и

одновременно крайне актуального для всего мира документа» (На киберпреступность предложили навалиться всем миром // Парламентская газета, 2021.07.28); «Норма действует до 1 января 2022 года — ранее полагалось, что к этому времени проблема обманутых дольщиков решится, отметили авторы инициативы» (Счета эскроу предложили продлевать автоматически при затягивании строительства // Парламентская газета, 2021.12.10).

Ср.: «Он погиб в день, когда решился дать ход конституционному проекту Михаила Лорис-Меликова» = хотел, намеревался, мог дать ход (Сколько раз пытались убить Александра II // Парламентская газета, 2021.03.13); «Из-за этого эксперт сомневается, что поляки решатся полностью отказаться от закупок российского газа после запуска Baltic Pipe» = захотят, намерены, смогут отказаться (Польша не хочет продлевать контракт с «Газпромом» после 2022 года // Ведомости, 2021.09.16); «А вот слух о том, что Xiaomi решится встроить фронтальную камеру под стекло экрана Mi 11, сетевые инсайдеры опровергают» = захочет, намерена, сможет встроить (Названа дата презентации первого смартфона на Snapdragon 888 // Vesti.ru, 2020.12.22).

Анализ медиатекстов убеждает в том, что рассматриваемые в статье глаголы мышления думать, мыслить, решать и их дериваты способны выполнять функцию модальных модификаторов только в определенных синтаксических условиях – в сочетании с зависимым (субъектным) инфинитивом. Таким образом, глаголы мышления в сочетании с инфинитивом реализовывают инвариантное модальное значение желательности (вариантное значение намерения, попытки), возможности, а в ряде случаев комплексное значение «желательность + возможность». Следует отметить, что ключевая роль в выявлении «оттенка» модального значения, реализуемого глаголами мышления и их дериватами, принадлежит контексту, который позволяет воспринимать коммуникативную ситуацию наиболее полно и адекватно.

В ходе исследования была определена лексико-грамматическая основа модальной специфики глаголов мышления думать, мыслить, решать и их дериватов, в семантике которых имплицитно содержится модальный компонент.

Анализ медиатекстов показал, что наиболее частотным модальным экспликатом значения желательности (намерения), возможности является глагол *решать* и его дериваты в сочетании с инфинитивом. Важно отметить, что «в формах совершенного вида эти глаголы сближаются или даже семантически совпадают с глаголами намерения» [\[16, с. 138\]](#), а «в семантическом значении глагола решиться содержится частное значение намерения, а также возможности [\[13, с. 33\]](#).

Глаголы мышления *думать*, *мыслить* и их дериваты реализовывают аналогичную функцию в сочетании с зависимым инфинитивом значительно реже. Зафиксированы единичные случаи употребления в модальном значении глагола мышления *мыслить*. Доминирующим является их функционирование как семантически полноценных лексем, обладающих самостоятельным лексическим значением.

Библиография

1. Клушина, Н.И. Национальный стиль и медийный вариант языка // Вестник Томского государственного педагогического университета / Н.И. Клушина. – Вып. 4 (193). 2018. – С. 26-31.
2. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов ; Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.:

- Наука, 1975. – С. 53-87.
3. Володина, М.Н. Язык массовой коммуникации как основное средство информационного воздействия на общественное сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / М.Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 458 с.
 4. Кондаков, И.В. Культурология: История культуры России / И.В. Кондаков. – М.: Омега-Л; Высшая школа, 2003. – 616 с.
 5. Солганик, Г.Я. О закономерностях развития языка газеты в XX веке // Вестник Московского ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2002. № 2. – С. 39-53.
 6. Ваулина, С.С. Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка / С.С. Ваулина. – Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. – 206 с.
 7. Кукса, И.Ю. Матричный подход как способ выражения динамики научных представлений о языковой модальности / И.Ю. Кукса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – Т. 21, № 1, 2022. – С. 140-150.
 8. Ваулина, С.С. Модальность. Коммуникация. Текст: сб. науч. тр. / под ред. проф. С.С. Ваулиной. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2021. – 329 с.
 9. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
 10. Бергельсон, М.Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы : дис. ... д-ра филол. наук / Бергельсон Мира Борисовна. – М., 2005. – 404 с.
 11. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 352 с.
 12. Ваулина, С.С. Новые подходы к изучению русского глагола // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы 2-ой Междунар. науч. конф. / С.С. Ваулина. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – С. 674-679.
 13. Бавула, Ю.И. Модальный потенциал глагола мышления решить – решать и его возвратных форм в современном русском языке // Актуальные проблемы преподавания естественнонаучных и гуманитарных дисциплин. Часть 1. Гуманитарные дисциплины: сб. науч. статей / под редакцией В.Н. Селедцовой, Н.В. Бубновой / Ю.И. Бавула. – Смоленск: ВА ВПВО, 2023. – С. 30-35.
 14. Словарь русского языка (МАС) в 4 т. / Под. ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.
 15. Национальный корпус русского языка. 2003 – 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru) (дата обращения 04.08.2023).
 16. Васильев, Л.М. Семантика русского глагола / Л.М. Васильев. – М.: Наука, 1981. – 184 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый труд как итогово-структурированный в целом сложился. Автор обращает внимание на нетривиальный предмет исследования – оценку потенциала глаголов мышления в реализации модельного значения желательности, возможности. Точечно автор касается медиадискурса, который, бесспорно, онтологически более открыт, является продуктивной средой использования возможностей языка. Привлекает уже в

начале сочинения дробность внимания: отмечено, что «в настоящей работе фокус внимания сконцентрирован на отношениях третьего уровня – «отношениях между субъектом действия (носителем признака) и действием (предикативным признаком), в частности на выражении и реализации значения желательности, возможности, комплекса значений «желательность + возможность» глаголами мышления думать, мыслить, решать (и их дериватами) в медиадискурсе». Как таковая цель (вариант задача) ступенчато реализуется на протяжении всей научной наррации. Основной блок тезисов фактически точен, например, это проявляется в следующих фрагментах: «в современной науке о языке широко распространено мнение о том, что одной из главных форм существования современного социума является язык средств массовой информации, то есть язык массмедиа», или «в русском языке достаточно частотным средством выражения категории модальности является группа модальных глаголов – модальных модификаторов, выполняющих служебную функцию, способных в сочетании с зависимым инфинитивом выражать основные значения ситуативной модальности: действительность, возможность, необходимость, желательность (например, глаголы мочь, следует, хотеть, желать, намереваться и др.)» и т.д. Не вызывает сомнения актуальность, научная новизна материала, его теоретическая и практическая значимость: «реализация глаголами мышления значения желательности, возможности, комплексного значения «желательность + возможность» в языке современной периодики представляет особый исследовательский интерес, обусловленный недостаточной изученностью вопроса, а также повышенной психологичностью желательности, затрагивающей разные сферы потребностей человека», «теоретическая значимость данной работы заключается в том, что наблюдения и выводы, полученные в результате исследования, позволяют расширить теоретические сведения о функционально-семантической, коммуникативно-прагматической категории модальности, а также стимулируют дальнейшее изучение специфики и условий модального функционирования глаголов мышления». Работа органично выстроена, логика переходов прозрачна, точна. Точка зрения автора объективно манифестирована, считаю, что потенциально подготовленный читатель сможет выстроить и нужный конструктивный диалог с исследователем. Фактических искажений данных, явных сбивов и нарушений не выявлено. Информационное поле верифицировано отсылками к первоисточникам: «обратимся к словарным данным. Глагол думать имеет три основных значения «1. Размышлять, предаваться раздумью». 2. «Полагать, считать, предполагать. 3. Намереваться, собираться делать что-л.». Из приведенных дефиниций глагола думать становится очевидным, что в первом значении он выступает в своей самостоятельной, немодальной, функции, а во втором и третьем значениях выполняет роль модального модификатора в сочетании с зависимым инфинитивом. Подтверждение тому находим в текстах массмедиа (печатной прессе) из НКРЯ» и т.д. Фон иллюстраций достаточен, анализ вопроса детален, например, ««... депутат думал, что у его друзей имелся такой документ» (Главные события 2021 года // Парламентская газета, 2021.12.31); «Насколько я знаю, даже Wayfair в Америке, который создавался с самого начала как [мебельный] онлайн-ритейлер, думает над открытием физических магазинов» («Нельзя всю инфляцию перекладывать в цены» // Ведомости, 2021.12.22); «Поэтому, замечает ученый, в Европе здраво думают о расширении ПХГ, а наполнять их наиболее выгодно летом, когда цены на газ ниже» (Ради борьбы с импортным газом ЕС готов пожертвовать Третьим энергопакетом // Ведомости, 2021.12.14)» и т.д. Методология работы с языковым материалом конструктивна, современна, нова. Итоги статьи созвучны основному блоку, собственно сам вывод целеположен: «Анализ медиатекстов убеждает в том, что рассматриваемые в статье глаголы мышления думать, мыслить, решать и их дериваты способны выполнять функцию модальных модификаторов только в

определенных синтаксических условиях – в сочетании с зависимым (субъектным) инфинитивом. Таким образом, глаголы мышления в сочетании с инфинитивом реализовывают инвариантное модальное значение желательности (вариантное значение намерения, попытки), возможности, а в ряде случаев комплексное значение «желательность + возможность». Следует отметить, что ключевая роль в выявлении «оттенка» модального значения, реализуемого глаголами мышления и их дериватами, принадлежит контексту, который позволяет воспринимать коммуникативную ситуацию наиболее полно и адекватно». Материал, на мой взгляд, продуктивно использовать при изучении курсов лингвистического характера, также он может стать неким подспорьем для формирования / написания новых исследовательских проектов. Отсылка к работам Ш. Балли, Л.М. Васильева, В.В. Виноградова, Н.И. Клушиной, Г.Я. Солганика и других свидетельствуют о хорошей разверстке темы. Формальный грейд издания выдержан, текстового объема достаточно для достижения поставленной цели. Статья «Потенциал глаголов мышления в реализации модального значения желательности, возможности в медиадискурсе» может быть рекомендована к открытой публикации в научном журнале «Litera».

Англоязычные метаданные

Khalifa Al-Yazia's "The mango tree": tree of life archetype

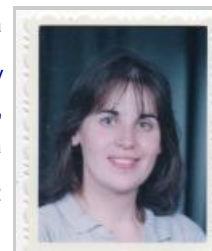
Vlasova Yulia Evgenievna

PhD in Philology

Associate professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Social Sciences and Humanities, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 10/2, office 502

✉ vlasova-yue@rudn.ru



Vavichkina Tatiana Anatolevna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Social Sciences and Humanities, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 10/2, office 502

✉ vavichkina-ta@rudn.ru



Abstract. The subject of the study is the "world tree" concept, coined by the young writer from the United Arab Emirates, Al-Yazia Khalifa, "The Mango Tree" (2021). The authors are interested in this symbol interpretation. Using the example of an Arab family, the artist creates a picture of the quiet and measured life of Arabs in the province of al-Ain. Through the eyes of a little girl, she describes one sultry day spent in the house of her beloved grandmother, in whose yard a magnificent mango grows. The aspects of life of a large Emirati family are depicted – work, prayer, and meals. The methods of historical and systemic analysis allow the authors to prove that the mango tree is a symbol of the cycle of life continuity. A seed planted in the ground becomes a sprout of hope for a bright future and faith in the inviolability of the traditional family way of life. Cicadas chirping on a tree are the embodiment of the element of air. The fish that family members eat at dinner symbolize water, while cats in the yard represent fire. In the game, the heroine tames four natural elements, beating her fears. Thanks to the fragrant and juicy "king of fruits," an atmosphere of comfort, prosperity and harmony is created in which several generations of the family grew up. That is why the little girl would not break away from their native roots and would follow their parents' measured pattern of life.

Keywords: elements of nature, tree of life, tree archetype, symbolism, family values, UAE Literature, children's literature, Arabic Literature, Al-Yazia Khalifa, mango tree

References (transliterated)

1. Al-Yaziya Khalifa. شجرة الهمبا. الفلك للترجمة والنشر. أبو ظبي، ٢٠١٧. ٦٦ ص.
Derevo mango. Izdatel'stvo: Al'-Ful'k Littarzhama Vannashr. Abu Dabi, 2017. 66 c.).
2. Khalifa Al'-Yaziya. Derevo mango. M.: Eksmo, 2021. 64 c.
3. URL: عرض كتاب "شجرة الهمبا" للكاتبة الإماراتية الدكتورة اليازية خليفة نشرته أكبر دار نشر روسية:
<https://russiarab.com/archives/84880/> (data obrashcheniya: 30.10.2023).
4. Biologicheskii entsiklopedicheskii slovar'. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1989. 864 c.
5. Slovar' inostrannykh slov. M.: Russkii yazyk, 1989. 624 c.
6. Entsiklopediya موسوعة أشجار المانجو (الأنبا). شؤون البلاط السلطاني بسلطنة عمان، ٢٠١٦.

- derev'ev mango (Al'-Anba). T. 1. Maskat: Izdatel'stvo Korolevskogo dvora Sultanata Oman, 2016. 468 c.).
7. Borzenko A., Piunov M., Osipov D., Vasin I. Arabskie Emiraty i Oman. M.: Vokrug sveta, 2012. 317 s.
 8. Lukashenko D. E. Lingvokul'turnye osobennosti arabskogo semeinogo diskursa // Vestnik nauki. №6 (63), 2023. S. 303–313.
 9. Krasnykh V. V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya. M.: Gnozis, 2022. 284 s.
 10. Yung K. G. Problemy dushi nashego vremeni. M.: Progress, 1994. 329 s.
 11. Literaturnyi slovar'. M.: Sov. entsiklopediya, 1987. 751 s.
 12. Meletinskii E. M. O literaturnykh arkhetyпах. M.: RGGU, 1994. 136 s.
 13. Mifologicheskii slovar'. M.: Sov. entsiklopediya, 1991. 736 s.
 14. Mart'yanova L. M. Legendy i mify o rasteniyakh. Legendy drevnego Vostoka, yazycheskie mify, antichnye predaniya, bibleiskie istorii. M.: ZAO Izdatel'stvo Tsentrpoligraf, 2015. 551 s.
 15. Toporov V.N. Mirovye drevo. Universal'nye znakovye komplekсы. T. 1. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2010. 448 s.
 16. Chmelenko Yu. Shumerskie mify ot vseirnogo potopa i eposa o Gil'gameshe do boga Enki i ptitsy Anzud. M.: Mann, Ivanov i Faber, 2023. 208 s.
 17. Senchenko I. P. Ob"edinennye Arabskie Emiraty. Litsom k litsu s novym chudom sveta. SPb: Aleteiya, 2012. 320 s.
 18. Dzhokha al'-Kharti. Nebesnye tela. Perevod V. Zarytovskoi i G. Kalashnikova. M.: Eksmo, 2020. 256 s.
 19. Polomoshnov A.F., Polomoshnov P.A. Musul'manskaya sem'ya v svete krizisa semeino-brachnykh otnoshenii // Islamovedenie. T.13. №1, 2022. S. 50–62.
 20. Varlamova V. N. Arkhetipicheskii obraz dereva v khudozhestvennom tekste // Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze: ezhegodnyi sbornik. №8 (42), 2015. S. 256–260.

On the issue of defining the concepts of image and PR texts in the modern media space

Mrug Kristina Vladimirovna

Postgraduate student, Department of Theory and History of Journalism, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117192, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 10/2, office 647

✉ mrug_kristina@internet.ru



Abstract. The subject of this article is the image and business reputation, which are largely determined by a huge corpus of various image and PR texts created daily within the framework of numerous mass media. The purpose of the work is to give definitions of the concepts of image and PR texts in the modern media space, to determine their similarities and differences through content and discourse analysis of materials of scientific periodicals.

Socio-political, social and economic media texts in the Russian media space have many distinctive linguistic and non-linguistic features due to the national specifics and social development of our country. Reputation is often formed not only by image media texts, but also by a number of other types of texts represented in mass media with image potential. The scientific novelty of the study lies in the fact that with the existing problem of typologization of media texts, the hypothesis is introduced that PR texts in their broad sense

are nothing more than a subgroup of image media texts present in the media field of the main spheres – journalism, advertising and PR activities.

The author comes to the conclusion that the instability and dynamism of the terminological apparatus gives a certain "freedom" of action when selecting research material. The ways in which image specialists work and the genre nature of image media texts themselves have become much more complicated. Image media texts can be considered as journalistic text, advertising text, PR text.

Keywords: media consumer, genres, typology of the text, public opinion, media space, PR text, media text, image, look, Media

References (transliterated)

1. Imidzhelogiya / G. Pocheptsov. – 6-e izd., ster. – M. SmartBuk, 2009. – 575 s.
2. Ivanova A. D. O ponyatiinom apparate sovremennoi imagologii // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 11. S. 74-78.
3. Korminina G. M. Imidzh v sisteme sotsial'nogo vzaimodeistviya // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2011. № 2. S. 73-77.
4. Mazhorov D. A. Professional'nye PR-soobshchestva: formirovanie imidzha sredstvami massovoi informatsii: avtoref... dis. kan. nauk. SPb., 2008. – 26 s.
5. Kudrina A. V., Bazanova A. E. Imidzhevyi mediatekst i piar-tekst: skhodstva i otlichiya // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 9-2 (75). С. 37-40.
6. Sovremennyi mediatekst: uchebnoe posobie / otv. red. N.A. Kuz'mina. – Omsk: Poligraficheskii tsentr «Tat'yana», 2011. – 414 s.
7. Krivonosov A. D. PR-tekst v sisteme publicnykh kommunikatsii. – 2-e izd., dop. – SPb.: «Peterburgskoe Vostokovedenie», 2002. – 288 s.
8. Balakhonskaya L. V. PR-tekst: struktura, sodержanie, oformlenie / L. V. Balakhonskaya. – SPb.: Svoe izdatel'stvo, 2015. – 198 s.
9. Shlyakhova S. S. Russkii PR-tekst: 100%-noe dostizhenie rezul'tata. Rostov n/D: Feniks, 2009. – 416 s.
10. Inshakova N. G. Reklamnyi i piar-tekst: osnovy redaktirovaniya: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov. M.: Aspekt Press, 2014. – 256 s.
11. Mazhorov D. M. Formirovanie imidzha v SMI: imidzheobrazuyushchie teksty // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika. 2007. Vyp. 2. Ch. II. S. 302-309.
12. Varfolomeeva Yu. N., Khantaev S. N. Semantika imidzhevogo teksta v mediadiskurse // Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2016. T. 5. № 6. S. 580-589.

Situational model of bullying in business communication

Baigazanova Roza 

Postgraduate student, Department of Media Linguistics, Institute "Higher School of Mass Communications and Media Journalism", St. Petersburg State University

199004, Russia, Saint Petersburg, line 1 V.O., 27

✉ roza.baygazanova@gmail.com

Abstract. The subject of the study is speech activity affecting the participants of bullying situations in the context of business communications; linguistic means of implementing

business bullying strategies and tactics when creating a negative media image of companies and persons in the context of information attacks; media linguistic characteristics of texts related to bullying phenomena in business communication (structure, vocabulary, style, etc.); extralinguistic factors influencing the manifestation and perception of bullying in the business environment, including socio-cultural, psychological and economic aspects.

The object of the study is destructive verbal content with signs of business bullying placed in open communication channels, including its media and linguistic manifestations.

Within the framework of this work, the emphasis is placed on the specifics of the media linguistic analysis of business communication texts in the context of bullying, as well as on external factors that can influence this process. Special attention is paid to the structure of subject-object relations in the practice of information aggression directed against business. The methodology has developed under the influence of modern media linguistics, when an activity-procedural, praxeological approach to the analysis of the media text is implemented. The thematic discourse of business bullying is distinguished by the length of time, complex interactions, and multicomponent structure of the linguistic architecture of media communication, so the basic method was the praxeological transdisciplinary and interdisciplinary integration of research methods, procedures and techniques – formed the basis of the work. The relevance of the research is due to the combination of the rapidly changing digital landscape, the social responsibility of business and the need for effective strategies to prevent or respond to bullying cases in business communication. The scientific novelty lies in the identification of linguistic signs of business bullying and the construction of communication models of business bullying. The results obtained can be used both in academic research and in the practical activities of the business community.

The author proposes to build communication situational models of bullying in the context of business communication on the basis of subject-object relations, which allow to determine patterns of information aggression, analyze components, specify the role of participants, isolate manipulative practices, build business risk strategies, formulate strategies to combat and overcome the consequences of business bullying.

Keywords: medialinguistic analysis, communication strategy, communication model, communicator, information aggression, business communication, cyberbullying, bullying, mediatext, business bullying

References (transliterated)

1. Ardashev, R. G. Kibersuitsid i kiberbulling v sovremennom obshchestve [Elektronnyi resurs] / R. G. Ardashev // Sotsiologiya. 2022. №6. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/kibersuitsid-i-kiberbulling-v-sovremennom-obshchestve> (data obrashcheniya: 29.07.2023).
2. Bannikov, K. L. V armii, kak na zone: nasilie i unizhenie stali normoi [Elektronnyi resurs]// NP NIA «Nasledie otechestva». 30.03.2000. №12. Rezhim dostupa: http://old.nasledie.ru/voenpol/14_14/article.php?art=17 (data obrashcheniya: 15.05.2023)
3. Belanovskii, S. A., Marzeeva, S. N. Dedovshchina v sovetskoi armii [Elektronnyi resurs]// INP RAN. 1991. Rezhim dostupa: <http://sbelan.ru/index.php/ru/armiya/16-armiya/106-dedovshchina-v-sovetskoy-armii/index.html> (data obrashcheniya: 11.11.2023)
4. Odunjo-Saka, K. A., Olaleye, B. R., Sarpong, E., Ibrahim, A., Adedokun, O. A. (2023). The influence of workplace bullying on the performance of hotel employees: the mediating role of emotional intelligence and psychological resilience // Tourism &

Management Studies, 19(3), 2023, 59-71. Available at:
<https://doi.org/10.18089/tms.2023.190304>

5. Achitaeva, I. B. Destruktivnye vzaimootnosheniya v uchebnykh gruppakh obrazovatel'nykh uchrezhdenii MVD Rossii: Avtoreferat dis. ... kand. psikh. nauk. [Elektronnyi resurs]. M., 2010. Rezhim dostupa: <https://www.dissercat.com/content/destruktivnye-vzaimootnosheniya-v-uchebnykh-gruppakh-obrazovatel'nykh-uchrezhdenii-mvd-rossii> (data obrashcheniya: 26.05.2023)
6. Beleeva, I. D., Zaglodina, T. A., Panratova, L. E., Titova, N.B. Bulling kak sotsial'no-psikhologicheskoe yavlenie: analiz teoreticheskikh podkhodov i empiricheskikh issledovaniy [Elektronnyi resurs] // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2020. № 5. S. 131–136. Rezhim dostupa: DOI: 10.26170/po20-05-15
7. Bosov, D. V. Bulling kak sotsial'nyi fenomen [Elektronnyi resurs] // Nauka. Issledovaniya. Praktika : sbornik izbrannykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 25 iyunya 2021 goda. Sankt-Peterburg: GNII «Natsrazvitie». 2021. S. 34–37. Rezhim dostupa: DOI: 10.37539/SRP297.2021.49.20.005. EDN DEJCCF.
8. Bochaver, A. A., Khlomov, K. D. Bulling kak ob'ekt issledovaniya i kul'turnyi fenomen. [Tekst] // Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki, 2013. №3 (15). S.149–159.
9. Bochaver, A. A., Khlomov, K. D. Kiberbulling: travlya v prostranstve sovremennykh tekhnologii. [Tekst] // Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki, 2014. №3 (11). C. 177–191.
10. Ivanyushina, V. A., Khodorenko, D. K., Aleksandrov, D. A. Rasprostranennost' bullinga: vozrastnye i gendernye razlichiya, znachimost' razmerov i tipa shkoly [Elektronnyi resurs] // Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow. 2021. №4. S. 220–242. Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-220-242>
11. Galimbekova, F. S. Konflikt i bulling kak sotsial'nye yavleniya v sovremennom obshchestve [Elektronnyi resurs] // Problemy sovremennogo obrazovaniya. 2023. №2. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-i-bulling-kak-sotsialnye-yavleniya-v-sovremennom-obshchestve> (data obrashcheniya: 28.09.2023).
12. Baigazanova, R. T. Bulling kak kommunikativnyi fenomen [Tekst] / R. T. Baigazanova // Medialingvistika: Materialy dokladov uchastnikov VII Mezhdunarodnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 28 iyunya – 01 2023 goda. – Sankt-Peterburg: Mediapapir, 2023. – S. 726-730. – EDN CLHPMZ.
13. Kur'yanovich, A. V. Pravovye aspekty rechevogo povedeniya nositelei v sfere sovremennoi elektronno-mediinoi kommunikatsii. [Tekst] // Yurilingvistika. 2015. №4 (15). C. 25–32.
14. Kur'yanovich, A. V. Rehevaya interaktsiya v sotsial'nykh setyakh: lingvopravovoi aspekt kharakteristiki. [Tekst] // Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova. 2017. №21. S. 66–70.
15. Rodoskii, N. A. Postpravda ili feik. Problema istiny v sotsial'nykh media. [Tekst]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', 2023, 303 c.
16. Chernyshova, T. V. Tipologicheskie priznaki rechevogo zhanra diskreditatsii v mediadiskurse. [Tekst] // Filologiya i chelovek. 2014. №1. S. 31-39.
17. Chernyshova, T. V. Metody analiza rechevykh aktov: vozmozhnosti i problemy ispol'zovaniya v lingvoekspertnoi i sudebnoi praktike [Elektronnyi resurs] // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy. 2019. №XV. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-analiza-rechevykh-aktov-vozmozhnosti-i-problemy-ispolzovaniya-v-lingvoekspertnoy-i-sudebnoy-praktike> (data

obrashcheniya: 05.05.2023).

18. Chernyshova, T. V. Fakty, mneniya, otsenka: sotsial'no znachimaya informatsiya i sposoby ee organizatsii v diskurse zhurnalistskogo rassledovaniya. [Elektronnyi resurs] // Medialingvistika. 2020. №7 (3). S.343–356. Rezhim dostupa: <https://medialing.ru/fakty-mneniya-ocenka-socialno-znachimaya-informatsiya-i-sposoby-ee-organizatsii-v-diskurse-zhurnalistskogo-rassledovaniya/>
19. Chernyshova, T. V. Diskreditiruyushchii bulling v polilogakh setevogo obshcheniya (na materiale lingvoekspertnoi praktiki). [Elektronnyi resurs] // Medialingvistika, 2022. №9 (3). S.170–189. Rezhim dostupa: <https://medialing.ru/diskreditiruyushchij-bulling-v-polilogah-setevogo-obshcheniya-na-materiale-lingvoekspertnoj-praktiki/>
20. Pradeep, N. Fale, Krishan, Kumar Goyal, Shivani; A hybrid deep learning approach for abusive text detection. AIP Conference Proceedings 24 April 2023; 2753 (1): 030008. Available at: <https://doi.org/10.1063/5.0128071>
21. Duskaeva, L. R. Stilisticheskii analiz v medialingvistike. [Tekst] Moskva: Flinta, 2019. 340 c.
22. Duskaeva, L. R. Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik. (Red.). [Tekst]. Moskva: Flinta, 2020. 440 c.
23. Duskaeva, L., Konyaeva Yu. Trolling v russkoyazychnykh media. [Elektronnyi resurs] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistskaya. 2017. №5. 84–100. Rezhim dostupa: <http://vestnik.journ.msu.ru/books/2017/5/>
24. Duskaeva, L. R., Red'kina T. Yu., Tsvetova N. S. Kritika rechi v medialingvistike. [Tekst] Moskva: Flinta, 2019. 120 c.
25. Zhdanova, E. A. Teoreticheskie osnovy diagnosticheskikh metodik sudebnogo avtorovedeniya (na materiale pis'mennoi mezhlichnostnoi elektronnoi kommunikatsii). [Tekst] // Yurilingvistika. 2019. №13. S. 18–24.

A.A. Fet's Lyrics in the Interpretation of V. Solovyov: on the question of methodology

Anokhina Yuliya Yur'evna

PhD in Philology

Senior researcher, AM Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

121069, Russia, Moscow region, Moscow, Povarskaya str., 25, office a

✉ jul.anokhin@gmail.com



Abstract. The present study is aimed at identifying specific features of the methodology of interpretation of Russian lyrics by V.S. Solovyov. The article raises the question of the methodological tools of Solovyov's interpretive strategy on the example of his approach to the lyrics of A.A. Fet. In particular, an immanent analysis of the article "On lyrical poetry. About the last poems of Fet and Polonsky" ("Russian Review", 1890). The compositional features of the work are studied, the complex of problems that Solovyov puts forward in connection with his proposed interpretation of Fet's lyrics is considered. At the same time, special attention is paid to the problem of creating an artistic image of the poet in Solovyov's poem "A.A. Fet, October 19, 1884" – a poem inspired by the presentation of the first Pushkin Prize to Fet for the complete translation of Horace. The methodology presented in this article for the study of Solovyov's approach to Fet's lyrics, as well as his general theoretical calculations about the essence of lyrics as such, are based on the possibilities of logical and semantic contextual

analysis of the utterance. The novelty of the research consists in the fact that for the first time the problem of actualization by Solovyov of the dialectic of such properties as "subjectivity" / "objectivity", "singularity" / "multiplicity", "completeness" / "openness", "form" / "content" when reading Fet's poetry is considered. It is shown that in Solovyov's article "On lyrical poetry" this method is used in the disclosure of various aspects. It is argued that the interaction of the properties of "completeness" and "openness" in Solovyov's presentation of general theoretical issues related to the problem of defining poetry allows the philosopher to deduce the definition of "pure lyrics". It is concluded that Solovyov's analysis of the thematic range of Fet's lyrics and his study of the formal features of poetry are based on dialectical principles, which makes it possible to correlate the philosopher's approach with the hermeneutic tradition.

Keywords: Evening lights, poetry, philosophy, philosophical criticism, interpretation strategies, dialectics, pure lyrics, Fet, Solovyov, poetry cycle

References (transliterated)

1. Aristotel'. Metafizika. M.: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2006. 232 s.
2. Asadulaeva G.Kh. Osobennosti kriticheskogo metoda Vladimira Solov'eva // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 2007. № 6. S. 30–37.
3. Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka. T. 26. M., SPb.: Nauka, 2019. 696 s.
4. Bonetskaya N. K. Predtechy russkoi germeneytiki // Voprosy filosofii. 2014. № 4. S. 90–98.
5. Bychkov V.V. Estetika Vladimira Solov'eva kak aktual'naya paradigma // Istoriya filosofii. 1999. № 4. S. 3–43.
6. Gegel' G.V.F. Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 1. Nauka logiki. M.: Mysl', 1974. 452 s.
7. Zaitseva Z.N. Nemetsko-russkii i russko-nemetskii filosofskii slovar'. M.: Izd-vo MGU, 1998. 320 s.
8. Ivanova E.V. Vladimir Solov'ev i formirovanie russkoi religiozno-filosofskoi estetiki // Solov'evskie issledovaniya. 2006. Vyp. 1 (12). S. 5–60.
9. Ipatova S.A. Ob uchastii V.S. Solov'eva v fetovskom perevode «Eneidy» Vergiliya // Solov'evskie issledovaniya. 2020. № 4 (68). S. 119–135.
10. Kozyrev A.P. Solov'ev i gnostiki. M.: Izd. Savin S.A. 2007. 544 s.
11. Krokhina N.P. VI. Solov'ev i rozhdenie russkoi germeneytiki // Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. 2016. № 4. S. 153–156.
12. Magomedova D.M. Vladimir Solov'ev // Russkaya literatura rubezha vekov (1890- e – nachalo 1920- kh godov). Kn. 1. M.: IMLI RAN, «Nasledie», 2001. S. 732–779.
13. Musaeva G.Kh. Esteticheskie osnovy filosofsko-literaturnoi kritiki V.S. Solov'ev // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. Vyp. 3. S. 16–19.
14. Perepiska Feta s VI.S. Solov'evym (1881–1892) / Publikatsiya G. V. Petrovoi // A.A. Fet: Materialy i issledovaniya. Vyp. 2. SPb.: Kontrast. 2013. S. 359–428.
15. Pil'd L. «Vechernie ogni» Feta i «zodchestvo» Solov'eva // Ot Kibirova do Pushkina: sbornik v chest' 60-letiya N.A. Bogomolova. M., 2011. S. 436–447.
16. Polnyi nemetsko-russkii slovar'. SPb.: Stereotipnoe zavedenie Isidora Goldbe. 1877. 414 s.
17. Polnyi tserkovnoslavyanskii slovar'. M.: Otchii dom, 2004. 1120 s.

18. Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii. T. 3. M.: Azbukovnik, 2003. 720 s.
19. Sarycheva K.V. Vospriyatie F.I. Tyutcheva i A.A. Feta v russkoi literaturnoi kritike 1870-kh – 1900-kh gg. PhD Thesis. Tartu. 2016. 173 c.
20. Silakova D.V. «Tvoe blagoslovenie na etot put' zaranee so mnoi...» (K voprosu o vzaimootnosheniyakh V.S. Solov'eva i A.A. Feta) // A.A. Fet: problemy izucheniya zhizni i tvorchestva. Kursk, 1998. S. 52–59.
21. Solov'ev V.S. Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika. M.: Iskusstvo. 1991. 701 s.
22. Solov'ev S.M. Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya Vladimira Solov'eva. Bryussel'. Zhizn' s Bogom. 1977. 448 s.
23. Rashkovskii E.B. Filosofskaya poetologiya VI. Solov'eva // Solov'evskie issledovaniya. 2018. Vyp. 4 (60). S. 11–26.
24. Yurina N.G. Literaturno-kriticheskaya kontseptsiya V.S. Solov'eva: istoki, stanovlenie, razvitie. Saransk: Izd-vo Mordovskogo un-ta, 2013. 280 s.
25. Klenin E. The Poetics of Afanasy Fet. Böhlau, 2002. 409 p.
26. Nemeth T. The Later Solov'ev. Philosophy in Imperial Russia. Springer, 2019. 317 p
27. Obolevitch T. Faith and Science in Russian Religious Thought. Oxford. Oxford University Press. 2019. 235 p.
28. Poole, R.A. Vladimir Solov'ev's philosophical anthropology: autonomy, dignity, perfectibility. In: A History of Russian Philosophy 1830–1930. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. P. 131–150).
29. Smith O. Vladimir Soloviev and the spiritualization of matter. Boston, Academic Studies Press. 2011. 325 p.

Specifics of media coverage of anti-government protests in Cuba (2021)

Rastorgueva Natalia

PhD in Philology

Senior Lecturer at the Chair of Theory and History of Journalism, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

10/2 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ rastorgueva_ne@pfur.ru

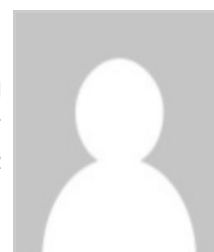


Panina Yana

Master's student, Chair of Theory and History of Journalism "Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba".

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 10/2

✉ 1132223770@rudn.ru



Orekhova Elizaveta

Master's student, Chair of Theory and History of Journalism "Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba".

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 10/2

✉ 1132223771@rudn.ru



Abstract. The article is devoted to revealing the features of coverage of the Anti-Government demonstrations in Cuban information space in July 2021. They began due to the social and economic crisis. According to the Cuban government, the crisis was caused by sanctions from the USA. On the other hand, the opposition considers that it is the consequence of the communist dictatorship reigning in the country. The authors of the article set themselves the goal of investigating media interpretations of the events as in the traditional media controlled by the state, and in the specific social and communication environment of the Internet space. Having analyzed the publications of the largest Cuban mass media, such as the newspaper «Granma» and portal «Cubadabate», as well as the materials of social networks, the authors have come to the conclusion that the massive spread of the Internet in 2018 marked the beginning of gradual changes in the media landscape of the country: social media have become an alternative source of information that has influenced the Cuban social and political life. They have served as social organizers not only online but also offline when having the popularity and taking a new platform for the promotion of anti-government ideas. One of the examples of its phenomenon were the protests on July 11, 2021, which have become a new challenge to the political leadership of a country that has been fighting the US economic blockade for decades.

Keywords: political communication, social networks, media, Cuban media, Cuba, online media, citizen journalism, state media, protests, Twitter

References (transliterated)

1. Estudio Económico de América Latina y el Caribe [Elektronnyi resurs] // CEPAL. 2021. URL: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/39ddf1fb-edd6-49a0-a6b4-6d476407b568/content> (data obrashcheniya: 05.11.2023).
2. Vinogradova K. E. Rol' mass-media v politicheskoi sisteme obshchestva // Zhurnalistskii ezhegodnik. 2013. № 2-1. С. 64.
3. Sharkov F. I. Politicheskaya kommunikatsiya v sovremennom informatsionnom obshchestve // PolitBook. 2012. № 2.
4. Solov'ev A. I. Politicheskaya kommunikatsiya: k probleme teoreticheskoi identifikatsii [Elektronnyi resurs] // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2002. № 3. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.02> (data obrashcheniya: 14.11.2023).
5. Parma R. V. Obshchestvennyi aktivizm rossiiskikh grazhdan v oflain- i onlain-prostranstvakh [Elektronnyi resurs] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2021. №6. S. 145—170. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042> (data obrashcheniya: 14.11.2023).
6. Welp Y., Hirschman A. Cuba en perspectiva latinoamericana: estallidos, protestas y demandas de cambio [Elektronnyi resurs] // Foro Europa-Cuba. 2022. URL: <http://www.foroeuropacuba.org/es/cooperacion-interregional-insercion-global/working-papers/> (data obrashcheniya: 10.11.2023).
7. Klein N. Como una nube de mosquitos // Viento Sur. №53. 2000. P. 64.

Lexical homonyms in the Mari language.

Lastochkina Elena Grigor'evna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Mari Language and Literature, Mari State University

424019, Russia, Republic of Mari El, Yoshkar-Ola, pl. Lenin str., 1

✉ antrolea@mail.ru



Abstract. The subject of the study is lexical homonyms in the modern Mari language. The material of the scientific work was the data of the 10-volume dictionary of the Mari language, the Mari-Russian dictionary, the author's card file, compiled by selecting materials from Mari works of art, oral folk art and periodicals. The aim of the work is to distinguish lexical homonyms from other groups of homonyms and to determine their conceptual and semantic relationship. At the first stage, a selection of words that belong to the category of lexical homonyms was carried out. At the next stage of the study, all lexical material was analyzed, this group of homonyms was divided into categories, and a quantitative analysis of lexical homonyms was performed. The research method was the analysis of homonyms based on lexicographic sources. A special contribution of the author to the study of the topic is the appeal to a wide range of works and the multidimensional nature of the study of the issue. The novelty of the research lies in the fact that lexical homonyms in the Mari language are analyzed for the first time.

The result of the study lies in the conclusion that lexical homonyms are the most common group of homonyms in the Mari language, they can be divided into full and incomplete lexical homonyms, as well as substantive, verbal, adjectival, participial, adverbial and several examples with imitative words were distinguished by their relation to parts of speech. Lexical homonymy occurs among words of the same parts of speech. At the same time, two or more lexical homonyms (full or partial) have an absolute identity of the sound and spelling complex.

Keywords: adjectival lexical homonyms, verbal lexical homonyms, substantive lexical homonyms, incomplete homonyms, full homonyms, Mari language, lexical homonyms, homonyms, participial lexical homonyms, adverbial lexical homonyms

References (transliterated)

1. Laionz D. Lingvisticheskaya semantika. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. 398 c.
2. Maslov Yu. S. Omonimy v slovaryakh i omonimiya v yazyke // Voprosy teorii i istorii yazyka. L.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 1963. S. 765-770.
3. Leino P. Polysemia – kielen moniselitteisyys. Kieli 7. Helsingin yliopiston suomen kielen laitos. Helsinki, 1993. 121 p.
4. Malakhovski L. Homonyms in English Dictionaries. 11 Studies in Lexicography. Oxford, 1987. 184 p.
5. Viks Ü. Sõnavormide homonüümia eesti keeles //Keel ja Kirjandus. 1984. 363 lk.
6. Williams E. R. The conflict of homonyms in English //Yale Studies in English. London, 1944. 68 p.
7. Williams J. N. Processing Polysemous Words in Context: Evidence for Interrelated Meanings //Journal of Psychological Research. 1992. № 3. 21 p.
8. Wojan K. The genesis of homonymy of the finnish language //Fenno-Ugristica. XXV. Tartu, 2003. 187 p.
9. Lastochkina E. Omonimy v mariiskom yazyke // Ezhegodnik finno-ugorskikh

- issledovanii. Vyp. 1 / nauch. red. A.E. Zagrebin; sost.-red. A. V. Ishmuratov, R.V. Kirillova; otv. red. D.I. Cheresnyaya. Izhevsk: Izd-vo «Udmurtskii universitet», 2015. S. 35-40.
10. Lastochkina E.G., Soosaar Sven-Erik. Omonimiya i sinonimiya v estonsko-mariiskom slovare // Problemy mariiskoi i sravnitel'noi filologii: sb. st. / Mar. gos. un-t; otv. red. R. A. Kudryavtseva. Ioshkar-Ola, 2017. S. 27-31.
 11. Lastochkina E.G. Omonimy v sovremennom mariiskom yazyke: monografiya / Mar. gos. un-t. Ioshkar-Ola, 2021. 256 s.
 12. Lastochkina E.G. Vopros razgranicheniya omonimii i polisemii v sovremennom mariiskom yazyke // Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. T. 16. № 4. S. 569-574.
 13. Marii orfografii muter / sost. I. G. Ivanov, I. S. Galkin, Yu. V. Anduganov i dr. Ioshkar-Ola: MarNIIYaLI, 2011. 367 s.
 14. Fomina M. I. Sovremennyi russkii yazyk. Leksikologiya. M.: Vyssh. shk, 1990. 175 s.
 15. Slovar' mariiskogo yazyka. T. I-10 / MarNIIYaLI; gl. red. I. S. Galkin. Ioshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1990-2005 // Bol'shoi mariisko-russkii slovar'. URL: dict.fu-lab.ru (data obrashcheniya: 10.10.2023).
 16. Malakhovskii L. V. Teoriya leksicheskoi i grammaticheskoi omonimii. L.: Nauka, 1990. 238 s.
 17. Malakhovskii L. V. Teoriya leksicheskoi i grammaticheskoi omonimii. M.: Knizhnyi dom Librokom, 2009. 248 c.

Russian and Chinese phraseology of religious themes with numeric components two and three

Ding Lina

Postgraduate student, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 21

✉ 1042215065@pfur.ru



Lysyakova Marina Vital'evna

PhD in Philology

M.V. Lysyakova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ lysyakova-mv@rudn.ru



Abstract. This article is devoted to the linguistic and linguocultural study of numerative phraseological units with a religious component in the Russian and Chinese languages. The object of this research is the idioms of the Russian and Chinese languages of religious themes, which contain the components of the numerals two and three. The subject of this research is the linguistic and national-cultural features of Russian and Chinese phraseological units with a religious component.

Such methods as the method of continuous sampling, the descriptive method, the comparative method, linguoculturological analysis and etymological analysis are used in the research. The

scientific novelty of the research lies in the fact that the similarities and differences in the perception of the spiritual identity of the Russian and Chinese ethnos are revealed on the basis of phraseological units with numerals in the linguoculturological aspect.

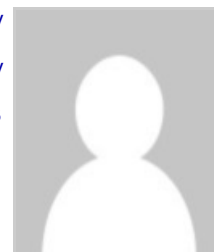
The result of the comparison of idioms with the numerical components two and three in the two languages is a confirmation of the opposite attitude to the numbers of the Russians and the Chinese, in particular, it is noted that the Chinese culture gravitates towards even numbers, and the Russian culture – towards odd numbers. The conclusions and materials of this article can be used in the preparation of general and special courses, the results of this work will facilitate and accelerate the integration of foreign students into the Russian and Chinese linguistic and cultural environment.

Keywords: Christianity, comparative analysis, linguoculturology, language and culture, religious themes, numerical components, idioms, Confucianism, Taoism, Buddhism

References (transliterated)

1. Alefirenko N. F. Lingvokul'turologiya. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka: uchebnoe posobie: 2-e izd. M.: Flinta: Nauka, 2012. 282 s.
2. Din L. N. Russkie i kitaiskie frazeologizmy religioznoi tematiki s komponentom-chislitel'nym odin // X (XXIV) Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya molodykh uchenykh «Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya». – M.: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2023. S. 265-271.
3. Dubrovina K. N. Entsiklopedicheskii slovar' bibleiskikh frazeologizmov / K. N. Dubrovina. M.: Flinta: Nauka, 2010. 808 s.
4. Perelomov L. S. Konfutsii «Lun' Yui»: Issled., per. s kit., komment. / L. S. Perelomov; Faks. tekst «Lun' yuya» s komment. Chzhu Si; RAN. In-t Dal. Vostoka. M.: Vost. lit. RAN, 1998. 588 s.
5. Slovar' russkoi frazeologii: Ist.-etimol. sprav. / A. K. Birikh, V. M. Mokienko, L. I. Stepanova; S.-Peterb. gos. un-t. Sankt-Peterburg: Folio-press, 1998. 700 s.
6. Uitness Li. Bibliya (vosstanovitel'nyi perevod) / Pod red. otдела sluzheniya «Zhivoi potok». Anakhaim: Living Stream Ministry, 1998. 898 s.
7. Tsaturyan M. M., Pelipenko L. M. Obrazno-simvolicheskie kharakteristiki chislitel'nykh one, two, three (odin, dva, tri) v angliiskoi i russkoi lingvokul'turakh // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. №5-1 (71). S. 166-170.
8. Shanskii N. M. Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka. 4-e., izd., ispr. i dop. SPb.: Spetsial'naya Literatura, 1996. 192 s.
9. 朱瑞玫. 中华成语探源大全集. 中国华侨出版社, 2010. Chzhu Zhuiven'. Kitaiskii bol'shoi slovar' chen'yui: istoriko-etimologicheskii spravochnik // Izdatel'stvo kitaiskikh emigrantov. Pekin, 2010. 1163 s.
10. 朱瑞玫. 佛教成语. 格致出版社, 2006. Chzhu Zhuiven'. Buddiiskaya frazeologiya // Izdatel'stvo Gezhzhi. Shankhai, 2006. 432 s.

The ideological world of the trilogy of the Mari writer N. Lekain «Iron Will», «In the Fire of the Great War», «Land of the Ancestors»



Abstract. An analysis of the themes, issues, ideas and pathos of the trilogy of the Mari writer Nikandr Lekain is the basis of this article. The novels «Iron Will» and «Land of Ancestors» depict the process of social and national revival of the previously oppressed Mari people. The depiction of the events of the beginning of the 20th century (Stolypin's agrarian reform, the Great October Socialist Revolution, the Civil War, the NEP) takes place through the prism of the author's worldview. The writer shows the conditions under which the process of formation of Soviet regime, the implementation of a new economic policy, the growth and formation of a new progressive Man, and the overcoming of the vestiges of the past in the minds of the Mari people took place. The novel «In the Fire of the Great War» by the former front-line soldier reveals the patriotism and heroism of the multinational Soviet people, manifested in the fight against the fascist invaders during the Great Patriotic War. This aspect is considered for the first time in Mari literary studies.

The structural-semantic research method makes it possible to evaluate both the ideological world, the author's worldview, and its individual poetic elements.

Through the prism of the writer's attention, the image of a resisting and fighting Soviet soldier is comprehensively depicted; as well as the heroic actions of the Yevsey's, Ivan Zuev's guerrilla warrior detachments in the enemy's rear; the awful life under occupation of the Sosnovka's village inhabitants; the cruelty of the German invaders; the spiritual squalor of the traitors. N. Lekain's trilogy epically reveals the historical events of the late 19th – mid-20th centuries.

Keywords: heroics, theme, author's ideal, author's assessments, pathos, idea, novel, trilogy, Mari literature, Lekain

References (transliterated)

1. Vasil'ev, B. L. V spiskakh ne znachilsya. – Sankt-Peterburg: Azbuka, 2016. – 285 s.
2. Dm. Orai Cholga shÿdyr: povest'. – Ioshkar-Ola, 1973. – 184 s.
3. Ivanov, V. Tÿtan: roman. – 2-sho izd. – Ioshkar-Ola: Marii kniga izdatel'stvo, 1991. – 368 s.
4. Il'bek, N. F. Chernyi khleb: roman / Perevod s chuvash. A. Tolmacheva; Khudozh. N. G. Kumbirov. – Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, 1977. – 272 s.
5. Istoriya mariiskoi literatury / Otv. redaktory K. K. Vasin, A. A. Vasinkin. – Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989. – 432 s.
6. Kirdyashkin, T. A. Shirokaya Moksha: roman-khronika / Avtoriz. per. s mordov.-moksha. V. Avdeeva. – 3-e izd. – Saransk: Mord. kn. izd-vo, 1969. – 328 s.
7. Lekain, N. Vozymyzo kum tom dene luktaltesh. – 1 tom. Proza. – Ioshkar-Ola: Marii kniga izdatel'stvo, 1987. 592 s.
8. Lekain, N. Vozymyzo kum tom dene luktaltesh. – 2 tom. Proza. – Ioshkar-Ola: Marii kniga izdatel'stvo, 1987. 592 s.
9. Lekain, N. Kugu saryn tulyshtyzo: roman. – Ioshkar-Ola: Knigam luksho marii izdatel'stvo, 1974. – 408 s.

10. Mordinov, N. Vesennaya pora / Avtorizovannyi per. s yakutskogo A. Dmitrievoi, L. Kornilovoi. – Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izd-vo, 1961. – 717 s.
11. O mordovskoi literature / Istochnik: Pisateli Mordovii: biograficheskii spravochnik / Sost.: T. S. Bargova, E. M. Golubchik. – Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2004. – 127 s. (K 70-letiyu Soyuza pisatelei respubliki Mordoviya)
<https://www.nbrkomi.ru/images/267/doc/9634.pdf> (data obrashcheniya: 18.11.2023).
12. Ocherki istorii mariiskoi literatury. – Chast' II. – Ioshkar-Ola, 1960. – 412 s.
13. Polevoi, B. N. Povest' o nastoyashchem cheloveke. – Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1983. – 319 s.
14. Romanenko, D. Nikolai Egorovich Mordinov // <https://coollib.net/b/579704-nikolay-egorovich-mordinov-vesennaya-pora/read> (data obrashcheniya: 17.11.2023).
15. Sholokhov, M. A. Oni srazhalis' za rodinu: glavy iz romana; rasskazy / Predisl. S. Sholokhovoi; Poslesl. V. Osipova; Illyustratsii Yu. Rebrova. – Moskva: Libereya: Raritet, 1995. – 300 s.
16. Yukhnin, V. V. Alaya lenta: roman / Per. s komi A. Dmitrievoi i avt. – Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 1968. – 439 s.

Typology of Gothic novels by Joseph Sheridan Le Fanu

Kurkina Nadezhda Valer'evna

Postgraduate student, Department of Foreign Literature, N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

603000, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Bolshaya Pokrovskaya str., 37

✉ kurkina-nadya@mail.ru



Men'shchikova Mariya Konstantinovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Foreign Literature, N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

603000, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Bolshaya Pokrovskaya str., 37

✉ menshikova4@yandex.ru



Abstract. Joseph Sheridan Le Fanu is one of the most prominent representatives of the ghost story genre. His works were widely popular not only during the years of their publication, but also many years after.

The subject of research in this article is the problem of creating a genre typology. Based on the material of Gothic novels (collections "Purcell Papers", "In a glass darkly", etc.) by the British writer of the XIX century Joseph Sheridan Le Fanu, the question of the optimal typological criterion is considered, which would allow creating an objective typology, the application of which would be possible when studying the works of other authors of Gothic minor prose of the second half of the XIX – early XX century. The methodological principles underlying this study take into account the achievements of cultural-historical, comparative, and structural-descriptive approaches. The novelty is associated with the absence of such a typology of Le Fanu's short stories, as well as with the fact that researchers prefer the novel form in the writer's work. However, this typology makes it possible to clarify some aspects of the development of Gothic minor prose both in the works of Le Fanu and in the works of other writers of this period. In addition, the typologization of Le Fanu's Gothic novels allows us to

trace in more detail the change in the figurative system of Gothic short prose. Conclusions made as a result of the study: the objective typological criterion can be considered the specifics of the narrator's attitude to the category of the supernatural. Based on this criterion, the classic Gothic novel, the "scientific" Gothic novel, the humorous Gothic novel, the socio-psychological Gothic novel, the folklore-mythological Gothic novel are distinguished in Le Fanu's work.

Keywords: the Victorian era, ghost stories, novella, gothic, supernatural category, narrator, gothic novella, genre typology, english gothic novella, cycle

References (transliterated)

1. Vodolazhchenko N.V. Poetika goticheskoi novellistiki Dzh. Sh. Le Fanyu: na primere tsikla "V zerkale otumanennom": avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.03 / Vodolazhchenko Natal'ya Vasil'evna; Mesto zashchity: Novgorod. gos. un-t im. Yaroslava Mudrogo. – Velikii Novgorod, 2008. 24 s. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/vodolazhchenko-poetika-goticheskoi-novellistiki.htm> (data obrashcheniya: 10.11.22)
2. Gol'tseva A.A. Cheplizodskii tsikl goticheskikh proizvedenii Dzh. Sh. Le Fanyu // Sovremennye problemy literaturovedeniya, lingvistiki i kommunikativistiki glazami molodykh uchenykh: traditsii i novatorstvo. Mezhvuzovskii sbornik. 2019. – S. 53-57.
3. Zykova E.P. Sheridan Le Fanyu i razvitie goticheskogo romana v angliiskoi literature XIX veka // Zabytye i vtorostepennye pisateli XVII-XIX vekov kak yavlenie evropeiskoi kul'turnoi zhizni. 2020. S. 160-164.
4. Kurkina N.V. Zhanrovaya dominanta novellistiki Dzh.Sh. Le Fanyu. Diplomnaya rabota. N.Novgorod: NNGU, 2023. 91 s.
5. Kurkina N.V. Transformatsiya elementov poetiki goticheskoi novelly Dzh. Sheridana Le Fanyu «Karmilla» v ekranizatsii 1972 goda. LITERATURA I PROBLEMA INTEGRATsII ISKUSSTV. sbornik statei. Tom Vypusk 1. Nizhnii Novgorod, 2020. S. 71-80. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45733591> (data obrashcheniya: 05.09.23)
6. Li Khyun Dzhun. «Slilis' naveki»: zhelanie, sub"ektivnost' i ugroza otverzheniya v «Karmille» Sheridana Le Fanyu // Stoker B. Ledi v savane. M.: Enigma, 2012. S. 490-514.
7. Lipinskaya A.A. O krysakh i lyudyakh. Granitsy chelovechnosti v tsikle S.L. Vernera «Voiny Skavenov» // Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully. 2020. № 4 (57). S. 74-79.
8. Le Fanyu Dzh.Sh. Dom u kladbishcha: roman; V tuskloem stekle: povesti, rasskazy. – M.: Inostranka, Azbuka-Attikus, 2019. – 864 s.
9. Timofeeva A.A. Strategii mezh"yazykovoi peredachi lingvisticheskikh sredstv vyrazheniya ponyatiya «sverkh"estestvennogo» (na materiale povesti Dzh.Sh.Le Fanyu «Karmilla» i ee russkoyazychnykh versii) // Aktual'nye problemy angliiskoi lingvistiki i lingvodidaktiki. M., 2018. S. 192-199.
10. Khotinskaya A.I. Transformatsiya obraza romanticheskoi lyubvi v romanakh Dzh.Sheridana Le Fanyu «Dom u tserkovnoi ogrady» i «Dyadya Sailas» // Uchenye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoi lingvistiki. 2016. № 3 (15). S. 41-54.
11. McCormack W.J. Sheridan Le Fanu and Victorian Ireland. – Oxford: Clarendon Press, 1980.
12. Melada I. Sheridan Le Fanu. Boston: Twayne Publishers, 1987.
13. Sullivan J. The English Ghost Story from Le Fanu to Blackwood. Ph.D. Thesis, Columbia

University, 1976.

Structure and functions of the fabulous media narrative of the Instagram social network (using motivating content as an example)

Pavlov Dmitrii Nikolaevich

Postgraduate Student, Department of Journalism, Media Communications and Advertising, A. S. Griboyedov
Moscow University

111024, Russia, Central Federal District, Moscow, Sh. Enthusiastov str., 21

✉ dima2011211@gmail.com



Abstract. The research task set by the authors is based on an attempt to analyze the phenomenon of the media narrative in a structural and functional aspect. The selected material includes publications of a social network banned in the Russian Federation for promoting Instagram photos. For the study, the authors selected three thematically representative accounts (the total number of subscribers is 600 thousand) and five materials containing information about the success stories of various celebrities. The subject side of the analysis includes narrative functions (motives) that can be found in these publications. The relevance of this work lies in the manipulative power of the above-mentioned materials and their ability to bring a person into an active motivated state. It is noted that such materials can carry a psychological and therapeutic function for the viewer. The methodological basis is the narrative theory of V.Y. Propp, which assumes the decomposition of the material into invariant composite blocks necessary for the construction of a media story.

The scientific novelty of the research lies in the need for the presence of such content in the media space. Since the authors of the study provide a universal set of mandatory narrative matrices, bloggers, firstly, get the opportunity to save time when creating publications, and secondly, they get the opportunity to bring the audience into an active motivated state through the success story of a famous personality.

Among the most important conclusions, the authors note the exceptional popularity of the narrative motives of departure, struggle, transfiguration, victory and accession (wedding). They contain the main elements of the narrative. Similarly, the authors note that differences in the creation of materials (videos, texts, illustrative material) do not affect the interest of viewers and do not exclude the above-mentioned fairy-tale motives. Consequently, due to the fact that such materials are highly popular, the authors claim that they have an important social function.

Keywords: medianarrative, manipulation, motivation, publication, content, media, fairytale, narrative, motivation content, invariant

References (transliterated)

1. Pink S. Interv'yu s videokameroi: predstavlenie, samorepresentatsiya i narrativ // CyberLeninka URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intervyu-s-videokameroi-predstavlenie-samorepresentatsiya-i-narrativ> (data obrashcheniya: 20.10.2023).
2. Nagovitsyn A.E., Ponomareva V.I. Skazkoterapiya: teoriya i praktika. Tipologiya skazki. M.: Genezis, 2011. 336 s.
3. Propp V.Ya. Voprosy poetiki. Morfologiya skazki. SPb.: ACADEMIA, 1928. – 152 s.

4. Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoi skazki. – M.: Labirint, 2005. – 332 s.
5. Abul'khanova K.A. Psikhologiya i soznanie lichnosti (Problemy metodologii, teorii i issledovaniya real'noi lichnosti): Izbrannye psikhologicheskie trudy. – M.: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, 1999. – 224 s.
6. Miroshnik M.A. Osobennosti formatov internet-veshchaniya // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2019. №34. S. 179-183.
7. Zhenshchina. Lyubov'. Istoriya // instagram URL: https://instagram.com/tres_mamas_notes?igshid=NGVhN2U2NjQ0Yg== (data obrashcheniya: 10.10.2023).
8. Istoriya uspekha Natal'i Vodyanovoi // instagram URL: <https://www.instagram.com/reel/CxaoraBoYHS/?igshid=MzRIODBiNW FIZA==> (data obrashcheniya: 10.10.2023).
9. Lyashenko D.N. Semioticheskoe modelirovanie real'nosti. Odessa: Pechatnyi dom, 2015. – 168 s. 35. Samsonova E. Roli, kotorye igrayut lyudi. Sygrai zhizn' po svoim pravilam. – SPb: Piter, 2013. – 256 s.
10. Vse mogut koroli // instagram URL: <https://www.instagram.com/p/CyLjfycoCsR/?>
11. Slozhnye veshchi prostymi slovami // instagram URL: <https://instagram.com/temich1121?igshid=NGVhN2U2NjQ0Yg==> (data obrashcheniya: 15.10.2023).
12. Istoriya uspekha Mary Kay // instagram URL: <https://www.instagram.com/reel/Cy08VHosRVR/?igshid=MzRIODBiNW FIZA==> (data obrashcheniya: 15.10.2023).
13. Bugaeva L.D. Narrativ, media i emotsii // Russkii sled v narratologii: mater. mezhdunarodnoi nauch.-praktich. konf. 2012. S. 12-16.
14. Istoriya uspekha Chzhou Tsyun'fei // instagram URL: <https://www.instagram.com/reel/CyIdWEGsRGt/?igshid=MzRIODBiNW FIZA==> (data obrashcheniya: 19.10.2023).
15. Istoriya. Fakty. Foto // instagram URL: https://instagram.com/history___facts_?igshid=NGVhN2U2NjQ0Yg== (data obrashcheniya: 19.10.2023).
16. Bozhovich L.I. Problemy formirovaniya lichnosti. Izbrannye psikhologicheskie trudy. 3-e izd. M.: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, 2001. S. 183.
17. Samsonova E. Roli, kotorye igrayut lyudi. Sygrai zhizn' po svoim pravilam. – SPb: Piter, 2013. – 256 s.
18. Volkova E.G. Kognitivnyi mekhanizm evolyutsii zhanra skazki // Prepodavatel' KhKhI vek. 2009. №4-2. S. 285-289.
19. Sokolov D.Yu. Skazka i skazkoterapiya. M.: EKSMO-Press, 2001. 304 s.
20. Mamurkina O.V. Teoriya narrativa v sovremennom literaturovedenii // Tsarskosel'skie chteniya. 2011. №15. S. 226-230.

Reflections on Chinese studies of Russian women's prose

Chai Li 

Postgraduate student, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University

690950, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Ajax str., 10

✉ 847743692@qq.com

Abstract. The active development of women's prose is an important phenomenon in world

literature. After the 1980s, a large number of works by Russian writers were translated in China, which attracted more attention of Chinese Russian scholars. The subject of the research is the historical and cultural prerequisites for the study of Russian women's prose in China and the current state of research on this prose. The relevance of the article can be determined by the fact that with the rapid changes in the socio-cultural environment, the study of women's prose in China gradually demonstrates a systematic and interdisciplinary growing trend, thanks to which it is possible to take a fresh look at the study of Russian women's prose in China. Russian writers' main translated works and the main studies of Chinese scientists on Russian women's prose, published since 1942 to the present, are the material of the study. The research method is the analysis of review materials and generalization of philology researches opinions. The author's special contribution to the research of the topic is the answers received to questions about the context, development, current state and directions of studying Russian women's prose in China. Conclusions are drawn that 1992 is an important moment, before that Chinese scientists mainly paid attention to the translation of foreign women's literature, including Russian, after 1992, through a practical analysis of Western feminist theories in literary studies, Chinese researchers proposed the concept of "soft feminism", which influenced the development of women's prose in China, which led to attention to the inner world of a woman, her role not only in the family, but also in culture and history.

Keywords: soft feminism, feminist theory, literary criticism, translation, perception of literature, literary process, literary communication, Chinese Russian studies, Russian women's prose, intercultural communication

References (transliterated)

1. Van Yan'pin. Rasprostranenie i razvitie zapadnoi feministskoi literaturnoi kritiki v Kitae // Issledovaniya v oblasti uchebnykh programm i obrazovaniya. (王艳萍. 西方女性主义文学批评在中国的传播和发展 // 课程教育研究). 2017. №27. S. 235-236.
2. Vei E. Vliyanie perevody inostrannoi literatury na sovremennuyu kitaiskuyu literaturu v period «Dvizheniya 4 maya» // Molodezh' Vostoka - prepodavatel'. (韦骅. 五四时期外国文学翻译对中国现代文学的影响 // 东方青年·教师). 2013. №9. S. 237-238.
3. Daniel Khoffman. Per: Van Fenchzen', Shao Minzhui. Sovremennaya amerikanskaya literatura. Pekin: Kitaiskaya izdatel'skaya korporatsiya «Literaturno-khudozhestvennyi soyuz», 1984. 922 s. (丹尼尔·霍夫曼. 编辑:王逢振, 邵明瑞. 美国当代文学). 北京: 中国文艺联合出版公司, 1984. 922 s.
4. Duan' Litszyun'. Soprotivlenie i pokornost': feministskaya interpretatsiya romanov L. Petrushevskoi. Kharbin: Kheiluntszyanskoe narodnoe izdatel'stvo, 2008. 222 s. (段丽君. 反抗与屈从: 彼得鲁舍夫斯卡娅小说的女性主义解读). 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2008. 222 s.
5. Li Khuan'si. Otkrytie zhenskoi prozy v perspektive plyuralizma i simbioza: obzor 16-go Simpoziuma po kitaiskoi zhenskoi prozy. // Vestnik Kitaiskogo zhenskogo kolledzha. (李沅羲. 在多元共生视域中打开女性文学--第十六届中国女性文学学术研讨会综述 // 中华女子学院学报). 2023. №2. S. 95-100.
6. Lin' Shumin. Zhenskoe literaturovedenie, gendernaya poetika i sotsiologicheskaya teoriya // Sotsial'nye nauki Guichzhou. (林树明. 女性文学研究、性别诗学与社会学理论 // 贵州社会科学). 2007. №12. S. 39-42.
7. Lyu Lisyu. Istoriya zhenskoi perevodnoi literatury v novoi epokhe // Peredovye otrasli zarubezhnykh sotsial'nykh nauk. (刘丽霞. 关于近代女性翻译文学的文学史梳理 // 国外社会科学前沿). 2021. №10. S. 87-99.

8. Lyu Sytsyan'. Voskhozhdenie k «antropologii» - Tvorchestvo Lyu Sin'vu // Oktyabr'. (刘思谦. 向“人学”攀登 - 谈刘心武的小说创作 // 十月). 1981. №5. S. 219.
9. Lyu Sytsyan'. Sovremennost' kitaiskoi zhenskoi literatury. // Literaturovedenie. (刘思谦. 中国女性文学的现代性 // 文艺研究). 1998. №1. S. 89-100.
10. Lyu Sytsyan'. Zhenskaya proza: zhenshchina peredovogo obraza myslei, traditsionnaya zhenshchina, feminizm i feministicheskaya literaturnaya kritika. // Yuzhnye literaturnye krugi. (刘思谦. 女性文学: 女性·妇女·女性主义·女性主义文学批评 // 南方文坛). 1998. №2. S. 15-17.
11. Lyu Sytsyan'. Kontseptsiya «zhenskoi literatury» // Vestnik Nan'kaiskogo universiteta (Seriya «filosofiya i sotsial'nye nauki»). (刘思谦. 女性文学这个概念 // 南开学报(哲学社会科学版)). 2005. №2. S. 1-6.
12. Mo Limin'. Literaturnaya kritika zhenshchin v Drevnem Kitae // Zhurnal «Tyan' Fu Sin' Lun'». (莫立民. 中国古代女性的文学批评 // 天府新论). 2009. №3. S. 149-153.
13. Sun' Meilin'. Fotoal'bom russkoi zhenskoi literatury. // Russkaya literatura. (孙美玲. 俄罗斯女性文学翼影录 // 俄罗斯文艺). 1995. №2. S. 47-53.
14. Khuan Pin, E Yanli. Literaturnye krugi novogo perioda pered chetvertym Kongressom deyateli literatury i iskusstva // Svobodnoe literaturovedcheskoe sopernichestvo. (黄平, 叶杨莉. 四次文代会之前的新时期文坛 // 文艺争鸣). 2019. №1. S. 44-50.
15. Tszuyan'. Dinamika mirovoi literatury // Mirovaya literatura. (涓. 世界文学动态 // 世界文学). 1995. №2. S. 309.
16. Tsui Chzhe, Gon Fan. Vliyanie «Dvizheniya 4 maya» na khudozhestvennyi obraz sovremennoi kitaiskoi zhenskoi literatury // Literaturnaya kritika - Sovremennaya literatura. (崔哲, 宫芳. 论五四运动对中国现代女性文学形象的影响 // 文学评论·现当代文学). 2019. №20. C. 34-35.
17. Tsyao Igan. Distsiplinarnoe postroenie zhenskoi prozy // Universitet Nankai (Seriya «filosofiya i sotsial'nye nauki») (乔以钢. 论女性文学的学科建设 // 南开大学(哲学社会科学版)). 2003. №2. S. 104-111.
18. Chen' Fan. Sovremennaya russkaya zhenskaya proza. Pekin: Izdatel'stvo Kitaiskogo narodnogo universiteta, 2007. 241 s. (陈方. 当代俄罗斯女性小说研究). 北京: 中国人民大学出版社, 2007. 214 s.
19. Chzhan Tszinyuan'. Sovremennaya feministiskaya literaturnaya kritika. Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta, 1992. 443 s. (张京媛. 当代女性主义文学批评). 北京: 北京大学出版社, 1992. 443 s.
20. Chzhu Khun. Khrestomatiya rasskazov amerikanskikh pisatel'nits. Pekin: Izdatel'stvo kitaiskikh sotsial'nykh nauk, 1983. 557 s. (朱虹. 美国女作家短篇小说选). 北京: 中国社会科学出版社, 1983. 557 s.
21. Yan Shaotszyun', Go Tszyan'pin'. Obsuzhdenie o zhenskoi proze v 1990-e gg. // Vestnik Vostochno-Kitaiskogo politekhnicheskogo universiteta (Seriya «sotsial'nye nauki»). (杨绍军, 郭建斌. 论90年代的女性主义文学 // 华东理工大学学报(社会科学版)). 1999. №4. S. 69-73.
22. Yui Done. Feministskaya literaturnaya teoriya v Kitae: Dis. ... kand. filol. nauk. - Suchzhouskii universitet, 2003. 118 s. (于东晔. 女性主义文学理论在中国. 博士论文). 苏州大学. 2003. 118 s.

Zaripova Diana Aleksandrovna

Postgraduate student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, building 51

✉ diana.ser.sar96@gmail.com



Lukashevich Natal'ya Valentinovna

Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Moscow, Leninskie Gory microdistrict, 1, building 51, room 953

✉ louk_nat@mail.ru



Abstract. Word Sense Disambiguation (WSD) is a crucial initial step in automatic semantic analysis. It involves selecting the correct sense of an ambiguous word in a given context, which can be challenging even for human annotators.

Supervised machine learning models require large datasets with semantic annotation to be effective. However, manual sense labeling can be a costly, labor-intensive, and time-consuming task. Therefore, it is crucial to develop and test automatic and semi-automatic methods of semantic annotation. Information about semantically related words, such as synonyms, hypernyms, hyponyms, and collocations in which the word appears, can be used for these purposes.

In this article, we describe our approach to generating a semantically annotated collocation corpus for the Russian language. Our goal was to create a resource that could be used to improve the accuracy of WSD models for Russian. This article outlines the process of generating a semantically annotated collocation corpus for Russian and the principles used to select collocations. To disambiguate words within collocations, semantically related words defined based on RuWordNet are utilized. The same thesaurus is also used as the source of sense inventories. The methods described in the paper yield an F1-score of 80% and help to add approximately 23% of collocations with at least one ambiguous word to the corpus. Automatically generated collocation corpuses with semantic annotation can simplify the preparation of datasets for developing and testing WSD models. These corpuses can also serve as a valuable source of information for knowledge-based WSD models.

Keywords: Sense Inventory, Collocation Corpus, Automatic Corpus Generation, Semantic Annotation, Word Sense Disambiguation, Automatic Semantic Analysis, Natural Language Processing, Related Words, SyntagNet, Thesaurus

References (transliterated)

1. Pu X., Pappas N., Henderson J., Popescu-Belis A. Integrating Weakly Supervised Word Sense Disambiguation into Neural Machine Translation // Transactions of the Association for Computational Linguistics. 2018. V. 6. Pp. 635-649.
2. Biloshmi R., Pasini T., Campolungo N., Banerjee S., Navigli R., Pasi G. IR like a SIR: Sense-enhanced Information Retrieval for Multiple Languages // Proceedings of the 2021 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. 2021. Pp. 1030-1041.
3. Seifollahi S., Shajari M. Word Sense Disambiguation Application in Sentiment Analysis of News Headlines: an Applied Approach to FOREX Market Prediction // Journal of

- Intelligent Information Systems. 2019. V. 52. Pp. 57-83.
4. Maru M., Scozzafava F., Martelli F., Navigli R. SyntagNet: Challenging Supervised Word Sense Disambiguation with Lexical-semantic Combinations // Proceedings of the 2019 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. 2019. Pp. 3534-3540.
 5. Yarowsky D. One Sense per Collocation // Proceedings of the Workshop on Human Language Technology. 1993. Pp. 266-271.
 6. Martinez D., Agirre E. One Sense per Collocation and Genre/Topic Variations // 2000 Joint SIGDAT Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing and Very Large Corpora. 2000. Pp. 207-215.
 7. Leech G.N. 100 Million Words of English: the British National Corpus (BNC) // Language Research. 1992. No. 28(1). Pp. 1-13.
 8. Haveliwala T.H. Topic-sensitive PageRank // Proceedings of the 11th International Conference on World Wide Web. 2002. Pp. 517-526.
 9. Agirre E., López de Lacalle O., Soroa A. Random Walks for Knowledge-based Word Sense Disambiguation // Computational Linguistics. 2014. V. 40. No. 1. Pp. 57-84.
 10. Yuan D., Richardson J., Doherty R., Evans C., Altendorf E. Semi-supervised Word Sense Disambiguation with Neural Models // Proceedings of COLING. 2016. Pp. 1374-1385.
 11. Bolshina A., Loukachevitch N. Monosemous Relatives Approach to Automatic Data Labelling for Word Sense Disambiguation in Russian // Linguistic Forum 2020: Language and Artificial Intelligence. 2020. Pp. 12-13.
 12. Kirillovich A., Loukachevitch N., Kulaev M., Bolshina A., Ilvovsky D. Sense-Annotated Corpus for Russian // Proceedings of the 5th International Conference on Computational Linguistics in Bulgaria (CLIB 2022). 2022. Pp. 130-136.
 13. Loukachevitch N., Lashevich G., Gerasimova A., Ivanov V., Dobrov B. Creating Russian WordNet by Conversion // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual Conference "Dialogue". 2016. Pp. 405-415.
 14. Liu X.Y., Zhou Y.M., Zheng R.S. Measuring Semantic Similarity in WordNet // 2007 International Conference on Machine Learning and Cybernetics. 2007. V. 6. Pp. 3431-3435.
 15. Mikolov T., Sutskever I., Chen K., Corrado G., Dean J. Distributed Representations of Words and Phrases and their Compositionality // Advances in Neural Information Processing Systems. 2013. V. 26. Pp. 3111-3119.
 16. Kutuzov A., Kuzmenko E. WebVectors: a Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models // Analysis of Images, Social Networks and Texts: 5th International Conference, AIST 2016, Revised Selected Papers 5. Springer International Publishing. 2017. V. 661. Pp. 155-161.
 17. Bojanowski P., Grave E., Joulin A., Mikolov T. Enriching Word Vectors with Subword Information // Transactions of the Association for Computational Linguistics. 2017. V. 5. Pp. 135-146.
 18. Devlin J., Chang M.W., Lee K., Toutanova K. BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding // Proceedings of NAACL-HLT. 2019. V. 1. Pp. 4171-4186.

"Sheklyanur text" in the novel by Yivan Osmin "Between Heaven and Earth"



Kudryavtseva Raisiya Alekseevna

Doctor of Philology

Professor of the Department of Finno-Ugric and Comparative Philology at Mari State University

424002, Russia, Respublika Mari El, g. Ioshkar-Ola, ul. Kremlevskaya, 44, kab. 503

✉ kudsebs@rambler.ru

Abstract. This article is prepared as part of the study of the actual problem of local supertext in the literature. It examines the "Sheklyanur text" of the documentary-fiction (autobiographical, memoir) novel by the Mari writer Yivan Osmin "Kava den mlande koklashte" ("Between Heaven and Earth"). The author identifies, describes and analyzes the main components of the "Sheklyanur text" (the problems tied to the Sheklyanur plot line and the Sheklyanur part of the biography of the central character acting as a narrator, the system of characters and events, descriptions, administrative and geographical realities, ethnographic scenes and details, language features), their place in the artistic structure of the novel and also highlights the historical context of the "Shakespearean text", most clearly visible in its ring composition and having a dramatic and tragic orientation. The methodological basis of the research is the historical-genetic method and the structural-semantic analysis of the work. They made it possible to identify and adequately interpret the meaningful lines of the "Shakespearean text" to the maximum extent, to describe the key elements of its poetics. Yyvan Osmin's novel "Between Heaven and Earth" for the first time in regional and Russian science has become the object of special analysis, it is studied in the context of the actual, almost unexplored in Mari philology problem of local overtext in literature. The "Sheklyanur text" of the novel is considered as a focus of information about the specific aspects of the village of Sheklyanur (as a socio-cultural space) of the mid-1930s, sustained within the framework of an artistic and documentary (memoir, autobiographical, primary) narrative. The "Sheklyanur text" is filled with memorable everyday scenes of a personal and social nature, which, together with open ethnographic elements, recreate pictures of the Mari world and some features of its manifestation in a particular place of residence of Mari. The exceptional signs of the "Shakespearean text" were the authentic names of real characters, their destinies, topographical and administrative-economic realities, lexical features of the narrator's speech.

Keywords: Sheklyanur text, Chronicle composition, local text, artistic structure, Artistic documentalism, Autobiographical novel, Ivan Osmin, poetics, novel, Mari literature

References (transliterated)

1. Altaiskii tekst v russkoi kul'ture. Vyp. 1. Barnaul, 2002. 131 s.
2. Altaiskii tekst v russkoi kul'ture. Vyp. 2. Barnaul, 2004. 214 s.
3. Altaiskii tekst v russkoi kul'ture. Vyp. 3. Barnaul, 2006. 236 s.
4. Galimova E.Sh. Severnyi tekst v sisteme lokal'nykh (gorodskikh i regional'nykh) sverkhstekstov russkoi literatury // URL: https://narfu.ru/ifmk/cen_lab/ntext/files/galimova.pdf (data obrashcheniya: 20.10.2023).
5. Koshelev V.A. «Severnyi tekst» v russkoi slovesnosti // Severnyi tekst v russkoi kul'ture: materialy mezhd. konf. (Severodvinsk, 25–27 iyunya 2003 g.) / Pomorskii un-t. Arkhangel'sk, 2003. S. 5–12.
6. Kuz'min G.V. «Morkinskii tekst» v mariiskoi proze (k postanovke problemy) // Litera. 2018. № 3. S. 22–27.

7. *Kuz'min G.V.* V. Osipov-Yarchan synymutyshtyzho «morko tekst» (problematiche iodysh) // Problemy mariiskoi i sravnitel'noi filologii: sb. statei / Mar. gos. un-t. Ioshkar-Ola, 2017. S. 150–152.
8. Kuchki (Kuchkasola), derevnya // URL: http://aboutmari.com/wiki/Kuchki_%28Kuchkasola%29%2C_derevnya (data obrashcheniya: 30.10.2023).
9. *Lyusyi A.P.* Krymskii tekst russkoi kul'tury i problema mifologicheskogo konteksta: dis. ... kand. kul'turologii. M., 2003. 188 s.
10. *Mints Z.G.* «Peterburgskii tekst» i russkii simvolizm // URL: <http://www.ruthenia.ru/mints/papers/pbtekst.html> (data obrashcheniya: 13.10.2023).
11. *Osmin Iyvan.* Kava den mlande koklashte: roman. 1-she den 2-sho kniga-vlak. Ioshkar-Ola: Marii kniga savyktysh, 1996. 264 s.
12. Poselok Krasnooktyabr'skii // Marii El. Vsyas respublika na odnom saite. URL: <http://www.12rus.ru/List/27/1428> (data obrashcheniya: 10.10.2023).
13. *Prokhorova L.S.* Londonskii gorodskoi tekst russkoi literatury pervoi treti KhIKh veka: dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2005. 194 s.
14. Sibirskii tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve: kollekt. monografiya. Krasnoyarsk, 2010. 237 s.
15. Sibirskii tekst v russkoi kul'ture: sb. st. Tomsk, 2002. 270 s.
16. Sibirskii tekst v russkoi kul'ture: sb. st. Vyp. 2. Tomsk, 2007. 237 s.
17. *Starygina N.N., Kudryavtseva R.A.* Mariiskii natsional'nyi tekst v russkikh perevodakh (na materiale stikhotvorenii Gennadiya Oyara) // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2023. T. 20. № 2. S. 283–297.
18. *Tyupa V.I.* Mifologema Sibiri: k voprosu o «sibirskom tekste» russkoi literatury // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2002. № 1. S. 27–35.

Genres of Old Provençal poetry in the Works of Italian Troubadours: Reception and Interpretation

Saprykina Olga Aleksandrovna

Doctor of Philology

Professor at the Department of Iberian Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 51

✉ olgasaprykina@mail.ru



Shkolnikova Olga Yurievna

Doctor of Philology

Professor at the Department of Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 51

✉ shkolnikova@icloud.com



Abstract. This article is devoted to the study of the development of Old Provençal poetry in Italy in the 12th-13th centuries. Using specific examples from the work of early Italian troubadours (Peire de la Caravana, Peire de la Mula, Sordello, Lanfranco Cigala, etc.), the authors examine in detail such aspects of the topic as the reception and interpretation of the tradition of Old Provençal poetry. Of all the genres of poetry in the works of Italian

troubadours, the most developed are the "political" and "social" ones – sirventes and tenso, which should be seen as an intensification of the participation of poets in the social and political life of Italy. All this can be studied by reflection in poetic creativity of the 12th-century and 13th-century Italian troubadours. In this regard, the authors of the article pay special attention to poetic works belonging to these two genres. The relevance of this study lies in a comprehensive linguistic, literary and historical approach to the consideration of the issue. The use of such an integrated approach allows to identify the main trends in the development of Provençal poetry, reasons associated with the historical context, as well as linguistic diversification associated with the choice of a particular genre. The authors come to the conclusion that the repertoire of poetic genres and the choice of language in which poetry is created changes depending on the dynamics of social and cultural conditions. The large number of sirvent and tenson is an important observation, indicating the presence of a social cultural context and space in which such political and satirical works and "impromptu" debates on a variety of topics were in demand. These genres will receive their further development in the history of Italian literature.

Keywords: tenso, sirventes, Sicilian School, Italian troubadours, Italy, Occitan, Old Provençal poetry, reception, interpretation, medieval poetry

References (transliterated)

1. Alisova T.B., Pluzhnikova K.N. Staroprovansal'skii yazyk i poeziya trubadurov. M.: MAKSS Press, 2011.
2. Ivanov K.A. Trubadury, truvery, minnezinyery. M.: Lomonosov", 2014.
3. Bertoni G. I trovatori d'Italia. Biografie, testi, traduzioni, note. Modena: Orlandini, 1915.
4. Cannetieri P. Il gioco delle forme nella lirica dei trovatori. Roma: Bagatto, 1996.
5. Di Luca P., Annunziata F.S., Grimaldi P. L'Italia dei trovatori: per un nuovo repertorio delle poesie occitane relative alla storia d'Italia. Roma: Viella, 2017.

The role of technology in United States' modern sports journalism

Zemskov Maksim Denisovich

Postgraduate Student, Department of Theory and History of Journalism, Peoples' Friendship University of Russia
141007, Russia, Myishchi, 2nd Shchelkovsky ave., 5

✉ maks.zemskov.98@gmail.com



Abstract. The article examines the role of technology in modern sports journalism in the USA. It describes how sports media are being modified under the influence of new technologies. And also the application of technologies in each of the four major sports leagues of the USA is considered separately.

The object of study in the article is sports journalism in the USA.

The subject of the study is the role of technology in modern journalism, which is further considered on the example of sports journalism in the USA. The purpose of the work is to study the impact of technology on modern sports journalism.

The general scientific descriptive-analytical method and comparative method were used as the

main research method. The novelty of the research lies in the fact that for the first time the role of technology in modern sports journalism in the USA is being investigated. New Internet platforms that help sports journalists collect analytical data are considered. It also describes the use of virtual and augmented reality in the major sports leagues of the United States of America.

Technology plays a huge role in modern sports journalism in the USA. They not only allow you to expand the reach of the audience and create more accurate materials, but also provide new methods of interacting with readers. Journalists actively use innovations to be closer to their audience and give them new impressions.

Keywords: artificial intelligence, augmented reality, Internet resources, USA sports leagues, sports content, social networks, virtual reality, big data journalism, sports journalism, Modern technologies

References (transliterated)

1. Alekseev, K. A. Osnovy sportivnoi zhurnalistiki / K. A. Alekseev, S. N. Il'chenko. – M.: Aspekt Press, 2016. – 240 s.
2. Boguslavskaya, V. V. Modelirovanie teksta: lingvosotsiokul'turnaya kontseptsiya. Analiz zhurnalisticheskikh tekstov: monografiya / V. V. Boguslavskaya. – M.: LKI, 2013. – 280 s.
3. Varatnov, S. A. Bol'shie dannye v onlain-SMI: podkhody i strategii ispol'zovaniya // Mediascope. 2017. Vyp. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2375>
4. Vasil'eva, T. V., Osinskii V. G., Petrov G. N. Kurs radiotelevizionnoi zhurnalistiki: ucheb. posobie. SPb., 2004.
5. Voitik, E. A. Sportivnaya mediakommunikatsiya: problematika strukturizatsii // Zhurnalisticheskii ezhegodnik. 2012. S. 109-112.
6. Danilova, M. N. Sport kak mediakommunikatsionnyi fenomen // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. – 2018. – № 3. – S. 519-538.
7. Zodorov, A. I. Sotsial'naya problematika sportivnoi zhurnalistiki // Vestnik VolGU. Seriya 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2019. №1. S. 53-58.
8. Il'chenko, S. I. Sovremennye audiovizual'nye SMI: novye zhanry i formy veshchaniya. SPb., 2006.
9. Mikhailov, S. A., Mostov A. G. Sportivnaya zhurnalistika: Ucheb, posobie. SPb., 2005.
10. Sharkov, F. I. Sportivnaya zhurnalistika v sisteme sovremennoi mediakommunikatsii // Kommunikologiya. 2018. №4. S. 60-75.
11. Shishigin, M. V. Sport. Informatsiya. M., 1974.
12. Shuster, O. S. Sredstva massovoi informatsii i sport. SPb., 1998.

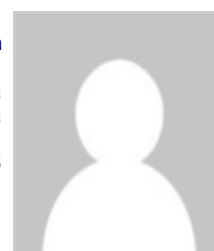
Using a non-verbal way of transmitting information in the genre of video essay

Mashaev Malaik Said-Magomedovich

Postgraduate Student, Department of Theory and History of Journalism, Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow region, Moscow, ul. miklukho-Maklaya, 6

✉ malaikmashaev@gmail.com



Bazanova Anna Evgen'evna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Theory and History of Journalism, Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow region, Moscow, ul. mikiukho-Maklaya, 6

✉ bazanova_ae@pfur.ru



Abstract. The rapid development of the global network and new technologies has led to the update of the system of film criticism genres. Writers of journalistic works on modern video hosting sites rely heavily on visual images to fully reveal the topic. The ability to work with editing and sound accompaniment becomes an important skill for a film critic. The subject of the research is non-verbal means of transmitting information in audiovisual essays. The origins and features of the genre that originated from the printed essay are analyzed. The definition of the phenomenon of "transimagery" is given, which implies the emergence of new images on the basis of existing ones. The content of narrative and poetic videos on the Every Frame a Painting channel is considered in detail. The relevance of the study is due to the growing popularity of the phenomenon of the audiovisual essay and the low level of knowledge of this genre of film criticism. The novelty lies in the fact that the video essay is a relatively young genre. There is a lack of studies both in foreign and domestic scientific practice. Our article offers a theoretical understanding of the features of an audiovisual essay. It is concluded that the unique features of the video essay cannot be reproduced in traditional textual forms of film criticism. The creation of new visual images contributes to the possibility of explaining phenomena that could not be explained in the form of text. The results of the study can be used by scientists in the field of mass communication, journalism and film criticism.

Keywords: new media, editing, film criticism, film journalism, Internet, visual images, video, audiovisual essays, online media, journalism

References (transliterated)

1. Glazkova E.A. Gibrinnye zhanry kino-i videoesse v sovremennom ekrannom prostranstve: istoriya, osobennosti i perspektivy // Universitetskii nauchnyi zhurnal. 2016. C. 234-243.
2. Ogurtsov A.N. Osnovy nauchnykh issledovaniy: Ucheb.-metod. posobie // Khar'kov: NTU. 2008. 178 s.
3. Tikhonova Yu. V. Zhanr esse v sovremennom prelomlenii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2017. № 19. C. 69-79.
4. Epshtein M.N. Esse ob esse. 1982. [Elektronnyi resurs] URL: http://www.emory.edu/INTELNET/esse_esse.html (data obrashcheniya: 22.06.2023).
5. Baker U. Beyin Ekran // Istanbul : Birikim Yayınları. 2015. 364 p.
6. Battaglia J. Everyone's a Critic: Film Criticism Through History and Into the Digital Age // New York: The College at Brockport. 2010. 49 p.
7. Bernstein P. What is a Video Essay? Creators Grapple with a Definition. 2016. [Elektronnyi resurs] URL: <https://filmmakermagazine.com/98248-what-is-a-video-essay-creators-grapple-with-a-definition/#.YAmacl4zbcu> (data obrashcheniya: 24.04.2023).
8. Every Frame a Painting. Hollywood Scores & Soundtracks: What Do They Sound Like?

- Do They Sound Like Things?? Let's Find Out! 2016. [Elektronnyi resurs] URL: https://www.youtube.com/watch?v=IEfQ_9DIItI&t (data obrashcheniya: 22.06.2023).
9. Every Frame a Painting. The Marvel Symphonic Universe. 2016. [Elektronnyi resurs] URL: www.youtube.com/watch?v=7vfqkvwW2fs&t (data obrashcheniya: 22.06.2023).
10. Grant S. The Audiovisual Essay as Performative Research // NECSUS European Journal of Media Studies. 2016. No. 5 (2). Pp. 255-265. doi:10.25969/mediarep/3370.
11. Gürkan İ. Film Çalışmalarında Eleştirinin Dönüşümü: Görsel-İşitsel Denemeler (Audiovisual Essay) / İ. Gürkan // Sinefilozofi, 2019. No. 4 (8). Pp. 284-303. doi:10.31122/sinefilozofi.633100
12. Keathley C. Notes on cinematography and cinephilia // La camerastylo. 2011. Pp. 176-191.
13. Langer S.K. Problems of Art: Ten Philosophical Lectures // New York: Charles Scribner's Sons, 1957. 184 p. ISBN 0-02-367510-1.
14. McWhirter A. Film criticism, film scholarship and the video essay // Screen. 2015. Vol. 56. No. 3. Pp. 369-377.
15. Sendra E. Video Essays: Curating and Transforming Film Education through Artistic Research»/ E. Sendra // International Journal of Film and Media Arts. 2020. Vol. 5. No. 2. Pp. 369-377.
16. Turkgeldi K. Thinking of Video Essays as A Performative Research With A New Concept: Transimage // SineFilozofi. 2021. No. 6 (11). Pp. 812-825. doi:10.31122/sinefilozofi.823234.
17. Zhou T. Postmortem: Every Frame a Painting. 2017. [Elektronnyi resurs] URL: <https://medium.com/@tonyszhou/postmortem-1b338537fab> (data obrashcheniya: 24.04.2023)

Translator's "Visibility": E. Teza and His Translation of Pushkin's "The Undertaker"

Vigna-Taglianti Jacopo

Senior Educator, Department of Russian and Foreign Languages, Russian State Agrarian University - Moscow Timiryazev Agricultural Academy

127434, Russia, Moscow, ul. Timiryazevskaya, 49

✉ jacopo.vignataglianti@gmail.com

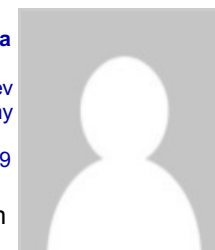


Sidorova Elizaveta Nikolaevna

Educator, Department of Russian and Foreign Languages, Russian State Agrarian University - Moscow Timiryazev Agricultural Academy

127434, Russia, Moscow, ul. Timiryazevskaya, 49

✉ elizavetasidorova5@gmail.com



Abstract. The article deals with the issue of translator's "visibility" using the translation of Pushkin's short story "The Undertaker" published by Emilio Teza in the literary journal "Ateneo Veneto" in 1884 as an example. This translation was chosen for two main reasons: firstly, its historical meaning for intercultural relations between Russia and Italy as the first Italian translation of Pushkin's short story; secondly, its translator – a well-known academician from the late 1800s, whose research concerned different areas of philology, linguistics, and

comparative studies, as well as translation. As a result, despite then-predominant domesticating strategies, different elements in the target text reflect Teza's personality and thus prove his "visibility". The research started from the scrutiny of the translator's biography, allowing the contextualization of this translation at a precise moment in Teza's life. Through the contrastive analysis of the source and the texts several translologically relevant units were identified. Afterwards, the translation strategies and shifts applied in their rendering into Italian were analysed. The scientific novelty lies in the application of such analysis to a previously unstudied text. The research led to the following conclusions: in the rendering of Russian realia, the target text is characterized by an overall domesticating strategy, typical of late-1800s translations and often correlated to the concept of translator's "invisibility". However, the presence of detailed footnotes reflects Teza's personality as an ethnographer, thus making him "visible". The presence of Tuscan dialectal forms in the target text hints at the translator's biography, who in 1884 was living in Pisa. In addition, an example of linguistic interference from Serbian can be seen as a reference to Teza's multilingualism. Therefore, it was proven that the translator's personality can become "visible" by thoroughly analyzing linguistic features and translation shifts.

Keywords: translation analysis, translation criticism, contrastive analysis, translation history, domesticating translation, translation strategies, translation shifts, translation of realia, translator visibility, Italian language

References (transliterated)

1. Progozhin N.P. Perevodchik Pushkina Chezare Bochchella // Vremennik Pushkinskoi kommissii, 1978. L.: Nauka. Leningr. Otd-nie, 1981.
2. Baselica G. Alla scoperta del «genio russo» // Rivista tradurre. 2011. No. 0. URL: <http://rivistatradurre.it/2011/04/tradurre-dal-russo-2/>
3. Jampol'skaja A. Concorrenti o colleghi? Osservazioni sulle traduzioni italiane della letteratura russa // Quaderno del Dipartimento di Letterature Comparete – Università di Roma Tre. 2006. No. 2.
4. Teza E. Una novella di A. Pus'kin: L'appaltatore di bare; notizia letteraria / Ateneo Veneto. 1884. Serie VIII, vol. I.
5. Newmark P. Approaches to Translation. Oxford: Pergamon Press, 1981.
6. Venuti L. The Translator's Invisibility. A History of Translation. New York: Routledge, 1995.
7. Crescini V. Emilio Teza; segue la bibliografia del Teza a c. di C. Frati. Venezia: C. Ferrari, 1914.
8. Pascucci E. Note ad alcune traduzioni del Grobovščik di A.S. Puškin // Studi in onore di Ettore Lo Gatto; a c. di A. D'Amelia. Roma: Bulzoni, 1980.
9. Venuti L. The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference. London – New York: Routledge, 1998.
10. Pym A. Venuti's Visibility // Target. 1996. Vol. 8, No. 1.
11. Arrojo R. The "death" of the author and the limits of the translator's visibility // Translation as Intercultural Communication: Selected papers from the EST Congress, Prague 1995; ed. by M. Snell-Hornby, Z. Jettmarová and K. Kaindl. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 1997.
12. Sheriff K.M. Reviewing Translations: Translator's Invisibility Revisited // Translation Today. 2008. Vol. 5, No. 1-2.
13. Emmerich K.R. Visibility (and invisibility) // Handbook of Translation Studies, vol. 4;

- ed. by Y. Gambier, L. Van Doorslaer. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2013.
14. Zhang Q. Translator's Voice in Translated Texts // Journal of Literature and Art Studies. 2016. Vol. 6, No. 2.
 15. Laaksonen J., Koskinen K. Venuti and the Ethics of Difference // The Routledge Handbook of Translation and Ethics; ed. by K. Koskinen and N.K. Pokorn. New York: Routledge, 2021.
 16. Klyushin P.V. Neskol'ko slov ob etike perevodchika // Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. Filologicheskie nauki. 2021. T. 2, № 1.
 17. Corbett J. Now you see 'em: the visibility of Scots translators // Cadernos de Tradução. 1999. No. 1(4).
 18. Voinich I.V. Strategiya perevoda i "vidimost'" / "nevidimost'" perevodchika (na materiale russkoyazychnykh perevodov tragedii V. Shekspira "Yulii Tsezar") // Vestnik ChelGU. 2009. № 30.
 19. Bogrova Yu.T. «Neproзрачность» teksta i «fonovyi shum» perevodchika (na materiale proizvedeniya D. Brauna «Angely i demony») // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2011. № 3.
 20. Kellman S.G. Alien autographs: how translators make their marks // Neohelicon. 2010. No. 37.
 21. Toledano Buendía C. Listening to the voice of the translator: A description of translator's notes as paratextual elements // Translation & Interpreting. 2013. Vol. 5, No. 2.
 22. Podlevskikh Carlström M. The (in)visibility of translation and translators in the Swedish publication of post-Soviet Russian literature: An analysis of peritext // Stridon. Journal of Studies in Translation and Interpreting. 2022. Vol. 2, No. 2.
 23. Dobrovol'skaja J. Il russo: l'abc della traduzione. 2a ed. Venezia: Cafoscarina, 2002.

Diachronic Overview of European Classic Fairy-Tale Evolution

Bobodzhanova Lola 

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Higher School of Linguistics and Pedagogy, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

195251, Russia, Saint Petersburg, Politechnicheskaya str., 29

✉ tulipan@mail.ru

Sosnina Mariya Nikolaevna

Senior Lecturer, Department of Higher School of Linguistics and Psychology, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU)

194214, Russia, Saint Petersburg region, Saint Petersburg, Lunacharsky str., 38, sq. 222

✉ mmasha2004@inbox.ru



Abstract. The paper elaborates on the European fairy tale literature as an outstanding literary phenomenon. This genre has evolved for a long time, and it is considered within the national cultural code. A fairy tale is an inexhaustible source that allows us to realize the national and cultural identity within various linguistic cultures; to deliver the ethnic, historical, and national flavor. The paper provides a diachronic consideration of the evolution of the European fairy-tale literature, exemplified by Italian, French, German, English, and Spanish magical stories. A

special emphasis is made on Italian folk tales and fables as a prototypical genre of the European fairy-tale literature. The research describes the development stages of the European fairy-tale literature, the history of its generating, and resulted in identifying specific features of this genre in European literature, in discovering national differences in the European fairy tale, in defining development patterns for European magical story plots. The authors have specified the role of a fairy tale as a unique sociocultural phenomenon, its contribution to the development of European society. As a result of the research there have been analyzed similarities and differences between European literary fairy tales. It has been proven that European magical stories have a lot in common, which make them accessible and understandable to people of other linguistic cultures. The obtained results confirm the fact that a fairy tale mirrors the language picture of the world and cultural identity of the nation.

Keywords: national and language picture of the world, cultural adaptation, literary fairy tale, Spanish fairy tale, English fairy tale, German fairy tale, French fairy tale, Italian fairy tale, European fairy-tale literature, cultural code

References (transliterated)

1. Poltoratskaya N.I. Skazki frantsuzskikh pisatelei. L.: Lenizdat. 1988.
2. Karpukhina V.N. Diskurs detskoj khudozhestvennoj literatury v protsessakh institualizatsii obshchestva // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2015. №2. S. 248–255.
3. Volkova T.A., Zubenina M.A. Osobennosti realizatsii sotsiokul'turnoi i pragmaticheskoi adaptatsii pri perevode obshchestvenno-politicheskikh tekstov // Sotsio-i psikhologicheskieskie issledovaniya. 2015. №3. S. 54–66.
4. Dyadyuchenko V.P. Ponyatie skazki i problema ee adaptatsii k drugoi kul'ture // Filologicheskie nauki: traditsii i innovatsii. Sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 50-letiyu pamyati V.V. Vinogradova. 2019. S. 115–120.
5. Kostikova O.I. Istinnostnye i tsennostnye aspekty perevoda skazki // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. 2015. №2. S. 100–113.
6. Walter C. Kaiser, Jr., Paul D. Wegner. A History of Israel: From the Bronze Age through the Jewish Wars. – B&H Publishing Group, 2017.
7. Ashliman D.L. Folk and Fairy Tales: A Handbook. – Westport, CT: Greenwood Press, 2004.
8. Ivanova E.I. Ot skazki k tvorchestvu. Predvestniki. // Mezhdunarodnyi al'manakh gumanitarnoe prostranstvo. 2014. T.3. S. 81–91.
9. The Great Fairy Tale Tradition: From Straparola and Basile to the Brothers Grimm (review) Anne E. Duggan *Marvels & Tales*, Volume 16, Number 2, 2002, pp. 295-298 (Article) Published by Wayne State University Press.
10. Haase D. The Greenwood Encyclopedia of Folktales and Fairy Tales. Volumes 1-3. / Ed. by Donald Haase. – Westport, Connecticut: Greenwood Press, 2008.
11. Bottigheimer R.B. Fairy Tales Framed: Early Forewords, Afterwords, and Critical Words. – State University of New York Press, 2012.
12. Bottigheimer R.B. Magic Tales and Fairy Tale Magic: From Ancient Egypt to the Italian Renaissance. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014.
13. Bottigheimer R.B. Fairy Godfather: Straparola, Venice, and the Fairy Tale Tradition. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2002.
14. Zipes J. Fairy Tales and the Art of Subversion: The Classical Genre for Children and the Process of Civilization. – New York: Routledge, 1991.

15. «Evropeiskaya novella Vozrozhdeniya» Sostaviteli: N. Balashov, A. Mikhailov, R. Khlodovskii M.: Khudozhestvennaya literatura, Seriya: Biblioteka vseмирnoi literatury. Seriya pervaya: Literatura do XVIII veka. 1974.
16. Bakhtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya smekhovaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa. M.: Khudozhestvennaya literatura. 1990.
17. Sedova O. V. Formirovanie literaturnoi skazki v salonakh Frantsii XVII – XVIII vv. // Gumanitarii: aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya. 2011. № 4. S. 66–72.
18. Daniyoroova B.A. Morality in Charles Perrault fairy-tales // International Journal of Innovations in Engineering Research and Technology. 2021. Vol. 8(04) – pp. 1–3.
19. Jean L. Charles Perraut's Paradox: How aristocratic fairy tales became synonymous with folklore conservation // Trames Journal of the Humanities and Social Sciences. 2007. Vol.11(61/56), 3. pp. 276–283.
20. Fomina Z.E. Nemetskie natsional'no-kul'turnye maksimy v nominatsiyakh skazok brat'ev Grimm // Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. 2010. № 2 (14). S. 25–36.
21. Braude L.Yu. Skazochniki Skandinavii / Seriya: iz istorii mirovoi kul'tury. – izd-vo: Nauka, Leningrad. 1974.
22. Chappelle, N. The Translator's Tale: a thesis. School of Applied Languages and Intercultural Studies, Joint Faculty of Humanities, Dublin City University. 2001.
23. Grishina I.I. Skazka v sisteme rechevykh zhanrov // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem. 2011. № 1(05). S. 172–174.
24. Levitskii A.G. Osobennosti tsel'nosti tekstov nemetskikh narodnykh skazok // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2013. S. 178–184.
25. Selezen' O.A. Yazykovoe oformlenie i tematika sovremennoi nemetskoi literaturnoi skazki // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. S. 145–147.
26. Soboleva K.A. Fol'klornoe i mifologicheskoe v angliiskoi literaturnoi traditsii XX veka (Dzh. R. R. Tolkin, U. B. Ieits): Dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.03. Moskva. 2005.
27. Bottigheimer R.B. Fairy tales and folk tales // International companion encyclopedia of children's literature / ed. by Peter Hunt. Vol. 1. New York, 2004. pp. 261–274.
28. Meretukova M.M. Zhanrovaya i khudozhestvennaya spetsifika "Rozhdestvenskikh povestei" ("Christmas Tales") Ch. Dikkensa i angliiskaya fol'klornaya traditsiya // Vestn. Adygeiskogo gos. un-ta. Ser.: Filologiya i iskusstvovedenie. 2010. Vyp. 2 (58). S. 37–41.
29. Tananykhina A.O. Traditsii razvitiya angliiskoi volshebnoi skazki // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. №2. S. 190–192.
30. Bakanova A. V. Osobennosti yazyka ispanskikh narodnykh skazok: dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.05. Moskva. 2006.
31. Plavskin Z.I. Literatura Ispanii. Ot zarozhdeniya do nashikh dnei. Tom 1. IX–XVIII vv. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU. 2005.
32. Okhritskaya, N.M. Istoricheskie korni ispanskoi narodnoi skazki // Innovatsionnye mekhanizmy resheniya problem nauchnogo razvitiya: sbornik statei po itogam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sterlitamak, 04 iyunya 2017 goda. – Sterlitamak: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Agentstvo mezhdunarodnykh issledovaniy". 2017. S. 101–103.
33. Bakanova, A. V. Istoriya ispanskogo fol'klora: kostumbristskii period / A. V. Bakanova // Yazyk i deistvitel'nost'. Nauchnye chteniya na kafedre romanskikh yazykov im. V.G. Gaka: Sbornik statei po itogam VII mezhdunarodnoi konferentsii, Moskva, 21–25 marta

- 2022 goda. Tom 7. – Moskva: OOO «Izdatel'stvo Sputnik». 2022. S. 28–36.
34. Ershova I.V. "Istoriya Ispanii" Al'fonsa X Mudrogo i nachalo formirovaniya ispanskoi prozy (k postanovke problemy) // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2018. S. 122–134.

The concept of "gardening": lexicographic representation of its notional component

Sidorova Elizaveta Nikolaevna

Educator, Department of Foreign and Russian Languages, Russian State Agrarian University - Moscow
Timiryazev Agricultural Academy

127422, Russia, Moscow, ul. Timiryazevskaya, 49

✉ elizavetasidorova5@gmail.com



Popova Larisa Georgievna

Doctor of Philology

Professor of the Department of Germanistics and Linguodidactics, Institute of Foreign Languages, Moscow City
Pedagogical University

105064, Russia, Moscow, lane Small State-owned, 5B

✉ larageorg5@gmail.com



Abstract. In this article, special attention is paid to the analysis of the lexicographic representation of the concept of "gardening", which is the subject of research, while the object of research is to study the verbalization of the concept of "gardening". The concept of "gardening" is considered as one of a number of concepts that make up a more complex concept of "Englishness". The purpose of the article is to determine the core and periphery of the concept of "gardening", as well as a thorough analysis of its lexical representation in various lexicographic sources. In this study, the authors relied on explanatory dictionaries and a dictionary of synonyms of the English language, namely its British version. The novelty of the research lies in the fact that the representations of the linguistic and cultural components of the concept "gardening" were analyzed on the material of explanatory dictionaries and synonyms in order to clarify the lexico-semantic explication of its notional component. Having studied the obtained meanings of synonyms and the nuclear lexeme of the concept "gardening" on the basis of dictionaries, it can be concluded that the notional component of the concept can be represented in the following forms: plant study; preparation and use of soil for growing plants in the garden; landscape design of a garden or park; arrangement of gardens or parks; decorative gardening; planting plants; floriculture.

Keywords: world view, English language, linguistics, conceptualization, gardening, synonyms, lexicography, representation, Englishness, concept

References (transliterated)

1. Vorkachev S.G. Bazovaya semantika i lingvokontseptologiya: na styke paradigm gumanitarnogo znaniya /S. G. Vorkachev// Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 540 s.
2. Dzhioeva A. A. Angliiskii mentalitet skvoz' prizmu yazyka: kontsept "privacy" // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – 2006. – № 1. – S. 41-59.

3. Karavaeva D. N. Angliiskaya identichnost' i ee diskurs: Britaniya – Angliya – Severnaya Angliya // Ekaterinburg: UrO RAN, 2016. - 344 s
4. Karasik V. I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Tekst]. M.: Gnozis, 2004. – 390 s.
5. Kononova I. V. Reprezentatsiya britanskogo moral'no-eticheskogo kontsepta «Reserve/restraint» v leksiko-frazeologicheskoi sisteme sovremennogo angliiskogo yazyka [Elektronnyi resurs] // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-britanskogo-moralno-eticheskogo-kontsepta-reserve-restraint-v-leksiko-frazeologicheskoy-sisteme-sovremennogo>
6. Latynina M. I., Khrenova N. F. Natsional'nye aspekty mentaliteta anglichan / M. I. Latynina, N. F. Khrenova [Elektronnyi resurs] // Innovatsii v nauke. 2018. №11 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-aspekty-mentaliteta-anglichan>
7. Merkulova M. G. "Angliiskost'" v otechestvennom literaturovedenii: teoreticheskoe osmyslenie i izuchenie ponyatiya / M. G. Merkulova, E. G. Satyukova // Gumanitarnye issledovaniya. – 2010. – № 4(36). – S. 221-226.
8. Myuller V.K. Anglo – russkii slovar' . 70 000 slov i vyrazhenii . Izd . 14-e . M .: Sovetskaya entsiklopediya , 1969. S. 912.
9. Sidorova E.N. Eksplikatsiya ponyatiinogo komponenta kontsepta «gardening» v britanskikh detektivakh XIX veka [Elektronnyi resurs] // Litera. – 2023. – № 5. – S. 240 – 248. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40815
10. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya // M.: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. – 352 s.
11. Chupryna O. G. Cud'ba kak kontsept v yazyke i kul'ture / O. G. Chupryna, K. M. Baranova, M. G. Merkulova // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. – 2018. № 3(56). – S. 120-125.
12. Shmelev A.D. Yazyk i kul'tura: est' li tochki soprikosnoveniya? // Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 2014. № 1. S. 36-119.
13. Slyshkin G. G. Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty. – Volgograd : Peremena, 2004. – 340 s.
14. Collins Online Dictionary [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.collinsdictionary.com/>
15. Fox K. Watching the English. – London: Hodder and Stoughton. – 2004. – 157 p.
16. Longman Dictionary of Contemporary English [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.ldoceonline.com/>
17. Macmillan Dictionary [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.macmillandictionary.com/>
18. Oxford Learner's Dictionary [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
19. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/10681/pg10681-images.html>
20. Synonyms and Antonyms of Words [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.thesaurus.com/>

Russian phraseological units with the concept of "Homeland" in phraseological dictionaries



Abstract. The subject of the study is Russian phraseological units with the concept "Motherland" and its associative images in the Russian language. Acting as special significant linguistic units with national-cultural semantics, these phraseological units play a role in history, culture and reflect the soul of the Russian people. Uniting the hearts and thoughts of people of different nationalities of the country into a single whole, the word "Motherland", which has a sacred meaning, represents an internal and spiritual connection between peoples. The article analyzes the lexical meanings, synonyms, and concept of this word in Russian phraseology. The purpose of this work is not only to identify phraseological units with this concept in Russian phraseological dictionaries, but also to understand the national character, the soul of the Russian person through their semantics. In order to achieve this goal, this article uses descriptive, associative methods, methods of classification and grouping, synthesis and generalization, linguocultural and conceptual analysis. When identifying and analyzing Russian phraseological units with the concept "Motherland", it is noted that they have positive and negative aspects. Phraseological dictionaries of the Russian language mainly present linguistic examples demonstrating the positive attitude of the Russian people towards their homeland, for example, a sense of responsibility/loyalty/love for their country, self-sacrifice for their native land, a sense of pride/belonging to the fatherland, etc. Moreover, the word "Motherland" in Russian linguistic culture, associated with the images of "fatherland", "home", "land", "mother", "birch", etc., has an important meaning in the consciousness of the Russian people. The study of phraseological units of the Russian language with this concept in Russian phraseological dictionaries allows speakers of a different linguistic culture to understand the images contained in them, the spiritual values of native speakers of this language.

Keywords: nature, mother, homeland, Russian people, associative images, national consciousness, concept, phraseology of the Russian language, Russian language, phraseological units

References (transliterated)

1. Bairamova L.K. Lingvokul'turologicheskie kody obraznykh komponentov frazeologizmov o rodine // Kazanskaya nauka. 2019. № 8. S. 35-39.
2. Bairamova L.K. Russkie i angliiskie frazeologizmy o rodine // Kazanskaya nauka. 2018. № 7. S. 43-47.
3. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / Sost. i gl. red. S.A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2000. 1536 s.
4. Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka / Pod red. V.N. Teliya. M.: AST-Press, 2006. 784 c.
5. Dovletkireeva L.M., Gekhaeva S.I., Dzhantamirova A.A., Ismailova A.M. Aktualizatsiya obshchechelovecheskikh kontseptov "rodina", "znanie" i "sem'ya" v russkom, chechenskom i angliiskom yazykakh // Yazyk i literatura v obrazovatel'nom i kul'turnom prostranstve yuga Rossii i Kavkaza. Tom 2. Grozni: Chechenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2019. S. 250-255.

6. Kolabinova T.I. Reprezentatsiya kontsepta Rodina v romane M.A. Sholokhova "Tikhii Don" i v russkoi kontseptosfere // Vestnik TGGPU. Filologicheskie nauki: literaturovedenie. Literatura i ideologiya. 2011. № 2(24). S. 180-183.
7. Novikova Yu.N., Atanova G.Yu. Leksiko-semanticheskaya interpretatsiya russkikh frazeologizmov s komponentami-antroponimami // Vestnik Donbasskoi natsional'noi akademii stroitel'stva i arkhitektury. 2017. № 1(123). S. 69-73.
8. Poslovitsy russkogo naroda: Sbornik V. Dalya. V 2-kh t. T. I. / Vstup. slovo M. Sholokhova; Khudozh. G. Klodt. M.: Khudozh. lit., 1989. 431 s.
9. Priorova E.M., Savchenko E.P., Fil'chakova E.M. Kontsept "rodina" v angliiskoi i russkoi lingvokul'turakh. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2018. № 4(82). Ch. 1. C. 159-163.
10. Slovar' sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo yazyka. 50000 slov. / Pod redaktsiei A.S. Gavrilovoi. M.: Adelant, 2014. 800 s.
11. Fedorov A.I. Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka. M: Astrel': AST, 2008. 828 s.
12. Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka: Svyshe 4000 slovarnykh statei / L.A. Voinova, V.P. Zhukov, A.I. Molotkov, A.I. Fedorov; Pod red. A.I. Molotkova. 4-e izd., stereotip. M.: Rus. yaz., 1987. 543 s.
13. Shaklein V.M., Karelova M.A., Mikova S.S. Yavleniya prirody v russkikh khudozhestvennykh tekstakh 1941 – 1945 godov: monografiya. M.: FLINTA, 2019. 176 s.

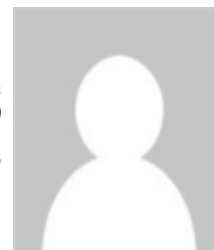
The image of a "new woman" in the novel "Virgin Soil" by I. S. Turgenev and in the short story "Mourning the Dead" by Lu Xun

Wu Xiaoting

Postgraduate student, Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ 1042208147@pfur.ru



Abstract. The object of this article is the image of "new woman" in Russian and Chinese literature. The subject of the study is the correlation between the characters of two heroines, Zijun and Marianna, who are the bearers of a new female identity, in the story "Mourning the Dead" by Lu Xun and the novel "Virgin Soil" by I. S. Turgenev. The aim of the study is to identify the main factors that determined different outcomes of the storyline of these characters, despite the similarity of their fates. In order to achieve the set goal, it is necessary to solve the following tasks: 1) to reveal the personality of the two characters by analyzing their life path, as well as the beginning and end of their respective love; 2) to analyze the author's intention based on the socio-historical context of the period of creation of these two works. The following methods were used during the study: comparative method, method of holistic analysis of a literary work, as well as cultural-historical method. The scientific novelty of the work lies in the fact that the article is the first attempt to compare Lu Xun's short story "Mourning the Dead" with I. S. Turgenev's novel "Virgin Soil", with special attention paid to the opposite denouement of the stories of Zijun and Marianna. Based on the analysis, it is concluded that the outcome of the fates of these heroines is directly related to their perceptions of their own lives and love, which are conditioned, in turn, by the different

intentions of the authors regarding the logic of the development of their characters. The scientific significance of the study lies in the fact that the data obtained not only reveal the ideas about the image of the "new woman" in general, but also contribute to a deep comparative understanding of the analyzed books, which can contribute to the field of comparative literary studies between Russia and China.

Keywords: love, Zijun, Marianna, Lu Xun, Turgenev, Mourning the Dead, Virgin Soil, author's idea, image of new woman, tragedy

References (transliterated)

1. 王希宇. 论屠格涅夫与鲁迅作品中的悲观主义哲学[J]. 名作欣赏, 2016, (21):10-12+15. (Van Siyui. O filosofii pessimizma v proizvedeniyakh Turgeneva i Lu Sinya // Shedevry literatury. 2016. № 21. S. 10-12+15).
2. 方英. 1920年代小说中的闺阁女性形象研究[D]. 湖南大学, 2021. (Fan In. Issledovanie obraza zhenshchin v «teremu» v romanakh 1920-kh gg.: magist. diss. Khunan', 2021).
3. Smirnov K. V. Nigilisticheskoe litsedeistvo Anny Sergeevny Odintsovoi (o romane I. S. Turgeneva «Ottsy i deti») // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 1(144). S. 240-243.
4. Lu Sin'. Povesti i rasskazy. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1971.
5. 亨利克·易卜生. 玩偶之家 易卜生戏剧选. 南京: 译林出版社, 2022. (Genrik Ibsen. Izbrannye p'esy Genrika Ibsena: Kukol'nyi dom. Nankin: Ilin, 2022).
6. 黄敏. 比较鲁迅《伤逝》与亦舒《我的前半生》女性观之异同[J]. 哈尔滨学院学报, 2006, (03): 88-91. (Khuan Min'. Sravnenie skhodstv i razlichii mezhdu proizvedeniyami Lu Sinya «Skorb' po ushedshei» i «Pervaya polovina moei zhizni» Ishu vo vzglyade na zhenshchin // Vestnik Kharbinskogo instituta. 2006. № 3. S. 88-91).
7. Kletsina I. S. Normy zhenskogo povedeniya: traditsionnaya i sovremennaya modeli // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2019. № 3. S. 72-90.
8. Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30-ti t. M.: Nauka, 1982. T. 9.
9. Naumova K. M. K voprosu ob izmenenii kitaiskoi yazykovoi kartiny mira na primere funktsionirovaniya leksem 家 tszya/ 家庭 tszyatin 'sem'ya, dom' // Litera. 2022. № 5. S. 198-212.
10. Bel'skaya A. A. "Nov'" I. S. Turgeneva: odoropoeitika zhenskikh obrazov romana // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 4 (77). S. 44-53.
11. Khalizeev V. E. Teoriya literatury. M.: Vysshaya shkola, 2002.
12. 童庆炳. 文学理论新编. 北京: 北京师范大学出版社. 2010. (Tun Tsinbin. Novoe izdanie literaturnoi teorii. Pekin: Pekinskii pedagogicheskii universitet, 2010).
13. 鲁迅. 鲁迅全集: 全18册. 北京: 人民文学出版社, 2005. 第1卷. Lu Sin'. Poln. sobr. soch. Lu Sinya: v 18-ti t. Pekin: Izdatel'stvo narodnoi literatury, 2005. T. 1.
14. Petrov S. M., Fridlyand V. G. I. S. Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov: v 2-kh t. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1983. T. 1.
15. Zhukova O. A. Novye lyudi v rossiiskoi istorii (Nov' Ivana Turgeneva) // Quaestio Rossica. 2020. T. 8, № 1. S. 71-84.
16. 谷兴亚. 重读《处女地》[J]. 名作欣赏, 2020(7):88-92. (Gu Sinya. Perechityvaya «Nov'» // Shedevry literatury. 2020. № 7. S. 88-92).

The Sisinnios' Legend in Codex Sturdzanus: the Text and the

Language

Alekseeva Alina

Junior researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

119019, Russia, Moscow region, Moscow, Volkhonka str., 18/2

✉ alevtina.sergeevna@gmail.com



Abstract. The article presents the results of a study of two South Slavic redactions of the St. Sisinnios' legend (the Prayer of the Archangel Michael and the Prayer of St. Sisinnios) in the manuscript known as the Codex Sturdzanus (Library of the Romanian Academy, Ms. rom. 447). The Prayer of the Archangel Michael and the Prayer of St. Sisinnios are considered in the context of the South Slavic and Greek tradition of Sisinnios' legend. The using of linguistic and textual methods of the investigation made it possible to describe the redactions as stylistic. The complex of orthographic, phonetic and morphological features of the Prayer of the Archangel Michael and the Prayer of St. Sisinnios in the Codex Sturdzanus (reflexes *ę, *ě, *dj, transition *y > [i], spelling of syllabic consonants, declension of nouns and adjectives) allows to describe the language of the texts as the Middle Bulgarian redaction of the Church Slavonic language, used as a written language in the principalities of Wallachia, Moldavia and Transylvania.

Keywords: apocryphal prayer, South Slavic folklore, linguistic textology, manuscripts, Saint Sisinnios, Prayer of the Archangel Michael, St. Sisinnios' legend, miscellany of priest Dragol, Codex Sturdzanus, cryptogram

References (transliterated)

1. Agapkina T. A. Sisinieva molitva u yuzhnykh slavyan // Sisinieva legenda v fol'klornykh i rukopisnykh traditsiyakh Blizhnego Vostoka, Balkan i Vostochnoi Evropy. Pod red. A. L. Toporkov. M.: Indrik, 2017. S. 429–443.
2. Biblioteka Rumynskoi akademii, Ms. rom. 447. XVI–XVII vv. 124 l.
3. Vinogradova L. N., Tolstaya S. M. Veshtitsa // Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheski slovar'. T. 1. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995. S. 367–368.
4. Dzhamo L., Stoikovich O., Osman M., Lintsa E., Mitu M. Kharakterni cherti na knizhovnoslavyanski ezik rum'nska redaktsiya (XIV–XVI v.) // Romanoslavica. 1963. №9. S. 109–161.
5. Mazilu M., Timotin E. Legenda o svyatom Sisinii v rumynskoi traditsii // Sisinieva legenda v fol'klornykh i rukopisnykh traditsiyakh Blizhnego Vostoka, Balkan i Vostochnoi Evropy. Pod red. A. L. Toporkov. M.: Indrik, 2017. S. 507–552.
6. Natsional'naya biblioteka Serbii, №454. Perv. chetv. XVIII v. 83 l.
7. Natsional'naya biblioteka Serbii, № 651. Vtor. pol. XIII v. 272 l.
8. Petrukhin V. Ya. Kon' // Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheski slovar'. T. 3. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. S. 590–594.
9. Speranskii M. N. Tainopis' v yugo-slavyanskikh i russkikh pamyatnikakh pis'ma. M.–L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1929. 165 s.
10. Chekha O. V. Sisinieva molitva v vizantiiskoi traditsii // Sisinieva legenda v fol'klornykh i rukopisnykh traditsiyakh Blizhnego Vostoka, Balkan i Vostochnoi Evropy. Pod red. A. L. Toporkov. M.: Indrik, 2017. S. 242–304.

11. Chivu G. Codex Sturdzanus, studiu filologic, studiu lingvistic, ediție de text și indice de cuvinte. București: Editura Academiei Române, 1993, 522 p.
12. Greenfield R. Saint Sisinnios, the Archangel Michael and the Female Demon Gylou: The Typology of the Greek Literary Stories, in: *Byzantina*, 1989, Vol. 15, pp. 83–141.
13. Mazilu M., Timotin E. The Romanian Tradition of The Sisinnios Legend (the 16th–19th centuries): Typology and Manuscript Variation, in: *Revista de etnografie și folclor*. № 1–2, 2018, pp. 190–218.
14. Mareș A. Datarea unor texte din Codicele Sturdzan, in: *Limba română*, 1985, No 34., pp. 46–52.
15. Mareș A. Crestomația limbii române vechi. Vol. I. 1521–1639. București: Editura Academiei Române, 1994, 246 p.
16. Petriceicu-Hășdeu B. Cărțile poporane ale Românilor în secolul XVI în legătură cu literatură poporana cea nescrisă. București: Noua Tipografie Națională C. N. Rădulescu, 1879, 766 p.

Urban phenomena as "sites of memory" in "Open City" by Teju Cole

Kulikov Evgenii Andreevich 

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Foreign Literature, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod region, 603022, Russia

✉ kulikov@ff.unn.ru

Abstract. The purpose of the work is to analyze the autofictional novel by the modern American writer Teju Cole "Open City" using memory studies' optics. Relevance is ensured by an appeal to one of the most important genres of modern literature, autofiction, which combines and fundamentally non-distinguishes documentary and fictional discourses, and the use of the methodological apparatus of the cross-disciplinary sphere of memory studies. The subject of the study is the urban chronotope of New York after the 9/11 terrorist attack and its specific memorial loci. The artistic text in this case acts as a medial representation of reality, and the urban space in it is perceived and can be analyzed as a text. One of the founders of memory studies is French scientist Pierre Nora, whose term "sites of memory" becomes the basis in this work. The narrator of the novel "Open City," Julius, in the process of flaring through New York, perceives the city as a semiotic space, reading the markers of the urban chronotope as memorable and/or historical signs. "Sites of memory," located at the junction of living memory and frozen history, become the most important loci that fix the individual and collective commentary of social history, while being pushed out of the sphere of relevance into the sphere of the forgotten, whilst the narrator of the novel occupies an intermediate position due to the ability to reactualize historical events and memorial narratives, albeit only at the personal level. Such a comparison of "I" and "others" allows to address the issue of national identity and reveal the specifics of the American nation as focused on the future, and not on the past, and erasing the "Sites of memory" from contemporaneity.

Keywords: Teju Cole, urbanism, urban text, memory studies, memory, sites of memory, Pierre Nora, autofiction, Open City, chronotope

References (transliterated)

1. Safronova Yu.A. Istoricheskaya pamyat': vvedenie: uchebnoe posobie. SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. 224 s.
2. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 368 s.
3. Le Goff Zh. Istoriya i pamyat'. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2013. 303 s.
4. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma. M.: Kuchkovo Pole, 2016. 416 s.
5. Shenk F.B. Kontseptsiya "lieux de memoire" // Commentarii de Historia. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.hist.vsu.ru/cdh/Articles/02-11.htm> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
6. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 328 s.
7. Tyupa V.I. Avtor i narrator v istorii russkoi literatury // Kritika i semiotika. 2020. № 1. S. 22–39.
8. Nora P. Frantsiya–pamyat'. SPb.: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 1999. 328 s.
9. Sheipak S.A. Rekonstruktsiya «mest pamyati» v khudozhestvennom diskurse // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika, 2017. T. 8. № 4. S. 1219–1227. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1219-1227.
10. Teju Cole // John Simon Guggenheim Memorial Foundation. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.gf.org/fellows/teju-cole/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
11. Teju Cole's mesmerizing 'Open City' up for the NBCC fiction award // Cleveland.com. 04 March, 2012. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.cleveland.com/books/2012/03/teju-coles-mesmerizing-open-ci.html> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
12. Ermolin E.A. Avtofikshn kak mediinaya stratagema // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. 2022. № 2 (29). S. 71–79. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-71-79>.
13. Dyupyui Zh.-P. Malaya metafizika tsunami. SPb.: Izdatel'stvo Ivana Limbakh, 2019. 168 s.
14. Koul T. Otkrytyi gorod. M.: Ad Marginem Press, 2022. 256 s.
15. Zerubavel' Ya. Dinamika kollektivnoi pamyati // Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoi pamyati: sbornik statei. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011. S. 10–29.
16. Fedorova M.M. Istoriya/pamyat': «trudnaya» dilemma // Istoriya filosofii. 2018. T. 23. № 1. S. 108–121.
17. Assman A. Transformatsii novogo rezhima vremeni // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. № 116. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: https://web.archive.org/web/20180116004241/http://www.nlobooks.ru/node/2522#_ftnr ef41 (data obrashcheniya: 08.11.2023).
18. Kulikov E.A. Kross-kul'turnoe vzaimodeistvie i reprezentatsiya soobshchestv v romane Tedzhu Koula «Otkrytyi gorod» // // Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). S. 124–130. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-124-130.

19. Baryshnikov V.N., Zaostrovtshev B.P., Filyushkin A.I. Imperiya, pamyat' i «mesta pamyati» // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2011. Ser. 2. Vyp. 3. S. 84-89.
20. Sabancheev R.Yu. Kontseptsia «mest pamyati» P'era Nora kak sposob istoricheskoi rekonstruktsii // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2018. № 1. S. 33-38. DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/33-38

Lexico-stylistic features of the expression of indignation in a fiction and its film version: comparative analysis

Jazokova Julia

Assistant, Department of Foreign Languages, Saint Petersburg State University of Veterinary Medicine

196084, Russia, Saint Petersburg, st. Chernigovskaya, 5

✉ avokyzja@hotmail.com



Abstract. The subject of the study is the lexical means of expressing indignation. The object of the study is statements with the intention of indignation. The theoretical basis of the study is the idea of perturbation as an integral part of conflict communication. The study reveals the most general patterns of changes in statements with the intention of indignation during the screening of fiction. The analysis is carried out in the comparative aspect of the statements of the characters of the literary work with the statements of the characters of the film adaptation of the literary work. The author examines in detail such aspects of the topic as lexical changes in the text of a work of fiction during its film adaptation. Special attention is paid to the reasons for changing the literary text in its screen version. The novelty of the research lies in the fact that for the first time a comparative analysis of statements with the intention of indignation is carried out, the analysis is carried out in comparison of the text of fiction with its film adaptation. The following transformations were identified: verbatim preservation of lexical composition, omission of lexical units, addition of lexical units and their replacement. The main conclusions of the study are the reasons for the identified transformations, which are due to the desire of the creators of the film adaptation to have a greater emotional impact on the audience - for this reason, the characters of the film adaptation are more emotional in expressing their feelings and experiences, their statements are more categorical, and there is more speech aggression in the film adaptation. Transformations occur due to changes in the details of the content of situations. Finally, the film adaptation has more features peculiar to oral colloquial speech: there is more colloquial vocabulary in the film adaptation, and the characters speak more briefly, since this is due to the general tendency of oral colloquial speech to save speech resources.

Keywords: comparative analysis, tactical step, tactics, strategy, film adaptation, fiction, conflict, lexical transformations, indignation, oral speech

References (transliterated)

1. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / Sost. i gl. red. S.A. Kuznetsov. SPb.: NORINT, 2000.
2. Dmitruk T.I. Tekst i ekranizatsiya: varianty ikh sootnosheniya (na materiale romana T. Melori «Smert' Artura» i ego kinoadaptatsii) // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. Chelyabinsk. 2019. № 1. S. 96-101.
3. Ivanov A. Geograf globus propil. M.: Vagrius, 2003.

4. Ignatov K.Yu. Ot teksta romana k kinotekstu: yazykovye transformatsii i avtorskii stil'. Kand. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2007.
5. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi. 5-e izd. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008. 288 s.
6. Kinofil'm «Geograf globus propil», rezhisser Veledinskii A., 2013.
7. Kinofil'm «Pokhoronite menya za plintusom», rezhisser Snezhkin S., 2009.
8. Kinofil'm «Rasskazy», rezhisser Segal M., 2012.
9. Kinofil'm «Generation P», rezhisser Ginzburg V., 2011.
10. Kniga o grammatike. Russkii yazyk kak inostrannyi / Pod red. A.V. Velichko. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2009. 648 s.
11. Lushnikova G.I., Yakishchenko E.A. Leksicheskie sredstva vyrazheniya emotsii vozmushcheniya (na materiale angloyazychnykh khudozhestvennykh tekstov) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 2-2. S. 106-109.
12. Nikolaeva T.M. Sochinitel'nye soyuza A, NO, I: istoriya, skhodstva i razlichiya // Slavyanskii sochinitel'nye soyuzy. M.: 1997. Str. 3-24.
13. Pelevin V. Generation 'P'. M.: Vagrius, 1999.
14. Sanaev P.V. Pokhoronite menya za plintusom. M.: ZAO MK-Periodika, 2003. 184 s.
15. Saraskina L.I. Literaturnaya klassika v soblazne ekranizatsii. M.: Progress-Traditsiya, 2018. 584 s.
16. Segal M. Rasskazy. M.: AST, 2013. 317 s.
17. Solov'eva E.V. Rechevoi akt vozmushcheniya kak sredstvo samoprezentatsii v politicheskom diskurse (na primere tekstov debatov v Bundestage) // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena, 2012. S. 65-70.
18. Filippova I.N. Intersemioticheskii perevod: ekranizatsiya kak transformatsiya avtorskogo teksta v polikul'turnom aspekte // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Kursk. 2019. № 1. S. 204-211.
19. Chapaeva E.O. Kommunikativnaya situatsiya vozmushcheniya. Kand. dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 2010.
20. Shkapenko T.M. Osnovy interaktsional'no-pragmaticheskoi teorii mezhdometiya: monografiya. Kaliningrad: Izd-vo Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta, 2017.
21. Shcherbakova I.V., Evsyukova T.V. Verbal'nye i neverbal'nye sredstva ob"ektivizatsii emotsii vozmushcheniya v khudozhestvennom diskurse (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2017. № 3. S. 97-102.
22. Shcherbinina Yu.V. Russkii yazyk: rechevaya agressiya i puti ee preodoleniya. M.: Flinta, 2004.

The potential of verbs of thinking in the implementation of the modal meaning of desirability, possibility in media discourse

Bavula Yuliya Ivanovna 

Lecturer of the Russian Language Department of the branch of the Military Educational and Scientific Center of the Navy "Naval Academy" in Kaliningrad

236022, Russia, Kaliningrad region, Kaliningrad, Sovetsky Prospekt str., 82

Abstract. The author, based on media texts, examines the verbs of thinking, think, decide and their derivatives. The subject of the study is the meaning of situational modality - the meaning of desirability, possibilities realized by verbs of thinking. The purpose of the work is to reveal the specifics of the modal functioning of the verbs thinking, think, decide and their derivatives. Achieving this goal is facilitated by solving the following tasks: 1) identify modal meanings realized by the verbs think and decide and their derivatives; 2) determine the conditions for the modal functioning of the above verbs. The goals and objectives of this work determined the choice of a comprehensive research methodology, including the following methods: functional-semantic, contextual, descriptive. As a result of the study, it was found that the verbs of thinking and decide and their derivatives are capable of realizing the modal meaning of desirability (variant meaning of intention), possibility, and in some cases the complex meaning of "desirability + possibility". The scientific novelty of the article is determined by the material and subject of the study. The analysis of media texts made it possible to: 1) establish the lexical and grammatical basis of the modal functioning of verbs of thinking, the semantics of which implicitly contains a modal component; 2) determine the syntactic conditions for the implementation of the meanings of situational modality, which consist in the presence of a dependent (subjective) infinitive with the verb; 3) to conclude that the most frequent modal modifier in media discourse is the verb to decide and its derivatives. Observations and conclusions obtained as a result of the study stimulate further study of the specifics and conditions of the modal functioning of verbs of thinking in different spheres of social life.

Keywords: media discourse, modal verbs, dependent infinitive, modal explicator, improper modal verbs, verbs of thinking, opportunity value, desirability value, situational modality, modality category

References (transliterated)

1. Klushina, N.I. Natsional'nyi stil' i mediinyi variant yazyka // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta / N.I. Klushina. – Vyp. 4 (193). 2018. – S. 26-31.
2. Vinogradov, V.V. O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke / V.V. Vinogradov ; Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike. M.: Nauka, 1975. – S. 53-87.
3. Volodina, M.N. Yazyk massovoi kommunikatsii kak osnovnoe sredstvo informatsionnogo vozdeistviya na obshchestvennoe soznanie // Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya / M.N. Volodina. – M.: Izd-vo MGU, 2003. – 458 s.
4. Kondakov, I.V. Kul'turologiya: Istoriya kul'tury Rossii / I.V. Kondakov. – M.: Omega-L; Vysshaya shkola, 2003. – 616 s.
5. Solganik, G.Ya. O zakonornostyakh razvitiya yazyka gazety v XX veke // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika. 2002. № 2. – S. 39-53.
6. Vulina, S.S. Kommunikativnyi potentsial modal'nosti v diakhronii i sinkhronii russkogo yazyka / S.S. Vulina. – Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2018. – 206 s.
7. Kuksa, I.Yu. Matrichnyi podkhod kak sposob vyrazheniya dinamiki nauchnykh predstavlenii o yazykovoi modal'nosti / I.Yu. Kuksa // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie. – T. 21, № 1, 2022. – S. 140-150.
8. Vulina, S.S. Modal'nost'. Kommunikatsiya. Tekst: sb. nauch. tr. / pod red. prof. S.S.

- Vaulinai. – Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2021. – 329 s.
9. Balli, Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka / Sh. Balli. – M.: Izd-vo inostr. lit., 1955. – 416 s.
 10. Bergel'son, M.B. Pragmaticheskaya i sotsiokul'turnaya motivirovannost' yazykovoi formy : dis. ... d-ra filol. nauk / Bergel'son Mira Borisovna. – M., 2005. – 404 s.
 11. Zolotova, G.A. Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka / G.A. Zolotova. – M.: Nauka, 1973. – 352 s.
 12. Vaulina, S.S. Novye podkhody k izucheniyu russkogo glagola // Russkaya slovesnost' v kontekste sovremennykh integratsionnykh protsessov: materialy 2-oi Mezhdunar. nauch. konf. / S.S. Vaulina. – Volgograd: Izd-vo VolGU, 2007. – S. 674-679.
 13. Bavula, Yu.I. Modal'nyi potentsial glagola myshleniya reshit' – reshat' i ego vozvratnykh form v sovremennom russkom yazyke // Aktual'nye problemy prepodavaniya estestvennonauchnykh i gumanitarnykh distsiplin. Chast' 1. Gumanitarnye distsipliny: sb. nauch. statei / pod redaktsiei V.N. Seledtsovoi, N.V. Bubnovoi / Yu.I. Bavula. – Smolensk: VA VPVO, 2023. – S. 30-35.
 14. Slovar' russkogo yazyka (MAS) v 4 t. / Pod. red. A.P. Evgen'evoi. M.: Russkii yazyk, 1981–1984.
 15. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. 2003 – 2022. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: [http: // www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru) (data obrashcheniya 04.08.2023).
 16. Vasil'ev, L.M. Semantika russkogo glagola / L.M. Vasil'ev. – M.: Nauka, 1981. – 184 s.